

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакцію и съ біографическимъ очеркомъ
Петра Вейнберга.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ Гейне.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1904.

Артистич. заведеніє А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

КНИГА ПЪСЕНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ третьему изданію.

Снова я въ сказочномъ старомъ лѣсу:
Липы осыпаны цвѣтомъ;
Мѣсяць, чаруя мнѣ душу, глядитъ
Съ неба таинственнымъ свѣтомъ.
Лѣсомъ иду я. Изъ чащи вѣтвей
Слышатся чудные звуки.
Это поетъ соловей про любовь
И про любовныя мѹки.
Мѹки любовной та пѣсня полна:
Слышны и смѣхъ въ ней, и слезы,
Темная радость и свѣтлая грусть...
Встали забытыя грѣзы.
Дальше иду я. Поляна въ лѣсу;
Замокъ стоитъ на полянѣ.
Старья, круглыя башни его
Спятъ въ серебристомъ туманѣ.
Заперты окна; унынье, и мракъ,
И гробовое молчанье...
Словно безмолвная смерть обошла
Это заглохшее зданье.
Сфинксъ, и роскошень, и страшенъ, лежалъ
Въ мѣстѣ, гдѣ вымерли люди:
Львиныя лапы, спина; а лицо
Женское, женскія груди.
Дивная женщина! Въ бѣлыхъ очахъ
Дико свѣтилось желанье;
Страстной улыбкой нѣмыя уста
Страстное звали лобзанье.
Сладостно пѣлъ и рыдалъ соловей...
И, вождедѣньемъ волнуемъ,
Весь задрожалъ я—и къ бѣлымъ устамъ
Жаркимъ прильнулъ поцѣлуемъ.

Камень холодный вдругъ началъ дышать..
Груди со стономъ вздымались;
Жадно огнемъ поцѣлуевъ моихъ
Губы, дрожа, упивалсь.
Душу мнѣ выпить хотѣла она.
Въ нѣгѣ и млѣя, и тая..
Вотъ замерла и меня обняла,
Когти мнѣ въ тѣло вонзая.
Сладкая мѹка! Блаженная боль!
Нѣга и скорбь безъ предѣла!
Райскимъ блаженствомъ поить поцѣлуй,
Когти терзають мнѣ тѣло.
«Эту загадку, о, Сфинксъ! о, Любовь!—
Пѣлъ соловей—разрѣши ты..
Какъ въ тебѣ счастье и смертная скорбь,
Горе и радости слить?
Сфинксъ! Надъ разгадкою тайны твоей
Мучусь я многія лѣта.
Или загадкою будетъ она
И до скончанія свѣта?»

...Все это я могъ бы очень хорошо сказать хорошей прозой... Но когда снова перечитываешь старыя стихотворенія, чтобы при новомъ изданіи сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя улучшенія, то тобою невольно овладѣваетъ старая привычка къ риѳмѣ и размѣру — и вотъ я открываю третье изданіе «Книги Пѣсенъ» стихами. О, Фебъ Аполлонъ, если эти стихи плохи, ты охотно простишь мнѣ... Ибо ты всевѣдущій богъ, и тебѣ очень хорошо извѣстно, почему я уже столько лѣтъ лишенъ возможности заниматься преимущественно метрикою и однозвучіемъ словъ... Тебѣ извѣстно, почему то пламя, которое нѣкогда плѣняло міръ въ видѣ блестящихъ фейерверковъ, внезапно пошло на гораздо болѣе серьезные пожары... Тебѣ извѣстно, почему въ настоящее время оно пожираетъ мое сердце молчаливымъ огнемъ... Ты понимаешь меня, великій, прекрасный богъ, ты, который тоже по временамъ смѣнялъ золотую лиру на мощный лукъ и смертоносныя стрѣлы... Помнишь Марсіаса, съ котораго ты заживо содралъ кожу? Это было ужъ давно, и подобный примѣръ теперь снова пошадобился... Ты улыбаешься, о, мой вѣчный отецъ!

Писано въ Парижѣ, 20 февраля 1839 г.

ЮНОШЕСКІЯ СТРАДАНІЯ.

(1817— 1821).

- -

I.

СНОВИДѢНІЯ.

1.

Мнѣ снились страстные восторги и страданья,
И миртъ, и резеда въ кудряхъ прекрасной дѣвы,
И рѣчи горькія, и сладкія лобзанья,
И пѣсенъ сумрачныхъ унылые напѣвы.

Давно поблекнули и разлетѣлись грѣзы;
Исчезло даже ты, любимое видѣнье!
Осталась пѣсня лишь, которой на храненье
Ввѣрялъ я нѣкогда и радости, и слезы.

Осиротѣлая, умчись и ты скорѣе!
Лети, о, пѣснь моя, вослѣдь моихъ видѣній!
Найди мой лучший сонъ, по свѣту птицей рѣя,
И мой воздушный вздохъ отдай воздушной тѣни!

2.

Зловѣщій грезился мнѣ сонъ...
И любовь, и страшенъ былъ мнѣ онъ,
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

Въ чудесномъ — снилось мнѣ — саду
Я бодро, весело иду.
Головки нѣжныя клоня,
Цвѣты привѣтствуютъ меня.

Веселыхъ пташекъ голоса
Поютъ любовь; а небеса
Горять, и льютъ румяный свѣтъ
На каждый листъ, на каждый цвѣтъ.

Изъ травъ курится аромать;
Тепломъ и нѣгой дышитъ садъ...
И все сіяетъ, все цвѣтетъ,
Все свѣтлой радостью живетъ.

Въ цвѣтахъ и въ зелени кругомъ,
Въ саду былъ свѣтлый водоемъ.
Склонялась дѣвушка надъ нимъ
И что-то мыла. Неземнымъ

Въ ней было все: и станъ, и взглядъ
И ростъ, и поступь, и нарядъ.
Мнѣ показалася она
И незнакома, и родна.

Она и моетъ, и поетъ—
И пѣсню за сердце беретъ:
«Ты плещи, волна, плещи!
Холстъ мой бѣлый полощи!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здѣсь зачѣмъ, и моешь что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Будь готовъ!
Я мою въ гробъ тебѣ покровъ».
И только молвила—какъ дымъ,
Исчезло все... Я недвижимъ

Стою въ лѣсу. Дремучій лѣсъ
Касался, кажется, небесъ
Верхами темными дубовъ;
Онъ былъ и мраченъ, и суровъ.

Смущался слухъ, томился взоръ...
Но—чу! вдали стучить топоръ.
Бѣгу заросшею тропой—
И вотъ поляна предо мной.

Могучій дубъ на ней стѣитъ—
И та же дѣвушка подъ нимъ;

Въ рукахъ топорь... И дубъ тренцить,
Прощаясь съ корнемъ вѣковымъ.

Она и рубить, и поеть—
И пѣсню за сердце беретъ:
«Ты руби, мой топорокъ!
Наруби ты мнѣ досокъ!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И рубишь дерево на что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Близокъ срокъ!
Тебѣ на гробъ рублю досокъ».
И только молвила—какъ дымъ,
Исчезло все... Тоской томимъ,

Гляжу—чернѣетъ степь кругомъ,
Какъ опаленная огнемъ,
Мертва, бесплодна... Я не зналъ,
Что ждетъ меня; но весь дрожалъ.

Иду... Какъ облачный туманъ,
Мелькнулъ вдали мнѣ чей-то станъ.
Я подбѣжалъ... Опять она!
Стоитъ печальна и блѣдна,

Съ тяжелымъ заступомъ въ рукахъ—
И роетъ имъ. Могильный страхъ
Меня объялъ. О, какъ она
Была прекрасна и страшна!

Она и роетъ, и поетъ—
И скорбной пѣсню сердце рветъ:
«Заступъ, заступъ, глубже рой:
Надо въ сажень глубиной!»

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здѣсь зачѣмъ, и роешь что?»

Она въ отвѣтъ мнѣ: «Для тебя
Могилу рою»... Ныла грудь,
И содрогаясь, и скорбя;
Но мнѣ хотѣлось заглянуть

Въ свою могилу... Я взглянулъ...
Въ ухахъ раздался страшный гуль,
Въ очахъ померкло... Я скатился
Въ могильный мракъ—и пробудился.

3.

Разъ самъ себя во снѣ увидѣлъ я
Въ жилетѣ шелковомъ и черномъ платьѣ,
Въ манжетахъ—будто поздравлять я
Пришелъ; и вижу—милая моя.

И ей поклонъ отвѣсилъ и сказалъ:
«Ну, поздравляю васъ. Такъ вы невѣста?»
Но я стоялъ, не двигаясь съ мѣста;
Холодный свѣтскій звукъ мнѣ горло сжалъ.

Изъ милыхъ глазъ рѣкою жгучей слезы
Вдругъ полились, и чудный ликъ въ волнахъ
Горючихъ слезъ своихъ исчезъ, какъ грѣзы.

Глаза, любви святыя звѣзды, знаю,
Вы наяву мнѣ лгали и во снахъ—
Но вѣрить вамъ, безумный, продолжаю!

4.

Мнѣ человѣчекъ маленькій, нарядный
Приснился; былъ онъ въ тонкое сукно
Одѣтъ, какъ снѣгъ бѣлѣло полотно;
Внутри же было грязно, заурядно.

Внутри онъ былъ ничтоженъ и негоденъ,
Наружностью-жъ почтеніе внушалъ,
Такъ много онъ о храбрости кричалъ,
Былъ такъ на видъ и смѣлъ, и благороденъ.

«Смотри, кто онъ!»—богъ грѣзы мнѣ сказалъ
И я въ одномъ изъ блещущихъ зеркалъ
Увидѣлъ храмъ среди видѣній ряда

Предъ алтаремъ, прекрасна, какъ всегда,
Моя любовь—и онъ. Сказали оба: «Да!»
«Аминь!» Въ отвѣтъ раздался хохотъ ада.

5.

Съ чего бунтуетъ кровь во мнѣ,
Съ чего вся грудь моя въ огнѣ?

Кровь* бродить, пѣнится, кипитъ,
Пылаетъ сердце и горитъ.

Я ночью видѣлъ скверный сонъ—
Всю кровь въ груди разжегъ мнѣ онъ!
Во снѣ, въ глубокой тишинѣ,
Явился ночи сынъ ко мнѣ.

Меня унесъ онъ въ свѣтлый домъ,
Звукъ арфы раздавался въ немъ,
Огнями яркими блисталъ
Гостей нарядныхъ полный залъ:

Тамъ свадьбы пиръ веселый шелъ,
Мы всѣ усѣлися за столъ,
Мой взглядъ невѣсту отыскалъ—
Увы! я милую узналъ.

Да, милую мою! Она
Навѣкъ другому отдана!
Я сталъ за стуломъ молодой,
Убитый горемъ и нѣмой.

Гремѣлъ оркестръ—но шумъ людской
Звучалъ въ ушахъ моихъ тоской;
Невѣсты взоръ небесъ яснѣй,
Женихъ жметъ нѣжно руки ей.

Изъ кубка онъ отпилъ вина,
Даетъ ей кубокъ, пить она—
Увы, то пить моя любовь
Мою отравленную кровь.

Невѣста яблоко взяла
И жениху передала;
Разрѣзалъ онъ его ножомъ—
Увы! ножъ въ сердцѣ былъ моемъ!

Горятъ любовью взоры ихъ,
Невѣстѣ руки жметъ женихъ,
Цѣлуетъ въ щеки онъ ее—
Цѣлуетъ смерть лицо мое.

Лежалъ языкъ мой, какъ свинецъ,
Молчалъ я, блѣдный, какъ мертвецъ.
Шума, встаютъ изъ-за стола;
Всѣхъ буря танцевъ унесла.

Съ невѣстой, во главѣ гостей,
Женихъ счастливый шепчетъ ей...
Она краснѣетъ лишь въ отвѣтъ,
Но гнѣва въ томъ румянцѣ нѣтъ!

6.

Средь тихой ночи, въ сладкомъ снѣ
Явилась милая ко мнѣ;
Въ глухую ночь, въ свой скромный домъ
Ее привлечь я волшебствомъ.

Онъ здѣсь, мой образъ неземной,
Съ улыбкой кроткой предо мной,
Забилось сердце у меня,
И говорю ей страстно я:

«Всю жизнь, всю молодость свою
Тебѣ охотно отдаю,
Но этой ночью до зари
Любви блаженство мнѣ дари».

Она съ загадочной тоской,
Съ любовью, съ нѣжностью такой,
Сказала: «О, отдай ты мнѣ
Блаженство въ горней сторонѣ!»

«Всю жизнь, кровь юную свою
Тебѣ охотно отдаю;
Но, милый ангель, не отдамъ,
Я своего блаженства *тамъ*».

Красы чарующей полна,
Еще нѣжнѣй глядитъ она
И шепчетъ: «О, отдай ты мнѣ
Блаженство въ горней сторонѣ!»

Я воспаленъ; въ душѣ моей
Пылаютъ тысячи огней;
И сердце жгутъ ея слова...
Мнѣ тяжело, я дышу едва.

Въ сіяньи славы золотомъ,
Летаютъ ангелы кругомъ;
Но изъ земли кобольдовъ рой
Явился бѣшеной толпой.

Кобольды, мрачные, какъ ночь,
Ихъ отогнали скоро прочь,

Но и кобольдовъ черный рой
Исчезъ, сокрытый сѣрой мглой.

Я весь отъ страсти замиралъ,
Въ объятяхъ милую сжималъ;
Она, какъ лань прильнувъ ко мнѣ,
Рыдала горько въ тишинѣ.

Причину знаю этихъ слезъ,
Ищу устами губокъ-розъ...
«Потоки слезъ останови,
Отдайся, другъ, моей любви!

«Отдайся вся моей любви...»
Но ледъ я чувствую въ крови,
Полъ подъ ногами задрожалъ,
И разверзается провалъ.

Изъ нѣдръ земли, какъ мракъ черны,
Выходятъ слуги сатаны.
Блѣднѣетъ милая моя...
Изъ рукъ ее теряю я.

Плѣненъ я черною толпой;
Все свачетъ въ пляскѣ круговой,
Со всѣхъ сторонъ меня тѣснить
И рѣзкимъ хохотомъ звучить.

Тѣснѣе, все тѣснѣй ихъ кругъ;
И страшный хоръ поетъ вокругъ:
«Разъ отдалъ душу ты бѣсамъ—
Принадлежишь навѣки намъ!»

7.

Чего же ты медлишь, сынъ крови и тьмы?
Расчеты другъ съ другомъ покончили мы!
Все жду я невѣсту, давно я готовъ;
Пробѣтъ уже скоро двѣнадцать часовъ.

Какъ струйки, съ кладбища летятъ вѣтерки.
«Невѣсты моей не видали-ль, дружки?»
Изъ струекъ является призраковъ рой;
«О, да!»—мнѣ киваютъ въ отвѣтъ головой.

Ты, черный бездѣльникъ съ ливреей въ огнѣ,
Съ какими вѣстями явился ко мнѣ?
«Съ докладомъ я присланъ: мой господа
Сейчасъ на драконахъ придутъ сюда».

А ты, мой покойникъ-магистръ, для чего
Сюда ты изъ гроба пришелъ своего?
Печалень и мраченъ ученаго взгляды;
Качнувь головою, пошелъ онъ назадъ.

Что машеть хвостомъ старый песь и визжитъ?
Что глазъ черной кошки такъ ярко блеститъ?
Что женщины эти растрепы ревуть?
Что вздумала пѣть мнѣ кормилица тутъ?

Кормилица, съ пѣснями дома сиди,
Тамъ ихъ, старину вспоминая, тверди;
Сегодня вѣдь свадьба моя—и сюда,
Смотри-ка, какіе катягъ господа!

Ну, вотъ, господа, какъ вы милы со мной:
Идете не съ шляпой въ рукѣ—съ головой;
А вы, ногодрыжки въ убранствѣ петли—
Вѣдь нынче нѣтъ вѣтра, что-жь поздно пришли?»

На вѣникѣ вѣдьма влетаетъ съ клюкой.
О, матушка, сынъ посаженный я твой!
И челюсть трясется беззубаго рта:
«Во вѣки аминь!»—шепчуть вѣдьмы уста.

Двѣнадцать сухихъ музыкантовъ бредеть,
Скрипачка за ними слѣная идетъ;
Пестро въ разноцвѣтное платье одѣтъ,
Могильщика тащитъ паяцъ ей вослѣдъ.

Двѣнадцать монахинь танцуютъ гавоть,
Ихъ шествіе сводня косая ведетъ;
Двѣнадцать жрецовъ сладострастныхъ свистягъ
Распутную пѣснь на молитвенный ладъ.

Ты глотку свою, мѣховщикъ, пожалѣй!
Въ аду обойдусь я безъ шубки твоей:
Безплатно на топливо, изъ году въ годъ,
Идетъ тамъ и знатный и бѣдный народъ.

Вотъ дѣвушки-дружки, съ громаднымъ горбомъ,
По комнатѣ быстро летягъ кувыркомъ.
Совинья морды, да полно же вамъ
Такъ громко стучать по засохшимъ костямъ!

Предъ свадьбой моею расходился самъ адъ,
Толпа нарастаетъ, буянять, шумягъ.

Раздался звукъ адскаго вальса какъ разъ.
Да тише-жь! Невѣста прїѣдетъ сейчасъ!

Уймитесь вы, сволочь, иль выгоню вонъ!
Возможности слышать себя я лишецъ!
Какъ будто карета подлѣхала тамъ?
Кухарка, скорѣ бѣги къ воротамъ!

Голубушка, милости просимъ, мой кладъ!
Присядьте, пасторъ мой, я очень вамъ радъ!
Пасторъ съ лошадинымъ копытомъ, съ хвостомъ,
Я къ вашимъ услугамъ, вѣнчанье начнемъ!

Невѣста моя, что печаленъ твой взоръ?
Сейчасъ къ обрученью приступить пасторъ;
Мнѣ кровью придется платить за обрядъ,
Но ради тебя всѣмъ я жертвовать радъ.

Мой другъ, на колѣни стань рядомъ со мной!..
И стала она. О, восторгъ исземной!
Упала невѣста на сердце мое,
И съ трепетомъ страсти я обнялъ ее.

Насъ вмѣстѣ опутали волны кудрей,
Сердца наши бьются сильнѣй и сильнѣй;
Отъ горя и радости бьются они,
И мнится мнѣ—въ небѣ мы съ нею одни;

Въ томъ небѣ, гдѣ счастье не знаетъ конца,
Несутся въ волнахъ наслажденья сердца;
Но радость сердце омерачаетъ: адъ
Надъ нами простеръ омерзительный смрадъ.

Сынъ ночи пасторъ нашъ. Таинственно онъ
Изъ книги кровавой читаетъ канонъ;
Кошунство бормочетъ пастора языкъ,
Напутствіемъ служить проклятїя крикъ.

Все бѣшено воегъ, шипить все кругомъ;
Шумить, точно волны; грохочетъ, какъ громъ.
Но вдругъ огонекъ голубой запылалъ;
«Во вѣки аминь!»—голосъ вѣдьмы сказалъ!»

8.

Покинувъ прекрасной владычницы домъ,
Блуждалъ, какъ безумный, я въ мракъ ночномъ;

И мимо кладбища когда проходилъ,
Увидѣлъ—поклоны мнѣ шлютъ изъ могилъ.

Съ плиты музыканта несется привѣтъ;
Луна проливаетъ мерцающій свѣтъ...
Вдругъ шопотъ: «Сейчасъ я увижусь съ тобой!»
И блѣдное что-то встаетъ предо мной.

То былъ музыкантъ. Онъ на памятникъ сѣлъ
И голосомъ дикимъ, могильнымъ запѣлъ,
Струнъ цитры касаясь костлявой рукой;
Печальная пѣснь полилася рѣкой:

«Ну, струны, пѣсенку одну
Вы помните-ль, что въ старину
Грудь обливала кровью?
Зоветь ее ангелъ блаженствомъ небесъ,
Мученьямъ ада зоветь ее бѣсъ,
А люди—любовью!»

Раздался лишь слова послѣдняго звукъ,
Могилы кладбища разверзлись вдругъ,
Воздушныя тѣни изъ нихъ поднялись,
Вокругъ музыканта, какъ вихрь, понеслись.

«Твой огонь, любовь, любовь,
Насъ въ могилы уложилъ.
Такъ зачѣмъ же изъ могилъ
Вызываетъ ночью вновь!»

Всѣ плачутъ и воютъ, режутъ и кричатъ,
И стонутъ и свищутъ, бушуютъ, шумятъ,
Тѣснятъ музыканта безумной толпой;
Онъ вновь по струнамъ ударяетъ рукой:

«Браво, браво, тѣни! Плясь
Продолжайте
И внимайте
Пѣснь, сложенной для васъ!
Въ тишинѣ спать сладко намъ,
Какъ мышонкамъ по норамъ;
Но поднять и шумъ и гамъ
Въ эту ночь,
Помѣшать не могутъ намъ!

Жить мы въ мірѣ не умѣли,
Дураки, мы не хотѣли

Гнать любви безумье прочь...
Такъ какъ нынче намъ удобно,
Каждый скажетъ пусть подробно,
Какъ его вскипала кровь,
Какъ гнала
И рвала
На куски его любви!»

И тощая тѣнь, словно вѣтеръ легка,
Жужжить, выступая впередъ изъ кружка:

«Подмастерьемъ у портного,
Съ ножницами и иглой,
Жилъ я; права былъ живого,
Съ ножницами и иглой;
Дочь хозяйская явилась
Съ ножницами и иглой,
И мое пронзила сердце
Ножницами и иглой!»

Хочоцетъ веселыхъ тѣней хороводъ—
Сурово второй выступаетъ впередъ:

«Я Ринальдо Ринальдини,
Шиндерганно, Орландини,
Карла Мора, наконецъ,
Бралъ себѣ за образецъ,

«Я ухаживалъ порою,
Какъ они—отъ васъ не скрою,—
И въ земныхъ прелестныхъ фей
Я влюблялся до ушей.

«Плакалъ я, вздыхалъ умильно
И любовью былъ такъ сильно
Съ толку сбить, что спуталъ бѣсъ—
Я въ чужой карманъ загѣсъ.

«И бѣднягу задержали
Лишь за то, что онъ въ печали
Слезы вытереть тайкомъ
Захотѣлъ чужимъ платкомъ.

«Съ негодями, ворами
Былъ упрятанъ я властями
По суду въ рабочій домъ,
Гдѣ томился подъ замкомъ,

«О любви святой мечтая,
Тамъ сидѣлъ я, шерсть мотая;
Но мой духъ въ прекрасный день
Унесла Ринальдо тѣнь».

Хочоеть веселыхъ тѣней хороводъ,
Въ румянахъ выходить духъ третій впередъ:

«Цариль я, бывало, на сценѣ,
Любовниковъ первыхъ игралъ,
«О, боги!»—ревѣлъ при измѣнѣ,
Блаженствуя, нѣжно вздыхалъ».

«Мортимеръ я былъ превосходный,
Марія была такъ мила!..
Но жесты я тратилъ бесплодно,
Понять ихъ она не могла!

«На счастье утративъ надежду,
«Небесная»,—разъ я вскричалъ—
И въ грудь глубоко, сквозь одежду,
Вонзилъ себѣ острый кинжалъ».

Хочоеть веселыхъ тѣней хороводъ;
Весь въ бѣломъ выходить четвертый впередъ:

«Я сладко дремалъ подъ профессора чтенье,
Отъ сна отказаться мнѣ было не въ мочь!
Зато приводила меня въ восхищенье
Профессора скучнаго милая дочь».

«Она изъ окошка мнѣ дѣлала знаки,
Цвѣтокъ изъ цвѣточковъ, мой ангелъ земной!
Цвѣтокъ изъ цвѣточковъ быть сорванъ, однако—
Филистеромъ тощимъ съ богатой казной».

«Тутъ проклялъ я женщинъ, богатыхъ нахаловъ,
Чертовскаго зелья насыпалъ въ рейнвейнъ
И чокнулся съ смертью; при звонѣ бокаловъ
Смерть молвила: «здравствуй, зовусь я другъ Гейнъ!»

Хочоеть веселыхъ тѣней хороводъ;
На шеѣ съ веревкою пятый идетъ:

«Хвалился, пируя, графъ дочкой своей
И блескомъ своихъ драгоценныхъ камней!
Не надо мнѣ, графъ, драгоценныхъ камней—
Въ восторгѣ отъ дочки я милой твоей!

«Запоры, замки дочь и камни хранить,
Въ передней лакеевъ стоитъ длинный рядъ;
Лакеи, запоры меня не страшатъ—
Я лѣстницу смѣло тащу къ тебѣ въ садъ.

«По лѣстницѣ бойко въ окно лѣзу я;
Вдругъ слышу, внизу окликаютъ меня:
«Дружокъ, подожди-ка! Вдвоемъ веселѣй,
Любитель и я драгоцѣнныхъ камней!»

«Такъ графъ издѣвался—и схваченъ я былъ,
Шумя, рядъ лакеевъ меня обступилъ.
«Эй, къ чорту вы, челядь, не жуликъ я, прочь!
Хотѣлъ я украсть только графскую дочь!»

«Помочь не могли увѣренья слова...
Въ петлю угодила моя голова!
И солнце, явясь съ наступленіемъ дня,
Дивилось, увидѣвъ висящимъ меня».

Хохочетъ веселыхъ тѣней хороводъ;
Шестой, съ головою въ рукѣ, шелъ впередъ:

«Въ любовной боли и тоскѣ
Я лѣсомъ шелъ съ ружьемъ въ рукѣ;
Вдругъ слышу—воронъ надо мной
Прокаркалъ: «Голову долой!»

«Когда-бъ мнѣ голубя найти,
Съ охоты милой принести!
Такъ думалъ я, и тутъ, и тамъ
Я долго шарилъ по кустамъ.

«Чу! Шорохъ!.. Поцѣлуй!.. Опять!
Не голубки ли? Надо взять!
Спѣшу, взвожу курокъ ружья—
И что-жъ? Голубка тамъ моя!

«Невѣсту, милую мою
Въ чужихъ объятыхъ застаю...
Охотникъ, промаху не дай!..
И залить кровью негодай.

«Тѣмъ лѣсомъ вскорѣ шелъ народъ.
Меня везли на эшафотъ...
И снова воронъ надо мной
Прокаркалъ: «Голову долой!»

Хочоцетъ веселыхъ тѣней хороводъ;
И самъ музыкантъ выступаетъ впередъ:

«Пѣлъ я пѣсенку когда-то,
Спѣта пѣсенка моя,
Ахъ, когда разбито сердце —
Пѣсни кончены, друзья!»

Быстрѣй завертѣлися тѣни вокругъ;
Тутъ хохотъ безумный удвоился вдругъ;
Раздался ударъ колокольныхъ часовъ —
Къ могиламъ рванулась толпа мертвецовъ.

9.

Лежалъ и спалъ я, сладко спать,
Безъ горя, безъ скорбей;
И снова образъ увидалъ
Красавицы моей.

Вся, какъ изъ мрамора, бѣла
И дивныхъ чаръ полна;
Жемчужный блескъ очей; съ чела
До плечъ кудрей волна.

Созданье, мрамора блѣднѣй,
Такъ тихо, тихо шло,
Созданье, мрамора блѣднѣй,
Мнѣ къ сердцу прилегло.

Отъ горя, счастья я вздохнуть
Не въ силахъ, сердце жжетъ!
Не бьется дѣвы чудной грудь,
Холодная, какъ ледъ.

«Не бьется, правда, грудь моя,
Холодная, какъ ледъ;
Но рай любви, но власть ея
Въ моей душѣ живетъ.

«Румянца нѣтъ ужъ на щекахъ,
Не льется въ сердцѣ кровь;
Но не дрожи, гони свой страхъ,
Возьми мою любовь!»

И пылко, больно обвила
Меня рукой она...
Пропѣлъ пѣтухъ—ушла, нѣма
И мраморно блѣдна.

10.

Вотъ силой волшебнаго слова
Я множество вызвалъ тѣней;
Онѣ не хотять уже снова
Вернуться въ мракъ ночи своей.

Со страху забылъ въ тѣ мгновенья
Властительный заговоръ я;
Въ туманный свой домъ привидѣнья
Влекутъ за собою меня.

Куда меня, мрака вы дѣти,
Хотите съ собою унести?
Не все мнѣ постыло на свѣтѣ—
Здѣсь чистыя радости есть!

Душою стремлюся всегда я
За чуднымъ, прекраснымъ цвѣткомъ;
Мнѣ жизнь безъ него молодая
Тяжелымъ была бы ярмомъ.

Хоть разъ бы до вѣчной разлуки
Цвѣтокъ свой на грудь я привлекъ!
Хоть разъ бы блаженныя мѹки
Испилъ я изъ губокъ и щекъ!

Промолви своими устами
Она одно слово любви—
Я въ мракъ бы сейчасъ же за вами
Послѣдовалъ, духи мои!

Услышала страшная стая,
Киваютъ мнѣ всѣ головой...
Ну, вотъ, я пришель, дорогая;
Что-жь, любишь ли, свѣтикъ ты мой?..

II.

П Ъ С Н И.

1.

Рано утромъ я гадаю:
Будешь ты иль нѣтъ?
Грустно голову склоняю
Вечеромъ въ отвѣтъ.

Ночью, слабый, изнуренный,
Я не сплю съ тоской
И въ дремотѣ, полусонный,
Грежу день-деньской.

2.

Шатаюсь я изъ угла въ уголь... Прожить
Немного часовъ, и прожить для чего же?—
Чтобъ видѣть ее, несравненную... Боже!
Да полно же, сердце, мнѣ въ грудь колотить

Охъ, эти часы—прелѣзливый народъ!
Плетутся дорогой своей копотливо;
Ползутъ еле-еле; зѣваютъ лѣзливо...
Скорѣй же, лѣзвивые, живо—впередъ!

Все дышитъ тревожнымъ порывомъ во мнѣ;
Но Оры—онѣ никогда не любили—
Коварный союзъ межъ собой заключили,
И спѣху влюбленныхъ смѣются онѣ.

3.

Бродилъ я подъ тѣнью деревьевъ,
Одинъ, съ неразлучной тоской;
Вдругъ старая грѣза проснулась
И въ сердце впиалась мнѣ змѣей.

Пѣвицы воздушныя! Гдѣ вы
Подслушали пѣсню мою? /
Заслышу ту пѣсню—и снова
Отраву смертельную пью.

«Гуляла дѣвица и пѣла
«Ту пѣсню не разъ и не разъ:
«У ней мы подслушали пѣсню,
«И пѣсня осталась у насъ».

Молчите, лукавыя птицы!
Я знаю, что хочется вамъ
Тоску мою злобно похитить...
Да я-то ее не отдамъ

4.

Дай ручку мнѣ, къ сердцу прижми ее, другы!
Чу! слышишь ли, что тамъ за стукъ?
Тамъ злой гробовщикъ въ уголочкѣ сидитъ
И гробъ для меня мастерить.

Стучить безъ умолку и день онъ, и ночь...
Уснулъ бы—при стукѣ не смочь.
Эй, мастеръ, ужъ время работу кончать:
Пора мнѣ усталому спать!

5.

Монхъ страданій колыбель,
Покоя моего гробница,
Прекрасный городъ—вновь отсель
Мнѣ уходить, съ тобой проститься!

Прощай, святая почва та,
Гдѣ ходятъ ножки дорогія;
Прощайте, чудныя мѣста,
Гдѣ встрѣтилъ я ее впервые.

Ахъ, лучше-бъ не встрѣчать тебя,
Души прекрасная царица!
Мнѣ не пришлось бы такъ томиться,
Печально жизнь свою губя.

Я не сказалъ тебѣ признанье,
Я не хотѣлъ твоей души
Смущать; хотѣлъ лишь жить въ тиши
Тамъ, гдѣ царить твое дыханье.

Но ты—меня ты гонишь прочь
Словами горькаго упрека...
Въ моемъ мозгу безумья ночь,
А сердце ранено глубоко.

Усталымъ странникомъ пойду
Своей дорогою печальной,
Пока костямъ покой найду
Въ какой-нибудь могилѣ дальней.

6.

Подожди, мой шкиперъ; въ гавань
Я сейчасъ же; съ дѣвъ четой
Дай проститься мнѣ—съ Европой
И съ подругой дорогой.

Ключъ кровавый, брызни шибко
Изъ груди и изъ очей!
Записать мои мученья
Долженъ кровью я своей.

Ты, никакъ, теперь боишься
Крови, милая? Постои!
Сколько лѣтъ съ кровавымъ сердцемъ
Я стоялъ передъ тобой?

Ты знакома съ ветхой притчей
Про коварную змѣю,
Ту, что яблокомъ сгубила
Прародителей въ раю?

Этотъ плодъ—всѣхъ золь причина:
Ева въ мѣръ внесла съ нимъ смерть,
Эрисъ—въ стѣны Трои пламя,
Ты внесла—огонь и смерти!

7.

Рядъ руинъ и горь глядится
Въ воды зеркала свѣтлѣй;
Мой корабликъ Рейномъ мчится
Въ блескѣ солнечныхъ лучей..

Мирный взоръ мой видитъ снова
Здѣсь игру златой волны,
И встаютъ мечты былого
Изъ душевной глубины.

Свѣтлымъ радостнымъ привѣтомъ
Рейнъ манитъ насъ въ глубь свою;
Но подъ этимъ внѣшнимъ свѣтомъ
Смерть и ночь я узнаю.

Сверху—миръ; дно—козни скрылс.
Рейнт—возлюбленной портретъ:
И она глядитъ такъ мило,
Кротокъ такъ ея привѣтъ!

8.

Сначала страдалъ я жестоко
И думалъ—не вынести никакъ;
И все-таки—вынесъ... Но только
Меня ты не спрашивай—какъ?

9.

Кипарисами, вязями розъ, золотой мишурой
Эту книжку я всю изукрасилъ бы щедрой рукой,
Какъ кладбищенскій памятникъ пѣсенъ моихъ,
И на вѣчный покой уложилъ бы я ихъ.

Если-бъ такъ же любовь схоронить въ этой книжкѣ я могъ!
На могилѣ любви расцвѣтаетъ покоя цвѣтокъ;
Полюбуются имъ и срываютъ потомъ...
Будетъ цвѣсть онъ и мнѣ—да на гробъ моемъ!

Здѣсь однѣ лишь покоятся пѣсни мои, что порой,
Словно лава изъ Этны, гремучей и жгучей рѣкой,
Изъ душевной глуби вырывались вдругъ,
Разсыпая лучистыя искры вокругъ.

А теперь—онѣмѣли, мертвы и какъ саванъ блѣдны,
Коченѣютъ онѣ, мои пѣсни, что трупъ холодны;
Но повѣтъ на пѣсни дыханьемъ любовь—
Къ прежней жизни онѣ просыпаются вновь.

И едва ихъ слезою участя любовь оросить,
Вновь предчувствіе робкое въ сердцѣ моемъ говоритъ,
Что воскреснуть поблекшіе эти листы,
Если ручкой, въ чужбинѣ, коснешься ихъ ты.

И тогда-то разрушатся чары, тогда оживутъ
Эти блѣдныя буквы и путы свои разорвутъ,
И отрадно посмотрятъ въ очи твой,
И зашепчутъ слова и тоски и любви...

III.
РОМАНСЫ.

1.
ПЕЧАЛЬНЫЙ.

Всѣмъ внушаетъ состраданье
Мальчикъ съ мертвеннымъ челомъ;
Отпечатаны страданья
На лицѣ его больномъ.

Онъ пылаетъ—и съ прохладой
Воздухъ носится надъ нимъ,
И его утѣшить рада
Дѣва, гордая съ другимъ.

Вотъ отъ шума городского
Онъ укрыться въ лѣсъ спѣшитъ...
Шепчетъ весело дуброва,
Звонко пташекъ хоръ гремитъ.

Но стихаетъ скоро пѣнье,
Сталъ грустнѣе шумъ листовъ:
Лѣсъ почуялъ приближенье
Тихихъ юноши шаговъ.

2.
ГОРНЫЙ ГОЛОСЪ.

Плетется долиною всадникъ межъ горъ,
Онъ ѣдетъ унылой рысцой:
«Въ объятія къ милой стремлюсь я теперь,
Иль прямо къ могилѣ сырой?»
И голосъ отвѣтилъ за дальней горой:
«Къ могилѣ сырой!»

И тащится дальше усталый ѣздокъ
И тяжело вдыхаетъ съ тоской:
«Такъ рано придется въ могилу мнѣ лечь...
Что-жь дѣлать! Въ могилѣ покой!»

И голосъ ему повторилъ за горой:
«Въ могилѣ покой!»

У всадника слезы сбѣгають съ ланить,
Кручина въ душѣ молодой:

«Но, если въ могилѣ покой, то приютъ
Мой вѣрный—въ могилѣ одной...»

И голосъ раздался протяжный, глухой:
«Въ могилѣ одной!»

3.

ДВА БРАТА.

На утесѣ замокъ старый
Чуть виднѣется въ ночи,
Передъ замкомъ, въ битвѣ ярой,
Блещуть звонкіе мечи.

Звонъ желѣза и проклятья
Глухо слышатся кругомъ...
Что за схватка? Это братья
Ратоборствуютъ вдвоемъ.

Графа дочь знатна, богата,
Всѣхъ прекраснѣй, всѣхъ милѣй—
И пылаютъ оба брата
Страстью пламенною къ ней.

Но который же тревожитъ
Юный пылъ ея души?
Разрѣшить никто не можетъ—
Мечъ, ты это разрѣши!

Вотъ сошлись... Удары мѣтко
Поражаютъ здѣсь и тамъ.
Берегитесь, вѣдь нерѣдко
Зло творится по ночамъ!

Да, на грѣхъ свела ихъ злоба
Дратся въ сумракѣ ночномъ...
Вдругъ бойцы поникли оба;
Брата братъ пронзилъ мечомъ.

Шли вѣка; ужь рядъ ихъ цѣлый
Съ поколѣньями прошелъ;
Мрачно замокъ опустѣлый
Все глядитъ съ утеса въ долъ.

А въ долу—молва несется
Даже въ дальнія мѣста—
Каждой полночью дерется
Братьевъ гнѣвная чета.

4.

БѢДНЫЙ ПЕТРЪ.

I.

Гансъ съ Гретхенъ своею танцуетъ,
До-нельзя довольны судьбой,
А Петръ, недвижимый и блѣдный,
Стоитъ и глядитъ, какъ нѣмой.

Съ возлюбленной Гансъ обвѣнчался;
Нарядъ ихъ блестящій такой;
А Петръ въ самомъ будничномъ платьѣ
И ногти грызетъ онъ съ тоской.

И думу онъ думаетъ тихо,
Печально смотря на чету:
Не будь я ужъ слишкомъ разуменъ,
Съ собой бы надѣлалъ бѣду.

II.

«Въ груди моей горе такое,
Что сердце на части мнѣ рветъ.
Куда-бъ ни пошелъ я, гдѣ-бъ ни былъ,
Тоска меня гонитъ впередъ;

«Влечетъ все къ моей ненаглядной,
Съ надеждой—спасеніе въ ней;
Но прочь убѣгаю, какъ только
Увижу взглядъ милыхъ очей.

«Взбираюсь на дальнія горы,
Брожу между скалъ и стремнинъ,
И тамъ остаюсь одинокій,
И долго я плачу одинъ».

III.

Петръ снова идетъ по деревнѣ,
Онъ блѣденъ, какъ смерть, изнуренъ,
И всякій, кто встрѣтится съ бѣднымъ,
Стоитъ, глубоко изумленъ.

И дѣвушки шепчуть другъ другу:
«Что съ нимъ приключиться могло-бъ?
Вѣдь онъ точно вышелъ изъ гроба».
Нѣтъ, только ложится онъ въ гробъ.
Навѣкъ распростился онъ съ милой,
Лишился надеждъ навсегда,
И лучшій пріютъ ему въ гробѣ
До страшнаго будетъ суда.

5.

ПѢСНЯ УЗНИКА.

Какъ сглазила бабушка Лизу, рѣшилъ
Народъ ее сжечь въ наказанье;
Судья хотъ и много потратилъ чернилъ,
У бабки не вырвалъ сознанья.

И бросили бабку въ котель, и со дна
Проклятья послышались, стоны;
Когда-жъ черный дымъ повалилъ, то она
Исчезла съ нимъ въ видѣ вороны.

Бабуся пернатая черная, знай—
Я въ башнѣ томлюсь въ заключеньѣ:
Ты къ внучку слети поскорѣй и подай
Въ рѣшетку мнѣ сыру, печенья.

Бабуся пернатая черная, тутъ
Ты можешь вполнѣ постараться:
Пусть тетки твои глазъ моихъ не клюютъ,
Какъ въ петлѣ я буду качаться.

6.

ГРЕНАДЕРЫ.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.

Придется имъ—слышать, увидѣть
Въ позорѣ родную страну.
И храброе войско разбито,
И самъ императоръ въ плѣну!

Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ!

Болишь мое скорбное сердце,
И старыя раны горят!»

Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ!
И мнѣ умереть бы пора;
Но дома жена, малолѣтки;
У нихъ ни кола, ни двора.

«Да что мнѣ? Просить Христа-ради
Пущу и дѣтей и жену...
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!

«Исполни завѣтъ мой; коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони!

«Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.

«И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу...
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу.

«То Онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!»

7.

ВѢСТНИКЪ.

Мой пажъ, вставай, сѣдлай скорѣй
И на коня садись
И чрезъ лѣса, и чрезъ поля
Къ Дункану въ замокъ мчись.

Въ конюшню тамъ пройди тайкомъ,
И конюхъ какъ взойдетъ,
Спроси: «Которую Дунканъ
Дочь замужь выдаетъ?»

Коль скажетъ онъ: «брюнетку»—ты
Сейчасъ же съ вѣстью мчись;

Коль скажетъ онъ: «блондинку» — ты
Не слишкомъ торопись.

Сперва у мастера купи
Веревку для меня
И, молча, мнѣ ее вези,
Не торопя коня.

8.

ПОХИЩЕНІЕ.

Не пойду я одинъ, дорогая моя—
Нѣтъ, должна ты со мною идти,
Въ милую, старую, страшную келью,
Въ безотрадный, холодный мой домъ, въ подземелье;
Тамъ моя мать на порогъ сидитъ,
Ждетъ сына, не дождется, груститъ.

«Отступись, отойди, мрачный ты человѣкъ!
Я нисколько тебя не звала.
Ты весь дышишь огнемъ, и рука холодна,
И сверкаетъ твой взоръ, и щека такъ блѣдна!
Я хочу веселиться, гдѣ роза цвѣтетъ
И гдѣ солнце сіяніе льетъ».

Брось ты розы и яркіе солнца лучи,
Ты, моя дорогая,
Появись бѣлоснѣжной вуалью своей,
Да потомъ заиграй на гитарѣ скорѣй,
Да веселю брачную пѣсню запой,
А напѣвъ пусть просвищетъ намъ вѣтеръ ночной.

9.

ДОНЪ РАМИРО.

«Донна Клара, донна Клара!
Я любилъ тебя такъ долго,
А теперь мою погибель
Ты рѣшила невозвратно.

«Донна Клара, донна Клара!
Сладокъ жизни даръ прекрасный,
Но какъ страшно подъ землю,
Въ темной и сырой могилѣ!

«Донна Клара, донна Клара!
Завтра утромъ донъ Фернандо

Назоветь тебя супругой;
Получу-ль я зовъ на свадьбу?»

«Донъ Рамиро, донъ Рамиро!
Рѣчь твоя терзаетъ горько—
Горше, чѣмъ планеть рѣшенье,
Мнѣ насмѣшливо враждебныхъ.

«Донъ Рамиро, донъ Рамиро!
Отгони кручину злую:
Много дѣвушекъ на свѣтѣ:
Насъ же самъ Господь разрознитъ.

«Донъ Рамиро, ты, который
Побѣждалъ такъ часто мавровъ,
Побѣди себя однажды—
Приходи ко мнѣ на свадьбу!»

«Донна Клара, донна Клара!
Да, клянусь тебѣ, я буду!
Танцовать мы будемъ вмѣстѣ;
До свиданья, буду завтра».

«До свиданья!»—Клара скрылась;
Подъ окномъ стоялъ Рамиро;
Долго онъ стоялъ недвижно,
Наконецъ, исчезъ во мракѣ.

Наконецъ и ночь исчезла,
Уступивъ дневному свѣту.
Какъ цвѣтникъ живой и пестрый,
Пробудясь, лежитъ Толедо.

Блещутъ пышные чертоги
Блескомъ утренняго солнца;
Будто въ новой позолотѣ,
Блещутъ куполы на храмахъ.

И жужжа, какъ рой пчелиный,
Звонъ несется колокольный,
И молитвенное пѣнье
Огласило Божьи дома.

Но внизу, внизу—смотрите!
Тамъ на площади, изъ церкви,
Вытекають, будто волны,
Люди пестрыми толпами.

Тутъ и рыцари, и дамы,
И придворные въ нарядѣ;
Между звономъ колокольнымъ
Звуки стройные органа.

Посреди толпы, въ почетѣ,
Нетѣнимые народомъ,
Отъ вѣнца идутъ четою
Донна Клара, донъ Фернандо.

До чертоговъ жениховыхъ
Разлились толпы густыя;
По обычаямъ стариннымъ
Тамъ отпразднуется свадьба.

Игры, клики, угощенье—
Все слилося въ ликованье,
И часы промчались быстро
До начала брачной ночи.

Вотъ сошлись для танцевъ гости
Въ залѣ, ярко освѣщенной;
И въ огнѣ блестятъ роскошно
Драгоценные наряды.

На высокихъ креслахъ сѣли
Рядомъ съ женихомъ невѣста,
И мѣняются рѣчами
Донъ Фернандо, донна Клара.

А людей потокъ блестящій
Разливается по залѣ,
И звучать въ ней громко трубы,
И гремятъ имъ въ тактъ литавры.

«Но зачѣмъ о, другъ прекрасный,
Все глядишь въ тотъ уголъ залы?»
Вдругъ спросилъ свою супругу
Донъ Фернандо съ удивленьемъ.

«Иль не видишь ты, Фернандо,
Въ черной мантии мужчину?
«Это только тѣнь колонны»,
Говорить съ улыбкой рыцарь.

Тѣнь однако же подходитъ.
И она—въ плацѣ мужчина;

Тотчасъ въ немъ узнавъ Рамиро,
Клара кланяется робко.

Между тѣмъ ужъ балъ въ разгарѣ;
Пары весело кружатся,
Такъ что полъ трясется, стонетъ
Въ вихрѣ бѣшеннаго вальса.

«Я охотно, донъ Рамиро,
Танцовать иду съ тобою;
Но въ плащѣ могильно черномъ
Ты явился здѣсь напрасно».

Неподвижнымъ острымъ взоромъ
На красавицу онъ смотритъ
И, обнявъ, ей мрачно шепчетъ:
«Вѣдь меня ты пригласила».

Вотъ пошла въ толпу танцоровъ
Протѣснившаяся пара;
И звучать немолчно трубы,
И гремятъ имъ въ тактъ литавры.

«Ты, какъ снѣгъ, Рамиро, блѣденъ»,
Шепчетъ Клара съ тайнымъ страхомъ.
«Вѣдь меня ты пригласила»,
Отвѣчаетъ рыцарь глухо.

И пылаютъ въ залѣ свѣчи
Между волнъ толпы веселой,
И звучать немолчно трубы,
И гремятъ имъ въ тактъ литавры.

«У тебя рука, какъ льдина»,
Вся дрожа, вновь шепчетъ Клара.
«Вѣдь меня ты пригласила!»
И они несутся въ танцѣ.

«О, пусти, пусти, Рамиро!
Вѣтъ смерть въ твоемъ дыханьи!»
Но отвѣтъ опять все тотъ же:
«Вѣдь меня ты пригласила».

Жаромъ всюду такъ и пышетъ,
Бойко льются звуки скрипокъ,
Будто въ бѣшенствѣ волшебномъ,
Все кружится въ свѣтлой залѣ.

«О, пусти, пусти, Рамиро!»
Не смодкаетъ жалкій шопоть;
И Рамиро неизмѣнно:
«Вѣдь меня ты пригласила».

«Уходи-жь, во имя Бога!»
Клара вдругъ сказала твердо,
И едва сказать успѣла,
Какъ Рамиро вмигъ исчезнулъ.

Будто мертвая, недвижна
И блѣдна вдругъ стала Клара,
Обморокъ унесъ мгновенно
Свѣтлый образъ въ мѣръ свой темный.

Наконецъ, испугъ проходить,
И очнулась донна Клара,
Но раскрытыя рѣсницы
Вновь смыкаетъ изумленье:

Съ той поры, какъ балъ открылся,
Клара съ мѣста не сходила,
И сидитъ супругъ съ ней рядомъ...
Онъ тревожно говорить ей:

«Отчего такая блѣдность?
Что мрачить твой взоръ прекрасный?»
«Гдѣ-жь Рамиро»... шепчетъ Клара,
И сковаль языкъ ей ужась.

Но чело супруга гнѣвно
Омрачилось: «Здѣсь не мѣсто
Для кроваваго отвѣта—
Нынче умеръ донъ Рамиро».

10.

ВАЛТАСАРЪ.

Ужь часъ полночный наступалъ,
Весь Вавилонъ молчалъ и спалъ.

Лишь окна царскаго дворца
Сіяють: пиръ тамъ безъ конца.

Въ блестящей залѣ столъ накрытъ;
Царь Валтасаръ за нимъ сидитъ.

Съ царемъ пируетъ много слугъ;
Не молкнетъ чашъ веселый стукъ.

Все шумно: рабъ за чашей смѣлъ.
Строптивый царь повеселѣлъ.

Въ лицѣ румянецъ запылалъ:
Съ виномъ и дерзость онъ впивалъ.

И слово грѣшное его
Хулить нахально божество.

Безмѣрно дикъ его языкъ,
И рабскихъ хвалъ неистовъ кликъ.

Сверкая взоромъ, пьяный царь
Рабовъ ограбить шлетъ алтарь.

И вотъ несутъ, склоня главы,
Всю утварь храма Егovy.

И царь преступною рукой,
Наполнивъ, взялъ сосудъ святой.

Его онъ разомъ осушилъ
И съ пѣной у рта возгласилъ:

«Я плюю, Богъ, на твой алтарь!
Я—Вавилона сильный царь!»

Еще не смолкъ безумный крикъ,
Какъ трепеть въ грудь царя проникъ.

Замолкъ мгновенно буйный смѣхъ,
И страшный холодъ обнялъ всѣхъ.

И вдругъ, о ужасъ! на стѣнѣ
Рука явилася въ огнѣ—

И пишеть. Буквы подъ перстомъ
Передиваются огнемъ.

Недвижимъ царь и взоромъ дикъ;
Дрожать колѣни, блѣденъ ликъ.

Рабовъ сковаль могильный страхъ,
И слово замерло въ устахъ.

И ни единый магъ не смогъ
Истолковать небесныхъ строкъ,

Въ ту-жъ ночь, какъ теплилась заря,
Рабы зарѣзали царя.

11,

МИНЕЗИНГЕРЫ.

Въ пѣснопѣнни состязаться
Минезингеры идутъ...
Очень странное, признаться,
Представленье будетъ тутъ,
Пылкое воображенье
Будетъ имъ служить конемъ,
Ихъ щитомъ—даръ пѣснопѣнны,
А даръ слова—ихъ мечомъ.

Устремляютъ дамы взоры
Внизъ съ балкона, только нѣтъ
Той межъ ними, отъ которой
Ждетъ вѣнка себѣ поэтъ.

Всякъ другой въ аренѣ бранной
Здравъ и тѣломъ и душой;
Мы-жъ идемъ съ смертельной раной
Къ состязанью межъ собой.

И кто больше на турнирѣ
Крови пѣсенъ изольетъ,
Тотъ изъ устъ чуднѣйшихъ въ мѣрѣ
Больше славы обрѣтетъ.

12.

ИЗЪ ОКНА.

Блѣдный Генрихъ уныло шелъ мимо окна,
А Гедвига стояла въ томленьи,
И увидѣвъ его, прошептала она:
«Боже мой! тамъ внизу привидѣнье!...»

Блѣдный Генрихъ уныло взглянулъ на окно
Взоромъ, полнымъ любви и томленья,
И Гедвиги лицо тоже стало блѣдно,
Какъ лицо самого привидѣнья.

Съ этой встрѣчи ждетъ Генриха цѣлые дни
У окошка Гедвига въ томленьи.
Но въ восторгахъ любви замираютъ они
По ночамъ, какъ встаютъ привидѣнья.

13.

РАНЕНЫЙ РЫЦАРЬ.

Я старинную пѣсенку знаю—
И печальна она, и мрачна:
Какъ любовью на смерть раненъ рыцарь,
Но подруга его невѣрна.

И се, драгоценную сердцу,
Принужденъ онъ теперь презирать,
И свои же сердечныя мѹки
За позорныя долженъ считать.

Появись онъ теперь на аренѣ,
Кликни кличь: «вызываю на бой
Всѣхъ, кто пятвышко только посмѣеть
Отыскать на моей дорогой!» —

Всѣ, конечно, хранили-бъ молчанье,
Кромѣ собственной скорби его,
И пришлось бы ему по неволѣ
Мечъ направить въ себя самого.

14.

О Т П Л Ы Т И Е.

У мачты я стоялъ и вдаль
Смотрѣлъ, печали полный,
Отчизна милая, прости!
Корабль мой пѣнить волны.

Вотъ домъ, гдѣ милая моя,
И окна въ немъ сверкають.
Гляжу туда—ничьи глаза
Меня не провожаютъ.

Пролейтесь слезы, чтобъ мои
Яснѣе взоры стали!
Больное сердце, не порвись
Отъ тягостной печали!

15.

ПѢСЕНКА О РАСКАЯНИИ.

Ульрихъ лѣсомъ зеленымъ слѣшнить на конѣ,
Лѣсъ зеленый такъ шепчется сладко;
Вдругъ онъ видитъ... дѣвица стоитъ въ сторонѣ
И глядитъ изъ-за вѣтви украдкой.

Говорить онъ: «Да, знаю, другъ нѣжный ты мой,
Я твой образъ прекрасный, цвѣтущій;
Онъ всегда увлекаетъ меня за собой
И въ толпу, и въ пустынные кущи!..

«Вонъ двѣ розы-уста, что такъ милы, свѣжи,
Такъ привѣтной улыбкой сверкаютъ;
Но изъ нихъ сколько словъ вѣроломства и лжи
Такъ противно подчасъ вылетаютъ!

«Оттого-то уста у подруги моей
Точно розы распцвѣтшей кусточки,
Гдѣ, шипя, пресмыкается множество змѣй,
Пропускающихъ ядъ сквозь листочки.

«Вижу ямочки двѣ, краше свѣтлаго дня,
На щекахъ, точно солнышко, ясныхъ—
Это бездна, куда увлекалъ такъ меня
Пыль желаній безумныхъ и страстныхъ.

«Вотъ и милыхъ кудрей золотая волна,
Внизъ бѣгущихъ съ чудесной головки:
То волшебная сѣть, что соплель сатана,
Чтобъ отдать меня въ руки плутовки.

«Вотъ и очи, свѣтлѣе волны голубой,
Въ нихъ такая и тишь и прохлада!
Я мечталъ въ нихъ найти чистый рай неземной,
А нашель лишь преддверіе ада!»

Ульрихъ дальше чрезъ лѣсъ держать путь на конѣ;
Лѣсъ шумитъ такъ уныло, прощально...
И вдругъ онъ видитъ—старушка сидитъ въ сторонѣ,
И блѣдна такъ она и печальна...

Говорить онъ: «О, мать дорогая моя,
Одного лишь меня въ мірѣ цѣломъ
Ты любила—и жизнь твою бѣдную я
Такъ печалилъ и словомъ, и дѣломъ!

«О, когда бы я слезы твои осушить
Могъ моею горячей любовью,
Дать румянецъ на блѣдныя щеки, облить
Ихъ изъ сердца добытою кровью!»

Ульрихъ далѣе ѣдетъ на борзомъ конѣ,
И въ лѣсу понемногу темнѣетъ,

И опъ слышитъ порой голоса въ сторонѣ,
И порою вдругъ вѣтеръ повѣетъ.

Ульрихъ слышитъ, что звуки имъ сказанныхъ словъ
Кто-то по лѣсу вслухъ повторяетъ:
Повторяютъ ихъ птички въ раздолѣ кустовъ,
Пѣнье весело лѣсъ оглашаетъ.

Ульрихъ ѣдетъ и славную пѣсню поетъ
О раскаяннѣ, мукѣ суровой,
И когда онъ ее до конца допоетъ,
Начинаетъ затягивать снова.

16.

ПѢВИЦѢ,

пропѣвшей одинъ старинный романсъ.

Я помню, какъ ее впервые,
Волшебницу, услышалъ я,
Какъ звуки сладостно дрожали,
И тайно въ сердце проникали,
И слезы чудно извлекали,
И вдаль неслась душа моя!

И сонъ объялъ меня, и снилось
Мнѣ, будто я еще дитя
И, сидя въ спальнѣ при мерцаннѣ
Лампады, скромный, весь вниманье,
Читаю старое сказанье,
А вѣтръ въ окно стучить, свистя.

Вотъ сказка оживляться стала,
И изъ могилъ со всѣхъ сторонъ
Выходятъ рыцари сразиться.
Роландъ самъ къ Ронсевалю мчится,
Войска ужъ двинулися биться,
Межъ нихъ предатель Ганелонъ.

Вотъ падаетъ Роландъ могучій,
И льется кровь его рѣкой;
Свой славный рогъ беретъ онъ въ руки,
Трубить онъ; но едва лишь звуки
Достигли Карла—въ смертной мукѣ
Ужъ кончилъ жизнь свою герой.

При этихъ мощно скорбныхъ звукахъ
Я пробуждаюся отъ сна...

Сказанье быстро исчезаетъ,
Толпа пѣвицу поздравляетъ
И громкимъ «браво» оглушаетъ,
И всѣхъ благодарить она:

17.

ПѢСНЯ О ЧЕРВОНЦАХЪ.

Вы, червонцы золотые,
Скрылись гдѣ, въ мѣста какія?
Не у рыбокъ золотыхъ ли,
Что, рѣзвясь въ волнахъ потока,
Вдругъ всплывутъ, нырнутъ глубоко?
У цвѣточковъ золотыхъ ли,
Что въ долинѣ изумрудной
Подъ росой горять такъ чудно?
Не у птичекъ золотыхъ ли,
Что вверху, въ лазурномъ морѣ,
Блещутъ, рѣя на просторѣ?
Къ золотымъ ли звѣздамъ скрылись,
Что улыбкой неземною
Свѣтятъ намъ порой ночью?
Ахъ, червонцы золотые!
Вы не плавали въ волнахъ,
Не сверкали и въ травѣ,
Не порхали въ синевѣ,
Не смѣялись въ небесахъ:
Ростовщикъ мой—алчень, лихъ—
Держить васъ въ когтяхъ своихъ!

18.

РАЗГОВОРЪ ВЪ ПАДЕРБОРНСКОЙ СТЕПИ.

Слышишь, къ намъ несутся звуки
Контрабаса, флейты, скрипки?
Это пляшутъ поселянки
На лугу, подъ тѣнью липки.
«Контрабасы, флейты, скрипки!
Ужъ не спятилъ ли съ ума ты?»

Это хрюканью свиному
Вторять визгомъ поросята».

Слышишь, какъ трубитъ охотникъ
Въ мѣдный рогъ свой, въ чащѣ темной?
Слышишь, какъ ягнать сзываетъ
Пастушокъ волынкой скромной?..

«Я не слышу ни волынки,
Ни охотничьяго рога;
Вижу только свинопаса,
Что идетъ своей дорогой».

Слышишь пѣнье? Сладко въ душу
Лется пѣсня неземная;
Вѣютъ бѣлыми крылами
Херувимы, ей внимающая...

«Бредишь ты! Какое пѣнье,
И какіе херувимы!
То гусей своихъ мальчишки,
Распѣвая, гонять мимо».

Колокольный звонъ протяжный
Рѣздается въ отдаленіи;
Въ бѣдный храмъ свой поселяне
Идутъ, полны умиленія.

«Ошибаешься, мой милый;
И степенны, и суровы,
Съ колокольчиками идутъ
Въ стойло темное коровы».

Посмотри, между вѣтвями,
Платъе бѣлое мелькаетъ.
То идетъ моя подруга,
Страстью взоръ ея блистаетъ.

«Вотъ потѣха! Иль не знаешь
Ты лѣсничихи-старушки?
Цѣлый день съ клюкою бродить
У лѣсной она опушки».

Ну, вопросы фантазера
Осмѣяль ты ядовито...
Но едва ли то разрушишь,
Что въ душѣ моей сокрыто.

19.

ЖИТЕЙСКИЙ ПРИВѢТЪ.

Въ альбомъ.

Земля—столбовая дорога; на ней
Мы всѣ пассажиры, и разнымъ манеромъ
Несемся, пѣшкомъ ли, иль взявъ лошадей,
Подобно гонцамъ-скороходамъ, курьерамъ.

Другъ друга встрѣчаешь, кивнешь головой,
Поклонъ посылаешь платкомъ изъ кареты,
И даже обняться бы рады душой,
Да лошади мчатся и времени нѣту.

Едва лишь на станціи встрѣтилъ я васъ,
Любезный мой принцъ Александръ, и два слова
Успѣли сказать мы другъ другу, какъ насъ
Труба почтальона разлучить ужъ снова.

20.

ВОИСТИНУ ТАКЪ.

Когда весна придетъ къ намъ съ солнечнымъ свер
каньемъ—

Являются цвѣты среди садовъ, полей;
Когда луна взойдетъ съ мечтательнымъ сіяньемъ,
Тогда и звѣздочки всплываютъ вслѣдъ за ней;
Когда пѣвецъ глаза увидитъ милой дѣвы,
Тогда изъ сердца бьютъ ключомъ его нагѣвы;
Но солнца свѣтъ, луна, и звѣзды, и цвѣты,
И пѣсни въ честь глазамъ, во славу красоты—
Все это хоть нашъ взоръ и очень улаждаетъ,
Но міра далеко еще не составляетъ.

IV.
СОНЕТЫ.

А. В. ФОНЪ-ШЛЕГЕЛЮ.

Въ нарядѣ съ фижмами, увѣнчана цвѣтами,
И съ мушками на разрумяненныхъ щекахъ,
Съ прической громоздкой, покрыта кружевами,
Съ носками острыми, какъ клювъ, на башмакахъ—

Наряжена была такъ площадная муза,
Когда она пришла, чтобы тебя обнять.
Но съ ней не захотѣлъ ты заключать союза,
Къ неясной цѣли ты стремился вновь опять.

Въ пустынный замокъ ты вошелъ—безъ покрывала
Тамъ, словно статуя, красавица лежала,
Въ волшебный крѣпкій сонъ давно погружена.

Но твой привѣтъ расторгъ сна роковыя узы,
Улыбку встрѣтилъ ты германской дивной музы,
И бросилась въ твои объятія она.

МОЕЙ МАТЕРИ В. ГЕЙНЕ,
урожденной фонъ-ГЕЛЬДЕРНЪ.

1.

Я родился съ упрямой головою,
Высоко я чело держать привыкъ,
И если-бъ самъ король сталъ предо мною,
Я и тогда бы взоромъ не поникъ.

Но отъ тебя, о, мать моя! не скрою,
Хотя во мнѣ духъ гордости великъ,
Смирялся я всегда передъ тобою,
Взглянувъ на твой привѣтный, кроткій ликъ.

Не духъ ли твой, великій, благородный,
Меня, стремясь къ высокому свободно,
Благоговѣть невольно побуждалъ?

Иль было то тяжелое сознание,
Что для тебя я былъ виной страданья
И любящее сердце огорчалъ?

2.

Была пора—въ безумномъ ослѣпленьѣ
Покинулъ я тебя и край родной;
Меня влекло души моей стремленье—
Пуститься въ свѣтъ, искать любви живой.

И я пошелъ, и до изнеможенья
Ходилъ, искалъ, просилъ любви одной,
Но лишь одно холодное презрѣнье
Встрѣчалъ вездѣ на зовъ сердечный мой!

Изъ края въ край скитаясь, одинокій,
И не сыскавъ нигдѣ любви святой,
Я, наконецъ, съ печалію глубокой

Пришелъ домой и встрѣченъ былъ тобой...
И тутъ въ твоихъ очахъ увидѣлъ ясно,
Чего искалъ такъ долго и напрасно.

Г. СТР.

Когда я книжечку твою рукой
Поспѣшною открылъ—мнѣ вдругъ предстали
Видѣнья милыя, что такъ витали
Въ дни дѣтства нѣжнаго передо мною,
Мнѣ вновь предсталъ соборъ, что такъ главою
Вознесся къ небесамъ и что создали
Германцы вѣрные; вновь зазвучали
Колокола съ органомъ, со святою

Молитвою. Вотъ вижу я.. толпятся
Вкругъ зданья карлики, навѣрхъ влѣзаютъ
И украшенія его ломаютъ.

Напрасно дубъ имъ оголять стараться:
Придетъ весна вслѣдъ за зимой суровой,
И листьями покроется онъ снова.

ФРЕСКО-СОНЕТЫ ХРИСТИАНУ С.

1.

Предъ истуканами въ мишурной позолотѣ
Не стану я плясать, курить имъ оиміамъ,

И ни за что своей руки я не подамъ
Тѣмъ, кто грязнить меня готовъ въ своемъ болотѣ.

И къ идоламъ толпы, подъяема льстивый взоръ,
Не побѣгу предъ ихъ побѣдной колесницей,
Какъ не склонюся я предъ наглою блудницей,
Что на показъ несетъ золоченый позоръ.

Я знаю, подъ грозой могучій дубъ валится,
Тростникъ же гибкій бурь нимало не боится,
И мимо пронеслась опасность въ тотъ же мигъ;

Зато потомъ на трость онъ къ фѣту попадаетъ,
Да пыль изъ платья имъ служитель выбиваетъ—
Что-жь, много выигралъ въ концѣ концовъ тростникъ?

2.

Дай маску мнѣ! На пестромъ маскаррадѣ
Я захотѣлъ явиться оборванцемъ,
Чтобъ тамъ мерзавцы, тѣшась рѣзвымъ танцемъ,
Вдругъ не сочли меня «своимъ» въ иномъ нарядѣ.

Невѣждой неотесаннымъ такъ люблю
Предстать мнѣ будетъ передъ этой кликой,
Откинувъ блескъ ума, чѣмъ съ важностью Великой
Фатишка всякій хвастается грубо.

Средь рыцарей, монаховъ въ бальной залѣ
Я заверчусь въ собраніи этомъ странномъ—
И пусть они съ оружіемъ деревяннымъ

Гоняются за мной, лишь только-бъ не узнали!
Но стоитъ маску мнѣ лишь сбросить—и тогда
Вдругъ онѣмлютъ эти господа.

3.

Мнѣ такъ смѣшны глупцы съ козлиной мордой,
Что на меня глаза таращатъ съ любопытствомъ,
Смиренныя лисицы, что съ ехидствомъ
Обнюхиваютъ васъ. Съ осанкой гордой

Смѣшны мнѣ обезьяны, что рѣшаютъ
Вопросы въ сферѣ умственной такъ смѣло,
Какъ будто это ихъ умишекъ дѣло!
И трусы тѣ смѣшны, что угрожаютъ

Отравленнымъ клинкомъ изъ-за угла.
Ахъ, если жизнь у насъ все отняла,
Что было намъ и дорого, и свято,

Разбито сердце, счастьемъ нѣтъ возврата—
За немѣнимъ другихъ утѣхъ,
Намъ остается лишь открытый, звонкій смѣхъ.

4.

Засѣла сказочка въ мозгу моемъ упорно;
Есть пѣсенка одна въ волшебной сказкѣ той.
А въ пѣснѣ дѣвушка блистаетъ красотой;
У дѣвушки въ груди сердечко есть безспорно,

Но лишь любви то сердце непокорно;
Въ немъ обитаетъ холодъ, и оно
Такъ своенравиемъ и гордостью полно,
Пропитано надменностью тлѣтворной.

Ты слышишь ли, какъ въ головѣ больной
Звенить та сказочка и какъ печальна
Та пѣсенка, какъ плутовски-нахально

Смѣется дѣвушка!.. И страшно мнѣ порой,
Что треснетъ черепъ мой. Не допустите, боги,
Чтобъ разумъ мой сошелъ съ своей дороги!

5.

По вечерамъ, въ часы печальныхъ грѣзъ,
Плывутъ ко мнѣ забытыхъ пѣсенъ звуки;
Я внемлю имъ; тускнѣетъ взоръ отъ слезъ,
И сердце старья терзаютъ мѹки.

Какъ въ зеркалѣ, всплываетъ предо мной
Возлюбленной моей изображенье:
Она сидитъ, отрадной тишиной
Озарено прелестное видѣнье.

Вдругъ милая порывисто встаетъ
И прядь волосъ, отрѣзавъ, мнѣ даетъ;
Я трепещу отъ счастья и боязни...

Злой духъ меня жестоко проучилъ:
Изъ пряди той веревку онъ ссучилъ—
И даръ любви сталъ горше лютой казни.

6.

Разстались мы—и встрѣтились опять.
«Захочешь ли ты нынѣ, какъ бывало,
О, милая, меня поцѣловать?»
И милая меня поцѣловала.

Потомъ она со смѣхомъ, какъ дитя,
Мнѣ миртовый отростокъ протянула:
«Взлелѣй его и вырасти, а я
За нимъ приду!»—и головой кивнула.

Давнымъ-давно засохъ отростокъ тотъ—
Все милой нѣтъ, все милая неидетъ,
Но поцѣлуй все такъ же пламенѣетъ,
И вижу я опять желанный домъ,
И, недвижимъ, стою передъ окномъ,
Пока востокъ зарей не заалѣетъ.

7.

Улыбкѣ злой не вѣрь, мой другъ, но знай,
Что добрыя улыбочки страшнѣе:
Увидѣлъ я въ одной улыбкѣ рай,
Зато когтей не видывалъ острѣе.

И старому коту не слишкомъ вѣрь,
Но знай, мой другъ—опаснѣе котята;
Взгляни, какъ весь истерзанъ я теперь
Лишь оттого, что полюбилъ когда-то.

Возможно ли, котенокъ милый мой,
Чтобъ я такъ зло обмануть былъ тобой?
И какъ твоихъ когтей я не примѣтилъ?

Пока твою я ручку цѣловалъ,
Какъ раненый, отъ боли я стоналъ.
О, ангель мой! Зачѣмъ тебя я встрѣтилъ!

8.

Не разъ, мой другъ, ты видѣла, какъ я
Съ разряженными куклами сражался,
И какъ онѣ позорили меня,
Дивясь, что цѣль и живъ я оставался.

Ты видѣла, какъ я изнемогалъ,
Съ кичливыми воюя болтунами,

И какъ не разъ я кровью истекалъ,
Лзвимый ихъ змѣнными рѣчами.

Ты-жь, твердая душою, какъ скала,
И малкомъ, и пристанью была
Моей душѣ разбитой и томимой.

Пусть грозные валы вокругъ встають
И въ пристань пусть немногіе войдутъ:
Но кто вошелъ—тотъ спи невозмутимо.

9.

Хотѣлъ бы плакать я, но плакать не могу;
Хотѣлъ бы въ вышину стремительно подняться—
Не въ силахъ; на землѣ я долженъ пресмыкаться
Средь гадовъ мерзостныхъ, въ шипящемъ ихъ кругу.

Хотѣлъ бы я парить, исполненный любви,
Повсюду надъ тобой, чудесное созданье,
Блаженно жить въ твоемъ божественномъ дыханьѣ—
Нѣтъ силъ; смертельный ядъ разлить въ моей крови.

Изъ сердца жгучею течетъ она рѣкою,
Лежу, измученный гнетущею тоскою,
Тускнѣеть взоръ, и жду съ томленьемъ жаднымъ дня,

Когда въ подземный міръ откроются ступени,
И я спущусь туда, и дружескія тѣни
Съ привѣтомъ заключать въ объятія меня.

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО.

(1822—1823).

ПРОЛОГЪ.

Былъ нѣкогда рыцарь, печальный, нѣмой,
Весь блѣдный, съ худыми щеками,
Шатаясь, бродилъ онъ, какъ будто шальной,
Объятый какими-то снами.
И былъ онъ такъ вялъ и неловокъ во всемъ;
Цвѣты и дѣвицы смѣялись кругомъ,
Когда проходилъ онъ полями.
Но чаще, забившись въ свой уголь, вздыхалъ,
Чуждаяся взора людского,
И руки куда-то съ тоской простиралъ,
Но тихо, безъ звука, безъ слова;
И такъ дожидался полуночи онъ;
Тогда раздавались вдругъ пѣнье и звонъ,
И стукъ передъ дверью дубовой.
И дѣва являлась предъ нимъ; какъ волна,
Шумѣло ея одѣянье;
Цвѣла и алѣла, какъ роза, она
И вдаль разсыпала сіянье;
Стройна и воздушна, въ кудряхъ золотыхъ,
Привѣтъ и побѣда въ очахъ голубыхъ—
И оба сливались въ лобзаньѣ.
И вдругъ перемѣна свершалася въ немъ:
Неловкость его исчезала,

И дѣлался смѣль, и пылалъ онъ огнемъ,
И краска въ лицѣ выступала.
А дѣва, играя, шутила надъ нимъ
И тихо блестящимъ вуалемъ своимъ
Его съ головой покрывала.
И вотъ, подъ водой, во дворцѣ голубомъ
Кристалльномъ, мой рыцарь гуляетъ.
И роскошь, и блескъ, и сіянье кругомъ
Чаруютъ и взоръ ослѣпляютъ;
И жметъ его никса въ объятяхъ своихъ,
И никса невѣста, и рыцарь женихъ,
И дѣвы на цитрѣ играютъ.
Играютъ онѣ и поютъ, и толпой
Танцующихъ пары летаютъ,
И рыцарь въ восторгѣ; онъ сильной рвкой
Подругу свою обнимаетъ...
Вдругъ свѣчи потухли, и замка ужъ нѣтъ—
И снова въ углу своемъ рыцарь-поэтъ
Сидитъ и печально вздыхаетъ.

1.

Въ чудеснѣйшемъ мѣсяцѣ маѣ
Всѣ почки раскрылися вновь—
И тутъ въ молодомъ моемъ сердцѣ.
Впервые проснулась любовь.
Въ чудеснѣйшемъ мѣсяцѣ маѣ
Всѣ птицы запѣли въ лѣсахъ—
И тутъ я ей сдѣлалъ признание
Въ желаньяхъ моихъ и мечтахъ.

2.

Изъ слезъ моихъ выходитъ много
Благоухающихъ цвѣтовъ,
И стоны сердца переходятъ
Въ хоръ сладкозвучныхъ соловьевъ.
Люби меня—и подарю я,
Дитя, тебѣ цвѣты мои;
И подъ окошками твоими
Залютятъ звонко соловьи.

3.

Лилею и розу, голубку и солнца сіянье
Когда-то любилъ я въ блаженномъ любовномъ страданьѣ;
Теперь не люблю ихъ; люблю я одну не на шутку—
Одну, граціозную, чистую, чудо-малютку.
Она—всѣхъ любовныхъ восторговъ сіянье—
Лилея и роза, голубка и солнца сіянье.

4.

Когда въ глаза твои смотрю я,
Тоску, страданье прочь гоню я;
Когда цѣлую ротикъ твой,
Совсѣмъ здоровъ я, ангелъ мой.

Когда на грудь твою склоняюсь,
Небеснымъ счастьемъ наслаждаюсь,
Когда-жъ «люблю» ты скажешь мнѣ;
Я горько плачу въ тишинѣ.

5.

Твой образъ милый и прекрасный
Давно ужъ видѣлъ я сквозь сонъ;
Онъ кротокъ, ангеламъ подобенъ,
И блѣденъ, и болѣзненъ онъ,
И только на губахъ алѣеть...
Но поцѣлуетъ смерть и ихъ,
И свѣтъ божественный потухнетъ,
Блестающій въ глазахъ святыхъ.

6.

Своей щекой прильни къ моей—
Пусть вмѣстѣ наши слезы льются,
И сердцемъ къ сердцу жмись сильнѣй—
Пусть вмѣстѣ пламенемъ зажгутся.

Когда же потекутъ рѣкой
Въ то пламя слезы разставанья,
Я, охвативъ твой станъ рукой,
Умру отъ сладкаго страданья.

7.

Хочу я въ чашечку лилеи
Всю душу погрузить свою—
И зазвучитъ лилея гѣсьною
Про ненаглядную мою.

И дрогнуть, затрепетать пѣсня,
Какъ поцѣлуй изъ устъ ея,
Что въ чудно сладкое мгновенье
Дала мнѣ милая моя.

8.

Неподвижныя отъ вѣка,
Звѣзды на небѣ стоятъ
И съ любовною тоскою
Другъ на друга все глядятъ.

Говорятъ онѣ прекраснымъ
И богатымъ языкомъ.
Но языкъ ихъ никакому
Филологу не знакомъ.

Я же тотъ языкъ прекрасный
Въ совершенствѣ изучилъ:
Дорогой подруги образъ
Мнѣ грамматикой служилъ.

9.

Умчу на крылахъ пѣснопѣи
Тебя, дорогая моя,
Къ равнинамъ у Гангеса; знаю
Тамъ мѣсто чудесное я.

Тамъ садъ расцвѣтаетъ роскошный,
Облитый спокойной дупой,
Тамъ лотоса цвѣтъ ожидаеть
Свиданія съ милой сестрой.

Фіалки смѣются, лепечуть,
На звѣзды глядятъ высоко,
И розы другъ другу все шепчуть
Душистыя сказки въ ушко.

И прыгаютъ, слушая чутко,
Газели, умны и легки,
И глухо шумятъ въ отдаленн
Священныя волны рѣки,

Тамъ будемъ подъ пальмой высокою
Лежать мы съ тобою вдвоёмъ;
Полны и любви, и покоя,
Мы въ грѣзахъ блаженныхъ заснемъ.

10.

Предъ солнцемъ роскошнымъ склонилась
Лилея, печали полна,
Головкою тихо поникла
И въ грѣзахъ ждетъ ночи она.

И мѣсяцъ—лилеи любовникъ,
Ее пробуждаетъ лучомъ,
И смотритъ она, улыбаясь,
На мѣсяцъ цвѣтушимъ лицомъ.

Цвѣтеть, и пылаеть, и блещеть,
И на небо смотритъ она;
Трепещеть, и пахнетъ, и плачетъ,
Любовныхъ томленій полна.

11.

Волны Рейна, рѣки этой чудной,
Отражаютъ, чаруя мой взоръ,
Кельнъ, большой и священный нашъ городъ,
И его исполинскій соборъ.

Въ томъ соборѣ есть образъ, написанъ
На золоченной кожѣ. Межъ тучъ
Моей жизни пустынной привѣтно
Онъ свѣтилъ, какъ живительный лучъ.

Вокругъ прекрасной Мадонны летаютъ
Ангелочки, цвѣты; а у ней
Щечки, губы, глаза—совершенно
Какъ у милой подруги моей.

12.

Ты не любишь меня, ты не любишь меня—
Мнѣ отъ этого мало кручины:
Посмотрю я въ лицо дорогое твое—
И счастливѣй, чѣмъ всѣ властелины.

«Ненавижу тебя, ненавижу тебя»,
Говоритъ мнѣ твой ротикъ— пустое!
Протяни мнѣ его для лобзанія ты,
Я утѣшусь, дитя дорогое!

13.

О, не клянись, цѣлуй меня!
Не вѣрю женскимъ клятвамъ я.

Мнѣ сладостны твои признанья,
Но слаще—пылкія лобзанья;
Они мои, я вѣрю имъ,
А слово—только паръ и дымъ.

Клянись, о, милая моя!
Тебѣ на слово вѣрю я.
Когда къ груди твоей прильну я,
Блаженству вѣрю своему я,
Что будешь вѣчно ты моя,
И даже дольше—вѣрю я.

14.

На глазки милой, ненаглядной,
Пишу я чудныя канцоны;
На ротикъ милой, ненаглядной,
Пишу я лучшія терцины;
На щечки милой, ненаглядной,
Пишу прекраснѣйшіе стансы;
А будь у ней сердечко—я бы
Сонетъ прелестный написалъ.

15.

Люди глупы, люди слѣпы,
Въ нихъ такъ много пустоты;
Говорятъ, мой другъ прекрасный,
Будто зла, капризна ты.

Люди глупы, люди слѣпы,
Люди вѣчно не поймутъ,
Какъ твои лобзанья сладки,
Какъ они блаженствомъ жгутъ.

16.

Объясни мнѣ, дорогая,
Ты не призракъ ли какой,
Что въ мечтахъ поэта бродить
Лѣтней душною порой?

Нѣтъ, не призракъ! Этотъ ротикъ,
Этихъ глазъ волшебный свѣтъ,
Эту милую малютку—
Не создастъ никакъ поэтъ.

Василисковъ, змѣй, вампировъ,
Все, что движется, живетъ

Въ мірѣ сказочныхъ животныхъ—
Духъ поэта создаетъ.

Но тебя, твое лукавство,
Глазъ прекрасный, хитрый свѣтъ,
Весь твой образъ чистый, кроткій
Не создастъ никакъ поэтъ.

17.

Какъ изъ пѣны волнъ рожденная,
Красотой блеститъ она,
Другу чуждому невѣстою
Дорогая названа.

Сердце многотерпѣливое,
За презрѣніе не мсти,
Все сноси и милой дурочкѣ
Всѣ дѣла ея прости.

18.

Я не сержусь; и хоть сердце мое разорвется, любя,
Другъ мой, погибшій навѣки, я все не сержусь на тебя.
Блещешь ты ярко и пышно въ алмазовъ своихъ красотѣ,
Но лучъ ни единый не свѣтитъ въ сердечной твоей темнотѣ.

Это я знаю давно; я давно тебя видѣлъ во снѣ:
Видѣлъ я сумракъ глубокій въ сердечной твоей глубинѣ,
Видѣлъ, какъ сердце твое и сосала, и грызла змѣя;
Видѣлъ я, сколько страданій въ тебѣ, дорогая мол.

19.

Да, ты страдалница, и не сержуся я...
Намъ суждено страдать, прекрасная моя.
Пока не розобьетъ въ насъ смерть души больной,
Мы все должны страдать, мой милый другъ, съ тобой.

Я видѣлъ у тебя презрѣнье на устахъ,
И видѣлъ я, какъ гнѣвъ сверкалъ въ твоихъ глазахъ,
И гордо, какъ волна, вздымалась грудь твоя;
Но все страдаешь ты, страдаешь такъ, какъ я.

И боль незримая дрожить въ твоихъ устахъ,
И скрытая слеза туманитъ свѣтъ въ глазахъ,
И раны тайныя скрываетъ грудь твоя—
Намъ суждено страдать, прекрасная моя!

20.

Слышны звуки флейтъ и скрипокъ,
Трубъ звучанье раздается;
Тамъ подруга дорогая
Въ танцѣ свадебномъ несется.

Отъ литавровъ и кларнетовъ
Громкій свистъ и дребезжанье,
А межъ ними слышны стоны,
Добрыхъ ангеловъ рыданья.

21.

Итакъ, ты совсѣмъ и навѣки забыла,
Какъ долго меня ты всѣмъ сердцемъ любила,
Тѣмъ маленькимъ сердцемъ, въ которомъ все сладко и ложно:
Едва ли найти что и слаще, и лживѣе можно.

Итакъ, ты любовь и страданье забыла,
Которыми сердце мое ты давила.
Не знаю, что было въ немъ больше: любовь иль страданіе
злое—

Но знаю, что было велико и то, и другое.

22.

Если-бъ знали малютки цвѣточки,
Какъ въ душѣ моей боль глубока,
Зарыдали они бы со мною,
Чтобъ моя излѣчилась тоска.

И когда-бъ соловьи понимали,
Какъ я грустенъ и боленъ душой,
Съ наслажденьемъ они бы пропѣли
Утѣшенія пѣснь надо мной.

И когда-бъ золотистыя звѣзды
Мое горе могли понимать,
Снизопли бы онѣ съ поднебесья
Мнѣ привѣтное слово сказать,

Но никто моей грусти не знаетъ,
Знаетъ грусть мою только одна:
Безпощадно сама разорвала,
Разорвала мнѣ сердце она.

23.

Отчего, скажи мнѣ, милая,
Розы стали такъ блѣдны?

Отчего фіалки синія
Молчаливы и грустны?
Отчего поетъ такъ жалобно
Птичка съ синей высоты?
Отчего могильнымъ запахомъ
Вѣютъ пестрые цвѣты?
Отчего сердито, холодн
Смотритъ солнце на поля?
Отчего пуста и сумрачна,
Какъ могила, вся земля?
Отчего, скажи мнѣ, милая,
Самъ печаленъ, боленъ я?
Отчего меня ты кинула,
Ненаглядная моя?

24.

Они тебѣ сказали много,
Меня старались осуждать,
Но чѣмъ душа моя болѣла,
Не могъ никто изъ нихъ сказать.

И много смысла придавали
Они разсказу своему,
И грустно головой качали,
И злымъ они меня назвали—
И ты повѣрила всему.

Но дѣла самаго дурного
Не зналъ никто изъ тѣхъ людей:
Я все глупѣйшее и злое
Глубоко скрылъ въ груди' моей.

25.

Пышно липа цвѣла; заливался въ кустахъ соловей;
Солнце смѣхомъ привѣтнымъ смѣялось;
Ты, цѣлуя меня, обнимала рукою своей,
Полной грудью ко мнѣ прижималась.

Но опали листья, глухо воронъ въ лѣсу прокричалъ,
Солнце мертвеннымъ взоромъ смотрѣло,
И другъ другу «прости» безъ волненія каждый сказали,
И превѣжливо мнѣ ты присѣла.

26.

Мы долго и много другъ друга любили,
Но въ добромъ согласѣ и мирѣ мы жили,
И часто мы въ «Мужа съ Женою» играли,
Но ссоры и драки совсѣмъ мы не знали.
И тѣшились вмѣстѣ, и вмѣстѣ смѣялись,
И нѣжно ласкались, и все цѣловались,
И, въ жмурки играя, изъ дѣтской забавы,
Зашли мы далѣко, въ лѣса и дубравы...
И спрятаться такъ хорошо мы успѣли,
Что послѣ другъ друга найти не сумѣли.

27.

Ты мнѣ долго вѣрной оставалась
И всегда защитой мнѣ являлась.
Пролила ты много утѣшенья
На мои невзгоды и мученья.

Ты меня поила и кормила,
И не разъ мнѣ денегъ ты ссудила,
И бѣльемъ снабжала понемногу,
И дала мнѣ паспортъ на дорогу.

Богъ храни тебя на долги годы
Отъ жары и зимней непогоды;
Не пошли тебѣ Онъ воздаянья
За твои ко мнѣ благодарьянья.

28.

Земля такъ долго скаредна была;
Май наступилъ—у ней опять щедроты;
Повсюду смѣхъ, и радость, и хвала—
Но у меня смѣяться нѣтъ охоты.

Цвѣты растутъ; бубенцами звеня,
Идутъ стада; по-человѣчьи птица,
Какъ въ сказкѣ, говорить—что мнѣ ихъ болтовня?
На все могу я только злиться.

И люди мнѣ противны; даже мой
Другъ, сносный вообще—и тотъ волнуешь;
Все оттого, мой ангелъ дорогой,
Что свѣтъ тебя «мадамъ» ужъ титулуешь.

29.

И между тѣмъ, какъ я такъ долго медилъ тамъ,
Бродилъ въ мечтаніяхъ по чуждымъ сторонамъ,
Моей возлюбленной ждать стало не подь силу—
И вотъ она себѣ нарядъ вѣнчальный сшила,
И съ нѣжностью къ груди притиснула своей
Глупѣйшаго изъ глупыхъ всѣхъ людей.

Возлюбленная такъ прекрасна и нѣжна,
Передъ моей душой все носится она,
Фіалочки—глаза, уста и щечки—розы
Цвѣтутъ, горять годъ, не зная про морозы.
И что я могъ уйти отъ прелестей такихъ—
Была глупѣйшая изъ глупыхъ штукъ моихъ.

30.

Глазокъ синія фіалки,
Щечекъ пурпурныя розы,
Ручекъ бѣлыя лилеи—
Все цвѣтетъ, не увядая,
И сердечко лишь изсохло.

31.

Природа прекрасна, свѣтло въ небесахъ,
И въ воздухѣ вѣетъ отрадой такою;
Киваютъ цвѣты на зеленыхъ лугахъ,
Блестятъ и искрятся подь свѣжей росой;
А люди ликуютъ вездѣ предо мной...
А я бы улегся въ могилѣ сырой,
Обнявшись съ умершей моей дорогою.

32.

Когда ты въ суровой могилѣ,
Въ могилѣ уснешь навсегда,
Сойду я, моя дорогая,
Сойду за тобою туда.
Къ безмолвной, холодной и блѣдной
Я, пылко цѣлуя, прижмусь,
Дрожа, и ликуя, и плача,
Я самъ въ мертвеца обращусь.
Встаютъ мертвецы, клочетъ полночь,
И пляшетъ воздушный ихъ рой.

Мы оба—недвижны въ могилѣ,
Лежу я, обнявшись съ тобой.

И мертвыхъ день судный сзываетъ
Къ блаженству, къ мученіямъ злымъ;
А мы, ни о чемъ не горюя,
Съ тобою обнявшись, лежимъ.

33.

На сѣверной, голой вершинѣ
Дубъ одинокій стоитъ;
Онъ дремлетъ—и льдомъ, и снѣгами,
Какъ саваномъ бѣлымъ, покрытъ.

И бѣдному грезится пальма,
Что въ дальней, восточной землѣ
Нѣма, одинока горюетъ
На солнцемъ сожженной скалѣ.

34.

(Голова говорить):

Ахъ, будь я скамеечкой тою,
Гдѣ милой покоятся ножки—
Топчи она сколько угодно,
Не сталь бы роптать я ни крошки.

(Сердце говорить):

Ахъ, будь я подушечкой тою,
Куда она шпильки втыкаетъ—
Мнѣ каждый уколъ какъ бы радость,
Коли себѣ, сколько желаетъ.

(Шѣсня говорить):

Ахъ, будь я бумажкою тою,
Что къ ней въ папильотку попала---
Я все, что живетъ во мнѣ, дышитъ,
Ей тайно-бъ въ ушко прошептала.

35.

Съ той поры, какъ съ милой простился,
Я смѣяться совсѣмъ разучился.
Острота временами срывалась плохая,
Но смѣяться не могъ никогда я.

Съ той поры, какъ я милой лишился,
Я и плакать совсѣмъ разучился;

Сердце рвется, скорбя и тоскуя—
Но заплакать уже не могу я.

36.

Изъ великихъ страданій слагаю
Невеликія пѣсенки я;
Расправляютъ звучація крылья—
И летятъ онѣ къ сердцу ея.

И нашли онѣ къ милой дорогу,
Но оттуда вернулись ко мнѣ
И, тоскуя, сказать не хотѣли,
Что увидѣли въ сердцѣ онѣ.

37.

Филистеры, въ праздничныхъ платьяхъ,
Гуляютъ въ долинахъ; въ лѣсу,
И прыгаютъ, точно козлята,
И славятъ природы красу.

И смотрягь, прищуривъ глазенки,
Какъ все романтично цвѣтеть,
И длинныя уши впиваютъ,
Что птица на вѣткѣ поеть.

Въ моемъ же покоѣ всѣ окна
Задернуты чернымъ сукномъ;
Ночныя мои привидѣнья
Меня посѣщаютъ и днемъ.

Былая любовь, появляясь,
Изъ царства умершихъ встаетъ,
Садится со мною, и плачетъ,
И сердце томительно жметъ.

38.

Картины дней давно забытыхъ
Выходятъ изъ своихъ могилъ
И мнѣ показываютъ снова,
Какъ близъ тебя я прежде жилъ.

Тогда я днемъ, въ печальныхъ грѣзахъ,
Бродилъ по переулкамъ всѣмъ,
И люди на меня дивились,
И былъ я сумраченъ и нѣмъ.

А ночью улицы пустѣли;
Тутъ легче становилось мнѣ,
И одинокъ, съ моею тѣнью,
Бродилъ я въ грустной тишинѣ;

Потомъ, звучащими шагами,
Я черезъ мостъ переступалъ;
Являлся изъ-за тучки мѣсяцъ,
Меня онъ грустно провожалъ.

И, стоя предъ твоимъ жилищемъ,
Вверхъ долго всматривался я,
Смотрѣлъ я на твое окошко—
И ныла такъ душа моя.

Я знаю: ты не разъ смотрѣла
И различала съ вышины,
Когда стоялъ я, какъ колонна,
При свѣтѣ трепетномъ луны.

39.

Любить юноша дѣвицу,
Та другого избираетъ,
А другой другую любитъ,
Съ ней въ законный бракъ вступаетъ.

Раздосадована этимъ,
Сочетается дѣвица
Тоже бракомъ съ первымъ встрѣчнымъ.
Юноша груститъ и злится.

Эта старая исторья
Вѣчно новой остается,
А задѣнетъ за живое—
Сердце на-двое порвется.

40.

Чуть только я пѣсню услышу,
Что пѣла когда-то она—
И грудь моя хочетъ разбиться,
Неслыханной боли полна.

И мчитъ меня мрачное горе
Высоко, къ лѣснымъ вышнямъ.
Мое безконечное горе
Въ слезахъ разрѣшается тамъ.

41.

Мнѣ снилось царское дитя
Съ большими, блѣдными щеками:
Подъ липой мы сидѣли съ ней,
Полны любви, сплетясь руками.

— Не нуженъ мнѣ отцовскій тронъ,
Его держава золотая,
Я не хочу его вѣнца—
Тебя хочу я, дорогая!

— Нѣтъ,—мнѣ отвѣтила она:—
Тому не быть: въ гробу лежу я
И только по ночамъ къ тебѣ,
Любя такъ сильно, прихожу я.

42.

Моя дорогая, сидѣли
Въ ладѣ мы съ тобою вдвоемъ;
Все было безмолвно—мы плыли
Широкимъ волнистымъ путемъ.
Прекрасный таинственный островъ
Въ сіяніи лунномъ лежалъ;
Тамъ слышались сладкіе звуки
И въ пляскѣ туманъ пробѣгалъ;
Тамъ слаще и слаще звучало
И что-то все двигалось тамъ,
А мы, безотрадно, съ тобою
Неслись по широкимъ водамъ.

43.

Изъ сказокъ позабытыхъ что-то
Рукою бѣлой машетъ мнѣ,
Звучитъ и сладко напѣваетъ
Объ очарованной странѣ,
Гдѣ клонятся цвѣты большіе
Въ сіяньѣ ночи золотомъ,
Гдѣ нѣжно смотрять другъ на друга
Они любовниковъ лицомъ;
Гдѣ шепчутъ межъ собой деревья
И пѣснь поютъ, какъ звучный хоръ,

Гдѣ, будто звуки плясовые,
Бѣгутъ потоки на просторѣ.

Туда хотѣлъ бы я укрыться
И сердце тамъ развеселить
И, всѣ мученья позабывши,
Свободнымъ и блаженнымъ быть.

Ахъ, этотъ край, блаженства полный,
Во снѣ такъ часто вижу я;
Но встанетъ день—и исчезаетъ
Мечта волшебная моя!

44.

Тебя любилъ я, и люблю теперь!
И если-бъ міръ весь рухнулъ, вѣрь,
Моей любви неугасимый пламень
Пробился бы и сквозь развалины камень.

45.

Въ блестящее лѣтнее утро
Печально я садомъ хожу;
Цвѣточки таинственно шепчуть,
А я молчаливо брожу.
Цвѣточки таинственно шепчуть,
Я слышу ихъ грустный привѣтъ:
«На напу сестру не сердися,
Печальный и блѣдный поэтъ!»

46.

Любовь моя свѣтитъ, блистаетъ
Вся въ мрачной своей красотѣ,
Какъ старая грустная сказка,
Что слышишь въ ночной темнотѣ:
«Въ саду очарованномъ пара
Гуляетъ безмолвна, одна,
Въ кустахъ соловьи расцѣвываютъ,
И трепетно свѣтитъ луна.
«Какъ статуя, дѣва безмолвна...
У ногъ ея рыцарь лежитъ...
Дикарь-великанъ тутъ приходитъ—
И робкая дѣва бѣжитъ.»

«Въ крови повергается рыцарь,
Уходитъ дикарь-удалець...»
Какъ только меня похоронятъ,
Вотъ тутъ-то и сказкѣ конецъ.

47.

Они меня терзали много
И много мучили порой,
Одни—любовію своею,
Другіе—ненавистью злой.
Мой хлѣбъ наполнили отравой
И влили ядъ въ напитокъ мой,
Одни—любовію своею,
Другіе—ненавистью злой.
По та, которая всѣхъ больше
Терзала, мучила всегда,
Та ненавидѣть не хотѣла
И не любила никогда.

48.

На твоихъ прекрасныхъ щечкахъ
Лѣто жаркое алѣетъ,
И холодною зимою
Сердце маленькое вѣетъ.
Ненаглядная подруга,
Пережьвется все это:
Перейдетъ зима на щеки,
А на сердцѣ станетъ лѣто!

49.

Когда разлучаются двое,
То руку другъ другу даютъ,
И громко вздыхать начинаютъ,
И слезы горячія льютъ.
А мы не рыдали съ тобою,
Безъ стонувъ прощанье снесли...
Тяжелые вздохи и слезы
Ужъ послѣ разлуки пришли.

50.

Отравлены мои всѣ пѣсни—
Иначе не могло и быть;

Ты жизнь цвѣтущую сумѣла
Во мнѣ злымъ ядомъ отравить.
Отравлены мои всѣ пѣсни—
Иначе не могло и быть:
Я осужденъ въ печальномъ сердцѣ
И змѣй, и милую носить.

51.

Я медленно ѣду въ телѣгѣ
Веселой зеленою чащей,
Цвѣтушей поляной, волшебной
При солнечномъ свѣтѣ блестящей.
Сижу я, и мыслю, и грежу,
И полонъ о милой мечтами,
И вижу—три тѣни киваютъ,
Нагнувшись ко мнѣ головами;
И скачутъ, и корчатъ гримасы,
То робко, то ѣдко смѣются,
Мутятся, крутятся, какъ тучки,
Хохочуть и мимо несутся.

52.

Плакалъ я во снѣ: мнѣ снилось,
Что въ могилѣ ты лежала;
Я проснулся—и слезинка
По щекѣ моей бѣжала.

Плакалъ я во снѣ: мнѣ снилось,
Что пришла пора разлуки;
Я проснулся—и лилися
Долго слезы горькой мѣки.

Плакалъ я во снѣ: мнѣ снилось,
Будто я любимъ тобою;
Я проснулся—слезы льются
И теперь еще рѣкою.

53.

Во снѣ я ночь каждую вижу:
Привѣтливо мнѣ ты киваешь,
И громко и горько рыдая,
Я милая ножки цѣлую.

Глядишь на меня ты уныло,
Качаешь прекрасной головкой,
Изъ глазъ твоихъ крадутся тихо
Жемчужныя слезныя капли.

Ты шепчешь мнѣ тихое слово,
Даришь кипарисную вѣтку;
Проснусь я—и нѣтъ моей вѣтки,
И слово твое позабылъ я.

54.

Дождь осенній льется; вѣтеръ
Ходить, воя и свистя...
Гдѣ теперь моя бѣдняжка,
Боязливое дитя?

Вижу: въ комнату уютной,
Прислонившись у окна,
Въ ночь угрюмую, сквозь слезы,
Смотрить пристально она.

55.

Вѣтви гнетъ осенній вѣтеръ,
Воздухъ холоденъ ночной.
Завернувшись въ плащъ свой сѣрый,
Ѣду чащею лѣсной.

Ѣду—и мои всѣ думы
Тоже скачутъ предо мной
И меня легко, воздушно
Мчатъ къ жилищу дорогой.

Лають псы, бѣжитъ прислуга,
Свѣтятъ факелы въ лицо.
Громко шпорами стучу я
И вбѣгаю на крыльцо.

Въ уголкѣ уютномъ, свѣтломъ
Ждетъ красавица моя...
Такъ тепло тамъ и душисто...
Я въ объятяхъ ея...

Вѣтеръ шепчетъ между листьевъ,
Слышенъ голосъ изъ вѣтвей:
«Что ты хочешь, глупый всадникъ,
Съ глупой грѣзою своей». —

56.

Съ вышины своей блестящей
Мчится звѣздочка одна...
То звѣзда любви кагится—
Мнѣ знакома такъ она.

Съ вѣтокъ яблони валятся
И цвѣточки, и листы;
Рѣзвый вѣтеръ шаловливо
Гонить листья и цвѣты.

На прудѣ, качаясь, лебедь
Съ пѣснью плавасть вокругъ;
Онъ поетъ все тише, тише,
И на дно ныряетъ вдругъ.

Такъ темно вездѣ, такъ тихо...
Свяли листья, сваянулъ цвѣтъ;
Съ трескомъ звѣздочка распалась;
Лебединой пѣсни нѣтъ.

57.

Полночь была нѣма и холодна,
Я лѣсомъ шелъ, исполненный печали,
И пробудилъ деревья я отъ сна,
Съ участиемъ головой они качали.

58.

Зарыть на дальнемъ перекресткѣ
Самоубійцы трупъ въ песокъ;
Надъ нимъ растеть цвѣточекъ синій,
Самоубійць цвѣтокъ...

Тамъ я стоялъ, вздыхая... Вечеръ
Все сномъ и холодомъ облекъ,
И при лунѣ качался тихо
Самоубійць цвѣтокъ.

59.

Ночь глаза мои давила,
На губахъ свинець лежалъ,
Мозгъ и сердце омертвѣли...
Я въ могилѣ крѣпко спалъ.

Сколько спалъ я такъ въ могилѣ,
Самъ не знаю я того...
Я проснулся—кто-то стукнулъ
Въ двери гроба моего.

— Генрихъ, милый, встань скорѣе!
День послѣдній насъ зоветъ;
Мертвецы уже возстали,
Вѣчный праздникъ настаеть.

— Встать нельзя мнѣ, дорогая—
Нѣтъ въ глазахъ моихъ огня;
Ты вѣдь знаешь—ослѣпили
Слезы горькія меня.

— Генрихъ, сладкимъ поцѣлуемъ
Ночь твою я унесу;
Взоръ твой ангеловъ увидитъ
И небесную красу.

— Встать нельзя мнѣ, дорогая—
Кровь струится все сильнѣй
Тамъ, гдѣ ты кольнула въ сердце
Рѣчью колкою своей.

— Генрихъ, нѣжною рукою
Сердце тихо трону я —
Перестанетъ кровь струиться
Боль залѣчится твоя.

— Встать нельзя мнѣ, дорогая—
Голова моя въ крови;
Я стрѣлялъ въ нее, лишившись
Наслажденія любви.

— Генрихъ, рану головную
Я кудрями заложу,
Залѣчу я эту рану,
Кровь навѣки удержу.

Просьбѣ кроткой, просьбѣ милой
Я не могъ противостать,
И хотѣлъ скорѣй подняться,
Чтобы милую обнять.

Но раскрылись снова раны,
Съ дикой силой кровь моя

Заструилась, побѣжала...
И—проснулся я...

60.

За чаемъ, компаньей обычною
Собравшись, они о любви говорили;
Мужчины съ душой эстетичною,
Дамы съ нѣжными чувствами были.

«Любить мы должны платонически»,
Гофратъ произнесъ—и при этихъ словахъ
Супруга его пронически
Улыбнулась, вздохнувши однакоже: «ахъ!»

Пасторъ провѣщаль: «Увискаться любовью
Нельзя слишкомъ грубо; ина́че всегда
Она вредъ наносить здоровью».
На это замѣтила барышня: «Да?»

Графиня, съ задумчивой грустью вздыхая,
«Любовь,—говорить:—это страсти волна».
И съ милой улыбкою чашечку чаю
Барону подносить она.

За чайнымъ столомъ оставалось мѣстечко—
Тебѣ, моя крошка его бы занять:
О томъ, что такое любовь, ты словочко
Чудесное имъ бы сумѣла сказать.

61.

Мой старый сонъ привидѣлся мнѣ вновь:
То было майской ночью. Снова оба
Подъ липой мы сидѣли, и любовь
Взаимную клялись хранить до гроба.

И безъ конца шли клятвы... болтовня,
Смѣхъ, поцѣлуи, ласки—все тутъ было;
Чтобъ клятва въ памяти осталась у меня,
Меня ты въ руку укусила.

О, ангель мой, зубастая моя,
Съ глазенками, блестящими такъ ясно!
Что клятвы смыслъ имѣють—знаю я;
Кусаться же излишне и напрасно.

62.

Стою я на верху горы,
Настроенный сентиментально.
«Ахъ, будь я птичка!» сотни разъ.
Вдыхая, я твержу печально.

Будь ласточкою я—къ тебѣ
Сейчасъ я полетѣлъ бы, крошка,
И свиль бы гнѣздышко свое
Какъ разъ у твоего окошка.

Будь соловьемъ я—я сейчасъ
Къ тебѣ, малютка, полетѣлъ бы
И ночью пѣсенки мои
Тебѣ съ зеленой липы пѣлъ бы.

Будь я снигирь—къ тебѣ сейчасъ
Слетать бы я: вѣдь состраданья
Полна ты къ глухимъ снигирямъ
И исцѣляешь ихъ страданья.

63.

Гдѣ-бъ я ни былъ, меня окружаетъ
Всюду мракъ непроглядно глубокий
Съ той поры, какъ уже не блистаетъ
Предо мною мой другъ свѣтлоокій.

Навсегда для меня загасилась
Звѣздъ любви красота золотая,
И у ногъ моихъ бездна раскрылась...
Поглоти меня, ночь вѣковая!

64.

Въ гигантскій замокъ я внесенъ былъ богомъ сна.
Какой-то странною, волшебной духотою
Былъ воздухъ сжать; людей испуганныхъ волна
Неслась по комнатамъ, что чудно межъ собою
Сплелися въ лабиринтъ; въ слезахъ вопя, она
Искала выхода, и пестрою толною—
Гдѣ тоже рыцарей и благородныхъ женъ
Немало собралось—я самъ былъ увлеченъ.

Но вдругъ—стою одинъ. Куда-жъ въ одно мгновенье
Могли дѣваться всѣ?.. Дивлюсь я—и пду,
Спѣшу... Но комнаты, въ чудесномъ ихъ сплетеньѣ,

Сбиваютъ всѣ пути—и нѣтъ конца труду.
Въ ногахъ моихъ свинець, въ душѣ боязнь, томленьс;
Почти надежды нѣтъ, что выхождъ я найду...
Но вотъ достигнулъ я послѣдней двери... Чтò же
Я вижу? Кто стоитъ передо мной, о Боже!
Она, она, моя возлюбленная! Взглядъ
Тревожный; на губахъ нѣмая скорбь блуждаетъ...
Рукой даетъ мнѣ знакъ, чтобъ вновь я шелъ назадъ...
Не знаю—сердится или предупреждаетъ?..
Но вдругъ—въ глазахъ огонь, въ которомъ рай и адъ,
И сердце онъ мое, и мозгъ мой онъ сжигаетъ...
Вперила взоръ въ меня прекрасная моя...
Такъ строгъ и нѣженъ онъ... и пробудился я.

65.

Пѣсни старья, дурныя,
Злые, тягостные сны
Похоронимъ. Принесите
Гробъ большой величины.
Мы въ него положимъ много;
Чтò—скажу вамъ послѣ я.
Гейдельбергской бочки больше
Долженъ быть тотъ гробъ, друзья.
Принесите и носилки
Изъ досокъ надежныхъ мнѣ.
А длиной должны равняться
Мосту майнцскому онъ.
И двѣнадцать великановъ
Приведите—на подборъ,
Ростомъ выше, чѣмъ въ соборѣ
Кельнскомъ sanctus Христофоръ.
Имъ вы дайте гробъ; велите
Въ глубь морскую опустить:
Гробъ такой большой вѣдь долженъ
И въ большой могилѣ быть.
Отчего же такъ великъ онъ,
Такъ тяжелъ? Теперь скажу:
Въ немъ любовь мою и скорби
Я навѣки уложу.

СНОВА НА РОДИНѢ.

(1823—1824).

1.

Долго въ этой жизни темной
Образъ милой мнѣ блисталь;
Но исчезъ онъ—и, какъ прежде,
Я бродить въ потемкахъ сталъ.

Какъ ребенокъ запѣваетъ
Пѣсню громкую впотьмахъ,
Чтобы ею хоть немного
Разогнать свой дѣтскій страхъ,

Такъ, ребенокъ безразсудный,
Въ темнотѣ пою и я,
Пѣсня, можетъ, незабавна,
Да тоска прошла моя.

2:

Что бы значило такое,
Что душа моя грустна?
Въ головѣ моей все бродить
Сказка, старая одна.

Воздухъ свѣжъ, кругомъ темнѣеть,
И спокойно Рейнь бѣжитъ,
И вечерній отблескъ солнца
Горь вершины золотить.

На скалѣ высокой сѣла
Дѣва, чудная краса,

Въ золотой одеждѣ, чешеть
Золотые волоса.

Золотымъ ихъ чешеть гребнемъ
И межъ тѣмъ поетъ она,
И мелодія той пѣсни
Поразительно сильна,

И пѣвецъ въ ладѣ, ей внемя,
Дикой скорбью пораженъ;
Онъ не видитъ скаль подводныхъ,
Только вверхъ все смотритъ онъ.

Поглотятъ навѣрно волны
И пловца, и челнъ его:
Ихъ погубитъ Лорелея
Чарой пѣнья своего.

3.

Не радуется вешнее солнце
Смущенную душу мою:
На крѣпости старой, подъ липой,
Одинъ я печаленъ стою.

Какъ ярко блеститъ подъ горою
Лазоревой гладью рѣка!
Плыветъ по ней лодка; далѣко
Разносится пѣснь рыбака.

А тамъ, за рѣкою, пестрѣютъ
Подъ ясной улыбкой небесъ
Сады и бесѣдки, и дачи,
И люди, и стадо, и лѣсъ.

Вонъ дѣвушки берегомъ идутъ
Къ зыбучему плоту съ бѣльемъ;
Вонъ мельница шумно трудится
И сыплетъ алмазнымъ дождемъ.

Вонъ древняя, ветхая башня
И будка у старыхъ воротъ;
Солдатъ въ ярко-красномъ мундирѣ
Тамъ ходитъ и назадъ и впередъ.

Играетъ ружьемъ онъ, и ярко
Сверкаетъ на солнцѣ ружье...

«На плѣ-чо! на кра-улы!» Солдатикъ,
Прицѣлся ты въ сердце мое!

4.

По лѣсу брожу я и плачу,
А дроздъ сквозь густыя лѣсты
Мнѣ свищетъ, порхая по вѣткамъ:
«О чемъ закручинился ты?»

Узнай у сестрицъ, у касатокъ—
Онѣ тебѣ скажутъ—о чемъ:
Весной онѣ гнѣзда лѣпили
У милой моей подъ окномъ.

5.

Сырая и бурная полночь,
Не видно звѣзды ни одной...
Въ лѣсу я скитаюсь... Тоскливо
Деревья шумять надо мной.

Блеститъ огонекъ въ отдалены,
Въ пустынномъ жильѣ лѣсника;
Меня онъ ничуть не прельщаетъ:
Тамъ въ этомъ жилищѣ --тоска...

Тамъ въ кожаныхъ креслахъ высокихъ
Слѣпая старуха сидитъ
Недвижно, какъ будто статуя,
И туго, зловѣще молчитъ.

Сынъ рыжій лѣсничаго бродитъ,
Свое проклиная житье,
Отъ бѣшенства дико хохочетъ
И въ уголь кидаетъ ружье.

Красотка прядильница плачетъ,
Весь день ея вымокъ отъ слезъ...
Въ ногахъ у ней ползаетъ съ визгомъ
Отцовскій охотничій песъ...

6.

Когда по дорогѣ, случайно,
Мнѣ встрѣтилась милой родня,
И мать, и отецъ, и сестрицы
Любезно узнали меня.

Спросили меня о здоровьи,
Прибавивши сами потомъ,
Что мало во мнѣ перемѣны;
Одно---что я блѣденъ лицомъ.

О теткахъ, золовкахъ и разныхъ
Докучныхъ спрашивалъ я,
О маленькой также собачкѣ
Съ привѣтливимъ лаемъ ся.

Спросилъ, между прочимъ, о милой—
Какъ съ мужемъ она прожила?
И мнѣ отвѣчали любезно,
Что только на-дняхъ родила.

И я ихъ любезно поздравилъ
И нѣжно шепталъ имъ въ отвѣтъ.
Прося передать поздравленье
И тысячу разъ мой привѣтъ.

Сестрица промолвила громко:
«Съ собачкой случилась бѣда:
Какъ стала большою, взбѣсилась---
Утоплена въ Рейнѣ тогда».

Въ малюткѣ есть съ милою сходство:
Улыбку ея узнаю,
И тѣ же глаза, что сгубили
И юность, и душу мою.

7.

У входа въ рыбацью лачужку
Усѣвшись въ вечерней порой,
Смотрѣли мы, какъ надъ заливомъ
Туманъ поднимался сѣдой.

Передъ нами на башнѣ маячной
Огни постепенно зажгли.
Еще мы одну разглядѣли
Чернѣвшую мачту вдали.

Вели разговоръ мы о буряхъ,
О страшномъ крушенъ судовъ,
И какъ межъ надеждой и страхомъ
Проходить вся жизнь моряковъ.

О сѣверѣ мы говорили,
О югѣ, о странахъ чужихъ,
О странныхъ далекихъ народахъ,
О странныхъ обычаяхъ ихъ.

Гдѣ свѣтлыя воды Гангеса
Струятся, и лотосъ цвѣтетъ—
Колѣна предъ нимъ преклоняетъ
Красивый и тихій народъ.

Въ Лапландіи, съ черепомъ плоскимъ
На корточкахъ люди сидятъ,
И жарятъ они себѣ рыбу,
И дико визжатъ и кричатъ.

Насъ слушали дѣвушки чинно;
Но вотъ всѣ притихли мы вдругъ.
Ужъ мачты намъ не было видно,
И мракъ разстилался вокругъ...

8.

Привяжи, душа-рыбачка,
Ты у берега челнокъ!
Подойди, рука съ рукою
Сядемъ вмѣстѣ на песокъ.

Безъ боязни припади ты
Мнѣ на сердце головой!
Вѣдь безъ страха синю морю
Ты челнокъ ввѣряешь свой.

Это сердце—то же море:
Таль же часты бури въ немъ,
Такъ же, бурное, богато
Многоцѣннымъ жемчугомъ.

9.

Мѣсяцъ взошелъ, обливаешь
Свѣтомъ трепещущимъ волны;
Милую нѣжно я обнялъ.
Сладко сердца наши полны.

Въ милыхъ объятыхъ лежу я
На берегу безмятежно.

— Чтò ты все слушаешь вѣтеръ,
Съ дрожью въ рукѣ бѣлоснѣжной?

— Это не вѣтеръ, а пѣнье:
Дѣвы поютъ водяныя.
Сестры мои, противъ воли
Скрытыя въ волны морскія.

10.

Вихорь смерчи водяные
Вздѣлъ, какъ бѣлые штаны,
И бѣжитъ, бичуя волны;
Волны гнѣвны и черны.

Тьма на небѣ, ливень хлещеть,
Пуще злится ураганъ;
Мнится, съ ночью довременной
Слился старый океанъ.

Къ нашей мачтѣ чайка жметя,
Бурей смята на лету,
И пророчить хрилымъ крикомъ
Неминучую бѣду.

11.

Буря поетъ плясовую,
Свищетъ во всю свою мочь...
Пляшетъ нашъ бѣдный корабликъ...
Чтò за разгульная ночь!

По морю буйной ватагой
Съ грохотомъ волны бѣгутъ;
Черныя пастіи зіяютъ,
Бѣлыя горы встаютъ.

Слышны въ каютахъ проклятья...
Рвота, молитвы и вой...
Крѣпко держусь я за мачту,
Думаю: буду-ль домой?

12.

Прохлады живительной полный
Быль вечеръ; туманъ упадалъ;
Съ таинственнымъ говоромъ волны,
Плескаясь, играли у скаль.

И образъ прелестной Ундины
Вдругъ вышель на берегъ ко мнѣ,
И груди ея лебедины
Вадымались подобно волнѣ.

Она меня крѣпко и больно
Сдавила въ рукахъ ледяныхъ...
— Пусти меня, дѣва, довольно;
Мнѣ душно въ объятяхъ твоихъ!

— О, нѣтъ, я тебя обнимаю
Такъ крѣпко, мой другъ молодой,
Затѣмъ, что согрѣться желаю
Холодной вечерней порой.

— Смотри, тамъ луна все блѣднѣе
На землю глядитъ съ вышины;
Твой взоръ сталъ туманнѣй, мрачнѣе,
Прелестная дѣва, волны!

— О, нѣтъ, тебѣ такъ показалось —
Глаза мои влаги полны;
Въ нихъ свѣтлая капля осталась
Игривой родимой волны.

— Крикъ часкъ вдали раздастся
И моря сердитаго вой;
Зачѣмъ твое сердце такъ бѣтается
Мятежно въ груди молодой?

— О, другъ, оно бѣтается мятежно,
Такъ бѣтается оно ужъ давно,
Затѣмъ, что любовію нѣжной
Къ тебѣ, мой красавецъ, полно!

13.

Когда мимо этого дома
Иду поутру я, грустя,
Я радъ, если ты у окошка
Стоишь, дорогое дитя!

Твои темно-каріе глазки
Слѣдятъ напряженно за мной:
«Чего ему, бѣдному, нужно,
И кто этотъ странникъ больной?..»

— Малютка, поэтъ я нѣмецкій,
Извѣстный въ нѣмецкой странѣ;
Тамъ, лучшихъ людей воспомина:
Всегда вспомянуть обо мнѣ.

А нужно, дитя, мнѣ того же,
Что многимъ въ нѣмецкомъ краю:
Назвавши тягчайшія скорби,
Тебѣ назовутъ и мою...

14.

Широкое море блестяло
Въ послѣднемъ вечернемъ огнѣ;
У хижины бѣдной рыбацкей
Сидѣли мы съ ней въ тишинѣ.

Туманъ обволакивалъ воды,
Кружилися чайки на нихъ;
Я видѣлъ, какъ тихія слезы
Изъ глазъ покатались твоихъ.

На руку къ тебѣ покатались,
И, полонъ глубою тоскою,
Я сталъ на колѣни и выпилъ
Всѣ слезы я съ бѣлою руки.

Съ тѣхъ поръ мое сердце болѣетъ,
И сохну я день ото дня...
Несчастливая женщина! слезы
Твои отравили меня.

15.

На горѣ высокій замокъ,
Замокъ миленькій построень;
Въ немъ три барышни красотки —
Ихъ любви я удостоень.

Въ воскресенье былъ я съ Женни,
Въ понедѣльникъ Кетъ любила,
А во вторникъ Кунигунда
Чуть меня не задушила.

Въ среду въ замкѣ балъ давали
Эти барышни; толпами

Къ нимъ стѣзжались сосѣди
Въ экипажахъ и верхами.

Но меня вы не позвали —
И сглупили! Все, конечно,
Тетки-кумушки смегнули
И хихикали сердечно.

16.

На дальнемъ горизонтѣ
Туманною грядой
Встанетъ старинный городъ,
Объятъ вечерней мглой.

Кудрявить влажный вѣтеръ
Равнину синихъ водъ;
Гребецъ мой однозвучно
Весломъ по влагѣ бьетъ.

Сверкнулъ закатъ послѣдній
И мѣсто показалъ,
Гдѣ сердцу дорогую
Навѣкъ я потерялъ.

17.

Привѣтъ тебѣ, громадный городъ!
Въ стѣнахъ таинственныхъ своихъ
Скрывалъ ты нѣкогда подругу
Веселыхъ, юныхъ дней моихъ.

Скажите, башни и ворота,
Гдѣ нынѣ милая моя?
Порукою мнѣ вы служили;
Ее вѣдь вамъ довѣрилъ я.

Невинны башни: какъ могли бы
Онѣ вслѣдъ милой побѣжать,
Картонки милой, чемоданы
И милую мою нагнать?

Но эти глупыя ворота —
Они похожи на людей,
И устоять предъ милой душой
Отъ нихъ и требовать не смѣи!

18.

Дорогою старой плетусь я опять,
По улицъ — старой знакомой,
И вновь мимо дома желанной иду,
Пустого, забытаго дома.

И кажутся улицы тѣсными мнѣ,
Несносна мнѣ здѣсь мостовая,
Валится какъ будто дома на меня;
Иду я, все шагъ ускоряя.

19.

Я вошелъ подъ своды галлерей,
Гдѣ она мнѣ вѣрность обѣщала.
Гдѣ тогда ея слеза упала,
Тамъ теперь шипѣли змѣи.

20.

Пусты улицы всѣ, ночь тиха и свѣтла.
Въ этомъ домѣ моя дорогая жила.
Ужъ давно ею городъ покинуть, но домъ,
Какъ и прежде, стоитъ все на мѣстѣ одномъ.

И стоитъ передъ нимъ человѣкъ; и вперилъ
Взоры онъ въ вышину; руки онъ заломилъ,
Полонъ страшной тоски... И, о ужасы! кого
При лунѣ я увидѣлъ? Себя самого!

Блѣдный призракъ, двойникъ мой печальный! Затѣмъ
Подражать ты пришелъ злымъ мученіямъ тѣмъ,
Что такъ много ночей грудь терзали мою
На тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь я стою?..

21.

Какъ ты можешь спать спокойно,
Зналъ вѣдь, что я живу?
Старый гнѣвъ мой вновь проснется.
Иго я свое порву.

Знаешь пѣсню — какъ къ подругѣ
Мертвый юноша пришелъ
И ее къ себѣ въ могилу
Въ полночь силою увелъ?

Вѣрь, красавица-малютка,
Ненаглядная моя,
Вѣрь—еще я полонъ жизни,
И сильнѣй всѣхъ мертвыхъ я.

22.

Дѣвица уснула въ свѣтлицѣ,
Въ окно къ ней глядится луна;
Вдругъ звуки мелодіи вальса
Сквозь сонъ услыхала она.

«Пойду, посмотрю я въ окошко,
Кто это мнѣ спать не даетъ?»
Скелеть тамъ на скрипкѣ играетъ,
И пляшетъ, и громко поетъ:

«Со мной ты плясать обѣщала,
Но я былъ обманутъ тобой;
Теперь у насъ балъ на кладбищѣ,
Пойдемъ, потанцуемъ со мной».

Какая-то тайная сила
Дѣвицу изъ дома влечетъ,
Выходить она за ворота
И вслѣдъ за скелетомъ идетъ.

А онъ все играетъ и пляшетъ,
Поетъ и костями гремитъ,
И черепомъ голымъ киваетъ...
А мѣсяцъ злобѣще глядитъ.

23.

Объятый туманными снами,
Глядѣлъ я на милый портретъ,
И мнѣ показалось — я вижу
Въ немъ жизни таинственный слѣдъ.

Какъ будто печальной улыбкой
Раскрылись нѣмые уста,
И жемчугомъ слезъ оросилась
Любимыхъ очей красота.

И самъ я невольно заплакалъ —
Заплакалъ, грустя и любя...

Ахъ, страшно повѣрить!.. Неужто
Я точно утратилъ тебя?

24.

О, я, несчастный Атлантъ! Цѣлый міръ,
Да, цѣлый міръ скорбей нести я долженъ;
Я это бремя не снесу — и сердце
Готово сокрушиться!

Ты-жь, сердце гордое, того хотѣло!
Ты жаждало иль счастья безъ конца,
Или хоть безконечнаго несчастья..
Ну, вотъ ты и несчастно!

25.

Нисходятъ во гробъ поколѣнья,
Идутъ и проходятъ года,
И только одна въ моемъ сердцѣ
Любовь не пройдетъ никогда.

Хоть разъ бы еще на колѣни
Упасть мнѣ предъ вами, взглянуть
Въ глаза ваши и, умирая,
«Madame, я люблю васъ!» шепнуть.

26.

Мнѣ снилось: печально свѣтила луна,
И звѣзды печально свѣтили;
Въ тотъ городъ, въ которомъ осталась она,
Я мчался за многія мили.

Примчался и каменный дома порогъ
Такъ пламенно сталъ цѣловать я—
Тѣ камни, что милыхъ касались ногъ,
Касались краевъ ея платя..

Длинна, холодна была ночь; холодны
И камни нѣмые порога...
Въ огнѣ блѣдный образъ при свѣтѣ луны
Смотрѣлъ и печально, и строго.

27.

Что нужно слезѣ одинокой?
Она вѣдь туманить мнѣ взоръ,

Въ глазахъ моихъ эта слезинка
Дрожитъ съ незапамятныхъ поръ.

У ней были свѣтлыя сестры—
И много ихъ было... онѣ
Исчезли, какъ радость и мѹки,
Что жили когда-то во мнѣ.

И синія звѣзды исчезли,
Исчезли, какъ дыма струи—
Тѣ звѣзды, что въ душу мнѣ лили
И радость, и мѹки мои.

Ахъ, нѣтъ и любви моей! Тоже,
Какъ дымъ, разлетѣлась... Слеза,
Слеза одинокая, что же
Одна ты туманишь глаза!

28.

Сквозь облака мѣсяцъ осенній
Прорѣзался блѣднымъ серпомъ.
Стоитъ одинокъ у кладбища
Пастора-покойника домъ.

Старуха надъ библіей дремлетъ,
Сынъ туно на свѣчку глядитъ,
Дочь старшая сонно зѣваетъ,
А младшая дочь говоритъ:

«Ахъ, Господи! дни-то здѣсь, дни-то:
Сидишь—не дождешься конца,
Одно развлеченье, какъ въ церковь
Отпѣть принесутъ мертвеца!»

Старуха, читая, ей молвить:
«Не ври! схоронили всего
Троихъ съ той поры, какъ зарыли
Въ могилу отца твоего!»

«Здѣсь съ голоду ноги протянешь!—
Промолвила старшая дочь.—
Я къ графу пойду—онъ богатый
И любить... Мнѣ больше не въ мочь!»

«Троихъ я молодчиковъ знаю!—
Смѣясь, перебилъ ее братъ.—

Умѣютъ тамъ денежки дѣлать
И въ тайну меня посвящать».

Въ худое лицо ему книгу
Швырнула, вся блѣдная, мать:
«Такъ будь же ты проклятъ, разбойникъ,
Коль сталъ грабежи замышлять!»

Вдругъ стукнуло что-то въ окошко,
И кто-то рукой имъ грозить...
Глядятъ—въ облаченіи черномъ
Покойникъ-отецъ тамъ стоитъ.

29.

Снѣжная изморозь, вѣтеръ,
Слякоть—какъ быть октябрю...
Сѣлъ я отъ скуки къ окошку,
Въ темень ночную смотрю.

Тусклый вдали огонечекъ
Виденъ во мракѣ сыромъ:
Это старушка изъ лавки
Тихо бредеть съ фонаремъ.

Вѣрно мучицы купила,
Масла, яичекъ пятокъ:
Хочетъ большой своей дочкѣ
Сдобный испечь пирожокъ.

Дочка же дома усѣлась
Въ кресло, и дремлетъ ей...
Милое личико скрыли
Русыя волны кудрей.

30.

Всѣ думаютъ, что я грущу,
Измученный любовью,
И то же думаю я самъ,
Давъ пищу празднословью.

Я, крошка, говорилъ всегда,
Что я невыразимо
Тебя люблю и что любовь
Моя неутолима.

Но это только про себя
Твердилъ я, дома сидя,
Но всякій разъ, увы, молчалъ,
Тебя, мой другъ, увидя.

Навѣрно, злые духи мнѣ
Ротъ крѣпко зажимали,
И черезъ нихъ не вижу я
Конца моей печали.

31.

Каждый твой лилейный палецъ
Разъ еще поцѣловать бы
Я хотѣлъ, прижать ихъ къ сердцу
И въ слезахъ своихъ расплыться.

А твои глаза-фіалки
День и ночь передо мною,
И я мучусь; что же значать
Это синія загадки?

32.

«Неужели ты ни разу
Съ ней въ любви не объяснялся
И въ глазахъ ея взаимность
Прочитать не догадался?

«Неужели къ ней проникнуть
Въ душу не хватило силы?
Но вѣдь ты въ дѣлахъ подобныхъ
Не оселъ же, другъ мой милый!»

33.

Они любили другъ друга,
Но каждый упорно молчалъ;
Смотрѣли врагами, но каждый
Въ томленьѣ любви изнывалъ.

Они разстались—и только
Встрѣчались въ видѣньи ночномъ.
Давно они умерли оба,
И сами не знали о томъ.

34.

Когда я вамъ ввѣрялъ души моей мученья,
Вы молча слушали съ зѣвотой утомленья;
Но въ звучное я ихъ излилъ стихотворенье—
И вы разсыпались въ хвалахъ и восхищеньи.

35.

Позвалъ я чорта—онъ пришелъ.
И съ изумленьемъ я нашель,
Что онъ не гадокъ, не калѣка:
Онъ видъ имѣеть человѣка
Милѣйшаго, во цвѣтѣ лѣтъ,
Онъ ловокъ, вѣжливъ, знаетъ свѣтъ,
Онъ дипломатъ, прекрасно судить
О томъ, что съ міромъ нашимъ будетъ.
Немножко блѣденъ онъ лицомъ,
Да нѣтъ большого дива въ томъ.
Теперь санскритъ онъ изучаетъ
И часто Гегеля читаетъ.
Его любимѣйшій поэтъ—
Фуке, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ;
Но критикой онъ заниматься
Не хочетъ больше—упражняться
Онъ предоставилъ нынче въ ней
Гекатѣ, бабушкѣ своей.
Онъ отозвался съ одобреньемъ
О томъ, что я такимъ стремленьемъ
Къ юриспруденціи объять:
Онъ самъ былъ прежде адвокатъ.
Онъ объявилъ, что невысоко
Онъ цѣнитъ то, что я глубоко
Къ нему привязанъ—и сказалъ:
«Скажите, кажется, встрѣчалъ
Я васъ не разъ и прежде въ залѣ
Посла испанскаго, на балѣ?»
Въ его лицо я сталъ тогда
Глядѣть внимательно—и, да
Я убѣдился, что давно мы
И очень близко съ нимъ знакомы.

36.

Человѣкъ, о, не смѣйся надъ чортомъ—
Вѣдь коротокъ твой жизненный путь;

И мученіе вѣчное въ адѣ—
Вѣдь не сказка какая-нибудь.

Человѣкъ, о, плати кредиторамъ!
Помни, жизненный путь твой не малъ.
И не разъ занимать ты захочешь,
Какъ и прежде не разъ занималъ.

37.

Съ востока брели три святые волхва,
Вездѣ узнавая: «Скажите,
Какъ, добрые люди, пройти въ Виноземъ?
Дорогу вы намъ укажите».

Никто указать имъ дороги не могъ,
Но это пословъ не смутило:
Звѣзда золотая вела ихъ впередъ
И ласково съ неба свѣтила.

Надъ домомъ Іосифа стала звѣзда;
Достигнули путники цѣли.
Бычокъ мычалъ въ домѣ, ребенокъ кричалъ,
Святые волхвы тихо пѣли.

38.

Дитя мое, помнишь, какъ были
Мы дѣти, рѣзвились вдвоемъ:
Въ курятникъ мы лазили вмѣстѣ,
Въ солому мы прятались въ немъ.

Умѣли кричать пѣтухами;
Бывало, кто мимо пойдетъ—
Кукурику!—и онъ вѣрить,
Что это пѣтухъ тамъ поетъ.

Найдемъ на дворѣ пустой ящикъ—
Красиво его уберемъ,
Какъ двое друзей, поселимся
И пышно, открыто живемъ.

Сосѣдова старая кошка
Къ намъ въ гости заходить туда,
Я кланяюсь, ты присѣдаешь,
Любезностей много всегда,

Разспросы начнемъ о здоровьѣ
Мы въ видѣ заботливыхъ фразъ—
Точь въ точь, какъ и послѣ встрѣчали
Другихъ старыхъ кошекъ не разъ.

И часто, какъ старые люди,
Мы умный вели разговоръ
О томъ, что при насъ было лучше
И стало все хуже съ тѣхъ поръ;

Что вѣра съ любовью и вѣрность
Ужъ стали совсѣмъ пропадать;
Что сдѣлался кофе дороже
И денегъ почти не видать!

Минули и дѣтскія игры,
Былое не явится вновь,
Проходятъ и вѣрность, и вѣра,
И деньги, и мѣръ, и любовь.

39.

Порой взгрустнется мнѣ невольно
О милой, доброй старинѣ,
Когда жилося такъ привольно
И въ безмятежной тишинѣ.

Теперь вездѣ возня, тревога,
Такой во всемъ переполохъ.
Какъ будто на небѣ нѣтъ Бога,
А подъ землею чортъ издохъ.

Все мрачно, злобой одержимо,
Въ природѣ холодъ и въ крови,
И жизнь была-бъ невыносима,
Не будь въ ней крошечки любви.

40.

Какъ луна, свѣти во мракѣ,
Прорѣзаетъ паръ густой,
Такъ изъ темныхъ лѣтъ всплываетъ
Ясный образъ предо мной.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо Рейнь судно качалъ,
Поздній лучъ младую зелень
Береговъ озолочалъ.

И у ногъ прекрасной дамы
Я задумчиво сидѣлъ,
Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
Яркимъ пламенемъ горѣлъ.

Струнъ томленья, хоровъ пѣнье,
Жизнь, какъ праздникъ, хороша!..
Небо тихо голубѣло,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо насъ
И свѣтились мнѣ навстрѣчу—
Въ парѣ ясныхъ женскихъ глазъ.

41.

Во снѣ я милую видѣлъ:
Во взорѣ забота, испугъ;
Когда-то цвѣтущее тѣло
Извель, обезсилилъ недугъ.

Ребенка несла, а другого
Всела злополучная мать;
Во взорѣ, походкѣ и платьѣ
Нельзя нищеты не признать.

Шатаясь, брела она къ рынку,
И тутъ я ее повстрѣчалъ.
Она посмотрѣла... И тихо,
И горестно я ей сказалъ:

«Пойдемъ ко мнѣ въ домъ. Невозможно
И блѣдной, и хворой бродить:
Я стану усердной работой
Тебя и кормить, и поить.

«Дѣтей твоихъ стану лелѣять,
Всю нѣжность на нихъ обрати,
Но прежде всего, на тебя-то,
Бѣдняжка, больное дитя!

«Тебѣ никогда не напомнимъ
Ничѣмъ о любви я своей,
И если умрешь ты—я буду
Рыдать на могилѣ твоей».

42.

«Ахъ, пѣсню старую, другъ милый,
Зачѣмъ затыгиваешь вновь?
Зачѣмъ, какъ курица на яйцахъ,
Всегда высиживать любовь?»

«Исторія одна и та же:
Разбивъ скорлупку стѣвъ своихъ,
Пищать и мечутся цыплята—
А ты въ стихи сажаешь ихъ».

43.

Не сердитесь въ нетерпѣнни,
Что еще изъ сердца рвется
Старой боли стонъ и громко
Въ новыхъ пѣсняхъ отдается.

Подождите—это эхо
Старой скорби расплывется,—
И изъ груди исцѣленной
Пѣснь веселая польется.

44.

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ,
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантии блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства—все было прекрасно.

Но вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу—
Доселѣ болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму!

И что я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая...
О, Боже! Я, раненный на смерть, игралъ,
Гладиатора смерть представляя.

45.

Былъ нѣкогда царь Висвамित्रа
Однимъ пожираемъ желаньемъ:
Добиться коровы Васишты
Войной иль своимъ покаяньемъ.

О, царь Висвамित्रа, какимъ же
Ты истымъ быкомъ оказался,
Когда ради только коровы
И кался ты, и сражался!

46.

Полно, сердце! чтѣ съ тобою?
Покорись своей судьбѣ!
Все, чтѣ отнято зимою,
Возвратить весна тебѣ.

Далеко не все пропало:
Такъ прекрасенъ Божій свѣтъ!
Все, чтѣ любо, все, чтѣ мило,
Все люби—запрета нѣтъ!

47.

Ты, какъ цвѣтокъ благоуханный,
Чиста, прекрасна и кротка;
Смотрю я на тебя—и въ сердце
Мое прокралася тоска.

И на твою головку руки
Я въ этотъ мигъ бы возложилъ,
Молясь, чтобъ чистой и прекрасной,
И кроткой Богъ тебя хранилъ.

48.

Дитя, мнѣ страшна твоя гибель,
И самъ я стараюсь немало,
Чтобъ въ сердцѣ твоёмъ попомногу
Любовь ко мнѣ вовсе пропала.

Мнѣ это легко удастся,
Хоть это порой и досадно,
И втайнѣ любви твоей прежней
Возврата желаю я жадно.

49.

Лежу ли безсонною ночью
Въ постели одинъ, безъ огня —
Лицо твое съ кроткою лаской
Изъ мрака глядитъ на меня.

Закрою-ль усталыя вѣки
И тихо забудусь во снѣ—
Твой нѣжный и ласковый образъ
Прокрадется въ грѣзы ко мнѣ.

И утро его не уносить,
Летучія грѣзы гоня:
Весь день неразлучно со мною
Живеть онъ въ душѣ у меня.

50.

О твоихъ пурпурныхъ губкахъ,
О глазахъ, свѣтлѣе дня,
О тебѣ, моя малютка,
День и ночь мечтаю я.

Длиннень нынче зимній вечеръ...
Я-бъ хотѣлъ, другъ милый мой,
Въ нашей комнаткѣ уютной
Посидѣть теперь съ тобой.

Я къ устамъ своимъ прижалъ бы
Ручку бѣлую твою,
Орошалъ бы я слезами
Ручку бѣлую твою.

51.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вьюга бѣшеная злится
И стучится у окна!
Сердца бури не пугаютъ:
Въ немъ цвѣтутъ и расцвѣтаютъ
Образъ милой и весна.

52.

Иныя молятся Мадоннѣ,
Иныя Павлу и Петру,

А я, прекрасное ты солнце,
Тебѣ лишь въ ночь и поутру.

Дай поцѣлуевъ, дай блаженства,
Гони свою холодность, гнѣвъ,
Межъ дѣвѣ прекраснѣйшее солнце,
Подъ солнцемъ лучшая изъ дѣвѣ!

53.

Ужели въ моихъ поблѣднѣвшихъ чертахъ
Прочестъ не могла ты страданья?
Ты хочешь, чтобъ гордыя эти уста
Унизило слово признанья.

Нѣтъ, горды уста эти, могутъ они
Шутить лишь, лобзать и смѣяться;
Насмѣшлива рѣчь ихъ—а сердце въ груди
Готово отъ мукъ разорваться.

54.

Другъ любезный! Ты влюбился...
Горе новое пришло...
Въ головѣ твоей туманно,
А на сердцѣ такъ свѣтло...

Другъ любезный! Ты влюбился,
Но молчанье ротъ хранить;
Я же вижу—пламень сердца
Сквозь жилетъ твой ужъ горить.

55.

Съ тобою мнѣ побыть хотѣлось
Часокъ-другой наединѣ;
Но ты куда-то торопилась,
«Я занята», сказала мнѣ.

Я говорилъ, что я страдаю,
Что безъ тебя мнѣ счастья нѣтъ.
Ты низко, чопорно присѣла
И засмѣялась мнѣ въ отвѣтъ.

Чтобъ грудь мнѣ мѣлкой переполнить,
Ты до конца осталась зла.
Какъ ни молилъ я, поцѣлуя
Мнѣ на прощанье не дала.

Но ради Бога, не подумай,
Чтобъ застрѣдился съ горя я...
Увы... Все это разъ ужъ было
Со мной, красавица моя!

56.

Твои глаза—сафиры; взглядъ
Ихъ ясенъ безмятежно...
О, трижды счастливъ тотъ, кого
Они встрѣчаютъ нѣжно.

Но сердце у тебя—алмазь,
Который ярко блещетъ...
О, трижды счастливъ тотъ, предъ кѣмъ
Оно въ груди трепещетъ.

Рубины у тебя уста;
Усть краше не видали...
О, трижды счастливъ тотъ, кому
Они «люблю!» шептали.

О, если бы счастливецъ тотъ
Мнѣ гдѣ-нибудь попался
Въ лѣсу—со счастьемъ своимъ
Онъ тутъ бы распрощался.

57.

Притворными любовными рѣчами
Тебя увлечь сумѣвъ искусно, я
Опутался своими же сѣтями,
Серьезной стала шуточка моя.

И ежели—мнѣ должная награда!—
Меня, шутя, прогонишь ты—боюсь,
Что явятся за мною силы ада,
И я тогда серьезно застрѣлюсь.

58.

Ужъ слишкомъ отрывочна жизнь и вселенная;
Къ профессору нѣмцу пойду непременно я;
Вѣрно ее не оставитъ онъ такъ:
Системы придумаетъ, дастъ имъ названія...
Шлафрокъ надѣвши и спальный колпакъ,
Онъ штопаетъ дырки всего мірозданія.

59.

Я голову ломалъ и дни, и ночи
Надъ тысячью вопросовъ много лѣтъ,
Но ясныя твои увидѣвъ очи,
Нашелъ на все себѣ отвѣтъ.

Теперь я тамъ, гдѣ, душу мнѣ чаруя,
Твои глаза блистаютъ, какъ звѣзда...
Но что еще вновь полюбить могу я—
Не думалъ я, признаться, никогда.

60.

Сегодня у васъ вечеринка,
И въ комнатахъ будто бы донь;
Сквозь яркія стекла мелькаетъ
И движется стройная тѣнь.

Меня ты не видишь: въ потемкахъ
Стою я внизу, подъ окномъ;
А въ сердцѣ моемъ и подавно
Не видишь—такъ сумрачно въ немъ.

Но въ сумракѣ томъ мое сердце
И любить, и въ страшной борьбѣ
Дрожить, обливается кровью...
Но это не видно тебѣ.

61.

Хотѣлъ бы въ единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на вѣтеръ,
Чтобъ вѣтеръ унесъ его вдаль;

И пусть бы то слово печали
По вѣтру къ тебѣ донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебѣ въ сердце лилось!

И если-бъ усталыя очи
Сомкнулись подъ грѣзой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во снѣ надъ тобой!

62.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,
Все, что люди привыкли искать,
Да еще есть прелестные глазки—
Милый другъ! Чего больше желать?

Я на эти прелестные глазки
Выслалъ цѣлую стройную рать
Звучныхъ пѣсень изъ жаркаго сердца —
Милый другъ! Чего больше желать?

Эти чудные глазки мнѣ сердце
Заставляли жестоко страдать;
И меня ими ты погубила—
Милый другъ! Чего больше желать?

63.

Тотъ, кто любить въ первый разъ,
Хоть несчастливо, тотъ—богъ;
А кто любить во второй
Безнадежно, тотъ—дуракъ.

Я, дуракъ такой, люблю я
Безъ надежды вновь. Смѣются
Солнце, мѣсяцъ, звѣзды; съ ними
Я смѣюсь—и умираю.

64.

Они давали мнѣ совѣты, наставленья,
Не мало почестей я получалъ отъ нихъ;
Просили лишь имѣть немножечко торпѣнья,
Суля протекцію по мѣрѣ силъ своихъ.

Однако, съ этой всей протекціей, конечно,
Отъ голода совсѣмъ издохнуть я бы могъ,
Да славный человѣкъ нашелся; онъ сердечно
Мнѣ руку протянулъ и истинно помогъ.

Прекрасный человѣкъ! Даетъ мнѣ хлѣба, платья;
Ему я вѣчную признательность воздамъ.
Какъ жаль, что не могу его поцѣловать я:
Вѣдь этотъ человѣкъ прекраснѣйшій—я самъ.

55.

Что за юноша милѣйшій!
Онъ моимъ отрада взорамъ;
Какъ меня онъ угощаетъ
И рейнвейномъ, и ликеромъ!

Что за фрачекъ! что за брючки!
И какъ галстучекъ онъ носить!
Какъ войдетъ ко мнѣ, сейчасъ же
О моемъ здоровьѣ спросить.

Говорить онъ мнѣ, что слава
Мое имя окружаетъ;
Остротамъ моимъ дивится,
Мнѣ услуги предлагаетъ.

Передъ дамами въ гостиной,
Задыхаясь отъ волненья,
Декламируетъ мои онъ
Несравненные творенья.

Встрѣтить юношу такого
Какъ отрадно въ наше время:
Вѣдь становится все меньше
Добрыхъ душъ на свѣтѣ племя:

66.

Мнѣ снилось, что я—самъ Зевесъ,
Сидящій въ небесномъ чертогѣ:
Мои восхваляя стихи,
Кругомъ засѣдаютъ всѣ боги.

Конфеты я ѣмъ, пирожки,
Какихъ на землѣ нѣтъ въ продажѣ,
Пью красное только вино,
Долговъ не имѣю я даже.

Но все-жъ дорога мнѣ земля,
Тоскую о ней безконечно.
Не будь я Зевесомъ самимъ,
То сдѣлался-бъ чортомъ, конечно.

«Меркурій, немедленно ты
На землю полетъ свой направишь

И друга Евгенія мнѣ
Оттуда сейчасъ же доставишь.

«Ищи не за дѣломъ его—
Онъ любитъ вино, а не книги;
У барышни Мейеръ ищи,
А вовсе не въ храмѣ Ядвиги».

Меркурій помчался съ небесъ,
Такъ быстро, какъ было возможно,
И милого друга ко мнѣ
Принесъ на рукахъ осторожно.

«Да, другъ мой, теперь я Зевесъ,
И въ мѣрѣ мнѣ—полная воля.
Тебѣ говорилъ я всегда,
Что ждетъ меня высшая доля.

«Творю чудеса каждый день,
Почетъ всюду вижу немалый
И городъ Берлинъ для тебя
Сегодня потѣшу, пожалуй.

«Пусть вся мостовая его,
Надтреснувъ, народъ привлекаетъ,
И каждый булыжникъ въ себѣ
По устрицѣ свѣжей скрываетъ.

«Пусть сокъ изъ лимона, какъ дождь,
Польется—я милостивъ буду—
И лучшій рейнвейнъ потечетъ
Изъ трубъ водосточныхъ повсюду».

Берлинцы сбѣгаются жрать,
Крича о свершившемся чудѣ.
Изъ трубъ водосточныхъ вино
Пьютъ жадно чиновные люди.

Какъ рады поэты, что имъ
Обѣдъ такой небо послало!
А прусское воинство все
Лизать даже улицы стало.

Ахъ, воинство это умно!
Оно рассуждаетъ нехудо:
Не каждый вѣдь день на землѣ
Такое случается чудо!

67.

Разстался съ вами я въ дни лучшіе іюля,
Вновь встрѣтилъ—въ январѣ; вы были такъ полны
Тогда, въ палящій зной, и пылкости и силы—
Теперь остылъ вашъ жаръ, вы даже холодны.

Я скоро вновь уйду, и если возвращуся,
Тогда не будетъ въ васъ уже ни теплоты,
Ни холода; и я приду къ могиламъ вашимъ
Самъ съ ношей старости и мертвой пустоты.

68.

Отъ милыхъ устъ твоихъ я съ грустью оторвался,
Свои объятія не смѣлъ раскрыть опять;
Я день еще съ тобой охотно бы остался,
Когда бы за тобой не прыскакалъ твой зять.

Жизнь такова, дитя! Жизнь—вѣчное страданье,
Прощанье вѣчное, препятствій вѣчный рядъ.
Мы развѣ не могли слить два существованья?
Иль удержать меня не могъ одинъ твой взглядъ?

69.

Въ почтовой каретѣ съ тобою
Мы ѣхали вмѣстѣ, дитя,
И, вѣжно прижавшись другъ къ другу,
Болтали, смѣясь и шутя.

Когда-жъ разсвѣло, удивились
Нежданной мы вещи съ тобой:
Сидѣлъ между нами въ каретѣ
Амуръ, пассажиръ даровой.

70.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!
Съ сильной бранью въ дождь и слякоть
Рыскалъ по городу я.

Всѣ трактиры я обѣгалъ
За бѣглянкою моею,
Но разспрашивалъ напрасно
Грубыхъ кельнеровъ о ней.

Вдругъ я вижу—мнѣ киваетъ
Съ звонкимъ смѣхомъ изъ окна...
Могъ ли знать я, что попала
Во дворецъ такой она!

71.

Какъ сны полунощные, зданья
Стоять въ безконечномъ ряду;
Я мимо ихъ, въ плащъ завернувшись,
По улицамъ молча иду.

И слышу—на башнѣ собора
Двѣнадцать ужъ колоколь бьеть...
Съ объятями, съ тысячью ласокъ
Меня моя милая ждетъ!

Сопутникъ мой—мѣсяцъ; онъ свѣтитъ
Привѣтно въ дорогу мою;
Но вотъ я у двери знакомой
И мѣсяцу такъ говорю:

«Спасибо, мой добрый товарищъ,
Что ты посвѣтилъ мнѣ идти;
Теперь я тебя отпускаю,
Теперь ты другимъ посвѣти.

«И если увидишь скитальца
Съ нѣмою сердечной тоской,
Утѣшь его такъ же, мой милый,
Какъ я былъ утѣшенъ тобой!»

72.

Какъ только ты станешь моею женой,
Ты зависть повсюду возбудишь;
Вся жизнь потечетъ будто праздникъ сплошной,
И все веселиться ты будешь.

Начнешь ли шумѣть ты, начнешь ли бравить—
Стерплю хоть какую невзгуду.
Но вздумай стиховъ ты моихъ не хвалить—
Потребую тотчасъ разводу.

73.

Къ тебѣ на лилейныя плечи
Я тихо приникъ головой,

И тайно могу я подслушать,
Къ чему ты стремишься душой.

Трубятъ голубые гусары
Въ воротахъ уже городскихъ,
И завтра, моя дорогая,
Меня ты покинешь для нихъ.

Пусть завтра меня ты покинешь—
Сегодня еще ты моя,
И въ мплыхъ объятыхъ сегодня
Вдвойнѣ поблаженствую я.

74.

Трубятъ голубые гусары
И ѣдутъ изъ города вонъ...
Опять я съ тобой, дорогая,
И розу принеси на поклонъ.

Какая была передрыга.
Гусары—народецъ лихой!
Пришлось и твое мнѣ сердечко
Гостямъ уступить на постой!

75.

Я и самъ въ былые годы
Перенесъ любви невзгоды,
Я и самъ сгорать не разъ;
Но дрова все дорожаютъ,

Искры страсти угасаютъ...
Ma foi—и въ добрый часъ!
Поняла?.. Отри же слезы,
Прогони смѣшныя грѣзы

Вмѣстѣ съ глупою тоской;
Будь похожа на живую
И забудь любовь былую—
Ma foi!—хоть бы со мной!

76.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?
Будто совершенно ты перемѣнилась?
Цѣлому я свѣту жаловаться буду,
Что со мной ты, другъ мой, обошлась такъ худо...

Миленькія губки! Можно-ль, чтобъ вы стали
Такъ неблагодарны, что о томъ сказали
Вы дурное слово, кто въ любви прекрасной
Васъ во дни былые цѣловаль такъ страстно.

77.

Ахъ! опять все тѣ же глазки,
Что такъ нѣжно улыбались,
И опять все тѣ же губки,
Что такъ сладко цѣловались!

Этотъ голосъ, мнѣ когда-то
Дорогой, не измѣнился;
Только самъ уже не тотъ я,
Измѣненнымъ воротился.

Вновь меня объемятъ страстно
Обольстительныя руки,
Но лежу у ней на сердцѣ,
Полонъ холода и скуки.

78.

Меня вы рѣдко понимали,
И рѣдко понималъ я васъ;
Когда-жъ другъ друга повстрѣчали
Въ грязи—то поняли тотчасъ.

79.

Разгнѣвались кастраты,
Услышавъ пѣснь мою;
Сердито говорили,
Что грубо я пою.

И сами всѣ запѣли,
И трелями звучалъ
Ихъ голосишко нѣжно
И чисто, какъ кристалль.

О нѣжныхъ чувствахъ пѣли,
О пламенныхъ сердцахъ—
И дамскій полъ, имъ внемля,
Тонуль въ своихъ слезахъ.

80.

По бульварамъ Саламанки
Воздухъ благорастворенный.
Тамъ въ прохладный лѣтній вечеръ
Я гуляю съ милой донной.

Я рукой нетерпѣливой
Обнялъ стройное созданье
И блаженнымъ пальцемъ слышу
Гордой груди колыханье.

Но по липамъ слышенъ шорохъ,
Полный чѣмъ-то невеселымъ,
А ручей внизу плотины
Злобно грезить сномъ тяжелымъ.

«Ахъ, сеньора! чувствуетъ сердце:
Скоро буду я въ изгнаньи;
По бульварамъ Саламанки
Не ходить намъ на гулянье».

81.

Донъ Энрико, что «красавцемъ»
Прозывается, со мною
Обитаеть по сосѣдству
За дощатою стѣною.

Млѣютъ дамы Саламанки,
Какъ идетъ онъ по бульвару,
Усъ крутя, бряцающа пшорой
И веди бульдоговъ пару.

Но въ часъ вечера безмолвный
Сядетъ онъ, придя съ гулянья,
У окна, въ рукахъ гитара,
Въ сердцѣ сладкія мечталья.

Фантазируя, аккорды
Томно онъ беретъ рукою...
Ахъ, до тошноты доводитъ
Онъ меня игрой такою.

82.

Едва мы увидѣлись, въ трепетной рѣчи,
Во взорахъ твоихъ я любовь угадалъ,

И если-бъ не мать, то ужъ съ первой бы встрѣчи
Я много и жарко тебя цѣловаль.

Но завтра я долженъ разстаться съ тобою
И дальше идти, покоряясь судьбѣ...
Къ окошку ты русой прильнешь головою,
Пошлю поцѣлуй и прощальный тебѣ.

83.

Солнце уже поднялось надъ горами,
Въ стадѣ овечки звонками звучать...
Другъ мой, овечка моя, мое солнце и радость:
Какъ я еще разъ взглянуть на тебя былъ бы радъ!..

Съ жаднымъ томленьемъ гляжу я въ окошко...
Другъ мой, прощай! Я иду отъ тебя...
Нѣтъ, все, какъ прежде, опущены шторы,
Спать еще... Милая, грежу ли я?

84.

На площади средь Галлѣ
Стоять два льва большихъ.
О, строгіе львы Галлѣ,
Какъ вы укрощены!

На площади средь Галлѣ
Огромный великанъ
Стоитъ съ мечомъ недвижно—
Отъ страха камнемъ сталъ.

На площади средь Галлѣ
Стоитъ обширный храмъ;
Крестьяне и мѣщане
Творять молитвы въ немъ.

85.

Гаснеть лѣтній вечеръ; тѣнью
Лѣсъ и нивы одѣвается;
Воздухъ свѣжъ, душистъ. Въ лазури
Мѣсяцъ золотомъ играетъ.

Стрекоза въ ручьѣ запѣла,
По водѣ кружась зеркальной;
Всюду тихо... путникъ слышитъ
Всплескъ воды и вздохъ печальный.

Тамъ, въ ручьѣ, одна купаясь,
Эльфа нѣжится нагая,
И грустна, и такъ прекрасна,
Луннымъ свѣтомъ облитая...

86.

Покровомъ ночи чуждый путь одѣтъ,
На сердцѣ боль, и въ членахъ утомленье;
Но мѣсяцъ всплылъ и леть отраднѣй свѣтъ,
Какъ тихое небесъ благословенье.

Отраднѣй свѣтъ, струящійся въ лучахъ,
Разсвѣялъ мракъ и всѣ ночныя грѣзы;
Прошли мои терзанія и страхъ,
И на глазахъ рососою блещутъ слезы.

87.

Смерть—прохладной ночи тѣнь,
Жизнь—палащій лѣтнѣй день.
Близокъ вечеръ, клонить сонъ!
Днемъ я знойнымъ утомленъ.

А надъ ложемъ дубъ растеть,
Соловей надъ нимъ поеть...
Про любовь поеть, и мнѣ
Пѣсни слышатся во снѣ.

88.

«Гдѣ, скажи, твоя подруга,
Что воспѣлъ ты такъ прекрасно
Въ дни, когда огнемъ волшебнымъ
Пламенѣло сердце страстно?»

Ахъ, угасло это пламя,
Сердце скорбное остыло...
Эта книжка—урна съ пепломъ
Догорѣвшей страсти къ милой.

СУМЕРКИ БОГОВЪ.

Май наступилъ съ своимъ блестящимъ солнцемъ,
И пряными дыханьями цвѣтовъ,
И воздухомъ шелковымъ, и манить
Привѣтливо деревьевъ бѣлымъ цвѣтомъ,
И ласковое «здравствуй» говорить
Изъ тысячъ глазъ фіалокъ голубыхъ,
И широко раскидываетъ пышный,
Весь протканный росой и блескомъ солнца,
Разубранный цвѣточками коверъ,
И на него зоветъ людское племя.
Тупой народъ зву первому послушенъ:
Мужчины надѣваютъ сюртуки
Воскресные и нанковыя брюки,
Прекрасный полъ облекся въ бѣлый цвѣтъ
Невинности; поэты запаслись
Карандашемъ, бумагой и лорнеткой—
И за городъ идетъ толпа, ликуя,
Ложится тамъ на мягкой муравѣ,
Дивится, какъ кусты растутъ прилежно,
И пестрыми цвѣточками играетъ,
И слушаетъ веселыхъ птичекъ пѣнье,
И своего веселья громкій крикъ
Шлетъ въ вышину, до голубого неба.
Май и ко мнѣ пришелъ. Три раза стукнулъ
Онъ въ дверь мою и крикнулъ мнѣ: «Я май!
Поди ко мнѣ, поди, мечтатель блѣдный,
Я и тебя хочу поцѣловать».
Не отомкнулъ я двери и отвѣтилъ:
Напрасно ты, злой гость, меня манишь!
Насквозь тебя я понялъ, я проникнулъ
Строеніе вселенной всей насквозь;
И много я, и глубоко я видѣлъ,
И нѣтъ теперь ужъ радости въ душѣ,
И мѹки вѣчныя терзаютъ сердце.
Я вижу все сквозь каменные стѣны
Людскихъ построекъ и людскихъ сердецъ;

Въ тѣхъ и другихъ я вижу ложь и горе;
На лицахъ всѣхъ читаю злыя мысли:
Въ румянцѣ цѣломудрія у дѣвы
Желаній страстныхъ трепеть вижу я,
На вдохновенно-гордой головѣ
У юноши комокъ дурацкій вижу—
И ничего я, кромѣ рожь какихъ-то
И испытыхъ тѣней, на всей землѣ
Не нахожу, и что она—не знаю:
Больница ли, иль сумасшедшій домъ...
Сквозь старую кору земли проникнулъ
Я взорами, какъ будто бы она
Изъ хрустала—и вижу я тотъ ужасъ,
Который май напрасно хочетъ скрыть
Подъ зеленью веселой. Вижу мертвыхъ:
Тамъ, подъ землей, лежатъ они въ гробахъ,
Раскрывъ глаза, скрестивши руки. Бѣлы
Ихъ саваны и бѣлы лица ихъ,
И по губамъ ползутъ большіе черви.
Я вижу—сынъ на гробъ отца пришелъ
Съ любовницею своею посмѣяться:
Хоръ соловьевъ насмѣшливыя пѣсни
Кругомъ поетъ; цвѣточки полевые
Язвительно смѣются; всталъ въ гробу
Старикъ-отецъ, и вздрагиваетъ грустно,
Болѣзненно мать старая земля.

О, бѣдная земля! Я знаю, знаю
Всю боль твою, всѣ мѣки: вижу я
Кипучій жаръ въ груди твоей и вижу,
Какъ льется кровь изъ тысячъ жилъ твоихъ
И какъ изъ ранъ, раскрывшихся широко,
Бьютъ съ силой вверхъ огонь, и дымъ, и кровь.
И вижу я сыновъ твоихъ гигантовъ,
То племя древнее; изъ темныхъ безднъ
Встаютъ они, исполненные гнѣва,
Идутъ впередъ и факелами машутъ,
И лѣстницы желѣзныя несутъ,
И бѣшено по нимъ взлѣзаютъ къ небу...
За ними вслѣдъ свирѣпыхъ, черныхъ каръ
Ползутъ толпы... Всѣ звѣзды золотыя
Ломаются и внизъ валятся съ трескомъ...
Съ небснаго шатра рукою дерзкой

Рвутъ пришлецы завѣсы золотыя
И съ ревомъ внизъ кидаютъ свѣтлыхъ духовъ —
И на престолѣ сидя, блѣдный богъ
Срываетъ съ головы своей корону
И въ ужасѣ рветъ волосъ на себѣ.
И ближе все, и ближе подступаетъ
Свирѣпая и дикая толпа.
Въ широкую небесную обитель
Гиганты факелы свои кидаютъ,
А карлики бичами изъ огня
Бьютъ ангеловъ, за волосы хватаютъ,
И ангелы, отъ боли изгибааясь,
Летятъ стремглавъ отъ бѣшеныхъ толчковъ...
И собственный мой ангелъ тоже здѣсь,
Съ кудрями милыми, лицомъ прелестнымъ
И вѣчною любовью на устахъ,
И благостью въ лазурно-свѣтломъ взорѣ.
И вижу я, какъ черный, гадкій кобальдъ
Хватаетъ вдругъ тебя, мой бѣдный ангелъ,
На члены благородные твои
Любуется, оскаливъ страстно зубы,
И въ пылкія объятія заключаетъ...
И крикъ, пронзительный, ужасный крикъ
Несется по вселенной. Съ страшнымъ трескомъ
Все рушится—и небо, и земля,
И царствуетъ ночь старая повсюду.

РАТКЛИФФЪ.

Богъ сна меня въ далокій край принесть,
Гдѣ ивы грустныя мнѣ «здравствуй» говорили,
Кивая длинными, зелеными руками;
Гдѣ умными глазами, будто сестры,
Цвѣты въ глаза глядѣли тихо мнѣ;
Гдѣ птицы предо мной радушно щебетали,
Гдѣ даже лай собакъ казался мнѣ знакомымъ
И голоса, и лица улыбались,
Какъ другу старому, и гдѣ однако все
Казалось чуждымъ мнѣ, такъ странно, дивно чуждымъ.
Предъ сельскимъ домомъ, убраннымъ красиво,
Стоялъ я... что-то двигалось въ груди,
Но голова моя была спокойна...
Спокойно я пылъ отряхнуть съ одежды

И стукнулъ въ дверь, и отперлась она.

Тамъ были женщины, мужчины... Много было
Знакомыхъ лицъ; на всѣхъ печаль лежала
И тайная, пугливая тоска.

Въ смущеніи, съ глубокимъ состраданьемъ
Всѣ на меня смотрѣли—и душа

Моя вдругъ дрогнула, какъ будто я почувалъ
Тяжелое, незнаемое горе.

Узнавъ сейчасъ старуху Маргариту,
Взглянулъ я на нее... она молчала...

«Марія гдѣ?»—спросилъ я—но она
Молчала все, и за руку вдругъ тихо
Взяла меня и повела съ собой

Черезъ длинный рядъ великолѣпныхъ комнатъ,
Гдѣ роскошь, свѣтъ и мертвое молчанье.

Вотъ въ сумрачный покой она ввела меня
И показала мнѣ, отворотивъ лицо,

На женщину, что на софѣ сидѣла.

«Марія, это вы?»—спросилъ я, и дивился
Самъ твердости, съ которой говорилъ...

И будто каменный, беззвучный и глухой,
Раздался голосъ:—«такъ меня зовутъ».

Боль ѣдкая меня оледенила...

Вѣдь этотъ гробовой холодный звукъ
Былъ—нѣкогда Маріи сладкій голосъ!

И эта женщина въ лиловомъ смятомъ платьѣ,
Съ дрожащей грудью, со стекляннымъ взоромъ,
Съ больными, блѣдными и впалыми щеками—

Ахъ, эта женщина была моя Марія

Когда-то милая, цвѣтущая Марія!

«Вы долго ѣздили,—она сказала громко,
Съ интимностью зловѣще ледянистой.—

Поздоровѣли вы, какъ видно, милый другъ;

Здоровая упругость бедръ и икръ

Доказываетъ это». Блѣдный ротъ

Подернулся тутъ приторной улыбкой...

Въ смущеніи я проговорилъ къ Марии:

«Сказали мнѣ, что вышли замужъ вы...»

«Ахъ, да,—она, смѣясь, сказала громко:—

«Есть палка у меня изъ дерева, вся кожей
Обтянута, и ей названье—мужъ;

Но дерево—все дерево...» И снова

Беззвучно и противно засмѣялась.
 Тоска холодная мнѣ душу охватила...
 Стоялъ въ сомнѣннѣхъ я: неужли это губы
 Невинныя, цвѣтущія Маріи?..
 Вдругъ поднялась она, со стула шаль схватила,
 Набросила ее на плечи торопливо,
 Ко мнѣ на руку крѣпко оперлась
 И въ дверь открытую пошла со мною быстро
 Черезъ луга, кустарники, поляны...

Ужъ солнца красный шаръ, пылая, заходилъ
 И пурпуромъ окрасилъ лучезарнымъ
 Деревья, и цвѣты, и вдальекъ
 Величественно лившійся потокъ...
 «Вы видите-ль глазъ золотой, большой,
 Тамъ, въ голубыхъ волнахъ?»—воскликнула Марія.
 «Несчастное созданье, успокойся»,
 Сказалъ я ей—и въ сумракъ увидѣлъ
 Какое-то волшебное движенье...
 Вставали образы туманные съ полей,
 Сплетаюсь бѣлыми и мягкими руками,
 Фиалки съ нѣжностью смотрѣли другъ на друга,
 Горѣли розы нѣгой сладострастной,
 Въ истомѣхъ лиліи одна къ другой клонились,
 Благоуханіемъ гвоздики загорались,
 Въ блаженномъ запахѣ покоились цвѣты,
 И плакали всѣ сладкими слезами,
 И пѣли всѣ: Любовь! Любовь! Любовь!
 Порхали мотыльки, нагѣвомъ эльфъ волшебнымъ
 Въ травѣ жучки жужжали золотые,
 Пшпгали вѣтерки, шумѣлъ высокій дубъ,
 И соловей пѣлъ, страстно изнывая...
 И въ этомъ пѣніи, и шопотѣ, и шумѣ—
 Все лепеталъ глухой, холодный голосъ
 Увядшей женщины, стоявшей близъ меня:
 «Я знаю, по ночамъ вы бродите по замку;
 Тѣнь длинная—она предобрый малый...
 Онъ кланяется всѣмъ, кому угодно...
 Тотъ, въ голубой одеждѣ—ангелъ,
 А красный и съ мечомъ,—то врагъ заклятый вашъ...»
 И много словъ таинственныхъ, несвязныхъ
 Болтала бѣдная и сѣла, наконецъ,
 Усталая, на мшистую скамью,

Стоявшую подъ дубомъ величавымъ...

И тамъ сидѣли мы безмолвны и унылы,
Смотрѣли другъ на друга, и грустило
Все становилось намъ... Высокій дубъ шумѣлъ,
Въ немъ слышался какъ будто вздохъ предсмертный...
Съ глубокой грустію пѣлъ съ вѣтки соловей...
Но красный огонекъ вдругъ пробѣжалъ межъ листьѣвъ
И освѣтилъ Маріи блѣдный образъ,
Изъ глазъ тупыхъ онъ вызвалъ дикій пламень,
И прежнимъ, сладкимъ голосомъ она
Сказала мнѣ: «Какъ ты узналъ, что я
Несчастлива такъ? Недавно это
Въ твоихъ я дикихъ пѣсняхъ прочитала...»
Грудь холодъ ледяной сдавилъ мнѣ... Ужаснулся
Я своего безумья, что прозрѣло
Въ грядущее—и содрогнулся мозгъ,
И въ ужасѣ я пробудился...

ДОНЬЯ КЛАРА.

Вечеръ тихъ; въ саду гуляетъ
Дочь прелестная альбада;
А изъ оконъ слышны звуки
Трубъ, и флейтъ, и барабановъ.

«Мнѣ наскучили всѣ танцы
И всѣ приторныя рѣчи
Нашнихъ рыцарей, которымъ
Я кажусь какимъ-то солнцемъ...

«Ахъ, теперь мнѣ все противно
Съ той поры, какъ лунной ночью
Рыцарь съ лютней сладкозвучной
Подъ окномъ моимъ явился.

«Гордый, стройный, величавый,
Съ лучезарными очами,
Съ ликомъ блѣднымъ, благороднымъ,
Онъ точь въ точь святой Георгій».

Такъ мечтала донья Клара,
Взоръ потупивъ въ размышленьи;
Оглянулась—и предъ нею
Вдругъ стѣитъ прекрасный рыцарь.

Руки жметъ ей, страстно шепчетъ,
И вдвоемъ они гуляютъ;
Вѣтерокъ играетъ въ листьяхъ,
Розы сказочно киваютъ.

Розы сказочно киваютъ
И горять, любовь вѣщая.
— Но скажи мнѣ, дорогая,
Отчего ты покраснѣла?

— Милый другъ! меня кусаютъ
Комары; они мнѣ лѣтомъ
Такъ противны, какъ евреевъ
Долгоцосное отродье.

«Что до нихъ! Что до евреевъ!»
Говорить, ласкаясь, рыцарь.
Вотъ охлопьями спадаютъ
Бѣлый цвѣтъ съ деревь миндаляныхъ.

Бѣлый цвѣтъ деревь миндаляныхъ
Разливаетъ ароматы...

— Но скажи мнѣ, дорогая,
Точно-ль ты меня такъ любишь?

— Я люблю тебя, мой милый,
Въ томъ свидѣтель мнѣ Спаситель,
Жертва злобнаго коварства
Богомъ проклятыхъ евреевъ.

«Брось ты проклятыхъ евреевъ!»
Говорить, ласкаясь, рыцарь.
При лунѣ, колеблясь тихо,
Дремлютъ бѣлыя лилеи.

Дремлютъ бѣлыя лилеи
И взираютъ къ звѣздамъ неба.

— Но скажи мнѣ, дорогая,
Не обманъ ли эта клятва?

— Милый! нѣтъ во мнѣ обмана,
Какъ въ груди моей ни капли
Крови нѣтъ нечѣрныхъ мавровъ
И поганнаго еврейства.

«Брось ты мавровъ и евреевъ!»
Говорить, ласкаясь, рыцарь,

И уводитъ дочь алькада
Въ павильонъ изъ тѣмныхъ миртовъ.

Мягкими любви цѣпями
Дѣву тайно онъ опуталъ;
Мало словъ, лобзаній много,
Сердце плаваетъ въ блаженствѣ.

Пѣсню брачную заводитъ
Соловей въ тѣни древесной;
Свѣтляки въ травѣ танцуютъ
Точно факельную пляску.

Все затихло въ павильонѣ,
Лишь порой, какъ бы украдкой,
Слышенъ шопотъ умныхъ миртовъ
Да цвѣтовъ благоуханье.

Вдругъ и трубы, и литавры
Въ замкѣ снова загремѣли,
И очулась донья Клара
Изъ объятій кавалера.

Чу! Зовутъ меня, мой милый,
Но теперь, передъ разлукой,
Ты открой свое мнѣ имя:
Отъ меня-ль тебѣ таиться?

И съ веселою улыбкой,
Онъ, цѣлуя пальцы доньи,
И чело ея, и губы,
Напослѣдокъ отвѣчаетъ:

«Я, сеньора, вашъ любезный
Сынъ ученѣйшаго мужа,
Знаменитаго раввина
Израэля въ Сарагоссѣ».

АЛМАНЗОРЪ.

1.

Исполинскія колонны
Счетомъ тысяча и триста
Подпираютъ тяжкій куполь
Кордуанскаго собора.

Куполь, стѣны и колонны
Сверху до низу покрыты
Изреченьями корана
Въ завиткахъ и арабскаихъ.

Храмъ воздвигли въ честь Аллаха
Мавританскіе калифы;
Но потокъ времянь туманный
Измѣнилъ на свѣтѣ много.

На высокомъ минаретѣ,
Гдѣ звучалъ призывъ къ молитвѣ,
Раздается христіанскій
Колоколь меланхолично.

На ступеняхъ тѣхъ, гдѣ пѣлось
Слово мудрое пророка,
Нынче служатъ ужъ обѣдню
Христіанскіе монахи.

Предъ иконами своими
И кадятъ, и распѣвають...
Дымъ, и пѣнье, и кадила,
И мерцанье многихъ свѣчекъ.

И Алманзоръ бенъ-Абдулла
Молчаливъ стоитъ въ соборѣ,
На колонны мрачно смотритъ
И слова такія шепчетъ:

«О, могучія колонны!
Въ честь Аллы васъ украшали,
А теперь служить должны вы
Ненавистнымъ христіанамъ!

«Примѣняетесь вы къ вѣку
И несете ваше бремя
Терпѣливо; какъ же слабый
Человѣкъ не присмирѣетъ?»

И съ веселою улыбкой
Алманзоръ чело склоняетъ
Къ изукрашенной купели
Кордуанскаго собора.

2.

Быстро вышелъ онь изъ храма,
На дыхотъ конѣ помчался;
Раздувались по вѣтру
Кудри влажныя и перья.

По дорогѣ къ Алколеѣ,
Вдоль рѣки Гвадалквивира,
Гдѣ цвѣтутъ миндаль душистый
И лимоны золотые —

Тамъ веселый мчится рыцарь,
Онъ свиститъ, поетъ, смѣется,
И ему и птицы вторять,
И рѣки журчащей воды.

Въ Алколеѣ обитаетъ
Донья Клара ди-Альваресъ.
На войнѣ ея родитель,
И живетъ ей свободнѣй.

Издаляка Алманзору
Слышны трубы и литавры,
И сквозь тѣнь деревь струится
Яркій свѣтъ изъ оконъ замка.

Въ замкѣ весело танцуютъ...
Тамъ двѣнадцать дамъ-красавицъ
И двѣнадцать кавалеровъ —
Алманзоръ всѣхъ лучше пляшетъ.

Легокъ, веселъ онъ порхаетъ
По паркету свѣтлой залы,
Ловко всѣмъ прекраснымъ дамамъ
Разсыпаетъ комплименты.

Вотъ онъ возлѣ Изабеллы —
Страстно руки ей цѣлуетъ;
Вотъ онъ около Эльвиры —
И глядитъ ей страстно въ очи;

Вотъ смѣется съ Леонорой:
«Какъ я нравлюсь вамъ сегодня?»
И показываетъ дамѣ
Крестъ, на плащѣ его нашитый.

Каждой дамѣ говоритъ онъ,
Что ес онъ носитъ въ сердцѣ,
И «Христомъ» клянется каждой
Тридцать разъ онъ въ этотъ вечеръ.

3.

Танцы, музыка и говоръ
Смолкли въ замкѣ алколейскомъ.
Нѣтъ ни дамъ, ни кавалеровъ,
Всюду свѣчи догорѣли.

Лишь вдвоемъ остались въ залѣ
Алманзоръ и донья Клара;
Ихъ мерцаньемъ обливаешь
Догорающая лампа.

Помѣстилась въ креслахъ дама,
На скамейкѣ дремлетъ рыцарь,
Головой припавъ усталой
На возлюбленной колѣни.

Дама розовое масло
Льетъ съ любовью изъ флакона
На его густыя кудри —
И глубоко онъ вздыхаетъ.

Тихо нѣжными устами
Шевеля, цѣлуетъ дама
Кудри рыцаря густыя —
И чело его темнѣетъ.

Изъ очей ся прекрасныхъ
Льются слезы на густыя
Кудри рыцаря—и рыцарь
Злобно стискиваетъ губы.

Снится: онъ опять въ соборѣ
Съ наклоненной головою,
Молчаливъ стоитъ и слышитъ
И глухой, и мрачный говоръ.

Слышитъ—ропщутъ, негодуя,
Исполинскія колонны,
Не хотять терпѣть позора
И колеблются со стономъ.

Покачнулись— трескъ и грохотъ;
И народъ, и клиръ блѣднѣють;
Съ трескомъ куполь развалился,
Слышенъ плачь въ Христовомъ царствѣ.

ПИЛИГРИМСТВО ВЪ КЕВЛААРЪ.

1.

У окошка мать стояла.
Сынъ больной лежалъ въ постели...
— Встань, мой милый; мы бы вмѣстѣ
На процессю посмотрѣли.

— Мать моя, я тяжело боленъ,
Видѣть, слышать не могу я;
Плачу я о мертвой Гретхенъ,
И болитъ душа, тоскуя.

— Встань, пойдемъ мы къ Кевлаару
На процессю святую,
Матерь Божія излѣчить
Душу бѣдную, больную.

Развѣваются хоругви,
Раздается громко пѣнье.
То народъ идетъ изъ Кельна
Въ Кевлааръ на поклоненье.

Мать уходитъ за толпою,
Сына грустно провожая,
И поютъ они со всѣми:
«Слава, Дѣва Пресвятая!»

2.

Матерь Божья въ Кевлаарѣ
Платье лучшее надѣла;
Къ Ней пришло страдальцевъ много,
Кѣй сегодня много дѣла.

И Ее больные люди
Покрываютъ всю дарами,
Покрываютъ восковыми
И руками, и ногами.

Кто принесъ изъ воска руку,
Тотъ съ рукой безъ раны снова;
Кто далъ ногу восковую,
У того нога здорова.

Хромоногіе оттуда
Возвращались плясунами;
У кого изсохли пальцы,
Становились скрипачами.

Мать взяла свѣчу изъ воска,
Сердце изъ нея слѣпила...
«Дай Святой Маріи сердце,
Чтобъ страданье излѣчила».

Сынъ беретъ, вздыхая, сердце,
Сталь у образа святого;
Изъ очей струятся слезы,
И изъ сердца льется слово:

«Дѣва, чтимая высоко,
Дѣва чистая, святая,
О, небесная царица,
Я пришелъ къ Тебѣ, страдая!

«Жилъ я съ матушкой моею
Въ Кельнѣ—городѣ, гдѣ много
И камеллъ великолѣпныхъ,
И церковей во славу Бога.

«Подлѣ насъ жила и Гретхенъ;
Но се взяла могила...
Я принесъ изъ воска сердце,
Чтобъ Ты сердце излѣчила.

«Излѣчи больное сердце!
Буду я, ложась, вставая,
Пѣть съ горячею молитвой:
Слава, Дѣва Пресвятая!»

3.

Сынъ больной и мать-старушка
Спали въ комнатѣ убогой,
И вошла неслышно, тихо
Къ нимъ Святая Матерь Бога.

И склонилась надъ страдальцемъ,
И рукою прикоснулась
До больного сердца тихо,
Кротко, свято улыбнулась...

Мать во спѣ все это видитъ,
Все старушка замѣчаетъ...
Просыпается тревожно...
На дворѣ собака лаетъ...

Предъ старушкой, безъ движенья,
Мертвый сынъ лежалъ въ постели;
Свѣтлымъ, утреннимъ сіяньемъ
Щеки блѣдныя алѣли...

Мать скрестила тихо руки
И, себя не понимая,
Шла набожно и тихо:
«Слава, Дѣва Пресвятая!»

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ГАРЦЪ.

(1824).

ПРОЛОГЪ.

Черные фраки, чулочки,
Ловко скроенныя платья,
Приторно сладкія рѣчи,
Ласки, лобзанья, объятья...

Ахъ, кабы души съ любовью,
Съ теплою любовью въ нихъ были!
Звуки ихъ ложныхъ страданій
До смерти мнѣ опостыли!..

Въ горы отъ васъ ухожу я,
Въ горы, гдѣ набожны люди,
Въ горы, гдѣ воздухъ свѣжѣе,
Легче гдѣ дышется груди;

Въ горы, гдѣ шепчутся ели,
Воды прозрачны, гремячи,
Всесело птицы щебечуть,
Гордо проносятся тучи.

Миръ вамъ, блестящія залы,
Гладкія дамы, мужчины!..
Въ горы!.. Оттуда взгляну я
Весело въ ваши долины!..

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ.

1.

На горѣ стоитъ избушка,
Въ ней живетъ старикъ сѣдой;
Тамъ шумять вѣтвями ели,
Блещетъ мѣсяць золотой.

Посреди избушки кресло,
Въ немъ рѣзные всѣ края,
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ—я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Опершись на локотокъ,
Глазки—звѣзды голубыя,
Ротикъ—пурпурный цвѣтокъ.

И въ прекрасныхъ этихъ звѣздахъ
Точно неба глубина;
Вотъ кладетъ лукаво пальчикъ
Къ губкамъ пурпурнымъ она.

Нѣтъ, насъ матушка не видитъ,
Пряжу пристально прядетъ,
А отецъ, подъ звуки лютни,
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, голосъ затая...
Тутъ не мало тайнъ завѣтныхъ
Отъ нея услышалъ я:

«Вотъ какъ тетушки не стало,
Все сижу я взаперти;
Въ нашъ веселый, шумный городъ,
Не съ кѣмъ больше мнѣ пойти.

«Здѣсь же холодъ и безлюдье,
Нѣтъ скучнѣе стороны;
А зимой подъ этимъ снѣгомъ
Мы совсѣмъ схоронены.

«Ну, а я-то боязлива
И страшуся, какъ дитя,

Духовъ злыхъ, что ночью бродятъ,
Шутки скверныя шутя».

Вдругъ малютка замолчала,
Будто собственныхъ рѣчей
Испугавшись, и закрыла
Глазки ручкою своей.

Ели шепчутся сильяѣ,
Прялка быстрая жужжить,
И подъ звонъ отцовской лютни
Пѣсня старая звучить:

«Не страшись могучей власти
Духовъ злыхъ, ребенокъ мой:
Духи добрые на стражѣ
Днемъ и ночью надъ тобой».

2.

Едъ зелеными вѣтвями
Къ намъ въ окошечко стучить,
И нескромный желтый мѣсяцъ
Тихо въ комнату глядитъ.

Ужъ отецъ и мать уснули
Въ спальнѣ маленькой своей,
Мы же, въ шопотѣ блаженномъ,
Не смыкаемъ все очей.

«Нѣтъ, что ты привыкъ молиться,
Мнѣ повѣрить мудрено:
Блѣдныхъ губъ твоихъ дрожанье
Не молитвой рождено.

«Этотъ злой, холодный трепеть
На меня наводитъ страхъ;
Но смиряешь ты мой ужасъ
Свѣтомъ набожнымъ въ очахъ.

«Ты, мнѣ кажется, не вѣришь
Въ то, что чистыя сердца
Вѣрой чистой называютъ—
Въ Духа, Сына и Отца?..»

— Ахъ, дитя, еще ребенкомъ,
У родимой на рукахъ,

Вѣрилъ я въ Отца, который
Добръ и славенъ въ небесахъ;

«Кто такъ чудно человѣка
И вселенную создалъ
И душъ, звѣздамъ и солнцу
Путь по небу указалъ.

«Но, дитя мое, съ лѣтами
Стала крѣпнеть мысль моя,
Понимать я началъ большо
И повѣрилъ въ Сына я—

«Сына Божьяго, который
Намъ законъ любви открылъ
И, какъ водится, въ награду
Человѣкомъ распять былъ.

«А теперь, когда я много
Ѣздилъ, видѣлъ и читалъ,
Безгранично сердцемъ вѣрить
Я въ Святого Духа сталъ.

«Онъ свершилъ большія чуда
И свершаетъ ихъ всегда:
Разорвалъ Онъ цѣпи рабства,
Сбилъ тирановъ города,

«Воскресилъ бывшее право—
Да идетъ изъ вѣка въ вѣкъ:
Нѣтъ поравенства рожденья,
Благороденъ человѣкъ.

«Злую тьму Онъ разсѣваетъ,
Духовъ темныхъ гонить прочь,
Что любовь и радость нашу
Отравляютъ день и ночь.

«Чтобъ Его свершилась воля,
Выбралъ рыцарей себѣ,
Далъ имъ гордую отвагу,
Приготовилъ ихъ къ борьбѣ;

«И мечи ихъ ярко блещутъ,
И знамена вѣютъ ихъ...

Что, малютка, ты хотѣла-бъ
Видѣть рыцарей таинхъ?

«Такъ смотри сюда скорѣо
Ты, ребенокъ милый мой,
И цѣлуй меня смѣлѣе—
Рыцарь Духа предъ тобой!»

3.

За вѣтвями темной ели
Тихо прячется луна;
Наша лампа догораетъ,
Слабо брезжится она.

Но въ моихъ звѣздахъ сіянье
Ярко, весело горитъ;
И цвѣтокъ пурпурный пышетъ,
И малютка говоритъ:

«Ахъ, уродцы домовые
Хлѣбъ воруютъ все у насъ:
Вечеръ въ ящикѣ лежитъ онъ,
Утромъ пусто каждый разъ.

«Съ молока сберутъ всѣ сливки,
Не прикроютъ и горшка,
А за ними наша кошка
Съѣстъ остатки молока.

«Ну, а кошка вѣдь колдунья;
Въ бурю, ночью, все бѣжитъ
Къ мѣсту духовъ, гдѣ въ обломкахъ
Башня старая стоитъ.

«А когда-то замокъ пышный
Возвышался гордо тамъ;
Дамы, рыцари и пажань
Въ немъ плясали по ночамъ.

«Злая фея все сгубила
Силой злого колдовства,
И теперь, въ обломкахъ замка,
Вьсть гнѣздо свое сова.

«Но отъ тетки я слыхала,
Будто въ свѣтѣ слово есть:

Чуть его въ такомъ-то мѣстѣ,
Въ часъ такой-то произнести—

«И опять блестящій замокъ
Изъ развалинъ встанетъ тамъ,
Снова рыцари и дамы
Въ немъ запляшутъ по ночамъ.

«Станетъ тотъ, кто скажетъ слово,
Обладателемъ всего,
Звукъ литавръ и трубъ прославить
Юность свѣтлую его!»

Такъ на розахъ милыхъ губокъ
Сказки чудныя цвѣтутъ,
И сиянье голубое
Звѣзды глазокъ въ лепетъ льютъ.

Руку свѣтлыми кудрями
Обвиваетъ мнѣ она,
И мои цѣлуетъ пальцы,
И дастъ имъ имена.

На меня глядятъ привѣтно
Стѣны скромнаго жилья,
Столъ и шкапъ, какъ будто съ ними
Мы старинные друзья.

Ходитъ маятникъ радушно,
Тихо лютня на стѣнѣ
Прозвучитъ сама собою—
И сижу я, какъ во снѣ.

Мы теперь въ томъ самомъ мѣстѣ,
И теперь тотъ самый часъ...
Слушай—смѣло я промолвлю
Слово тайное сейчасъ.

И—смотри, дитя... Свѣтлѣсть,
Недалеко до утра,
Громче шумъ ручьевъ и елей,
Просынается гора.

Изъ утесовъ звуки лютней,
Пѣсни духовъ пронеслись,
И лѣса цвѣтовъ роскошныхъ
Точно чудомъ разрослись.

Прихотливо, пестрымъ роємъ,
Эти сдвинулись цвѣты,
И трепещуть сладострастьемъ
Ихъ широкіе листы.

Розы пынутъ, точно пламя,
Лилій гордые стебли,
Какъ хрустальныя колонки,
Къ небу чаши вознесли.

Звѣзды съ неба смотрять ярко,
Сладострастія полны,
Льются въ чаши гордыхъ лилій
Волны свѣта съ вышины.

Но, дитя, мы сами больше
Измѣнились въ этотъ часъ:
Шелкъ, и золото, и свѣчи
Блещутъ весело вокругъ насъ.

Ты въ принцессу обратилась,
Замкомъ сдѣлалась изба,
Въ немъ танцуетъ и ликуеть
Дамъ и рыцарей гурьба!

Я-жъ надъ всѣмъ, что здѣсь явилось,
Обладателемъ стою,
Славятъ трубы и литавры
Юность свѣтлую мою!

МАЛЬЧИКЪ-ПАСТУХЪ.

Здѣсь царемъ дитя-пастухъ.
Холмъ зеленый вмѣсто трона,
Солнце яркое надъ нимъ—
Вся изъ золота корона.

У монаршихъ ногъ легли
Льстиво овцы въ красныхъ бантахъ;
Гордой важности печать
На телятахъ-адъютантахъ.

Гофъ-актерами—козлы;
И коровы не безъ дѣла,
Какъ и птицы: флейты ихъ,
Позвонки ихъ—гофъ-капелла.

И такъ мило все звучить,
И такъ мило отвѣчаетъ
Водопадъ и темный лѣсъ...
И владыка засыпаетъ.

Въ это время край его
Псомъ-министромъ управляемъ.
Неусыпно сторожить
Онъ своимъ широкимъ лаемъ.

Дремля, шепчетъ юный царь:
«Ахъ, правленье—трудъ постылый,
Трудъ тяжелый! Поскорѣй
Мнѣ-бъ домой, къ царицѣ милой!

«И державной головой
Тихо къ ней на грудь склониться...
Вѣдь владѣнія мои
Всѣ въ глазахъ твоихъ, царица!...»

НА БРОКЕНѢ.

Ужъ стало свѣтлѣй на востогѣ
При первомъ мерцаніи солнца,
И горныя выси далѣко
Плывутъ въ океанѣ туманномъ.

Когда-бъ сапоги скороходы
Имѣлъ я, то съ силою вѣтра
Помчался-бъ чрезъ горныя выси
Къ жилищу моей ненаглядной.

Въ постелькѣ, гдѣ милая дремлетъ,
Открылъ бы я тихо гардины,
И тихо бы въ лобъ цѣловалъ я,
И тихо въ рубиновый ротикъ;

И тише еще прошепталъ бы
Въ ушко бѣлоснѣжное милой:
«Пусть снится тебѣ, что другъ друга
Мы любимъ и вѣчно не кинемъ».

И Л Ъ З А.

Я зовусь принцессой Ильзой,
Въ Ильзенштейнѣ замокъ мой;

Приходи ко мнѣ—и будемъ
Мы блаженствовать съ тобой.

Я чело твое омою
Чистой, свѣжею водой,
И забудешь ты печали,
Другъ мой грустный и больной.

У меня на бѣлой груди,
Между бѣлыхъ рукъ моихъ,
Будешь ты лежать и грезить
О блаженствѣ дней былыхъ.

Зацѣлю, заласкаю,
Какъ заласканъ прежде мной
Императоръ милый Генрихъ,
Въ эту пору не живой.

Мертвецы лежать въ могилахъ,
Все живущее живетъ;
Молода я и прекрасна,
Сердце весело цвѣтеть.

Приходи-жь скорѣй въ мой замокъ,
Въ мой хрустальный замокъ! Тамъ
Дамы, рыцари и пажы
Шумно пляшутъ по ночамъ.

Шпоры звонко раздаются,
Платья шелкомъ шелестятъ,
Гномы громко бьютъ въ литавры,
Барабанятъ и трубятъ.

Но какъ Генриха, тебя я
Крѣпко, жарко обниму
И при звукѣ трубномъ ушн
Такъ, какъ Генриху, зажму.

СЪВЕРНОЕ МОРЕ.

(1825—1826).

ЦИКЛЪ ПЕРВЫЙ.

1.

ВЪНЧАШЕ.

Вы, пѣсни, вы, добрыя пѣсни мои!
Вставайте, вставайте! Берите оружье,
И въ трубы звучите,
И мнѣ вы на щитъ подымите
Ту юную дѣву,
Что будетъ всѣмъ сердцемъ моимъ
Отнынѣ владѣть, какъ царица.

Привѣтъ тебѣ, царица молодая!
Съ высокаго солнца
Сорву я все золото свѣтлыхъ лучей,
Сплету изъ него діадему
Тебѣ, для блаженной головки.
Отъ рѣющихъ, шелково синихъ покрововъ небесныхъ,
Гдѣ блещутъ ночные алмазы,
Отрѣжу кусокъ драгоценный;
Его, какъ порфиру, накину
На царскія плечи твои.
Составлю я штатъ твой придворный
Изъ чопорно чистыхъ сонетовъ,
И вѣжливыхъ стансовъ, и гордыхъ терцинъ;
Мое остроуміе будетъ твоимъ скороходомъ,

Фантазія станеть придворнымъ шутомъ,
Юморъ мой—герольдомъ, несущимъ
Веселыя слезы въ щитъ...
А самъ я, царица,
Склоню предъ тобою колѣни,
И благоговѣйно, на бархатной красной подушкѣ,
Тебѣ поднесу я
Частицу разсудка,
Какая оставлена мнѣ состраданьемъ
Царицы, предшешшей тебѣ.

2.

СУМЕРКИ.

На блѣдномъ морскомъ берегу
Я сидѣлъ одинокій и думами грустно томимый;
Солнце склонялось все ниже, бросая
Красныя полосы свѣта на воду;
И бѣлыя, дальнія воды,
Гонимыя быстрымъ приливомъ,
Кипѣли, шумѣли, все ближе и ближе.
Чудный, таинственный шумъ... и свистъ, и шептанье,
Смѣхъ и журчанье, и стоны, и хохотъ,
И тихая, полная тайнъ, колыбельная пѣсня...
Чудилось мнѣ, что я слышу давно позабытыя сказки—
Старыя, милыя сказки,
Тѣ, что когда-то ребенкомъ,
Слушалъ съ дѣтьми сосѣдсй,
Когда въ лѣтній вечеръ,
Мы, передъ домомъ, на каменныхъ сидя ступенькахъ,
Къ тихимъ разговорамъ склоняли
Дѣтское чуткое сердце
И пытливыя, умныя глазки...
А взрослые дѣвушки, въ домѣ,
Подлѣ душистыхъ цвѣточныхъ горшковъ
У окошекъ сидѣли,
И лица цвѣтуція ихъ
Смѣялись, луной освѣщенныя...

3.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Огненно красное солнце уходитъ
Въ далеко волнами шумящее,

Серебромъ окаймленное море;
Воздушныя тучи, прозрачны и алы,
Несутся за нимъ; а напротивъ,
Изъ хмурыхъ, осеннихъ облачныхъ грядъ,
Грустнымъ и мертвенно блѣднымъ лицомъ
Смотритъ луна; а за нею,
Словно мелкія искры,
Въ дали туманной мерцають звѣзды.

Нѣкогда въ небѣ сіяли,
Въ брачномъ союзѣ,
Луна-богиня и солнце-богъ;
А вокругъ нихъ роились звѣзды,
Невинныя дѣти-малютки.

Но злымъ языкомъ клевета зашипѣла,
И раздѣлилась враждебно
Въ небѣ чета лучезарная.

И нынче днемъ, въ одинокомъ величїи,
Ходитъ по небу солнце,
За гордый свой блескъ
Многомолимое, многовоспѣтое
Гордыми, счастьемъ богатыми смертными.
А ночью
По небу бродитъ луна,
Бѣдная мать,
Со своими сиротками-звѣздами
И свѣтитъ въ безмолвной печали своей.
И дѣвушки съ любящимъ сердцемъ
И съ кроткой душою поэты
Ей посвящаютъ слезы и пѣсни.

Женскимъ незлобивымъ сердцемъ
Все еще любить луна красавца мужа,
И подъ вечеръ часто, дрожащая, блѣдная,
Глядитъ потихоньку изъ тучекъ прозрачныхъ
И скорбнымъ взглядомъ своимъ провожаетъ
Уходящее солнце,
И, кажется, хочетъ крикнуть ему: «Погоди!
Дѣти зовутъ тебя!»
Но упрямое солнце,
При видѣ богини,

Вспыхнетъ багровымъ румянцемъ
Скорби и гнѣва
И безопадно уйдетъ на свою одинокую
Влажно холодную вдовью постель.

* * *

Такъ-то шипящая злоба
Скорбь и погибель вселила
Даже средь вѣчныхъ боговъ,
И бѣдные боги
Грустно проходить по небу
Свой путь безутѣшный и безконечный,
И смерти имъ нѣтъ, и влачатъ они вѣчно
Свое лучезарное горе.

Такъ мнѣ-ль—человѣку,
Низко поставленному, смертью одаренному —
Мнѣ ли роптать на судьбу?

4.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ.

Безвѣдна холодная ночь.
Море кипить, и надъ моремъ,
Ничкомъ распластавшись, на брюхѣ лежитъ
Неуклюжею массою сѣверный вѣтеръ.
И таинственнымъ, старчески сдавленнымъ голосомъ онъ,
Какъ разыгравшійся хмурый брюзга,
Болтаетъ съ пучиной,
Повѣряя ей много безумныхъ исторій,
Великанскія сказки съ безконечными ихъ чудесами,
Сѣдья норвежскія сказки;
А въ промежуткахъ грохочетъ онъ съ воемъ и смѣхомъ.

Заклинанья изъ Эдды,
Изреченія руннъ,
Мрачно суровыя, волшебна могучія...
И бѣлоглавыя чада пучинъ
Высоко кидаются вверхъ и ликуютъ
Въ своемъ упоеніи дикомъ.

Межъ тѣмъ, по низкому берегу,
По песку, омоченному пѣной кипящей,
Идетъ чужеземецъ, съ душой

Еще болѣе бурной, чѣмъ вихорь и водны.
Что онъ ни сдѣлаеть шагъ,
Взвиваются искры, ракушки хрустятъ.
Закутавшись въ сѣрый свой плащъ,
Онъ быстро идетъ во мракъ почномъ,
Надежно свой путь къ огоньку направляя,
Дрожащему тихой, привѣтною струйкой
Изъ одинокой рыбацкѣй лачужки.
Братъ и отецъ уѣхали въ море,
И одна-одиношенька дома осталась
Дочь рыбака.
Чудно прекрасная дочь рыбака,
У очага пріютившись,
Внемлетъ она наводящему сладкія грѣзы
Жужжанью воды, закипающей въ старомъ котлѣ,
Бросаетъ трескучаго хворосту въ пламя
И раздуваетъ его.
И красный огонь, зазмѣившись и вспыхнувъ,
Играетъ волшебнѣе красиво
На миломъ, цвѣтущемъ лицѣ,
На нѣжныхъ, бѣлыхъ плечахъ,
Стыдливо глядящихъ
Изъ-подъ грубой, сѣрой рубашки,
И на хлопочущей маленькой ручкѣ,
Поправляющей юбку
У стройнаго стана.

Вдругъ дверь растворяется настѣжъ
И входитъ ночной чужеземецъ;
Съ ясной любовью покоятся взоры его
На дѣвушкѣ бѣлой и стройной,
Въ страхѣ стоящей предъ нимъ,
Подобно испуганной лилии.
Бросаетъ онъ наземь свой плащъ,
Смѣется и такъ говоритъ:

«Видишь, дитя, я слово держу —
Являюсь; и вмѣстѣ со мною приходитъ
Древнее время, когда вѣковѣчные боги
Сходили съ небесъ къ дочерямъ человѣковъ
И дочерей человѣковъ въ объятія свои заключали,
Зачиная съ ними могучіе,
Скиптоносные царскіе роды

И героевъ, чудо вселенной.
Полно, однакожь, дитя, дивиться тебѣ
Божеству моему.
Свари мнѣ, пожалуйста, чаю, да съ ромомъ.
На дворѣ было холодно нынче,
А въ стужу такую
Зябнемъ и мы, вѣковѣчные боги,
И легко наживаемъ божественный насморкъ
И кашель безсмертный.

5.

ПО С Е Й Д О Н Ъ.

Солнечный свѣтъ рассыпался
По морю, бѣжавшему въ даль безпрерывную.
Далеко на рейдѣ блестяль освѣщенный корабль,
Который былъ долженъ везти меня къ милой отчизнѣ.
Не поднималось однако попутнаго вѣтра,
И спокойно сидѣлъ я на отмели бѣлой
Пустыннаго берега;
Перечитывалъ пѣснь о бѣдахъ Одиссея,
Старую, вѣчно юную пѣснь.
Изъ странницъ ея, моремъ шумящихъ,
Радостно мнѣ поднимались навстрѣчу
Дыханье боговъ,
Человѣка весна золотая
И цвѣтущее небо Эллады.

Мое благородное сердце, какъ преданный другъ, провожало
Лаэртина сына въ скитаньяхъ его и несчастьяхъ,
Садилось съ нимъ въ заботливой думѣ
За гостепрѣимный очагъ,
Гдѣ ткани пурпурныя пряли царицы,
Лгать помогало ему и хитро ускользать
Изъ объятія нимфъ и пещеръ великанскихъ;
Слѣдило за нимъ въ киммерійской ночи,
Въ буряхъ, въ крушеньи,
Невыразимое горе съ нимъ раздѣляло.

Со вздохомъ сказала я: «Злой Посейдонъ,
Ужасенъ твой гнѣвъ!
Я самъ начинаю бояться
За путь свой обратный!»

Но успѣлъ я вымолвить это,
Какъ вспѣнилось море,
И поднялася изъ волнъ
Голова, тростникомъ повитая, морского владыки,
И насмѣшливо крикнуть онъ мнѣ:

«Не бойся, поэтикъ!
Мнѣ нѣтъ ни малѣйшей охоты
Тормозить твой кораблишко утлый,
Пугая тебя за любезную жизнь
Слишкомъ нешуточной качкой.
Ты вѣдь, поэтикъ, меня никогда не гнѣвилъ,
Ни единой ты башенки даже не тронулъ
Въ священной твердынѣ Пріама,
Волосочка не сжегъ ты въ глазу
Моего Полифема, любезнаго сына,
И къ тебѣ не явилась на помощь съ совѣтомъ ни разу
Цаллада—Афина, богиня ума!»
Такъ говорилъ Посейдонъ —
И снова нырнулъ онъ въ морскую пучину,
И на грубую, чисто матросскую шутку,
Подъ водою раздался насмѣшливый хохотъ
Амфитриды, рыбной торговки противной,
И глухихъ дочекъ Нерея.

6.

П Р И З Н А Н І Е.

Глубоко сумрачный сошелъ на землю вечеръ,
И дико гѣнились валы;
А я сидѣлъ на берегу, смотря
На плиску бѣлыхъ волнъ,
И грудь моя вадымалася, какъ море,
И грусть глубокая мнѣ душу охватила —
Грусть по тебѣ, прекрасный образъ,
Носящійся вокругъ меня повсюду,
Вездѣ меня зовущій,
Вездѣ, вездѣ —
И въ шумѣ волнъ, и въ воѣ вѣтра,
И въ столахъ сердца моего.

Я тростью написалъ на берегу песчаномъ:
«Агнеса, я люблю тебя!»

Но злыя волны набѣжали
И стерли сладкое признанье.
Песокъ рассыпчатый, и волны разливыя,
И трость непрочная — не вѣрю больше вамъ...
Темнѣ на небѣ и тяжелѣй на сердцахъ...
Рукою сильною я изъ лѣсовъ норвежскихъ
Ель высочайшую исторгнулъ, и ее
Я погрузилъ въ грудь пламенную Этны,
И тѣмъ перомъ горящимъ, исполнскимъ,
Я написалъ на темномъ сводѣ неба:
«Агнеса, я люблю тебя!»

И съ той поры, ночь каждую, на небѣ
Блистаютъ вѣчныя и огненные буквы,
И всѣ грядущія потомковъ поколѣнья,
Ликуя, тѣ слова небесныя читаютъ:
«Агнеса, я люблю тебя!»

7.

НОЧЬЮ ВЪ КАЮТѢ.

Море жемчугъ свой имѣетъ,
Небо — звѣздочки свои,
У меня же въ сердцахъ, въ сердцахъ,
Въ сердцахъ есть своя любовь.

Необъятны небо, море —
Мое сердце больше ихъ,
И любовь моя сіяетъ
Крaше жемчуга и звѣздъ.

Къ моему большому сердцу,
Другъ мой маленькій, приди,
Это сердце, море, небо
Замираютъ отъ любви.

* * *

Къ голубому небесному своду,
Гдѣ прекрасныя звѣзды сіяютъ,
Я хотѣлъ бы прижаться губами,
И прижаться, и горько заплакать.

Эти звѣзды — глаза моей милой;
Въ неисчислимыхъ тысячахъ свѣтовъ,

И глядятъ, и привѣтно смѣются
Съ голубого небеснаго свода.

Къ голубому небесному своду
И къ глазамъ моей милой подруги
Подымаю я набожно руки,
И прошу я, и такъ умоляю:

«Свѣтъ спасенья, глаза дорогіе,
О, наполните душу блаженствомъ!
Дайте смерть мнѣ и съ нею—владѣнье
Вашимъ небомъ всецѣлымъ и вами!»

* * *

Тренища, изъ глазъ небесныхъ
Золотыя искры льются,
И душа моя все шире,
Все любовнѣй раздается.

О, глаза небесъ далекихъ!
Выплачьтесь въ мою вы душу,
Чтобъ душа моя залилась
Звѣздъ блестящими слезами!

* * *

Убаюканный моря волнами
И мечтами моихъ сновидѣній,
Я лежу, молчаливый, въ каютѣ,
На печальной и сумрачной койкѣ.

Черезъ люкъ растворенный я вижу
Надъ собою блестящія звѣзды —
Дорогіе и милые глазки
Ненаглядной и милой подруги.

Дорогіе и милые глазки
Сторожатъ надъ моей головою,
И блистаютъ они, и киваютъ
Съ голубого небеснаго свода.

Съ голубого небеснаго свода
Глазъ по цѣлымъ часамъ не свожу я,
Пока бѣлымъ покровомъ тумана
Не закроются милые глазки.

* * *

У дощатой стѣны корабля,
Гдѣ лежу я въ мечтательныхъ грѣзахъ,

Ходят волны, сердитыя волны,
И кипятъ эти волны, и мнѣ
Таинственно на ухо шепчуть:
«Безумцы!
Коротки твои руки, а небо далеко,
И звѣзды тамъ держатся крѣпко,
Золотыми гвоздями прибиты...
Ты напрасно томилшься и стонешь —
Лучше было-бъ уснуть поскорѣ!»

* * *

И снилась мнѣ далекая страна,
Снѣгами бѣлыми покрылася она,
Подъ снѣгомъ я лежалъ похороненъ,
Въ холодный сонъ, сонъ смерти погруженъ.

А съ неба темнаго на гробъ холодный мой
Смотрѣли очи звѣздъ, сіяя надо мной;
Глаза прекрасные блистали съ вышины
Спокойно и свѣтло, любовію полны.

8.

Б У Р Я.

Неистово буря бушуетъ,
И бьетъ она волны,
И волны, вздымаясь и бѣшено пѣнясь,
Взлѣзаютъ одна на другую, — и будто живыя, гуляютъ
Бѣлыя горы воды.
Усталый корабликъ
Взобраться все хочетъ на нихъ,
И вдругъ, опрокинутый, мчится
Въ широко открытую черную бездну.

О, море!
Мать красоты, появившейся въ пѣнѣ,
Праматерь любви, надо мною ты сжался!
Вьется ужъ, чуя добычу,
Бѣлая чайка, какъ призракъ зловѣщій,
Точить о мачту свой клювъ
И, полная хищныхъ желаній, летаетъ надъ сердцемъ,
Славою дочери моря звучащимъ,
Сердцемъ, чтó внукъ твой, малютка-шалунъ прихотливый,
Взялъ для забавы себѣ...

Напрасны моленья и стоны мои!
Мой зовъ замираетъ въ бушующемъ голосѣ бури
И въ шумѣ сердитаго вѣтра;
Реветь онъ, и свищетъ, и воетъ, и стонетъ,
Какъ звуки въ жилищѣ безумныхъ...
И внятно межъ ними я слышу
Аккорды призывныя арфы,
Тоскливое, дикое гнѣве,
Томящее душу и рвущее душу—
И я узнаю этотъ голосъ.

Далеко, на шотландскомъ утесѣ,
Гдѣ сѣрый и маленькій замокъ
Изъ ревущаго моря выходитъ—
У окошка со сводомъ высокимъ
Больная, прекрасная дѣва стоитъ,
Нѣжна и блѣдна будто мраморъ.
Поетъ и играетъ на арфѣ она...
Развѣваетъ ей длинные волосы вѣтеръ
И разноситъ онъ мрачную пѣсню ея
По широкому, бурному морю.

9.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

Тишь на морѣ! Золотыя
Искры солнца брызжатъ въ волнахъ;
Изумрудной бороздою
Путь означенъ корабельный.

У руля, ничкомъ на брюхѣ,
Рулевой лежитъ спокойно;
Перепачканный смолою
Юнга чинитъ старый парусъ.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ,
Ходятъ судорожно губы,
И глаза большіе смотрятъ
Боязливо и тревожно.

Передъ нимъ воля, ругаясь,
Капитанъ стоитъ. «Мошенникъ!
Ахъ, мошенникъ! Ты изъ бочки
У меня украдъ селедку!»

Тыпъ на морѣ! На поверхность
Рыбка умная всплываетъ,
Грѣветъ голову на солнцѣ,
Плещетъ хвостикомъ игриво.

Но съ лазурной выси чайка
Устремляется на рыбку
И съ добычей въ остромъ клювѣ
Въ синемъ небѣ пропадаетъ.

10.

МОРСКОЕ ВИДѢНІЕ.

А я лежалъ у борта корабля,
И, будто бы сквозь сонъ, смотрѣлъ
Въ зеркально чистую морскую воду...
Смотрѣлъ все глубже, глубже—
И вотъ, на двѣ передо мной
Сперва, какъ сумракомъ подернуты туманнымъ,
Потомъ яснѣй, въ опредѣленныхъ краскахъ,
И куполы, и башни показались,
И наконецъ, какъ солнце, свѣтлый, цѣлый городъ
Древне-фламандскій,
Жизнію кипящій.
Тамъ, въ черныхъ мантияхъ, серьезные мужчины,
Съ брыжками бѣлыми, почетными цѣпами,
Мечами длинными и лицами такими-жъ,
По площади, кишашей пестрымъ людомъ,
Шагаютъ къ ратушѣ съ крыльцомъ высокимъ,
Гдѣ каменные статуи царей
Стоять на сторожѣ съ мечомъ и скиптромъ.
Недалекѣ, гдѣ тянутся рядами
Со стеклами блестящими дома,
И пирамидами острижены деревья,
Тамъ, шелкомъ шелестя, дѣвицы ходятъ,
И цѣломудренно ихъ розовыя щечки
Одѣты шапочкою черной
И пышными кудрями золотыми,
Изъ-подъ нея бѣгущими наружу.
Въ испанскихъ платяхъ молодые франты
Рисуются и кланяются ловко;
Почтенныя старушки,
Въ коричневыхъ и старомодныхъ платяхъ,
Неся въ рукахъ молитвенникъ и четки,

Слѣшать, ногами сѣменя,
Къ высокой церкви,
На звонъ колоколовъ
И звуки стройные органа.

Я самъ охваченъ тайнымъ содроганьемъ...
Далекій звонъ домчался до меня...
Тоской глубокою и грустью безконечной
Мое сдавилось сердце,
Еще незалѣчившееся сердце;
Мнѣ чудится, что губы дорогія
Опять его цѣлуютъ раны,
И точатъ кровь изъ нихъ,
И капли красныя, горячія, катятся
Струею медленной и долгой
На старый домъ, стоящій тамъ, внизу,
Въ подводномъ городѣ глубокомъ —
На старый домъ съ высокими стѣнами
Меланхолически пустынный,
Гдѣ только дѣвушка у нижняго окна
Сидитъ, склонивши на руку головку,
Какъ бѣдное, забытое дитя —
И знаю я тебя,
Забытое и бѣдное дитя!

Такъ вотъ какъ глубоко, на дно морское,
Изъ дѣтской прихоти ты скрылась отъ меня
И не могла уже оттуда выйти,
И межъ чужими ты, чужая, все сидѣла...
И такъ столѣтья шли...
А я межъ тѣмъ съ душой, печалью полной,
Искалъ тебя по всей землѣ,
И все тебя искалъ,
Тебя, всегда любимую,
Тебя, давно потерянную
И снова обрѣтенную.
Тебя нашелъ я, и смотрю опять
На милый образъ твой,
На умные и вѣрные глаза,
На милую улыбку...
Теперь съ тобой я не разстанусь больше,
И на морское дно къ тебѣ сойду,
И кинусь я, раскрывъ объятія,
Къ тебѣ на грудь...

Но въ-время какъ разъ меня
Схватилъ за ногу капитанъ
И отгацилъ отъ борта,
И крикнулъ мнѣ, сердито засмѣявшись:
«Да что вы, помѣшались, докторъ?»

11.

ОЧИЩЕНІЕ.

Останься ты на днѣ глубокомъ моря,
Безумный сонъ,
Ты, часто такъ ночью порою
Невѣрнымъ счастьемъ терзавшій душу мнѣ,
И даже въ свѣтлый день, теперь грозящій
Мнѣ, будто привидѣніе морское,
Останься тамъ на днѣ, навѣки,
И брошу я къ тебѣ на дно
Всю грусть мою и всѣ грѣхи мои,
И съ погремущками колпакъ дурацкій,
Звенѣвшій долго такъ на головѣ моей
И лицемѣрія змѣинный,
Коварный, ледяной покровъ,
Давившій долго такъ мнѣ душу,
Больную душу,
Все отрицавшую, и ангеловъ, и Бога,
Безрадостную душу.
Гойго! Гойго! Ужъ вѣтеръ поднялся...
Вверхъ парусъ! Вздучся онъ и вьется!
И по водамъ коварно тихимъ
Летитъ корабль, и ликоваіній
Полна освобожденная душа!

12.

М И Р Ъ.

Солнце высоко стояло на небѣ,
Въ бѣлыхъ, летучихъ грядяхъ облаковъ;
Море молчало.
Я въ тихомъ раздумѣ лежалъ у руля,
Въ раздумѣ мечтаю -- и въявь вполонину,
А вполонину въ дремотѣ я видѣлъ Христа,
Спасителя міра.
Въ бѣлой, волнистой одеждѣ
Шествовалъ Онъ, необъятно великъ,

По сушѣ и морю.

Челомъ уходилъ Онъ въ небесную высь,
А руки воздѣтыя Онъ простиралъ

Надъ сушей и моремъ;
Сердцемъ въ груди его было

Пламенно яркое солнце;
Пламенно яркое сердце,

Озаряя и грѣи,

Струило лучи благодати

И кроткій, любящій свѣтъ свой

По сушѣ и морю.

Колокольные звуки тянулись торжественно

Взадъ и впередъ, тянули, какъ лебеди,

На вязахъ изъ розъ, скользившій корабль.

Играя, тянули его къ зеленѣющему берегу,

Гдѣ люди живутъ, въ высокобащенномъ,

Величавомъ городѣ.

О, миръ чудодѣйственный! Городъ безмолвенъ;

Затихъ съ своимъ шумомъ нестройнымъ'

Говорливый, заботливый промыселъ,

И по чистымъ, отзывно рокочущимъ лицамъ

Люди ходили, одѣтые бѣлымъ,

Съ вѣтками пальмы въ рукахъ,

И гдѣ только двое сходились,

Встрѣчали другъ друга взаимною жаждою мира,

И въ трепетѣ сладкомъ самоотрицанья:

Цѣловали другъ друга въ чело,

И глядѣли въ лазурную высь

На яркое солнце, Спасителя сердце,

Радостно лившее алую кровь

Въ примиренье людей,

И трижды блаженны, они повторяли:

«Хвала Иисусу Христу!»

ЦИКЛЪ ВТОРОЙ.

1.

ПРИВѢТЬ МОРЮ.

Талатта! Талатта!
Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
Привѣтъ тебѣ десять тысячъ разъ,
Отъ ликующаго сердца—
Такой, какъ нѣкогда слыхало ты
Отъ десяти тысячъ сердець греческихъ,
Съ бѣдами боровшихся, по отчизнѣ томившихся,
Всемирно славныхъ греческихъ сердець!

Вставали волны,
Вставали, шумѣли,
И солнце ихъ обливало
Игривымъ румянымъ свѣтомъ;
Стаи вспугнутыхъ чаекъ
Прочь отлетали съ громкими криками;
Били копытами кони, гремѣли щиты,
И разносилось далече кличемъ побѣднымъ:
Талатта! Талатта!
Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
Роднымъ языкомъ шумягь твои воды,
Точно грѣзы дѣтства встають предо мной
Надъ твоимъ зыбучимъ просторомъ,
И сызнова мнѣ повторяетъ старая память былые рассказы
О всѣхъ дорогихъ и милыхъ игрушкахъ,
О святочныхъ пышныхъ подаркахъ,
О красныхъ деревьяхъ коралловыхъ,
О златочешуйчатыхъ рыбахъ,
О жемчугѣ желтомъ, о горахъ раковинъ пестрыхъ,
Что таинственно ты сохраняешь
Въ своемъ прозрачномъ, хрустальномъ домѣ.

О, какъ я въ чужбинѣ томился!
Словно увядшій цвѣтокъ

Въ жестянкѣ ботаника,
Лежало въ груди моей сердце.
Мнѣ кажется, будто я цѣлую зиму, бодьной,
Былъ запертъ въ темномъ больничномъ покоѣ
И вдругъ неожиданно его покинулъ—
И мнѣ ослѣпительно блестя навстрѣчу
Весна изумрудная, солнцемъ пробужденная,
И шумить бѣлый цвѣтъ на деревьяхъ,
И молодые цвѣты глядятъ на меня
Дунистыми, пестрыми глазками,
И все благовоиємъ дышать, и гудитъ, и живетъ, и
смѣется,

И въ небѣ лазурномъ распѣвають птицы...
Талатта! Талатта!

О, храброе, въ отступленіи храброе сердце!
Какъ часто, какъ горестно-часто
Тебя тѣснили варварки сѣвера!
Сыпали жгучія стрѣлы въ тебя
Изъ большихъ побѣдительныхъ глазъ;
Грозили мнѣ грудь раскроить
Кривыми мечами словъ;
Гвоздеобразными письмами
Бѣдный мой, оглушенный мозгъ разбивали...
Напрасно я крылся щитомъ...
Стрѣлы свистали, и падалъ ударъ за ударомъ...
И вотъ оттѣснили меня
Варварки сѣвера къ самому морю,
И полною грудью дыша, я море привѣтствую—
Спасительно чудное море...
Талатта! Талатта!

2.

Г Р О З А.

Глухо нависла надъ моремъ гроза,
И черную стѣну скопившихся тучъ
Прорѣзають зубчатыя молніи,
Быстро сверкая и быстро опять просядая
Какъ острота изъ главы Кроніона.
По дикому, бурному морю
Далѣко проносятся громы,
И прыгають бѣлые коңи-валы,
Бореемъ самимъ прижитые

Отъ чудныхъ кобыль Эрихтона,
И испуганно носятъ чайки,
Какъ тѣни умершихъ у Стикса,
Что Харонъ оттолкнулъ отъ ладьи полуношной своей.

Бѣдный веселый корабликъ,
Какую жестокою пляшетъ онъ пляску!
Золь ему выслалъ отборныхъ своихъ музыкантовъ,
Во всю разыгрались они, чтобъ ему веселѣй танцовалось.
Этотъ свиститъ, тотъ трубитъ,
Третій глухо гудитъ на контрбасъ...
И шкиперъ, шатаясь, стоитъ у руля
И глазъ онъ не сводитъ съ компаса,
Дрожащей души корабля,
И руки съ мольбою онъ къ небу возноситъ:
«О, спасите меня, Касторъ, всадникъ-герой,
И ты, Полидевкъ, ратоборецъ кулачный!

3.

ПОСЛѢ КОРАБЛЕКРУШЕНІЯ.

Надежда и любовь—погибло все,
И самъ я, точно трупъ,
Изверженный сердитымъ моремъ,
Лежу на берегу,
Холодномъ и пустынномъ берегу.
Передо мной—пустыни водянал,
За мной—лежатъ страданье и печаль,
А надо мной—проходятъ тучи,
Уродливыя воздуха созданья,
Что черпаютъ изъ моря воду
Въ свои туманные сосуды,
И за собой съ трудомъ ихъ тащатъ, тащатъ,
И снова выливаютъ въ море—
Печальная и скучная работа,
И бесполезная, какъ жизнь моя.

Шумятъ валы, несутся съ крикомъ чайки,
И снова вѣютъ на меня
Минувшихъ лѣтъ воспоминанья...
Сны позабытые, погасшія картины,
Мучительно отрадные, опять
Наружу выплываютъ...

Есть женщина на сѣверѣ далскомъ...
Прекрасна, царственно она прекрасна!
На стройно кипарисный станъ
Сбѣгаетъ страстно бѣлая одежда.
И кудри темныя волной,
Какъ ночь блаженная, сбѣгутъ
Съ увѣнчанной косою головы
И вьются сказочно прекрасно
Вкругъ блѣднаго и милого лица,
И на лицѣ томъ миломъ, блѣдномъ,
Сіяетъ глазъ могучимъ свѣтомъ,
Какъ солнце черное...

О, солнце черное, какъ часто,
Упонтельно часто я пилъ изъ тебя
Огонь безумный вдохновенья
И предъ тобой стоять, шатаясь,
Какъ опьянѣвшій отъ огня;
И голубино-кроткая улыбка
На гордыхъ появлялася губахъ,
И губы гордыя дышали
Словами, милыми, какъ свѣтъ луны,
И нѣжными, какъ запахъ розы...
И воздымалася моя душа,
И какъ орелъ, взлетала въ небо!

Молчите, волны, молчите, чайки!
Погибло все—и счастье, и надежда,
Надежда и любовь! Лежу я на землѣ,
Крушенье потерпѣвшій, одинокій,
И къ влажному песку
Лицомъ горячимъ припадаю!

4.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Прекрасное солнце
Спокойно спустилося въ море;
Ужъ темная ночь
Окрасила зыбкія воды,
Но на нихъ догораетъ еще
Золотое сіянье вечерней зари;
И шумная сила прилива

Гонить къ побережью бѣдыя волны,
Что весело скачутъ,
Какъ стада тонкорунныхъ овецъ,
Которыхъ домой вечеромъ, распѣвая,
Гонить мальчикъ-пастухъ..

«Какъ солнце прекрасно!» —
Такъ обратился ко мнѣ по долгомъ молчаньи
Другъ мой, гулявшій со мной по побережью;
И вполовину шутя, вполовину печально,
Сталъ увѣрять меня, будто бы солнце —
Красавица, въ бракъ по приличью вступившая
Со старымъ владыкою моря.
Днемъ радостно ходить она
По высокому небу, одѣтая въ пурпуръ,
Сверкая алмазами,
Всюду чтимая, всюду любимая
Всѣми созданными міра
И всѣхъ созданій міра живящая
Теплотою и свѣтомъ взглядовъ своихъ.
А вечеромъ, съ грустью въ душѣ, поневолѣ
Возвращается снова она
Въ мрачный чертогъ, на печальное ложе
Старого мужа.

— Повѣрь мнѣ, — прибавилъ мой другъ
И, засмѣявшись, вздохнулъ и опять засмѣялся: —
У нихъ тамъ супружество самое нѣжное!
Они или спятъ, или ведутъ перебранку,
Такъ что море у насъ начинаетъ сердито бурлить.
И мореплаватель слышитъ въ шумѣ воды,
Какъ супругу честить старый богъ:
«Потаскушка вселенной ты круглая!
Шашни лучами ведущая!
День цѣлый огня ты полна для другихъ,
А какъ очередь ночью дойдетъ до меня,
Такъ ты холодна, ты устала!»
Послѣ такихъ поученій постельныхъ,
Понятно, зальется слезами
Гордое солнце и начнетъ проклинать свою жизнь,
Клянеть до тѣхъ поръ, пока богъ
Вскочитъ въ отчаяньѣ съ ложа,
И быстро всплыветъ на морскую поверхность,
Чтобъ свободно вздохнуть, освѣжившись.

Такъ видѣлъ я самъ его прошлую ночь,
Какъ онъ изъ воды поднялся по поясъ,
Въ курткѣ изъ желтой фланели,
Бѣлолилейномъ ночью колцакъ
И съ лицомъ стариковскимъ увядшимъ.

5.

ПѢСНЬ ОКЕАНИДЪ.

Море тускнѣетъ вечернею тѣнью,
И одинокъ, со своей одинокой душою,
Сидитъ на пустомъ берегу человѣкъ
И смотритъ мертво-холоднымъ взглядомъ
На широкое мертво-холодное небо,
На широкое, шумное море—
И по широкому, шумному морю
Летятъ его вздохи, воздушные странники,
И печально назадъ возвращаются:
Нашли они залертымъ сердце,
Гдѣ ожидали найти себѣ пристань.
И онъ стонетъ тамъ громко, что бѣлыя чайки,
Въ испугѣ изъ гнѣздъ песчаныхъ вспорхнувъ,
Вереницами рѣютъ надъ нимъ,
И онъ говоритъ имъ, смѣясь:

«Черноногія птицы!

На бѣлыхъ крылахъ облетая моря,
Пьете вы воду морскую кривыми носами,
Тюлений грубой живете.

Жизнь вапа горька, какъ самая пипца!

Я же, счастливецъ, лишъ сладкимъ живу!

Питаюсь я сладостнымъ запахомъ розы,
Соловиной невѣсты, взрощенной на лунномъ сіяньѣ,

Еще болѣе сладкимъ печеньемъ питаюсь,

Наполненнымъ сбитыми сливками;

И самымъ сладкимъ на свѣтѣ я наслаждаюсь—

Сладкой любовью, взаимностью сладкой!

«Она любитъ меня, она любитъ меня, милая дѣва!

И теперь у себя съ вышки дома глядитъ

Въ сумеркахъ дня на большую дорогу

И ждетъ, и томится по мнѣ—я вась увѣрю!

Но напрасно глядитъ—и вздыхаетъ она,

И вздыхая, спускается въ садъ,
И гуляетъ среди аромата цвѣтовъ и сіянья луны,
И съ цвѣтами ведетъ разговоръ, говоря имъ,
Какъ я, милый, ей милъ,
Какъ хорошъ; какъ достоинъ любви—я васъ увѣряю!
И потомъ на постели, во снѣ, въ сновидѣньяхъ,
Ей все представляется милый мой образъ;
И даже за завтракомъ, утромъ,
На своемъ бутербродѣ блестящемъ,
Она видитъ все отраженъе
И любовно съѣдаетъ его—я васъ увѣряю!

Такъ хвастается онъ безъ конца;
А крики порхающихъ чаекъ
Надъ нимъ, между тѣмъ, раздаются
Ироническимъ смѣхомъ холоднымъ.
Встаетъ надъ водою вечерній туманъ;
Изъ темносиняго облака
Мутно глядитъ желтоотравчатый мѣсяцъ;
Высоко взлетаютъ морскіе валы,
И въ глубинѣ многошумнаго моря,
Словно журчанье печальнаго вѣтра,
Слышится пѣснь дочерей Оксана,
Водяныхъ, сострадательныхъ женщинъ-красавицъ;
Особенно-жъ вятенъ чарующій голосъ
Среброногой супруги Пелея.
Вздыхаютъ онъ и поютъ:

«О, безумецъ, безумецъ, хвастливый безумецъ,
Мучимый скорбью!
Убиты надежды твои,
Рѣзвья дочери сердца,
И твое сердце, ўвы! подобно Ніобѣ,
Каменѣеть отъ горя!
Въ твоей головѣ начинается ночь,
И по ней пробѣгаютъ молнии безумья,
И хвастаешь ты отъ мучительной боли.
О, безумецъ, безумецъ, хвастливый безумецъ!
Ты такъ же упрямъ, какъ и твой прародитель,
Могучій титанъ, похитившій съ неба
Огонь у боговъ, чтобъ отдать человѣку;
Онъ, мучимый коршуномъ, крѣпко къ утесу прикованный,
Смѣялся, строптивый, Олимпу, стоналъ и смѣялся,

Такъ что, заслышавши стонъ въ морской глубинѣ,
Мы поспѣшили къ нему съ утѣшительной пѣснью.
О, безумецъ, безумецъ, хвастливый безумецъ!
У тебя еще меньше вѣдь силы,
И было-бъ умно—боговъ уважать,
Сносить терпѣливо гнетущую ношу кручины.
Сносить до тѣхъ поръ, пока потерять терпѣнье
Самъ Атласъ
И скинетъ тяжкій мѣръ съ своихъ плечъ.
Въ вѣчную ночь».

Такъ звучала пѣснь дочерей Океана,
Водяныхъ, сострадательныхъ женщинъ-красавицъ,
Пока не покрылъ ее шумъ разыгравшихся волвъ;
Мѣсяць укрылся за тучи.
Ночь свою пасть растворила—
И я долго сидѣлъ еще во мракѣ и плакалъ.

6.

БОГИ ГРЕЦИИ.

Полноблистающій мѣсяць! Въ сіяньи твоёмъ
Море сверкаетъ, какъ золото, въ быстрыхъ струяхъ;
Весь берегъ облитъ какъ бы утреннимъ свѣтомъ,
Но съ призрачно-сумрачнымъ, тихимъ отгѣнкомъ.
По свѣтло лазурному своду беззвѣднаго неба
Прносятся бѣлыя тучи,
Какъ лики боговъ-исполиновъ
Изъ блестящаго мрамора..

Нѣтъ, нѣтъ, то не тучи!
То сами они, то боги Эллады.
Тѣ боги, что весело такъ заправляли когда-то вселенной,
А нынче забыты, безъ жизни,
Какъ сонмъ привидѣній громадныхъ,
Проходятъ по небу въ полуночный часъ.
Объять изумленіемъ страннымъ, смотрю я
На этотъ воздушный, большой Пантеонъ,
На этихъ боговъ-исполиновъ,
Безмолвно и страшно свершающихъ по небу путь.

Вотъ онъ, вотъ Кроціонъ, владыка небеснаго царства!
Узналъ я его бѣлоснѣжныя кудри,

Тѣ славныя, нѣкогда цѣлый Олимпъ потрясавшія,¹ кудри
Въ рукѣ онъ потушшую молнію держить,
Въ лицѣ громовержца—несчастье и скорбь,
Но старая гордость съ него не исчезла донинѣ.
Да, славное время то было, о, Зевсѣ.
Когда ты себѣ на потѣху
Бралъ отроковъ, нимфъ, гекатомбы
И ими небесно себя услаждалъ!..
Но царствовать вѣчно нельзя и безсмертнымъ,
И новыя старыхъ сгоняютъ,
Какъ нѣкогда самъ ты сѣдого отца своего
И дядей-титановъ согналъ,
Отцеубійца-Юпитеря!..
Узналъ и тебя я, гордая Гера!
Осталась безсильною ревность твоя.
И нынче не ты ужъ царицею въ небѣ,
И очи большія твоя потускнѣли,
И нѣтъ уже силы въ лилейныхъ рукахъ,
И мщеніе твое никогда не достигнетъ
Пречистую Дѣву
Съ чудотворящимъ Божиимъ Сыномъ.
Узналъ и тебя я, Паллада-Аѳина!
Ни щить твоя, ни мудрость, какъ видно, спасти не
сумѣли

Отъ гибели гордыхъ боговъ!
И тебя я узналъ, Афродита,
Тебя, что была золотой и серебряной стала...
Хоть поясъ волшебный ты носишь еще и теперь,
Но съ ужасомъ тайнымъ гляжу на твою красоту я,
И если бы тѣломъ своимъ осчастливить меня
Ты пожелала, какъ древнихъ героевъ,
Я умеръ бы вѣрно отъ страха!..
Богинею труповъ ты кажешься мнѣ,
Венера-Либитина!
Не съ прежней любовью глядитъ тебѣ въ очи
Безстрашный Арей.
И юноша Фебъ-Аполлонъ омрачился печалью:
Молчитъ его лира, та лира,
Что весело такъ на пирахъ олимпійскихъ звучала.
Еще молчаливо грустнѣе Эфестъ. Да и какъ же
Не быть ему грустнымъ? Вѣдь онъ, хромоногий,
Не будетъ ужъ Гебу смѣнять на пирахъ
И въ кубки вливать торопливо

Сладостный нектаръ... Давно ужъ умолкнулъ
Когда-то немолкнувшій хохотъ боговъ...
Я васъ никогда не любилъ, олимпійскіе боги,
Затѣмъ, что мнѣ греки противны,
А римляне даже совсѣмъ ненавистны!
Но все-жъ состраданье святое и горькая жалость
Сжимаютъ мнѣ сердце,
Когда я гляжу въ вышину
На васъ, позабытые боги,
Васъ, мертвые, ночью бродящія тѣни,
Непрочныя, словно туманъ, разгоняемый вѣтромъ.
И только я вспомню, какъ мелочны, какъ легковѣсны
Тѣ боги, что васъ побѣдили—
Плачевныя, властные, новые боги,
Подъ икурой овечьей смиренья носящіе гнусную злобу—
О, въ эти минуты исполненъ я мрачнаго гнѣва,
Готовъ бы разрушить всѣ капища новыхъ боговъ
И броситься въ битву за васъ, побѣжденные боги,
За васъ и за добрыя, вкусныя ваши права,
И пасть на колѣни во храминахъ вашихъ,
Вновь возведенныхъ, наполненныхъ жертвеннымъ дымомъ,
И руки молитвенно къ вамъ простирать...
Потому что, о, древніе боги,
Хоть въ битвахъ людскихъ становились
Всегда вы на сторону тѣхъ, кто одержитъ побѣду,
Но великодушнѣе васъ человѣкъ,
И въ битвахъ боговъ принимаю
Я сторону вашу, разбитые боги!

Такія слова говорилъ я—и видимо глазу,
Краснѣли воздушные образы въ небѣ,
Смотрѣли въ глаза мнѣ они умирающимъ взглядомъ,
Просвѣтленные скорбью своею,
И вдругъ съ небосклона исчезли.
Сокрылся и мѣсяцъ за черною, новою тучей,
Залѣнилось бурное море,
И въ небѣ зажглись побѣдительно
Вѣчныя звѣзды.

7.

ВОПРОСЫ.

У моря, у бурнаго моря полночнаго
Юноша-мужь одиноко стоитъ.

Въ груди его скорѣе, сомнѣньемъ полна голова,
И мрачно волнамъ говорить онъ:

«О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Древнюю, полную мѹки загадку!
Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ и въ чалмахъ и въ черныхъ береткахъ,
Головъ въ парикахъ, и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣчьихъ, потѣюшихъ, жалкихъ.
Скажите мнѣ, волны, что есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ надъ нами живетъ на звѣздахъ золотыхъ?
Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды, безучастно-холодныя,
И дуракъ ожидаетъ отвѣта.

8.

ФЕНИКСЪ.

Съ запада птица летитъ,
Къ востоку несется,
Въ восточную родину пышныхъ садовъ,
Гдѣ пряныя травы растутъ и полны ароматовъ,
И пальмы шумятъ, и ручьи навѣвають прохладу—
И чудесная птица летитъ и поетъ:

«Она любить его! Она любить его!
Образъ его у ней въ маленькомъ сердцѣ,
Въ его глубинѣ сокровенной,
И ей сладко носить его тамъ, и самой
Невѣдомо это.
Но во снѣ онъ стоитъ передъ нею,
Она манитъ, и плачетъ, и руки цѣлуетъ его,
И имя его призываетъ,
И вдругъ, пробудившись, въ испугѣ лежитъ; съ изумлѣньемъ
Протираетъ прекрасныя глазки—
Она любить его! Она любить его!»

Прислонившись на налубѣ къ мачтѣ,
Стоялъ я и слушалъ пѣніе птицы.
Точно черно-зеленыя кони съ серебряной гривой,

Пригали бѣлокудрявыя волны;
Точно стада лебедей, проносилися мимо
Паруса гельголандцевъ,
Смѣлыхъ номадовъ Нѣмецкаго моря!
Надо мною же, въ вѣчной лазури,
Рѣяли бѣлыя тучки,
И ярко горѣло вѣчное солнце,
Роза небесъ огнецвѣтная,
Радостно въ морѣ глядясь на себя.
И небо, и море, и сердце мое
Звучали, какъ эхо:
«Она любить его! Она любить его!»

9.

МОРСКАЯ БОЛѢЗНЬ.

Вечернія сѣрыя тучи
Все ниже и ниже склоняются къ морю,
Что мрачно встаетъ пмъ навстрѣчу,
И между волнами и ими несется корабль.
Страдая морскою болѣзнью,
На палубѣ я продолжаю сидѣть
И дѣлаю тамъ падъ собой наблюденья,
Минувшихъ, старинныхъ время наблюденья,
Что дѣлалъ ужь праотець .Ютъ надъ собою,
Когда черезчуръ отъ лозы виноградной хватилъ,
И бѣднаго сильно стошнило.
И въ это же время мнѣ въ память приходятъ
Другіе рассказы изъ давнихъ времёнъ:
О томъ, какъ войска крестоносцевъ,
Застигнуты бурей среди океана,
Молились Мадоннѣ съ глубокою вѣрой:
Какъ рыцари, той же болѣзнью страдая,
Къ губамъ прижимали перчатку возлюбленной дамы
И чудно тотчасъ исцѣлялись...
А я — я сижу и сердито
Простую селедку жую.
Она — утѣшитель соленый
Въ моеи тошнотѣ и печали.

Межъ тѣмъ, все дерется корабль
Съ сердито бушующимъ моремъ.
Какъ бѣшенный конь боевой,
То въ волны упрется онъ заднею частью,

Да такъ, что весь руль затрещитъ;
То кинется внизъ головою:
Въ бездну ревушихъ валовъ,
То, будто совѣмъ беззаботный,
Собирается тихо, любовно улечься
На черной груди исполинскихъ валовъ,
Которые съ шумомъ несутся на насъ
И вдругъ, словно дикій морской водопадъ,
Обрушившись бѣлымъ кудрявымъ потокомъ,
Обдають меня пѣной.

Ахъ, это качанье, и это метанье туда и сюда,
Совѣмъ нестерпимо!
Напрасно я взоръ напрягаю
И берегъ нѣмецкій ищу...
Но, ахъ! предо мною все только
Вода, и вода, и вода!

Какъ путникъ въ вечернюю зимнюю пору
Ждетъ вечеромъ чашки хорошаго, теплаго чая,
Такъ сердце мое по тебѣ,
О, край мой родимый, томится!
Пусть милая почва твоя —
Пріютъ сумасшедшихъ, гусаровъ,
И скверныхъ стиховъ,
И тошнотворныхъ трактатцевъ;
Пусть зебры твои
Питаются розами вмѣсто чертополоха;
Пусть знатнымъ твоимъ обезьянамъ,
Кичащимся праздно въ роскошномъ своемъ одѣяньѣ
Все мнится, что лучше онѣ,
Чѣмъ всѣ остальные рогатые звѣри,
Которые путь свой земной съ трудомъ совершаютъ;
Пусть сеймъ твой -- собранье улитокъ --
Себя почитаетъ безсмертнымъ
На томъ основаньи, что медленно такъ онъ ползеть;
Пусть онъ каждый день голоса собираетъ
Въ вопросъ -- чья собственность сыръ:
Червей, обитающихъ въ сырѣ, кого ли другого?
Пусть долго еще въ немъ идутъ совѣщанья
О томъ, какъ улучшить породу барановъ Египта
Чтобъ сдѣлалась шерсть ихъ нѣжнѣй
И чтобы пастухъ могъ стрячь ихъ, какъ всѣхъ остальныхъ,
безъ разпичья;

Пусть неправда и глупость
Тебя покрываютъ совѣмъ, о, край мой родимый —
Я все-таки жадно томлюсь по тебѣ, потому что
Вѣдь ты не вода, а сухая земля.

10.

ВЪ ПРИСТАНИ.

Счастливъ пловецъ, достигнувшій пристани,
Далеко за собою покинувшій море и бури
И нынѣ тепло и спокойно сидящій
Въ добромъ погребѣ ратуши Бремена.

И какъ вѣдь привѣтно и мило
Отражается мѣръ въ бокалѣ рейнвейна,
Лучезарно стекая живымъ микрокосмомъ
Въ жаждою полное сердце!
Все я вижу въ бокалѣ —
Исторію древнихъ и новыхъ народовъ,
Турокъ и грековъ, Гегеля съ Гансомъ,
Лимонныя рощи и вахтпарады,
Берлинъ и Шильду, и Гамбургъ съ Тунисомъ,
А, главное — вижу я личико милой,
Ангельскій обликъ на свѣтлой рейнвейновой влагѣ.
О, какъ ты прекрасна, о, какъ ты прекрасна, моя дорогая!
Подобна ты розѣ —
Не розѣ Ширази,
Соловьиной невѣстѣ, воспѣтой Гафизомъ,
Не розѣ Сарона.
Священно пурпурной, прославленной словомъ пророковъ,
Ты — роза въ погребѣ бременской ратуши,
Это — роза изъ розъ,
Чѣмъ старѣе она, тѣмъ роскошнѣй цвѣтеть,
И небесный ея ароматъ наполняетъ мнѣ душу блаженствомъ,
Онъ меня вдохновилъ, погрузилъ въ ошьяненье,
И не схвати меня тутъ за вихорь
Мой погребщикъ осторожный,
Полетѣлъ бы я внизъ головой.

Славный онъ малый! Сидѣли мы вмѣстѣ
И пили, какъ братья;
Мы говорили о важныхъ и тайныхъ предметахъ,
Вздыхали, бросались другъ другу въ объятья,

И онъ обратилъ меня къ вѣрѣ любви —
Я пилъ за здоровье злѣйшихъ враговъ,
Всѣмъ сквернымъ поэтамъ простилъ я,
Какъ мнѣ самому когда-то простится;
Въ благоговѣнны я плакать — и вотъ, наконецъ,
Разверзались мнѣ ворота спасенья,
Гдѣ «двѣнадцать апостоловъ», бочки почтенныя,
Проповѣдь держать безъ словъ, но понятно
Всѣмъ народамъ земли!
Вотъ люди, такъ люди!
Снаружи невзрачны они, въ деревянной одеждѣ,
Но зато изнутри они лучше и краше
Всѣхъ гордыхъ вельможъ,
Всей гвардіи Ирода съ пышнымъ дворомъ,
Золотомъ шитымъ, въ пурпуръ одѣтымъ.

.
.

Слава! Слава! Какою чудной прохладою
Дышать въ лицо мнѣ вефилскія пальмы!
Какой ароматъ отъ мирры Хеврона!
Какъ шумитъ Иорданъ, въ упоеньи шатаюсь!
И духъ мой безсмертный шатается тоже,
Шатаюсь я самъ, и по лѣстницѣ вверхъ,
Къ свѣту дневному, шатаюсь, выводитъ меня
Мой бравый хозяинъ погреба ратуши въ Бременѣ.

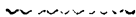
Бравый хозяинъ погреба ратуши въ Бременѣ!
Видишь, усѣлись на крыльяхъ домовъ
Веселые духи; пьяны они и поютъ.
А ярко горящее солнце надъ нами —
Не солнце, а красный, ушившійся носъ,
Носъ страшнаго духа,
И около этого краснаго носа
Кружится весь міръ опьянѣвшій.

11.

Э П И Л О Г Ъ.

Какъ на нивѣ колосья,
Такъ растутъ и волнуются мысли
Въ душѣ человѣка;
Но нѣжныя мысли любви
Цвѣтутъ между ними, какъ между колосьями

Цвѣты голубые и алые.
Цвѣты голубые и алые!
Жнецъ ворчливый на васъ и не взглянетъ,
Какъ на траву безполезную;
Нагло васъ цѣпь деревянный раздавить;
Даже прохожій бездомный,
Вами любуясь и тѣшась,
Головой покачаетъ, и дастъ вамъ
Названье плевелъ прекрасныхъ.
Но молодая крестьянка,
Вѣнокъ завивая,
Ласково васъ собереть и украсить
Вами прекрасныя кудри
И въ этомъ вѣнкѣ побѣжить къ хороводу,
Гдѣ такъ мило звучать флейты и скрипки,
Или въ укромную рошу,
Гдѣ милаго голосъ звучить мнѣ
И флейтъ, и скринокъ!

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко второму изданію

„Новыхъ Стихотвореній“.

(Писано въ октябрѣ 1844 г. въ Парижѣ).

Недѣли четыре тому назадъ вышли въ свѣтъ эти «Новыя Стихотворенія», и почти одновременно съ ними появилась въ отдѣльныхъ оттискахъ напечатанная при «Новыхъ Стихотвореніяхъ» зимняя сказка «Германія». Мой издатель, оказывающій многочисленными изданіями моихъ стихотвореній самое почетное довѣріе къ дарованію автора, на этотъ разъ отнесся ко мнѣ еще благосклоннѣе, и «Новыя Стихотворенія» напечаталъ въ еще гораздо болѣе восторженномъ количествѣ экземпляровъ. Напрасно указывалъ я ему, какому горькому разочарованію подвергалъ онъ себя такую щедростью; напрасно говорилъ, что я собственными глазами читалъ въ нѣсколькихъ газетахъ о томъ, что моя популярность весьма понизилась, что молодые современные поэты совсѣмъ затмили меня и что я вообще принадлежу только прошедшему. Но мой издатель какъ-то странно улыбался и сослался на свои торговыя книги, въ которыхъ продажа моихъ сочиненій ежедневно вписывалась съ сухою добросовѣстностью, и эти отрадные и все прогрессиравшія цифры составляли аргументацію, противъ которой трудно

было возражать. Въ настоящую минуту почтенный человекъ торжествуетъ полную побѣду надъ опасеніями моей скромности и выпускаетъ въ удвоенномъ количествѣ экземпляровъ второе изданіе этихъ «Новыхъ Стихотвореній». Къ сожалѣнію я, снова находясь вдали отъ мѣста, гдѣ печатается книга, не могу наблюдать за печатаніемъ такъ же тщательно, какъ наблюдалъ при выпускѣ перваго изданія. Никакихъ новыхъ измѣненій я себѣ не позволилъ, о чемъ положительно заявляю.

Генрихъ Гейне.

НОВАЯ ВЕСНА.

ПРОЛОГЪ.

Въ галлерсахъ часто видишь
Ты картину: снаряженъ
Рыцарь въ битву; онъ и шпагой
И кошемъ вооруженъ.

Но амурь отымають
У него коше и щить,
Изъ цѣпей цвѣточныхъ тщетно
Вѣднѣй вырваться слѣшить.

Такъ и я въ оковахъ мплыхъ
Крестъ несу блаженный свой,
Между тѣмъ какъ братья бьются
Въ битвѣ вѣка мировой.

1.

Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ,
Вѣтеръ ходитъ по полянамъ,
Облака нѣмыя въ небѣ
Облекаются туманомъ.

Лѣсъ безжизненъ, доль пустыненъ,
Все кругомъ темно, уныло;
Стужа въ полѣ, стужа въ сердцѣ;
Сердце сжалось и застыло.

Вдругъ качнулись вѣтви липы,
Съ нихъ пушинки полетѣли...

Весь обсыпанъ, грустно молвишь:
«Дождался опять мятели!»

Но взглядишь—и сердце вздрогнетъ:
То не снѣгъ, не иней льдистый.
То цвѣтовъ весеннихъ, бѣлыхъ
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудныя свершились!
Дышитъ маемъ зимній холодъ,
Снѣгъ сталъ вешними цвѣтами—
И опять ты сердцемъ молодъ!

2.

Снова роща зеленѣетъ,
Нѣги дѣвственной полна;
Солнце весело смѣется...
Здравствуй, юная весна!

Соловей! и твой унылый,
Страстный голосъ слышенъ вновь;
Звуки плачутъ и рыдаютъ,
И вся пѣснь твоя—любовь!

3.

Прекрасные глаза весенней ночи
Такъ дружески взираютъ съ высоты:
Любовью ты былъ глубокого униженъ,
Любовью же возвышенъ будешь ты.

Въ раскидистыхъ вѣтвяхъ зеленой липы
Такъ сладостно звучитъ пѣснь соловья—
И пѣснь его мнѣ въ душу проникаетъ,
И ширится опять душа моя.

4.

Люблю я цвѣтокъ, но какой—я не знаю,
И сильно грущу;
И въ каждый я вѣнчикъ свой взоръ устремляю,
И сердца ищу.

Цвѣты разгорѣлись подъ зорькою красной,
Поетъ соловей;
Ищу я души, потрясенной прекрасно,
Подобно моей.

Поетъ соловей. Его чудные звуки
Я понялъ вполне.
Увы, насъ обоихъ волненья и муки
Томятъ наравнѣ.

5.

Вернулась весна молодая,
Цвѣты и деревья цвѣтутъ,
По чистой небесной лазури
Румяныя тучки плывутъ,

Звучатъ соловьиныя пѣсни
Высоко въ тѣнистой листвѣ,
И бѣлыя скачутъ овечки
По мягкой зеленой травѣ.

Ни прыгать, ни пѣть не могу я,
Лежу я больной подъ кустомъ;
Мнѣ слышится звонъ отдаленный,
Я грежу—не знаю о чемъ.

6.

Тихо льются въ душу звуки
Ласково нѣжны!
Уносишь въ просторъ широкій,
Пѣсенка весны!

Мчишь ты къ домику—цвѣтами
Весь онъ окруженъ;
Встрѣтишь розу—ей скажи ты
Отъ меня поклонъ.

7.

Въ красавицу-розу влюбленъ мотылекъ,
Онъ долго кружилъ надъ цвѣткомъ,
А жаркое солнце его самого
Ласкаетъ влюбленнымъ лучомъ.

Но мнѣ бы хотѣлось узнать—кто любимъ
Красавицей-розой самой?
Пѣвецъ-соловей, иль она увлеклась
Вечерней нѣмою звѣздой?

Не знаю... Но я всѣхъ люблю горячо:
И розу, и солнечный лучъ,

Пѣвца-соловья, мотылька и звѣзду,
Что вечеромъ блещетъ межъ тучъ.

8.

Громко зашѣли деревья,
Гнѣзда наполнены звономъ;
Кто же, скажи, капельмейстеръ
Въ этомъ оркестрѣ зеленомъ?

Можетъ-быть, сѣреный чибистъ,
Клювомъ кивающій важно?
Или педантъ, что кукуетъ
Мѣрно, серьезно, протяжно?

Или, быть-можетъ, то аистъ,
Важно стучащій ногою,
Будто взаправду онъ правитъ
Этой капеллой лѣсною?

Нѣтъ, въ моемъ собственномъ сердцѣ
Палочки стукъ раздается;
Кажется, мой капельмейстеръ
Богомъ Амуромъ зовется.

9.

«Вначалѣ былъ въ модѣ одинъ соловей,
И пѣлъ «цюкютъ! цюкютъ!» онъ въ чащѣ вѣтвей,
Онъ пѣлъ—и подѣ пѣсни явились на свѣтъ
Фіалки, и травы, и яблоней цвѣтъ.

«Онъ грудь укусилъ себѣ. Алоѣ струей
Струилася кровь изъ груди молодой,
И выросла роза, гдѣ капала кровь;
Той розѣ онъ страстно поетъ про любовь.

«Всѣхъ птицъ здѣсь въ лѣсу этой кровью своей
Слилъ въ мирный и братскій союзъ соловей;
Но смолкни пѣснь розѣ подѣ сводомъ небесъ—
И митомъ погибнетъ родимый нашъ лѣсъ».

Такою легендой старикъ воробей
Дѣтей поучаетъ во мракѣ вѣтвей,
И тонкимъ воробка пищитъ голоскомъ,
На мѣстѣ почетномъ съ нимъ сидя рядомъ.

Прекрасная мать и хозяйка-жена,
Птенцовъ безъ капризовъ выводитъ она;
Старикъ, въ развлеченье малюткамъ своимъ,
Читаетъ исторію древнюю имъ.

10.

Теплой весеннею ночью
Много цвѣтовъ народилось,
Надо беречь свое сердце—
Какъ бы опять не влюбилось!

Кто-жь изъ цвѣтовъ мое сердце
Въ сѣти возьметъ безъ усилий?
Мнѣ соловьи напѣвають
«Остерегайся ты лилій!»

11.

Все грозитъ бѣдою, звонъ идетъ набатный;
Ахъ, совсѣмъ я сбился съ толку оттого,
Что весна и пара глазъ прекрасныхъ снова
Въ заговорѣ противъ сердца моего.

Ахъ, весна и пара глазъ прекрасныхъ снова
(отуманять сердце, какъ въ былые дни!
Къ нимъ теперь пристали соловьи и розы—
Въ этомъ заговорѣ тоже и они.

12.

Слезъ любви и тихой скорби
Страстно сердцемъ жажду вновь
И боюсь, что эту жажду
Утолить теперь любовь.

Сладкой скорби, горькой нѣги,
Мукъ божественныхъ полна,
Въ грудь мою, еще больную,
Тихо крадется она.

13.

Синіе глазки весны
Смотрять изъ травки на свѣтъ.
Это фиалки; изъ нихъ
Я собираю букетъ.

Рву ихъ въ раздумьѣ, и всѣ
Тайныя думы мои—
Скорбные вздохи души
Громко поютъ соловьи.

Трели немолчныя ихъ
Эхо далѣко несетъ,
Нѣжную тайну мою
Скоро весь лѣсъ узнаетъ.

14.

Если ты пройдешь и платьемъ
Чуть меня задѣнешь вдругъ,
Сердце вспыхнетъ, и стремлюсь я
По слѣдамъ твоимъ, мой другъ.

Обернулась ты, раскрыла
Широко глаза—и я
Волочу съ усильемъ ноги,
Въ сердцѣ робкомъ страхъ тая.

15.

Въ мечтаньяхъ глядитъ водяная лилея
Изъ моря на сводъ голубой.
Ей мѣсяцъ привѣтъ посылаетъ лучами
Со свѣтлой любовной тоской.

И къ спящимъ волнамъ она никнетъ головкой,
Стыдливой тревоги полна,
Но снова печальнаго блѣднаго друга
У ногъ своихъ видитъ она.

16.

Если зорокъ твой глазъ, и ты взглянешь
Въ глубину этихъ пѣсень моихъ,
То увидишь—все бродить и бродить
Молодая красавица въ нихъ.

Если съ чуткимъ ты слухомъ, то можешь
Даже голосъ услышать ея;
Стоны, пѣнье и смѣхъ околдуютъ
Скоро бѣдное сердце твое.

Взглядомъ, словомъ она околдуетъ—
По себѣ это знаю я самъ;

И влюбленнымъ безумцемъ ты станешь
Въ вешнихъ грѣзахъ блуждать по лѣсамъ.

17.

— Зачѣмъ вешней ночью шатаешься ты?
Смотри, какъ совсѣмъ растерялись цвѣты,
Какъ робко трепещуть фіалки,
Какъ роза краснѣетъ, смятенья полна,
Какъ лилія стала блѣднѣй полотна,
Какъ бѣдныя тихи и жалки!

— О, мѣсяцъ, невинны и святы цвѣты,
И правы, въ сознаніи своей чистоты;
Предъ ними я грѣшенъ отчасти—
Кто-жъ зналъ, что подслушать удастся цвѣтамъ
Все то, что я звѣздамъ шепталъ по ночамъ
Въ порывѣ восторженной страсти?

18.

Когда голубыми глазами
Ты нѣжно глядишь на меня,
Душой погружаюсь я въ грѣзы,
Безмолвіе свято храня.

Глаза голубые повсюду
Со мною и ночью, и днемъ,
И море лазурныхъ мечтаній
Волнуется въ сердцѣ моемъ.

19.

Злоба мрачная угасла,
Снова грудь любви полна,
Снова въ сердце мнѣ вдохнула
Чувства нѣжныя весна.

Вновь съ утра до поздней ночи
Я хожу въ тѣни аллеи;
Вновь ищу подъ каждой шляпкой
Ликъ возлюбленной моей;

Вновь у водъ рѣки зеленой
На мосту стоять я радъ;
Не пройдетъ ли малютка,
Не увижу-ль милый взглядъ?

Снова въ шумѣ водопада
Пѣсня скорби мнѣ слышна;
Снова сердце понимаетъ,
Что сказала мнѣ волна;

Снова умъ съ дороги сбился,
Очарованъ сладкимъ сномъ,—
И въ кустахъ смѣются птицы
Надъ влюбленнымъ дуракомъ.

20.

Пахуча роза, да—но чувствуетъ она
Сама свое благоуханье?
Иль соловей—то сладкое страданье,
Которымъ въ насъ душа полна,
Когда овладѣваетъ ею
Онъ пѣсню сладостной своею?
Не знаю. Но вѣдь насъ нерѣдко правда злитъ.
Пусть чувство соловья и розы даже ложно,
Но ложь такая не вредитъ;
Напротивъ—выгоду доставить ею можно...

21.

Люблю тебя сильно—и долженъ, несчастный,
Скорѣе бѣжать... Не сердись на меня!
Ну, развѣ подъ пару твой образъ прекрасный
И блѣдно-худая наружность моя?

Люблю тебя сильно—и что за мученье!
Блѣднѣе и тоще я день ото дня,
И скоро тебѣ я внушу отвращенье...
И долженъ бѣжать... Не сердись на меня!

22.

Брожу я въ саду межъ цвѣтами
И самъ начинаю цвѣсти,
Брожу какъ во снѣ, спотыкаюсь
На каждомъ шагѣ по пути.

Держи меня крѣпко, мой ангелъ;
Такъ пьянъ отъ любви я своей,
Что къ ножкамъ твоимъ упаду я—
А садъ вѣдь весь полонъ людей...

23.

Какъ трепещеть, отражалась
Въ морѣ плещущемъ, луна,
А сама идетъ цо небу
И спокойна, и ясна,

Такъ и ты идешь, спокойна
И ясна, своимъ путемъ;
Но дрожить твой свѣтлый образъ
Въ сердцѣ трепетномъ моемъ.

24.

Священный союзъ заключили
Сердца наши между собой
И тѣсно другъ съ другомъ сомкнулись,
И жизнью забились одной.

Была на груди твоей роза,
Союзница нашихъ сердець...
И такъ мы тѣснили бѣдняжку,
Что смяли совсѣмъ, наконецъ.

25.

Скажи мнѣ, кто первый часы изобрѣлъ.
Въ минуты, секунды все время расчелъ?
Печальный и зябкій то былъ человекъ,
Онъ въ зимнія ночи у печки весь вѣкъ
Сидѣлъ все и думалъ, считая въ тоскѣ
Скребъ мышки и стукъ сверлячка въ уголкѣ.

А кто изобрѣлъ подѣлуп, скажи?
То были уста—горячи и свѣжи,
Безъ думъ, безъ заботъ цѣловали они...
То было въ чудесные майскіе дни,
Цвѣты изъ земли выходили своей,
И солнце смѣялось, и пѣлъ соловей.

26.

Чудный запахъ льютъ гвоздики,
Звѣзды трепетнымъ огнемъ,
Словно пчелки золотыя,
Блещутъ въ небѣ голубомъ.

Межъ каштанами бѣлѣють
Стѣны милаго жилья;
Слышу звонъ стеклянной двери,
Милый голосъ слышу я.

Робкій шопоть, сладкій трепеть,
Ласки нѣжныя любви—
И подслушиваютъ розы,
И рокочутъ соловьи.

27.

Мнѣ ужъ снилось это счастье,
Я ужъ видѣлъ эти грѣзы—
Тѣ-жь цвѣты, деревья; тѣ же
Поцѣлуй, взгляды, слезы!

Такъ же мѣсяць лиль сквозь листья
Свѣтъ на насъ; бесѣдка та же;
Тѣ же мраморные боги,
Тамъ стоявшіе на стражѣ.

Ахъ, я знаю, какъ непрочны
Эти грѣзы золотыя,
Облекаютъ, какъ природу,
Сердце ризы снѣговыя.

Охладѣемъ мы; другъ другу
Станемъ чуть ли не врагами,
Мы, теперь такъ нѣжно, тѣсно
Съединенные сердцами.

28.

Поцѣлуй, что мы крадемъ
Въ темнотѣ, въ ночной тиши—
Сколько чуднаго блаженства
Въ нихъ для любящей души!

Съ жаждой вспомнить то, что было,
И глядѣть впередъ, она
Думъ о дняхъ давно минувшихъ,
Грѣзъ о будущемъ полна.

Но цѣлуя, много думать—
Часто сушая бѣда...

Нѣтъ, душа, ужъ лучше плачь ты:
Плакать легче намъ всегда.

29.

Былъ царь; его сердце остыло,
Покрыла чело сѣдина;
У бѣднаго дряхлаго старца
Была молодая жена.

Былъ пажъ, бѣлокурый красавецъ;
Онъ жизнь беззаботно любилъ
И шелковый шлейфъ онъ повсюду
За юной царицей носилъ.

Ты знаешь ли старую пѣсню?
Звучить такъ печально она!
Пришлось умереть имъ: любовь ихъ
Была черезчуръ ужъ сильна.

30.

Въ моей памяти всплыли картины
Изъ давно пережитыхъ временъ...
Отчего твоимъ голосомъ милымъ
Я-такъ сильно въ душѣ потрясенъ?

Не клянись мнѣ въ любви вѣковѣчной!
Я вѣдь знаю, что смерть суждена
Для всего, что прекрасно на свѣтѣ;
Гибнетъ все—и любовь, и весна.

Не клянись мнѣ въ любви вѣковѣчной!
Прижимай лишь, цѣлуя, къ груди
И на розанъ увядшій, что завтра
Покажу я, съ улыбкой гляди.

31.

«Луннымъ свѣтомъ упоенный
Липы цвѣтъ благоухаетъ.
Соловей любовнымъ пѣньемъ
Лѣсъ и воздухъ оглашаетъ.

«О какъ сладко намъ, мой милый,
Здѣсь подъ липами сидится
Той порой, когда сквозь вѣтви
Ясный мѣсяцъ къ намъ глядится.

«Видишь этот листик липы?
Формой—сердце онъ; понятно,
Что сидѣть подъ тѣнью липы
Для влюбленныхъ такъ пріятно.

«Улыбнулся ты, однако,
Весь уйдя въ свои мечтанья...
Милый мой, скажи, какія
У тебя въ душѣ желанья?»

Ахъ, скажу весьма охотно
Я тебѣ, моя подруга:
Мнѣ-бъ хотѣлось, чтобъ внезапно
Нанесла намъ снѣгу вьюга.

Чтобы, сѣвъ въ рѣзныя сани,
Въ теплыхъ шубахъ, рѣзвымъ бѣгомъ,
Съ колокольчикомъ мы мчались
По полямъ, покрытымъ снѣгомъ.

32.

Разъ въ лѣсу, при дунномъ свѣтѣ,
Видѣлъ я, какъ эльфы мчались;
Колокольчики съ рожками
Всюду звонко раздавались.

Кони бѣлые сквозь воздухъ,
Словно лебеди, летѣли
И оленьими рогами,
Золочеными, блестяли.

И съ улыбкой королева
Мнѣ кивнула головою...
Что же будетъ? Вновь влюблюсь я
Или смерть придетъ за мною?

33.

Я утромъ тебѣ посылаю
Фиалки, что утромъ собралъ я въ лѣсу,
А розы, что въ сумерки сорваны мною,
Тебѣ въ часъ вечерній несу.

Ты знаешь ли, что я хотѣлъ бы
Тебѣ этой рѣчью цвѣточной внушить?

Что днем ты должна оставаться мнѣ вѣрной,
А ночью—любить и любить...

34.

Письмо, что ты мнѣ написала,
Меня ничуть не испугало.
Меня не любишь ты давно,
Но слишкомъ длинно ужь оно.

Тетрадь, исписанная мелко,
Страницъ въ двѣнадцать—не бездѣлка!
Когда хотять отставку дать,
Не стануть длинно такъ писать!

35.

Не страшись—скрывать отъ свѣта
Я любовь свою привыкъ,
Хоть красу твою съ восторгомъ
Превозносить мой языкъ.

Нѣтъ! Подъ лѣсомъ розъ душистыхъ
Глубоко я схоронилъ
И пылающую тайну,
И сердечный тайный пылъ.

Пусть сомнительная искра
Изъ-подъ розъ порой блеснетъ—
Ты не бойся: это пламя
Свѣтъ поэзіи сочтетъ.

36.

Дни мои и даже ночи
Наполняетъ вѣшній звонъ,
И ко мнѣ зеленымъ эхомъ
Проникаетъ даже онъ.

Но во снѣ нагѣвы птичекъ
Мнѣ милѣй еще звучать,
Воздухъ мягче, отъ фіалокъ
Льется слаще ароматъ.

Розы кажутся краснѣе,
И сѣнье вокругъ листовъ,
Какъ вокругъ ангельскихъ головокъ
У стариннымъ мастеровъ.

Самъ себя угодобляю
Въ эту пору соловью,
Въ чудныхъ пѣсняхъ этимъ розамъ
Про любовь свою пою.

И пою я имъ, покамѣсть
Блескомъ солнечнаго дня
Иль другими соловьями
Не разбуженъ буду я.

37.

Звѣзды ножками златыми
Тихо ходить въ вышинѣ,
Чтобъ земля спала спокойнѣй
Въ полуночной тишинѣ.

И зеленымъ ухомъ листьевъ
Чутко внемлетъ темный боръ,
И далеко протянулись
Тѣни—точно руки—горь.

Чу, поютъ!.. И чуткимъ сердцемъ
Этимъ звукамъ вторю я...
Голосокъ ли это милой,
Или трели соловья?..

38.

Весна груститъ; глядятъ съ кручиной
Ея цвѣты, печальны сны,
И звуки пѣсни соловьиной
Тоскою тайною полны.

Дитя, не смѣйся беззаботно,
Такъ ясно, весело, прошу!
О, лучше плачь: слезу охотно
Я поцѣлуемъ осушу.

39.

Вновь съ сердцемъ тѣмъ, что такъ люблю я,
Настало время распрощаться!
Вновь вдаль ъѣхать!.. Когда-бъ ты знала,
Какъ я хотѣлъ бы здѣсь остаться!

Гремить карета, мостъ трясется,
Гѣлка подъ нимъ течетъ уныло...
Вновь отрываюсь я отъ сердца,
Что мнѣ такъ дорого и мило.

По небу мчатся звѣзды, точно
Моей печали избѣгая...
Прощай! Гдѣ-бъ ни былъ я, но сердце
Съ тобою будетъ, дорогая!

40.

Расцвѣтаютъ желанія въ сердцѣ
Для того, чтобъ потомъ отцвѣсти,
И опять расцвѣтаютъ и блекнутъ,
И такъ будетъ до гроба идти.

Это знаю я, это мрачить мнѣ
И любовь, и веселье давно...
Какъ умно мое сердце, что кровью,
Наконецъ, истекаетъ оно.

41.

Небо старцемъ красноглазымъ
Смотритъ мрачно съ вышины;
Облака на немъ повисли,
Какъ густыя сѣдины.

Подъ его суровымъ взоромъ
Вянутъ листья на цвѣтахъ,
Вянутъ чувства, вянутъ пѣсни
Въ человѣческихъ сердцахъ.

42.

Угрюмъ и золь, съ остывшею душою,
Скитаюсь я—подъ небомъ чуждыхъ странъ;
Осеннихъ дней сгустившійся туманъ
Весь мертвый край окутываетъ мглою.

Бушуетъ вѣтеръ, полонъ мрачной злости,
Опавшій лѣсъ по воздуху несетъ,
И стонетъ лѣсъ, и паръ съ полянь встаетъ,
И дождь на зло явился въ гости.

43.

На горы и доли, какъ сонъ непривѣтный,
Туманъ опустился осенній;
Деревья уже обезлиственны бурей
И смотреть толпой привидѣній.

Одно лишь межъ нами, въ печальномъ молчаньи,
Еще не разсталось съ листвою,
И влажно, точно отъ слезъ, все качаетъ
Зеленой своей головою.

Ахъ, съ этой печальной пустынею схожа
Душа моя, мрачно больная;
А дерево въ лѣтней зеленой одеждѣ —
Твой образъ, мой дорогая.

44.

Каждый день это сѣрое небо!
Да и городъ—въ немъ все, какъ и было!
До сихъ поръ отражается въ Эльбѣ
Онъ все такъ же мизерно уныло.

И носы эти длинные такъ же,
Какъ и прежде, сморкаются скучно;
Ихъ владѣльцы надменно раздуты
Или спины сгибаютъ послушно.

Чудный югъ! Какъ мнѣ дороги стали
Твои боги, лазурь небосвода
Съ той поры, какъ опять предо мною
Эта сволочь и эта погода!..

РАЗНЫЯ.

С Е Р А Ф И Н А.

1.

Въ тихій лѣсъ, погрузившійся въ грѣзы,
Ухожу-ль я вечерней порой —
Твой плѣнительный образъ, родная,
Неразлучно все ходитъ за мной.

Не, покровъ ли твой бѣлый я вижу?
Не твои-ль дорогія черты?
Или это сквозь темныя ели
Только мѣсяцъ глядитъ съ высоты?

Не мои-ль это слезы я слышу,
Какъ текутъ онѣ тихой струей?
Иль дѣйствительно ты, дорогая,
Плача, по лѣсу ходишь со мной?

2.

Ночь сошла на берегъ моря,
Берегъ весь безмолвья полонъ.
Мѣсяцъ выглянулъ изъ тучи,
Шопотъ слышится изъ волнъ:

«Человѣкъ—влюбленъ онъ что ли.
Потерялъ онъ что ли умъ?
Онъ и мраченъ, онъ и свѣтелъ,
Вмѣстѣ ясенъ и угрюмъ...»

Но смѣется мѣсяцъ въ небѣ
И даетъ такой отвѣтъ:
«И влюбленъ онъ, и помѣшанъ,
Да къ тому еще, поэтъ».

3.

Я вижу: то бѣлая чайка
Надъ темными вьется волнами,
Несется съ пронзительнымъ крикомъ...
А мѣсяцъ высоко надъ нами.

Изъ волнъ выплываютъ акулы,
Ныряютъ и плещутъ хвостами;
Подыметъ, спустится чайка...
А мѣсяцъ высоко надъ нами.

О, милое сердце, ты полно
Тоской, боязливыми снами;
Вода отъ тебя недалеко...
А мѣсяцъ высоко надъ нами...

4.

Что меня ты любила, то зналъ я —
Эту тайну давно я открылъ;
Но когда ты сама мнѣ призналась,
Потрясенъ и испуганъ я былъ.

Я всходилъ на высокія горы,
Ликовалъ я и весело пѣлъ,
И спускался я къ морю, и, плача,
На тонувшее солнце смотрѣлъ.

Мое сердце, какъ яркое солнце,
Лучезарнаго блеска полно,
И въ любви-океанѣ заходитъ,
Велико и прекрасно, оно.

5.

Близъ насъ любопытная чайка
Летаетъ надъ моремъ, у скалъ,
И смотритъ она, что я уху
Къ устамъ твоимъ плотно прижалъ,
Хотѣлось бы чайкѣ провѣдать —
Всегда ужъ она такова —
Чѣмъ уху ты мнѣ наполняешь:
Что въ немъ: поцѣлуй? слова?

Ахъ, если-бъ я самъ могъ постигнуть,
Что въ сердцѣ творится моимъ!
Слова съ поцѣлудами вмѣстѣ
Такъ чудно сливаются въ немъ!

6.

Легче серны и пугливѣй,
По уступамъ дикихъ скалъ.
Отъ меня она бѣжала;
Вѣтеръ кудри ей взвѣвалъ.

Гдѣ утесъ нагнулся къ морю,
Я ее остановилъ,
Словомъ кроткимъ, словомъ нѣжнымъ
Сердце гордое смягчилъ.

Высоко, почти у неба,
И блаженствомъ неба полнъ,
Съ нею я сидѣлъ. Скрывалось
Солнце тихо въ мракѣ волнъ;

И исчезло въ темномъ морѣ
Солнце чудное; надъ нимъ
Прошумѣли волны моря
Страстнымъ шопотомъ своимъ.

О, не плачь, дитя! Вѣдь солнце
Не погибло тамъ на днѣ,
Но съ тепломъ своимъ и свѣтомъ
Въ сердце спряталось ко мнѣ.

7.

Мы здѣсь построимъ на скалѣ,
Завѣтной церкви зданье;
Намъ новый, третій данъ завѣтъ—
И кончено страданье.

Исчезнуть внутренній разладъ,
Который насъ морочилъ;
Не стало глупыхъ мукъ, и миръ
Союзъ любви упрочилъ.

Ты слышишь Бога въ морѣ? Намъ
Его вѣщаетъ сила!

Надъ нашей видишь головой
Все Божіи свѣтила?

Повсюду Богъ: Онъ въ тьмѣ ночей,
Въ блестящихъ свѣта краскахъ;
Во всемъ Онъ сущемъ и живомъ—
И даже въ нашихъ ласкахъ.

8.

Ночь лежитъ на темномъ морѣ,
Звѣзды маленькія блещутъ;
И полны какихъ-то звуковъ
Странныхъ, долгихъ, волны плещутъ.

Съ серебристыми волнами
Вѣтеръ сѣверный играетъ;
Ихъ, какъ трубочки органа,
Раздуваетъ, вверхъ кидаетъ.

Слышенъ въ нихъ то хоръ церковный,
То языческое гнѣнь;
Звуки мчатся въ высь, чтобъ звѣздамъ
Тамъ доставить наслажденье.

И растутъ, растутъ все звѣзды,
Разгораются и вскорѣ
Велики, какъ солнца, въ небѣ
Закружились на просторѣ.

И подъ музыку морскую,
Точно въ пляскѣ страстной, мчатся;
Это соловьи-свѣтила
Лучезарно веселятся.

Шумъ и грохоты! Море съ небомъ
Слились—слышу—въ мощномъ гнѣнь
И душа моя ликуеть
Въ исполненномъ упоеньѣ.

9.

Чудеса! Любовь и подѣлун,
Жизнь сама—все это только гнѣнь,
Неужели, дурочка, ты вѣришь,
Что одно и то же всякій день.

Неизмѣнно? Нѣтъ, чѣмъ обладали
Мы сегодня, завтра—тѣнь одна;
И сердца у насъ позабываютъ,
И глаза смыкаетъ сила сна.

10.

Стояла барышня у моря,
Вздыхая долго, тяжело,
Отъ сожалѣнія и горя,
Что въ море солнышко зашло.

Утѣштесь, барышня! Свѣтило
Давно ужъ такъ игру ведетъ:
Сегодня спереди уплыло,
А завтра сзади вновь встаетъ.

11.

На черныхъ парусахъ корабль
Несется въ дикомъ морѣ;
Ты знаешь, какъ печаленъ я,
И мучишь это горе.

Какъ вѣтеръ, сердце у тебя
Порхаетъ на просторѣ...
На черныхъ парусахъ корабль
Несется въ дикомъ морѣ.

12.

Какъ ты гнусно поступала—
Отъ людей я все скрывала;
Но въ открытомъ морѣ рыбамъ
Я объ этомъ рассказалъ.

Имя доброе имѣешь
Ты на сушѣ лишь съ тѣхъ поръ;
Но въ широкомъ океанѣ
Всѣмъ извѣстенъ твой позоръ.

13.

Гудятъ бушующія волны,
Бѣгутъ на берега;
Бѣгутъ и, яростію полны,
Дробятся у песка.

Идутъ, растутъ, шипятъ, крутятся,
Вскипаютъ тамъ и сямъ
И подходя горой, клубятся—
Что толку въ этомъ намъ?

14.

Изъ волнъ выступаетъ высокій гранитъ.
Сижу на немъ, грезой объять;
А вѣтеръ бушуетъ, и чайка кричить,
И волны бѣгутъ и шумятъ.

Быль очень любимъ я малюткой моей
И очень друзьями богатъ...
Но гдѣ они?.. Вѣтеръ бушуетъ сильнѣй,
И волны бѣгутъ и шумятъ.

15.

Все море, братья, въ часъ заката
Горитъ кругомъ, какъ золотое...
Когда умру, на дно морское
Усопшаго вы бросьте брата!

Мы были долго съ моремъ дружны;
Волною ласковой, бывало,
Такъ скоро скорби утоляло
Оно въ груди моей недужной.

АНЖЕЛИКА.

1.

Въ день небесной благодати
Чтобъ уста мои молчали?
Тѣ уста, что такъ некстати
Столько пѣли въ дни печали?

Помню я, какъ всѣ мальчишки
Лѣзли пѣть за мной въ то время,
Какъ стишонки ихъ и книжки
Мнѣ удваивали бремя.

Соловьиный хоръ волшебный,
Что въ душѣ моей таится,
Пусть въ гармоніи хвалебной
Нынче чудно разразится!

2.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ,
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взгляды...

Къ чему довить мнѣ было бѣлыя,
По вѣтру бившійся покровъ?
А эти маленькія ножки—
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ?

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Невыносимо такъ покорна
Со мной и—даже влюблена!

3.

Нѣтъ, красавица, не вѣрю,
Хоть одно твердишь сто разъ:
Не имѣть добродѣтель,
Какъ твои, палящихъ глазъ.

Перестань; оставь скорѣе
Расцвѣченное вранье;
Дай, я лучше расцѣлюю
Сердце бѣлое твое.

4.

Я ее цѣлюю въ губы,
Ей закрывъ глаза рукою;
И вопросомъ о причинѣ
Не даетъ она покою.

Отъ утра до поздней ночи,
Все вопросъ: «Скажи, съ какою
Цѣлью ты, цѣлуя въ губы,
Мнѣ глаза закрылъ рукою?»

Я молчу въ отвѣтъ; не знаю
Самъ причины я, не скрою...
Я ее цѣлюю въ губы,
А глаза закрылъ рукою.

5.

Когда я въ твоихъ сладострастныхъ объятыхъ
Вкушаю блаженство, то въ этотъ мигъ дивный,
Молчи ты о нашей нѣмецкой отчизнѣ:
На то есть причины—мнѣ это противно.

Оставь, Бога ради, ты нѣмцевъ въ покоѣ,
Безъ нихъ мнѣ довольно на сердцѣ кручины;
Ну, что толковать о роднѣ, объ отчизнѣ?...
Мнѣ это противно—на то есть причины.

Тамъ зелены дубы, глаза голубые
У женщины нѣмецкихъ, сердца такъ наивны
И бьются лишь вѣрой, надеждой, любовью...
На то есть причины—мнѣ это противно.

6.

Между тѣмъ, какъ я, блуждая.
Сторожу чужіе клады
И къ дверямъ чужихъ любовницъ
Устремляю тайно взгляды—

Можетъ-быть, другіе люди
У моихъ окошекъ бродятъ
И съ моею неощѣненной
Переглядку тожѣ водятъ.

Совершенно человѣчна
Эта милая потѣха!
Дай же Богъ на всѣхъ дорогахъ,
Всѣмъ намъ счастья и уснѣха!

7.

Конечно, ты мой идеаль!
И поцѣлуемъ подкрѣпляя
Я это часто, милый другъ;
Но нынче, право, недосугъ.

А лучше завтра приходи,
И съ новымъ пламенемъ въ груди
Тебя, отъ двухъ до трехъ масовъ,
Я ожидать опять готовъ.

Мы въ ресторанъ съ тобой поидемъ,
И, если хочешь ты, потомъ
Не прочь, пожалуй, буду я
Сводить и въ оперу тебя.

Даютъ «Роберта»... Сколько тамъ
Любви, чертей и колдовствъ!
Тѣ звуки создалъ Мейерберъ,
А Скрибъ—нелѣпыя слова

8.

Не прогоняй меня, хоть жажду ты свою
Напиткомъ сладостнымъ уже и утолила;
Еще три мѣсяца дай мнѣ съ тобой побыть—
Надѣюсь, и съ меня довольно-бъ это было.

Не хочешь больше быть любовницей моей,
Ну, можешь сдѣлаться мнѣ другомъ, какъ пристало:
Всегда бываетъ такъ, что гдѣ любви конецъ,
Тамъ дружбы тотчасъ же начало.

9.

Эта масляница страсти,
Этотъ хмель сердце безумныхъ—
Все прошло; мы снова трезвы
И зѣваемъ другъ предъ другомъ.

Опорожнена вся чаша,
Переполненная влагой,
Одуряющей, кипучей;
Опорожнена вся чаша.

Замолчали тоже скрипки,
Вовлекавшія насъ въ пляску,
Пляску бѣшеную страсти;
Замолчали тоже скрипки.

Загасились тоже лампы,
Свѣтъ свой ливнѣя зловѣще
На собранье пестрыхъ масокъ.
Загасились тоже лампы.

Завтра постъ начнется; пеню
Я главу твою посыплю

И скажу тебѣ, прощаясь:
Помни, женщина, что прахъ ты.

ДІАНА.

1.

Колоссальной женственности члены,
Цѣлой массы прелестей полны,
Наконецъ, безъ всякихъ возраженій
Въ даръ моимъ желаньямъ отданы.

Овладѣй я ею самовольно,
Опьянѣвъ отъ страстнаго огня,
Я въ такомъ раскаянн-бъ поступкѣ;
Да, она побила бы меня.

Что за грудь! Какія плечи, шея!
(Ниже я осмотра не веду);
Прежде чѣмъ себя отдать ей въ руки,
Въ руки Божьи душу я кладу.

2.

У Бискайскаго залива
Въ Божій свѣтъ она вступила;
Ужъ младенцемъ, въ колыбели,
Двухъ котенковъ задушила.

Босикомъ чрезъ Пиринеи
Пробѣжала; въ Периньянѣ,
Молодою великаншей
Появилась въ балаганѣ.

Нынче въ Saint-Denis предметъѣ
Видятъ въ ней большую даму;
Ужъ тринадцать тысячъ ливровъ
Она стоитъ серъ Вильяму.

3.

Иногда, когда я въ гости
Къ вамъ, возлюбленная донья,
Прихожу—въ воспоминаньяхъ
Предо мной встаетъ Болонья,

Площадь съ Fonte del Gigante—
Градіознѣйшимъ фонтаномъ,

А на немъ — Нептунъ, изваянь
Старымъ мастеромъ Иоганномъ.

ГОРТЕНЗИЯ.

1.

Всѣ поцѣлуи женскихъ губокъ
Казались мнѣ въ былые дни
Самой судьбы предназначеньемъ,
Мужчинѣ даннымъ искони.

Въ ту пору я весьма серьезно
Бралъ поцѣлуи и давалъ,
Съ сознаньемъ, что свершая это,
Велѣнья рока исполнялъ.

Потомъ узналъ я—поцѣлуи,
Какъ многое на свѣтѣ, вздоръ;
И беззаботно, съ легкимъ сердцемъ,
Цѣлую женщинъ съ этихъ поръ.

2.

На углу сошлись мы съ нею,
Простояли съ лишнимъ часъ,
Говорили очень нѣжно
О любви, связавшей насъ.

Мы другъ другу повторяли
Сотни разъ: «люблю тебя»!
На углу сошлись мы съ нею
И стояли все, любя.

Случая богиня мимо
Шла, рѣзва и горяча;
Насъ увидѣла—и дальше
Побѣжала, хохоча.

3.

Погруженъ ли днемъ я въ грѣзы,
Иль не сплю въ тьмѣ ночной; —
У себя я слышу въ сердцѣ
Все чудесный хохотъ твой...

Это было въ Монморанси;
Ты усѣлась на осла

И дорогою вдругъ въ речейникъ
Покатилася съ сѣдла.

А осель себѣ спокойно
Сталь речейникъ пожирать...
Твой чудесный хохоть вѣчно
Буду въ сердцѣ сохранять.

4.

Первая говоритъ

Посрединѣ сада яблонь
Видно яблоко на ней;
Вкругъ самой же, въ свѣтлыхъ кольцахъ,
Обвился блестящій змѣй.
Отъ змѣиныхъ сладкихъ взоровъ
Глазъ не въ силахъ я отнять —
Такъ заманчиво шипитъ онъ,
Искушаетъ плодъ сорвать.

Вторая говоритъ:

Это жизни плодъ прекрасный;
Ты отвѣдай, что за сокъ,
И тогда ужъ не напрасно
Проживешь житейскій срокъ.
Да, голубушка-малютка,
Не боюсь, рѣшился теперь —
Мой совѣтъ тебѣ не шутка,
Теткѣ опытной повѣрь.

5.

Арфу для мелодій новыхъ
Вновь настроила рука.
Текстъ же старый, — Соломона;
Онъ гласитъ: «жена горька».

Такъ же другъ обмануть ею,
Какъ обмануть мужъ бывали,
И на днѣ таитъ лишь горечь
Золотой любви бокаль.

Справедливо истолкованъ
Древній смыслъ библейскихъ строкъ:
На жену грѣха проклятье
Искуситель-змѣй навлекъ.

Змѣй, на брюхѣ пресмыкаясь,
Сторожить изъ всѣхъ кустовъ,
И опять его шипѣнью .
Слухъ жены внимать готовъ.

Тьма и холодъ. Рой вороній
Солнце ясное затмилъ...
Что за крикъ! Любовь и счастье
Я надолго сохранилъ.

6.

Не долговъ счастья былъ обманъ,
Объщаннаго ложно,
И образъ твой, какъ лживый сонъ,
Въ душѣ прошелъ тревожно.

Блеснуло солнце, и туманъ
Разсѣяло собою,
И мы, едва успѣвъ начать,
Покончили съ тобою.

КЛАРИСА.

1.

На любовное признанье
Избѣгашъ ты отвѣта,
Отвѣчая лишь слезами
На вопросъ: отказъ ли это?

Рѣдко я молюсь, о Боже!
Потому—услышь моленье:
Осуши дѣвчонки слезы,
Дай разсудку просвѣтленье!

2.

Гдѣ-бъ ни шла ты, я повсюду,
Каждый день тебѣ встрѣчаюсь;
Чѣмъ суровѣй ты со мною,
Тѣмъ страстнѣе я влюбляюсь.

Гнѣвъ твой милый мнѣ пріятенъ.
Ласкъ твоихъ пришлось дичиться;
Если хочешь, чтобъ отсталъ я,
Ты должна въ меня влюбиться.

3.

Чортъ возьми твою мамашу,
Чортъ возьми и папу тоже;
Изъ-за нихъ вчера весь вечеръ
Я тебя не видѣлъ въ ложѣ.

Впереди они сидѣли,
Развалясь безъ промежутка,
И тобою любоваться
Я не могъ, моя малютка.

Забавлялась эта пара
Злой судьбою двухъ влюбленныхъ,
Смертью-жъ ихъ у ней былъ вызванъ
Громъ восторговъ благосклонныхъ.

4.

Не ходи по переулку,
Гдѣ тѣ очи квартируютъ;
Хоть щадятъ тебя ихъ взоры,
Но они восторжествуютъ.

Смотрятъ крайне благосклонно
Изъ-подъ дугъ оконныхъ арокъ;
Чортъ возьми, какая нѣжность,
Какъ ихъ молній пламень жарокъ!

Но вѣдь ты на поддорогѣ,
И усилія всѣ напрасны;
Съ грудью, полною страданья,
Ты домой придешь, несчастный.

5.

Твоя улыбка опоздала,
И опоздалъ твой жаркій вздохъ!
Всѣхъ чувствъ, отвергнутыхъ тобою,
Забывшій всходъ давно заглохъ.

Напрасна поздня взаимность,
И поздно взоръ твой сталъ такъ жгучъ;
Онъ все ложится мнѣ на сердце,
Какъ на могилу солнца лучъ.

Но знать хотѣлъ бы я—со смертью
Куда уносится нашъ духъ?

И гдѣ тотъ вѣтеръ, что затихнулъ?
И гдѣ тотъ пламень, что потуужъ?

ЮЛАНТА И МАРИЯ.

1.

Эти барышни поэтамъ
Воздають всегда почтенье:
Я и геній мой къ обѣду
Получили приглашенья.

Ахъ, бульонъ былъ превосходный,
Я виномъ былъ очарованъ,
Дичь божественнаго вкуса,
Заяць славно нашпикованъ.

Говорили объ искусствѣ...
Я наѣлся и напился
И сказалъ мерси за почеть,
До которой дослужился.

2.

Въ которую изъ двухъ влюбиться?
Себѣ твержу я, не шутя.
Любезны обѣ; мать прекрасна
И дочь—прелестное дитя.

Я умилеть красною юной
И непорочною бѣлизной,
Но соблазнительнень мнѣ тоже
Взглядъ геніально огневой.

Ослу межъ двухъ охапокъ сѣна
Подобенъ я душой своей,
Когда рѣшаетъ онъ въ раздумьѣ:
Которая изъ двухъ вкуснѣй?

3.

Бутылки всѣ пусты, былъ вкусень обѣдъ.
У дамочекъ щеки пылають,
Задорно онѣ распустили корсетъ
(Его кружева украшаютъ).

Лилейныя плечи, прелестная грудь!
Гляжу я въ испугъ немаломъ...

Кидаются дамы въ постель отдохнуть,
Укутавъ себя одѣяломъ.

Задержали занавѣсъ... тишь, полумракъ...
И взапуски всё захрапѣли...
Одинъ я среди спальни стою, какъ дуракъ,
Въ смущеннн смотрю на постели.

4.

Юность быстро исчезаетъ,
Но, въ возмездье, духъ бодрѣй,
И рука теперь ласкаетъ
Тамъ стройныя смѣлѣй.

Хоть порою нравъ стыдливый
И вступаетъ за честь—
Милый гнѣвъ и страхъ пугливый
Успокаиваетъ лень.

Въ торжествѣ моемъ побѣдномъ
Лучшаго, однако, нѣтъ:
Не пропавшей ли безслѣдно
Сладкой дурн юныхъ лѣтъ?

Э М М А.

1.

Какъ дубъ, стоитъ онъ годы,
На зноѣ и въ морозъ;
Воздѣты руки къ небу,
Пятами въ землю вросъ.

Такъ страждетъ Багирата,
Но тронуль Брамъ онъ,
И Гангъ съ небесъ богъ прошлъ,
Страданьями смягченъ.

Я, милая, напрасно
Терзаюсь въ тишинѣ;
Изъ глазъ твоихъ небесныхъ
Хотя бы капля мнѣ.

2.

Сутки ждать я долженъ счастья.
Это счастье безъ границъ

Посулить твой взгляд украдкой,
Мнѣ блеснуть изъ-подъ рѣсницъ.

Слово—слишкомъ неуклюже,
Слишкомъ бѣденъ нашъ языкъ,
Молвишь только—и умчится
Мотылекъ прекрасный вмигъ.

Взоръ одинъ лишь безпредѣленъ
И блаженство онъ сулитъ
Безпредѣльное, какъ небо,
Гдѣ созвѣздіи блескъ разлитъ.

3.

Мѣсяцъ тянется любовь —
И еще ни поцѣлуетъ!
Сохнуть жаркія уста,
Въ одиночествѣ тоскуетъ.

Былъ такъ близокъ счастья мигъ,
Я дыханіе любимой
Ощущалъ у самыхъ устъ—
И промчалось счастье мимо!

4.

Эмма, правду безъ раздумья
Мнѣ скажи: глупъ отъ любви я,
Иль сама любовь—наслѣдство
Моего, увы, безумья!

Ахъ, меня, другъ милый Эмма,
Кромѣ этой страсти глупой,
Кромѣ глупости любовной,
Мучить и сама дилемма!

5.

Быть съ тобою—свыше силы;
Крикъ и споръ! Бѣгу я прочь.
Безъ тебя—мнѣ жить не въ мочь,
Жизнь—подобіе могилы.

Бьюсь я ночи напролетъ
Между смертью и геенной,
Эта мука несомнѣнно
Хоть кого съ ума сведетъ.

6.

Она ползеть къ намъ, ночь нѣмая,
И скоро насъ одѣнетъ тьмой.
Съ душой усталой, другъ на друга,
Зѣвая, смотримъ мы съ тобой.

Я старъ и хилъ... ты постарѣла.
Намъ не вернуть весеннихъ дней!
Ты холодна... но зимній холод
Въ моей груди еще сильнѣи.

Мрачна развязка! Вслѣдъ за роємъ
Отрадныхъ намъ любви заботъ
Ужъ безъ любви идутъ заботы,
И вслѣдъ за жизнью смерть идетъ.

ТАНГЕЙЗЕРЪ.

(Легенда).

1.

Страшитесь козней сатаны,
Честные христіане!
Пусть васъ Тангейзера судьба
Остережетъ заранѣ.

Тангейзеръ, рыцарь молодой
И въ счастье полный вѣры,
Рѣшилъ веселья и любви
Искать въ горѣ Венеры.

Онъ пробылъ тамъ семь цѣлыхъ лѣтъ.
— Венера, будь здорова!
Здѣсь жить я больше не хочу;
Даруй мнѣ волю снова.

— Тангейзеръ, славный рыцарь мой,
Меня цѣлуешь мало!
Скажи, чего же здѣсь тебѣ
Еще недоставало?

Не лучшимъ ли тебя виномъ
Всегда я угощала?
И не вѣнками ли изъ розъ
Чело твое вѣнчала?

— Венера, ласки и вино
Невыносимы стали;
Я боленъ сердцемъ и душой
И жажду я печали.

Наскучилъ мнѣ веселый смѣхъ
Теперь мнѣ нужны слезы;
Колючихъ терній я ищу
На мѣсто нѣжной розы.

— Тангейзеръ, милый рыцарь мой
Вѣдь ты заводишь ссору;
А самъ клялся не покидать
Меня и эту гору.

Пойдемъ-ка въ комнату мою
Повѣжиться со мною;
Лилейно-бѣлымъ тѣломъ я
Чудесно успокою.

— Венера, милая жена,
Ты вѣчно не увянешь;
Плѣняла многихъ ты досель
И впредь не перестанешь.

Но чуть героевъ и боговъ
Я вспомню, что владѣли
Тобой—мнѣ думать о твоёмъ
Лилейно-бѣломъ тѣлѣ

Противно; думать страшно мнѣ—
Сколькихъ еще удѣломъ
Осталось обладать твоимъ
Лилейно-бѣлымъ тѣломъ.

— Тангейзеръ, славный рыцарь мой,
Не говори такъ ѣдко.
Ужъ лучше ты меня прибей,
Какъ и биваль перѣдко,

Побей—но гордость ты мою
Насмѣшкою коварной
Не оскорбляй—христианинъ
Сухой, неблагодарный!

Любила слишкомъ и тебя —
За это мнѣ такую
Ты платишь бранью... Ну, ступай,
Я дверь сама открѣю.

2.

Звонками, и звономъ, и пѣніемъ Римъ
Зоветь богомольцевъ къ святынямъ:
Церковное шествіе тянется тамъ,
И папа грядетъ посрединѣ.

Смиреннаго папы Урбана чело
Въ лучахъ тріединой короны;
Пурпурною мантией онъ облаченъ
У шлейфа князя и бароны.

«Святѣйшій отецъ нашъ, о, папа Урбанъ,
Хоть шествія чинъ я нарушу,
Но здѣсь же ты исповѣдь примешь мою,
Отъ ада спасешь мою душу».

Замолкло духовное пѣнье; народъ
Отхлынулъ и въ кругъ разступился;
Кто этотъ усталый, больной пилигримъ,
Что къ папскимъ ногамъ повалился?

«Святѣйшій отецъ нашъ, о, папа Урбанъ,
Вѣдь ты разрѣшишь и вяжешь;
Меня ты избавишь отъ дьявольскихъ силъ,
Лишь слово прощенья скажешь».

«Я рыцарь Тангейзеръ; задумалъ я жизнь
Любви посвятить и веселью,
И въ гору Венеры пошелъ я, и тамъ
Сомъ лѣтъ проживалъ съ этой цѣлью».

«Венера—красавица: равной ей нѣтъ;
Весь въ локонахъ вьющійся волосъ;
Какъ розъ ароматъ и какъ солнечный свѣтъ
Ея упоительный голосъ».

«Какъ ищущій меду въ лугахъ мотылекъ
Порхаетъ весной надъ цвѣтами,
Такъ я безотлетно витаю душой
У ней надъ цвѣточкомъ—устами».

«Въ лицѣ благородство; большіе глаза
Глядятъ обаятельно мило;
Но только упалъ на тебя этотъ взоръ—
Такъ духъ у тебя захватило,

«Но только упалъ на тебя этотъ взоръ—
Стоишь, какъ прикованный чудно;
Разстаться мнѣ съ нею, уйти изъ горы
Мнѣ было такъ трудно, такъ трудно!

«Я спасся, я вышелъ изъ этой горы;
Но взоры тѣ точно впились
Въ меня, и преслѣдуютъ всюду, и мнѣ
Все шепчутъ они: «возвратися!»

«Безжизненнымъ призракомъ днемъ я брожу,
Лишь ночью мнѣ будто живется;
Въ то время Венера мнѣ снится; она
Со мною сидитъ и смѣется.

«Смѣется такъ счастливо, бѣшено такъ,
Такъ сладко, такъ дѣтски здорово;
А зубы какъ жемчугъ!.. Лишь вспомню тотъ смѣхъ—
Все плачу я снова и снова.

«Любовь моя къ ней—всемогущая власть,
Безсильно съ ней борются годы...
Она водопадъ, повергающій съ горъ
Ничѣмъ неудержныя воды!

«По кручамъ, съ одной на другую, все внизъ,
Онъ, прядая, въ пѣнѣ грохочетъ,
И сколько бы шей на пути ни свернуть,
Паденья сдержать онъ не хочетъ.

«Когда бы властителемъ неба я былъ,
Венерѣ я, въ видѣ подарка,
Поднесъ бы все небо, и солнце, луну.
И звѣзды, блестящія ярко.

«Сильна, всемогуща моя къ ней любовь,
И сердце она мнѣ сжигаетъ;
Не ею-ль мученія вѣчныя адъ
Ужъ здѣсь на землѣ начинаеть?

«Святѣйшій отецъ нашъ, о. папа Урбанъ,
Вѣдь ты разрѣшаешь и вяжешь;

Ты можешь от ада избавить меня,
Лишь слово прощенья скажешь».

Но папа со скорбію руки воздѣлъ
И рекъ онъ со скорбію внятно:
«Тангейзеръ несчастный, ты въ чарахъ грѣха
Навѣки погибъ невозвратно.

«Тотъ дьяволъ, что люди Венерой зовутъ,
Изъ всѣхъ богопроклятыхъ худшій,
И вырвать нельзя у него изъ когтей
Тебя, несчастливца заблудшій.

«Душою своей ты оплатишь теперь
Плотскія свои наслажденья;
Ты небомъ отверженный, ты обреченъ
На вѣчныя ада мученья».

3.

Поспѣшно и долго Тангейзеръ идетъ;
У рыцаря ноги всѣ въ ранахъ.
Въ Венерину гору припелъ онъ назадъ
Въ часъ полночи, въ тьмѣ и туманахъ.

Венера, услыша, проснулась, тотчасъ
Съ кровати она соскочила
И къ милому другу бѣжитъ, и его
Объятъями нѣжно обвила.

Пошла у ней изъ носу кровь, а изъ глазъ
Струился слезы; съ любовью
Лицо драгоценнаго друга она
Кропила слезами и кровью.

Но рыцарь молчалъ. Онъ прилегъ на постель—
Усталому отдыхъ былъ нуженъ;
Венера на кухню пошла и сама
Ему приготовила ужинъ.

Она подала ему хлѣба и супъ,
И ноги больныя обмыла,
Очистила грязь въ волосахъ, и трудясь
Смѣялась такъ сладко, такъ мило.

— Тангейзеръ, о, рыцарь возлюбленный мой,
Давно ты со мною разстался;

Но снова ты здѣсь; расскажи мнѣ теперь,
Въ какихъ же странахъ ты скитался?

— Венера красавица, въ Римѣ я былъ,
Имѣлъ я тамъ важное дѣло;
Туда послѣшилъ я; то дѣло рѣшить
Давно уже время приспѣло.

Весь Римъ на семи расположенъ холмахъ,
И Тибръ между нихъ протекаетъ;
Тамъ папу Урбана я видѣлъ, и онъ
Поклоны тебѣ посылаетъ.

Въ Миланъ и Флоренцію я завернулъ,
Когда ужъ къ тебѣ возвращался;
На этомъ пути по швейцарскимъ горамъ
Я смѣло къ вершинамъ взбирался.

Когда я на высотахъ альпійскихъ стоялъ,
Метель поднялася тамъ скоро.
Вверху надо мною кричали орлы,
Внизу улыбались озера.

Съ высотъ Сень-Готтарда услышала я вдругъ
Германін спящей храпѣнье;
Ее убаюкало въ сладостный сонъ
Трехъ дюжинъ властителей пѣнье.

У швабовъ я въ «школу поэтовъ» зашелъ,
Милѣйшихъ малютокъ; сидѣли
На маленькихъ суднахъ они; колпачки
На ихъ головенки надѣли.

Во Франкфуртъ я прибылъ на шабагъ, тамъ ѣлъ
Я клецки и шалеть; нѣтъ нашей
Религii лучше! Я тоже люблю
И гуся варенаго съ кашей.

Пса видѣлъ я въ Дрезденѣ; нѣкогда былъ
Песъ добрый; теперь выпадаютъ
У бѣднаго зубы одинъ за другимъ,
Онъ мочится только и лаеъ.

А въ Веймарѣ, музъ овдовѣлыхъ гнѣздѣ,
Насышался многихъ я жалобъ,

Что Гёте скончался, а Эккерманъ живъ.
Хоть жить не ему надлежало-бъ.

Идя по Потсдаму, услышалъ я крикъ;
Что это,—спросилъ:—означаетъ?

— А это въ Берлинѣ,—сказали мнѣ:—Гансъ
Про наше столѣтѣе читаетъ.

Во всемъ Геттингенѣ, наука цвѣтетъ,
Но фруктовъ у ней не родится;
Пришелъ я въ глубокую ночь—и ни гдѣ
Не могъ освѣщенья добыться.

Я въ Целлѣ въ смиренномъ домѣ нашель
Ганноверцевъ только. О, дѣти
Германіи! нѣтъ у насъ общей тюрьмы
И общей для націи плети!

На улицахъ въ Гамбургѣ страшная вонь.
Спросилъ я: да въ чемъ же причина?
Жиды, христіане—всѣ дали отвѣтъ:
Воняетъ помойная тина.

Хоть жители Гамбурга честный народъ,
Но есть и мошенниковъ много;
На биржѣ я думалъ, что въ Целлѣ я вновь
И всё не ушелъ изъ острога.

Изъ Гамбурга я и въ Альтону ходилъ,
Доволенъ ея красотою.
Въ другой разъ подробно тебѣ расскажу,
Что тамъ приключилось со мною.

ПѢСНИ О МИРОТВОРЕНІИ.

і.

Для начала Зевсъ солнце создалъ,
Послѣ звѣздами небо убралъ,
И изъ пота чела своего
Сотворилъ онъ быковъ сверхъ того.

Вслѣдъ затѣмъ создалъ дикихъ звѣрей,
Львовъ—животнаго царства царей,
По подобію и образу львовъ
Создалъ маленькихъ мылыхъ котовъ.

Чтобъ пустыню земли населить,
Человѣка пришлось сотворить;
А въ подобіе ему далъ Зевесъ
Обезьянъ, населяющихъ лѣсъ.

Види это, хохочетъ Плутонъ:
«Самъ себя Зевесъ копируетъ! Онъ
Сотворить по подобью быковъ
И телятъ, вѣдь, пожалуй, готовъ!»

2.

И сказалъ Зевесъ Плутону:
«Самъ себя я копирую.
Созданы моею рукою
По подобью солнца—звѣзды,

«Дикихъ львовъ—коты малютки,
Человѣка—обезьяны,
И быковъ—телята; ты же
Ничего создать не можешь.

3.

«Во славу и хвалу себѣ я сотворилъ
Людей, быковъ и львовъ и съ солнцемъ хоръ свѣтилъ;
Но обезьянъ, телятъ и мелочь изъ звѣрья
Для собственной своей утѣхи создалъ я.

4.

«Дѣло быстро пошло у меня—
Цѣлый міръ сотворилъ я въ три дня,
Но зато самый планъ сотворенья
Стоилъ мнѣ ста вѣковъ размышленья.

«Сотворенья работа—пустякъ
Безъ труда ее выполнить всякъ;
Но вотъ планъ сочинить—только въ этомъ
Виденъ тотъ, кто родился поэтомъ.

«Триста лѣтъ я и ночью, и днемъ
Все раздумывать только о томъ—
Какъ бы лучше создать понемножку
Редіумъ juris и—малую блошку».

5.

Въ четвертый день Зевель-творецъ
Сказалъ: «Ну, кончили наконецъ!
Чудна вселенная моя
Весьма собой доволенъ я.

«Какъ солнце золотымъ лучомъ
Играетъ въ морѣ голубомъ!
Какъ зелено въ лѣсу, въ долинѣ!
Неправда-ль все какъ на картинѣ?

«Овечки тамъ въ травѣ полей—
Альбаstra вѣдь онѣ бѣлѣй,
Какъ все прекрасно, идеально!
Какъ все въ натурѣ натурально!

«Полны величья моего
Земля и небо. И его,
Ликуя, будутъ человѣки
Хвалить отнынѣ и во вѣки!

6.

«Изъ пальца высосать нельзя
Матеріаль стиховъ, сюжеты;
Миръ сотворить изъ ничего
Ни богъ не можетъ, ни поэты.

«Изъ кома грязи я создалъ
Мужское тѣло; а изъ жира
Спины мужчины сотворилъ
Я женщинъ—украшенье міра.

«Я сдѣлалъ небо изъ земли,
Изъ женскихъ членовъ—духовъ свѣта.
Художественность формы—вотъ
Условье цѣнности сюжета.

7.

«Зачѣмъ я собственно вселенную создалъ —
Охотно объясню: въ себѣ я ощущалъ
Призванье творчества; оно во мнѣ горѣло
Безумьемъ пламеннымъ, жгло душу мнѣ и тѣло,

«Болѣзнь все сдѣлала, узрѣнъ я, она—
Стремленья къ творчеству главнѣйшая вина.

Я выздоровѣть могъ, лишь совершивъ творенье,
И точно—сотворивъ, нашель выздоровленье».

Ф Р И Д Е Р И К А.

1.

Оставь Берлинъ, гдѣ воздухъ густъ и пыленъ,
И жидокъ чай; гдѣ надъ умомъ людскимъ
Одинъ лишь Гегель царствуетъ, всеилень,
И жизни смыслъ для всѣхъ указанъ имъ.

Умчимся въ край, гдѣ аромать обилень,
Въ край солнечный, который мной любимъ.
Тамъ льется Гангъ, и вдоль его извилинъ
Идетъ въ одеждѣ бѣлой пилигримъ

Тамъ въ пальмовой, священной людямъ сѣни
Блестить волна, и лотоса цвѣтокъ
Стремится въ Индры голубой чертогъ;

Тамъ преклоню передъ тобой колѣни,
И прозвучить изъ устъ моихъ привѣтъ:
«Прекраснѣй вась, madame, на свѣтѣ нѣтъ!»

2.

Струится Гангъ. Разумными очами
Глядитъ газель, отважно съ высоты
Сбѣгая внизъ, и яркими цвѣтами
Павлиновъ чванныхъ искрятся хвосты.

Изъ нѣдръ луговъ невиданные нами
Являются роскошные цвѣты,
Несется пѣснь кокиласовъ волнами...
Красавица! всѣхъ женъ прекраснѣй ты!

Въ твоихъ очахъ самъ Богъ великій Кама,
И онъ, твоей душою овладѣвъ,
Вложилъ въ уста чарующій напѣвъ;

Вассантъ твои уста взялъ вмѣсто храма
Въ твоихъ глазахъ—мнѣ новые міры,
И собственный мнѣ тѣсенъ съ той поры.

3.

Струится Гангъ и плещеть. Гималайя
Сверкаетъ весь въ лучахъ прощальныхъ дня.

Слоны, изъ роцъ тѣнистыхъ выбѣгая,
Спѣшатъ на блескъ вечерняго огня.

Гдѣ образъ? Я за образъ дамъ коня!
Съ чѣмъ я сравню тебя, о, дорогая!
Но для тебя прекрасная, благая,
Сравненій нѣтъ достойныхъ у меня.

За образомъ гоняясь безъ успѣха,
Съ любовью я и съ риемою—въ борьбѣ,
А ты сдержать не въ состояннн смѣха.

Но смѣйся! Вѣдь чтобъ угодить тебѣ,
Коснутся цитры струнъ гандарвы—боги
Тамъ въ высотѣ, гдѣ блещутъ ихъ чертоги.

КАТАРИНА.

1.

Прекрасная звѣзда возшла въ моей ночи,
Отраду сладкую мнѣ льютъ ея лучи,
Съ улыбкой съ высоты въ жизнь новую маня—
О, не обманывай меня!

Какъ къ мѣсяцу бѣжитъ влюбленная волна,
Такъ, опьяненія безумнаго полна,
Моя душа летитъ въ твой чудный мнръ огня—
О, не обманывай меня!

2.

«Хотите, я представлю васъ?»
Услышаль я отъ герцогини.
О, нѣтъ! Растерянь я ужъ нынѣ,
Ее увидѣвъ въ первый разъ.

Боюсь съ красавицей сближенья,
Для жизни я воскресну вновь,
И дастъ мнѣ новая любовь
Съ восторгомъ новыя мученья.

Но я бѣгу не безъ борьбы,
И къ ней влечетъ меня желанье;
Какъ пламя звѣдъ моей судьбы—
Блестить очей ея сіянье.

Безоблачно ея чело,
Но дышитъ скрытою грозюю,
И этой бурей роковою
Разбить я буду тяжело.

Скромны уста. Но, опечалень,
Тѣхъ змѣй межъ розъ открыль мой взглядъ.
Лобзаньемъ чымъ я былъ ужалень,
Вливающимъ обмана ядъ.

И все же къ ней иду я. Властно
Меня къ опасности влечетъ,
Я голосъ дивный слышу ясно,
И звукъ его, какъ пламя, жжетъ.

— Пѣвицы имя безъ сомнѣнья
Извѣстно вамъ?—звучать слова.
Пробормотать могу едва
Въ отвѣтъ ей: «Развѣ было пѣнье?»

3.

Какъ Мерлинъ, я обреченъ
Въ жертву чарамъ; я прикованъ,
И въ кругу, что заколдованъ,
Я вращаться осужденъ.

Отъ красавицы нѣтъ мочи
Оторваться мнѣ: лежу
Я у ногъ ея, гляжу
По часамъ любовно въ очи.

Словно сонъ, бѣгутъ недѣли,
Дни, часы... Ея слова
Понимаю еле-еле,
Сознаю свои едва.

Иногда прикосновенье
Устъ ея къ устамъ моимъ
Мнится мнѣ, и въ тѣ мгновенья
Я въ душѣ огнемъ палимъ.

4.

Въ объятіяхъ моихъ ты у сердца
Покоишься сладко всегда!

Твое я родимое небо,
Моя ты родная звѣзда.

Подъ нами внизу копошится
Дурацкое племя людей;
Кричатъ и бранятся, и каждый
Увѣренъ, что онъ всѣхъ умнѣй.

На каждомъ звенять погремущки;
Всѣ спорять, а споръ безтолковъ;
Они разбиваютъ другъ дружкѣ
Безумныя головы въ кровь..

Какое намъ счастье съ тобою!
Отъ насъ далека ихъ вражда—
Головку ты въ небѣ родимомъ
Покоишь, родная звѣзда!

5.

Плѣненъ я черною косою
И этимъ тѣломъ бѣлоснѣжнымъ —
Души твоей покровомъ нѣжнымъ,
И черныхъ глазъ твоихъ красой.

Тебя такой, какую мнѣ
Ниспослана ты здѣсь судьбою,
Искалъ я въ каждой сторонѣ.
Я, въ свой чередъ, цѣнимъ тобою.

Въ твоихъ лобзаньяхъ и красѣ
Мнѣ суждена любви отрада,
Во мнѣ нашла ты все, что надо,
И мнѣ измѣнишь ты, какъ всѣ.

6.

Явилась юная весна
Навстрѣчу мнѣ, какъ другу,
Все расцвѣло, цвѣты она
Разсѣяла по лугу.

Со мной—избранница моя,
Несемся мы въ коляскѣ,
Стукъ сердца милой слышу я,
Во взорѣ столько ласки.

И аромать, и птичий гамъ,
И все залито свѣтомъ!
Вотъ деревцо киваетъ намъ,
Покрыто бѣлымъ цвѣтомъ.

И любопытные цвѣты
Глядятъ, полны участья,
На прелесть юной красоты,
Дарующей мнѣ счастье.

Но счастье—мигъ, коса пройдетъ—
И вмигъ цвѣтовъ не станетъ,
Весна-царица отцвѣтетъ,
И милая обманетъ.

7.

Мнѣ недавно сонъ приснился,
Будто я въ рай гуляю;
Я съ тобою—безъ тебя
Былъ бы рай мнѣ хуже ада.

Видѣлъ праведныхъ я тамъ,
И смиренныхъ, и избранныхъ,
Плоть губившихъ на землѣ
Для спасенья душъ на небѣ.

Тамъ встрѣчались мнѣ попы,
И монахи, и аскеты,
И отцы церквей различныхъ—
Молодые хуже старыхъ.

Много тамъ сѣдыхъ бородъ,
Длинныхъ лицъ, широкихъ лысинъ
(Между ними и еврей)
Мимо насъ прошло рядами.

Но отъ нихъ тебѣ ни взгляда,
Какъ къ плечу ты мнѣ ни жалась,
И шала, и улыбаясь,
И кокетничая мило.

Лишь одинъ тебя замѣтилъ—
Онъ, единый между всѣми
Былъ божественно прекрасенъ,
Дивенъ обликомъ и взоромъ.

Кротость смертнаго вокруг усть
Бога вѣчный миръ во взорѣ;
Былъ когда-то взоръ подобный
Обращень на Магдалину.

Знаю я всю святость взора!
Чей, какъ этотъ, чистъ и честенъ?
Но меня, меня, увы!
Все-жъ коснулась тайно ревность.

Каюсь я и признаюсь—
Стало мнѣ въ раю неловко,
О, прости мнѣ, Боже!...

.

8.

На лѣтній праздникъ всѣ съ собою
Своихъ подружекъ привели;
Моей здѣсь нѣтъ: отъ всѣхъ вдали
Брожу одинъ съ своей тоскою.

Одинъ брожу и, точно хворый,
Отъ веселящихся бѣгу;
И мысли всѣ мои, и взоры
Тамъ, на британскомъ берегу.

Срываю я гвоздики, розы,
Кому, не знаю, ихъ отдать;
Цвѣтамъ придется увядать,
И сердце мнѣ убьютъ морозы.

9.

Такъ долго, будто безсловесень,
Я все молчалъ; но вновь пою!
Приходить въ очередь свою
И время слезъ, и время гѣсенъ.

Теперь опять поется звучно
О дняхъ любовныхъ нѣгъ и мукъ,
И о томленьѣ въ дни разлукъ
Сердце, которымъ вмѣстѣ скучно.

Порой мнѣ кажется, что вѣтъ
Надъ головой германскій вязъ,

Онъ шепчетъ; скоро ты у насъ;
Но эти сны—ихъ день разсѣтъ.

Порой мнѣ мнится—распѣваетъ
Нѣмецкій старый соловей...
И сладко такъ въ душѣ моей...
Но это сонъ—онъ исчезаетъ!

Завяли розы, что любовь
Дарили мнѣ во дни былые,
И только запахомъ мнѣ кровь
Мутягъ, какъ привидѣнья злыя.

НА ЧУЖБИНѢ.

1.

Изъ края въ край твой путь лежитъ;
Идешь ты—радъ не радъ.
По вѣтру нѣжный зовъ звучить—
И ты взглянулъ назадъ.

Твоя любовь въ странѣ родной;
Манить, зоветъ она:
«Вернись домой! побудь со мной!
Ты радость мнѣ одна».

Но путь ведетъ все въ даль и тьму—
И останówki нѣтъ...
Что такъ любилъ—навѣкъ къ тому
Запаль возвратный слѣдъ.

2.

Давно тебя въ такой тоскѣ,
Не видѣлъ я, какъ вижу нынѣ.
Вздыхаешь громко ты въ кручинѣ,
Слеза струится по щекѣ.

Къ отчизнѣ-ль рвешься безотчетно,
Исчезнувшей туманнымъ сномъ?
Сознайся мнѣ: въ краю родномъ
Вновь побываль бы ты охотно?

Или мечтаешь ты о ней—
Тебя сердившей? Скоро злоба

Смягчалася въ душѣ твоей,
И мирно вы смѣялись оба.

Или припомнились друзья
И ихъ объятія въ часъ изгнанья?
Порывы думъ въ душѣ тая,
Разстались вы, храня молчанье.

Иль вспомнилъ милыхъ женщинъ двухъ,
Тобой любимыхъ: мать съ сестрою?
Среди подобныхъ думъ порою
Слабѣть въ насъ отважный духъ.

Иль вспомнилъ садъ, въ которомъ прежде
Лелѣялись любви мечты,
Гдѣ предавался весь надеждѣ,
Гдѣ мучился сомнѣньемъ ты?..

Но поздно. Ночь свѣтла; валяются
Охлопья снѣга въ тишинѣ...
Я званъ на вечеръ. Одѣваться
Давно пора... О, горе мнѣ!

3.

Имѣлъ я нѣкогда прекрасный край родной,
Высокій мощный дубъ шумѣлъ тамъ надо мной,
И посылали мнѣ фіалки свой поклонъ—
То было сонъ!

Шептали мнѣ «люблю!» на языкѣ родномъ—
(Ахъ, трудно и понять, какъ много въ звукѣ томъ
Таялось прелести, какъ тѣшилъ душу онъ!)
То было сонъ!

ТРАГЕДІЯ.

1.

Бѣги со мной! будь мнѣ женой!
На сердцѣ отдохни моею!
Оно тебѣ въ странѣ чужой—
Родимый край, родимый домъ.

Иль лягу я въ землѣ сырой,
И будешь въ мірѣ ты одна,

И будетъ домъ родимый твой
Тебѣ чужая сторона!

2.

(Это народная пѣсня, которую я слышалъ на Рейнѣ).

На поляну иней палъ
Середь вѣшней почки;
Познобилъ онъ, погубилъ
Алые цвѣточки.

Темной ночью съ молодцомъ
Дѣвушка бѣжала;
Ни родимой, ни отцу
Слова не сказала.

Въ чужедальной сторонѣ
Горе да несчастье;
И повянули они,
Какъ цвѣты въ ненастье.

3.

Липа ихъ могилу тѣнью покрываетъ,
Межъ кудрявыхъ вѣтокъ пташка распѣваетъ;
На травѣ зеленой сѣли у могилы
Парень деревенскій со своею милой,

Тихо и печально вѣтерокъ лепечеть,
Сладко и уныло пташечка щебечеть,
Приумолкли парень и его зазноба...
Отчего—не знаютъ, только плачутъ оба.

РОМАНЫ.

1.

ЖЕНЩИНА.

Любовь ихъ была глубока и сильна,
Мошенникъ былъ онъ, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать и смѣялась.

И шумно, и буйно летѣли ихъ дни;
По темнымъ ночамъ цѣловались они.
Въ тюрьму угодилъ онъ. Она не прощалась;
Глядѣла, какъ взяли дружка, и смѣялась.

Послалъ онъ сказать ей: «Зашла бы ко мнѣ!
Съ ума ты нейдешь наяву и во снѣ;
Душа у меня по тебѣ стосковалась!»
Качала она головой и смѣялась.

Чѣмъ-свѣтъ его вѣшать на площадь вели;
А въ семь его сняли—въ могилу снесли...
А въ восемь она, какъ ни въ чемъ не бывало,
Вино попивая, съ другимъ хохотала.

2.

ПРАЗДНИКЪ ВЕСНЫ.

Вотъ скорбная встрѣча прихода весны:
Цвѣтуція дѣвы такъ дико въ лѣса
Несутся толпой, распустивъ волоса,
Съ открытою грудью, всѣ воплемъ полны:
«Адонись! Адонись!»

Ночь... Факелы... Лѣсъ озарился огнемъ.
Чего-то ища, разбредаясь въ гушинѣ,
Мягутся, волнуясь, въ испугѣ онѣ.
Плачь, хохотъ, стenanья и крики кругомъ:
«Адонись! Адонись!»

Вотъ юноша... Блѣденъ чарующій ликъ.
Лежить онѣ... Ужъ смерть всѣ сковала черты,
Окрашены алою кровью цвѣты,
И жалобный всюду разносится крикъ:
«Адонись! Адонись!»

3.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

Прислуга вся въ трауръ одѣта
И въ траурной лодкѣ плыветъ;
Бездушное тѣдо поэта
Безмолвно она стережетъ.

Покойникъ нѣмой и холодный
Съ лицомъ непокрытымъ лежить;
Но ликъ мертвеца благородный
И мертвый все въ небо глядитъ.

Послышались глухо призывы
Невѣсты-русалки изъ волнъ;
И темныя волны тоскливо,
Со стономъ дробятся о челнъ.

4.

ЗАКЛИНАНІЕ:

Одинъ и безмолвенъ, монахъ молодой
Сидитъ въ своей кельѣ убогой,
И старую книгу магическихъ чаръ
Читаетъ онѣ съ тайной тревогой.

Бьетъ полночь... Не въ силахъ монахъ удержать
Кипящаго въ сердцѣ желанья;
И, блѣдный, зоветъ онѣ подземныхъ владыкъ,
И робко творить заклинанья.

«Царицу красавицъ изъ гроба призвать
Прошу я васъ, адскія власти!

Зажгите вы жизнь въ ней... хочу въ эту ночь
Отдаться я нѣгѣ и страсти».

Едва заклинанье монахъ произнесъ,
Какъ вдругъ задрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ...
И видитъ—безмолвно предстала предъ нимъ
Красавица въ саванѣ бѣломъ.

Но взоръ ея мраченъ, тѣснить ея грудь
Тяжелые вздохи недуга...
И сѣла съ нимъ рядомъ—и оба они
Въ молчаньѣ глядятъ другъ на друга.

5.

ANNO 1829.

Чтобъ умереть я могъ спокойно,
Отдайте мнѣ просторъ полей...
Я задыхаюсь въ этомъ узкомъ,
Противномъ мирѣ торгашей!

Въ блаженствѣ скотскомъ утопая,
Проводятъ жизнь они легко,
И, какъ дыра въ церковной кружкѣ,
Ихъ милосердые широко.

Торчатъ въ зубахъ у нихъ сигары,
И руки спрятаны въ пальто,
И хорошо пищеваренье—
Но *ихъ* переварить ли кто?

Хоть косметическихъ товаровъ
Къ нимъ грузъ идетъ со всѣхъ сторонъ,
Но воздухъ смрадомъ ихъ душевнымъ,
Какъ мертвечиной, зараженъ.

Нѣтъ! Рядъ кровавыхъ преступлений
Такъ возмутить меня едва-ль,
Какъ добродѣтели ихъ сытой
Тупая, дряблая мораль!

Зачѣмъ меня отсюда тучи
Не унесутъ съ собой давно?
Хоть къ готентогамъ, хоть къ лапландцамъ...
Хоть даже къ нѣмцамъ—все равно.

Но тучи умныя несутся,
Меня не слушая,—впередь..
И боязливо ускоряютъ
Надъ этимъ городомъ полеты!

6.

ANNO 1839.

Германія, край мой родимый и милый,
Тебя вспоминать я безъ слезъ не могу;
Тяжелъ мнѣ французскій народъ легкокрылый,
И мрачно хожу я въ веселомъ кругу.

Лишь разумъ холодный, да блескъ остроумья
Царятъ здѣсь въ Парижѣ... О, если бы мнѣ
Услышать опять погремущки безумья
И колоколь вѣры въ родимой странѣ!

Мужчины такъ вѣжливы здѣсь! И поклоны
Такъ милы! Но сухо я ихъ отдаю.
Нѣмецкая грубость въ отчизнѣ въ дни оны
Плѣнительно тѣшила душу мою.

У женщинъ улыбка не сходитъ; вертятся,
Какъ жерновъ; весь день и всю ночь въ болтовнѣ;
Нѣмецкія женщины лучше: ложатся
Въ постель молчаливо и кротко онѣ.

И все здѣсь несется, кружится нестройно
И шумно, въ какомъ-то слѣпомъ забытьи.
У насъ же, напротивъ, все тихо, спокойно,
На шагъ не кидаетъ своей колѣи.

Мнѣ чудится—кротко вдали раздаются
Рожки и свистульки ночныхъ сторожей;
Ихъ пѣсни ко мнѣ издалѣка несутся,
И пѣснямъ тѣмъ вторить ночной соловей.

Ахъ, милая Шильда! Какъ въ сердце поэта,
Дубовый твой лѣсъ наслажденье вливалъ!
Изъ запаха розъ и изъ луннаго свѣта
Въ немъ нѣжныя ризы мои я сплеталъ.

7.

РАНО УТРОМЪ

На предмѣстьѣ Saint Marceau
Легъ туманъ сегодня утромъ—
Поздней осени туманъ,
Очень схожій съ бѣлой ночью.

Ночью бѣлою бродя,
Я увидѣлъ мимоходомъ
Женскій образъ предъ собой,
Свѣту лунному подобный.

Да, онъ былъ, какъ лунный свѣтъ,
Вскользь идущъ, красивъ и нѣженъ;
Въ цѣлой Франціи съ такимъ
Я ни разу не встрѣчался.

Это не сама-ль луна,
Засидѣвшаяся нынче
Позено такъ въ quartier Latin
У дружка Эндиміона?

Что-жь,—я думалъ:—ты, луна,
Отъ меня лицо скрываешь?
Не сочла ли ты меня
Солнцедержцемъ вашимъ, Фебомъ?

8.

РЫЦАРЬ ОЛАФЪ.

1.

Предъ соборомъ стали двос,
Оба въ красномъ одѣяньѣ,
И одинъ изъ нихъ король,
А другой—палачъ придворный.

Палачу онъ молвить: «Слышу
По словамъ церковныхъ пѣсень,
Что обрядъ вѣнчанья конченъ...
Свой топоръ держи готовымъ!»

И трезвонъ, и гулъ органа...
Пестрый людъ идетъ изъ церкви.
Вотъ выводятъ новобрачныхъ
Въ пышномъ праздничномъ уборѣ.

Блѣдны щеки, плачуть очи
У прекрасной королевы;
Но Олафъ и бодръ, и веселъ,
И уста цвѣтутъ улыбкой.

И съ улыбкой устъ румяныхъ
Королю онъ молвилъ: «Здравствуй,
Тестъ возлюбленный! Сегодня
Я разстанусь съ головою.

«Но одну : сполни просьбу;
Дай отсрочку до полночи,
Чтобъ отпраздновать мнѣ свадьбу
Свѣтлымъ пиромъ, шумной пляскою!»

«Дай пожить мнѣ! дай пожить мнѣ!
Осушить послѣдній кубокъ,
Пронестись въ послѣдней пляскѣ!
Дай пожить мнѣ до полночи!»

И король угрюмый молвилъ
Палачу: «Даруемъ зятю
Право жизни до полночи...
Но топоръ держи готовымъ!»

2.

Сидитъ новобрачный за брачнымъ столомъ;
Онъ кубокъ послѣдній наполнилъ виномъ.
Къ плечу его блѣднымъ лицомъ припадая,
Вздыхаетъ жена молодая.
Палачъ стоитъ у дверей.

«Готовятся къ пляскѣ, прекрасный мой другъ!»
И рыцарь съ женою становятся въ кругъ.
Зажегся въ ихъ лицахъ горячій румянецъ—
И бѣшенъ послѣдній ихъ танецъ...
Палачъ стоитъ у дверей.

Какъ весело ходять по струнамъ смычки,
А въ пѣніи флейты какъ много тоски!
У всѣхъ, передъ кѣмъ эта пара мелькаетъ,
Отъ страха душа замираетъ...
Палачъ стоитъ у дверей.

А пляска все вьется, и зала дрожить.
Къ супругѣ склоняясь, Олафъ говоритъ:

«Не знать тебѣ, какъ мое сердце любило!
Готова сырая могила!»
Палачъ стоитъ у дверей.

3.

Рыцарь! полночь било... Кровью
Уплати проступокъ свой!
Насладился ты любовью
Королевны молодой.

Ужъ сошлись во дворъ монахи,
За псалмомъ поютъ псаломъ...
И палачъ у черной плахи
Всталъ съ блестящимъ топоромъ.

Озаренъ весь дворъ огнями...
На крыльцѣ Олафъ стоитъ
И, румяными устами
Улыбаясь, говорить:

«Слава въ небѣ звѣздамъ чистымъ!
Слава солнцу и лунѣ!
Слава птицамъ голосистымъ
Въ поднебесной вышинѣ!

«И морскимъ водамъ безбрежнымъ!
И землѣ въ дарахъ весны!
И фіалкамъ въ полѣ—нѣжнымъ,
Какъ глаза моей жены!

«Надо съ жизнью разставаться
Изъ-за этихъ синихъ глазъ...
Слава рощѣ, гдѣ видаться
Мы любили въ поздній часъ!»

9.

РУСАЛКИ.

О берегъ пустынный чуть плещетъ волна;
На небѣ лазурномъ гуляетъ луна;
Мечтой прихотливой носясь вдальекѣ,
Покоится рыцарь на бѣломъ пескѣ.

Въ широкой одеждѣ, одна за другой,
Всплываютъ русалки изъ бездны морской,

И крадутся къ мѣсту, гдѣ рыцарь лежитъ,
И кажется всѣмъ имъ, что крѣпко онъ спитъ.

Любуется первая шлема перомъ,
И сталью копья, и брони серебромъ.
Другая, къ могучей груди наклонясь,
Влестящую цѣпью его занялась.

У третьей веселыя искры въ глазахъ,
И рыцаревъ мечъ обнаженный въ рукахъ;
На мечъ опираясь, легка и стройна,
На рыцаря радостно смотреть она.

Четвертая радостно пляшетъ вокругъ
И съ нѣжностью шепчетъ: «Невѣдомый другъ,
Прекрасный мой рыцарь цвѣтъ лучшей людей,
О, если-бъ была я подругой твоей!»

И пятая вся вождельнѣй полна;
У спящаго руки цѣлуетъ она.
Шестая, смѣлѣе кружка своего,
Цѣлуетъ и въ щеки, и въ губы его.

Но рыцарь не промахъ, и думаетъ онъ,
Хитро продолжая притворный свой сонъ:
«Русалки прелестны; пускай же онѣ
Ласкаютъ, цѣлуютъ меня при лунѣ».

10.

ИЗЪ ОДНОГО ПИСЬМА.

(Солнце говорить):

Что тебѣ за дѣло до лучей моихъ?
Это право солнца — лить повсюду ихъ.
Льеть на господина, льеть и на слугу.
Не свѣтя, быть солнцемъ я вѣдь не могу.

Что тебѣ за дѣло до моихъ лучей?
Помни о задачѣ жизненной твоей:
Въ бракъ вступи законный, дѣтокъ стань плодить
И старайся добрымъ, честнымъ нѣмцемъ жить.

Не свѣтя, быть солнцемъ, я вѣдь не могу.
По небу хожу я, силъ не берегу,
И смотрю отъ скуки сверху на людей —
Что тебѣ за дѣло до моихъ лучей?

(Поэтъ говоритъ):

Да въ томъ-то добродѣтель вся моя,
Что взоръ твой выносить способенъ я —
Свѣтъ вѣчной юности, сиянье красоты,
Блаженный пламень тотъ, которымъ полно ты!

Но зрѣніе мое теперь недугъ
Сковаль... Темнѣетъ все вокругъ,
И тѣни сумрака, какъ крылья черной птицы,
Спускаются на бѣдныя рѣсницы...

(Хоръ обезьянь):

Мы, маргышки, мы, маргышки,
Смотримъ, какъ блистаетъ съ вышки
Солнце — смотримъ потому,
Что запретить вѣдь намъ смотрѣть нельзя ему.

(Хоръ лягушекъ):

Въ водѣ, въ водѣ еще мокрѣй,
Чѣмъ на землѣ; и въ лужицѣ своей
Блаженствуемъ мы, безъ преграды
На солнце устремляя взгляды.

(Хоръ кротовъ):

Какой человѣкомъ болтается вздоръ,
Про солнца сиянье, про солнечный взоръ!
Мы лишь тепленькій зудъ ощущаемъ;
Почесались — и вновь засыпаемъ.

(Свѣтящійся червякъ говоритъ):

И чего это солнце сиянемъ своимъ
Такъ кичится, когда свѣтитъ имъ
Лишь въ теченье короткаго дня!
Этой слѣси, однакоже, нѣтъ у меня;
А вѣдь яркимъ свѣтиломъ бываю я самъ —
По ночамъ, по ночамъ!

11.

НЕСЧАСТНАЯ ДОЛЯ.

Въ небѣ звѣздочка ярко блистала —
И скатилась. Дитя, иногда
«Что такое любовь?» ты вопросъ задавала.
Это — въ кучѣ навоза звѣзда.

Тамъ лежитъ она, мерзостью всякой покрытая,
Какъ собака паршивая. Ей
Шлетъ привѣтъ свой пѣтухъ; тутъ же хрюкаетъ сытая,
Въ грязной лужѣ, семейка свиной.

О, упасть бы мнѣ въ садъ благодатный,
Гдѣ цвѣты меня ждали; гдѣ мнѣ
Такъ хотѣлось почить въ чистотѣ ароматной,
Въ безмятежной святой тишинѣ!

12.

БЕРТРАНЪ ДЕ-БОРНЪ.

Благородная гордость въ чертахъ
И слѣды думъ глубокихъ въ глазахъ—
Всѣ сердца чтили нѣжно, покорно
Трубадура Бертрана де-Борна.

Сладкозвучными пѣснями онъ
Львицу Генриха взявъ въ свой полонъ;
Сыновья, остальные всѣ дѣти ---
Всѣ къ нему уловилися въ сѣти.

Въ нихъ попался и батюшка самъ;
Гнѣвъ смѣнила любовь благотворно,
И заплакалъ онъ, внемля рѣчамъ
Трубадура Бертрана де-Борна.

13.

В Е С Н А.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любится сердцу весною!
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Пастушка надъ тихой рѣкою.

И солнце, и зелень! И жжетъ, и томить!
Такъ любится сердцу весною!
«Кому же отдамъ я вѣнки?» говорить
Пастушка съ глубокой тоскою...

Вдоль берега всадникъ веселый летитъ,
Поклонъ ей рукой посылаетъ...
Робѣетъ пастушка, и ждетъ, и молчитъ...
Минута—и онъ исчезаетъ.

И плачетъ она, и въ златыя струи
Вѣнки свои мечетъ съ тоскою...
Запѣли вдали о любви соловьи...
Такъ любитъ сердцу весною!..

14.

А Л И - Б Е Й.

Али-Бей, поборникъ вѣры,
Въ женскихъ нѣжится объятяхъ;
На землѣ ужъ онъ Аллахомъ
Благъ Эдема удостоенъ.

Одалиски, краше гурій,
Гибче сернь, его ласкаютъ;
Бородой одна играетъ,
Нѣжно гладитъ лобъ другая,

Третья весело танцуетъ
И поетъ подъ звуки лютни,
И цѣлуетъ прямо въ сердце,
Гдѣ горитъ огонь блаженства.

Но внезапно—зовъ къ оружью!
Звуки трубъ, мечей бряцанье,
И пальба, и вѣсть приносятъ:
«Франки двинулись на приступъ!»

На коня герой—и въ битву!
Но летитъ, какъ въ сновидѣннѣ;
Все ему еще сдается,
Будто онъ въ объятяхъ женскихъ.

Франковъ головы срубая
Саблей острой по десяткамъ,
Улыбается онъ нѣжно,
Безмятежно, какъ влюбленный.

15.

П С И Х Е Я.

Въ груди у ней огонь пылаетъ,
А въ ручкѣ лампа чуть горитъ,
И къ ложу крадется Психея,
Гдѣ богъ любви безопасно спитъ.

Она краснѣетъ и трепещетъ —
Предъ нею сплщій обнаженъ;
Но вмигъ, приходъ ея услыша,
Вскочилъ и скрылся Купидонъ.

Психея два тысячелѣтя
Томится въ горѣ и постѣ
За грѣшный взглядъ на Купидона
Въ его прекрасной наготѣ.

16.

НЕЗНАКОМКА.

Златокудрую красотку
Ежедневно я встрѣчаю
Здѣсь, въ аллеѣ тюльрійской,
Подъ каштанами гуляя.

Съ нею вмѣстѣ тамъ гуляютъ
Двѣ прегадкія старухи.
Тетки-ль это, иль драгуны,
Перереженные въ юбки?

И никто не могъ сказать мнѣ,
Кто онѣ? Друзей, знакомыхъ —
Всѣхъ разспрашивалъ напрасно...
Заболѣлъ я отъ тревоги.

И напуганный усами
Этихъ двухъ ея сопутницъ,
Въ страхъ собственного сердца
Я, смущаясь, отступаю.

Никогда не смѣлъ со вздохомъ
Я промолвить ей словечко,
Никогда не смѣлъ я взоромъ
Ей любовь мою повѣдать.

Только нынче и узналъ я,
Что зовутъ ее Лаурой,
Какъ прелестную подругу
Знаменитаго поэта.

Да, ее зовутъ Лаурой!
Мнѣ придется, какъ Петрарка,

Воспѣвать свою красоту
Въ нѣжныхъ пѣсняхъ и сонетахъ.

О, Лаура! Какъ Петрарка,
Платонически я брежу
Этимъ именемъ прекраснымъ:
Вѣдь и онъ пошелъ не дальше.

17.

С М Ъ Н А.

Я съ брюнетками покончилъ.
Вновь пришелъ на этотъ годъ
Русыхъ косъ и глазъ, какъ небо,
Своевременный чередъ.

Мной любимая блондинка
Такъ чиста, кротка, нѣжна!
Дайте лилію ей въ руки—
Станетъ образомъ она.

Члены тонкіе воздушны;
Пропастъ чувства, тѣла нѣтъ,
Чистый духъ любовью, вѣрой
И надеждою согрѣтъ.

Утверждаетъ, что не знаетъ
По-нѣмецки. Нѣтъ, дружокъ,
Я не вѣрю: неужели
Не знакомъ тебѣ Клопштокъ?

18.

Ф О Р Т У Н А.

Нѣтъ, Фортуна, какъ ни стой—
Верхъ возьму я надъ тобой;
Благосклонностью твоею
Съ бою, силой овладѣю.

Я тебя превозмогу,
Я въ ярмо тебя впрягу;
Ты оружіе положишь—
Для чего-жъ мнѣ раны множишь?

Видишь, кровь моя течетъ,
Духъ отважный устаетъ,

И, побѣду торжествуя,
Вмѣстѣ съ нею въ гробъ сойду я.

19.

СЪТОВАНИЕ СТАРОНѢМЕЦКАГО ЮНОШИ.

(По народной пѣснѣ).

Благо тѣмъ, кто хранить добродѣтель,
Горе тѣмъ, кто ее потерялъ!
Изъ-за скверныхъ товарищей самъ я
Въ искушенія скверныя впалъ.

Мои деньги они потребили—
Все посредствомъ и картъ, и костей;
А дѣвчонки меня утѣпали
Благосклонной улыбкой своей.

А когда напоили, какъ стельку,
Изорвали все платье—тогда
Я на улицу, юноша бѣдный,
Ими вытолканъ былъ безъ стыда.

Я проснулся поутру—и что же,
Удивительный случай какой!
Подъ арестомъ я, юноша бѣдный,
На гауптвахтѣ сидѣлъ городской.

20.

ОСТАВЬ МЕНЯ!

День въ тьму нѣчную влюбленъ,
Въ зиму весна влюблена,
Жизнь—въ неподвижную смерть;
Ты же—ты любишь меня.

Любишь меня—и уже
Жертва ты страшныхъ тѣней,
Вянетъ роскошный твой цвѣтъ,
Кровью исходитъ душа.

Я и несчастье—одно.
Кинь насъ обоихъ; люби
Бабочекъ только веселыхъ,
Рѣющихъ въ солнца лучахъ.

21.

МЕТТА.

(Датская баллада).

Петерь и Бендеръ вино попивали...
Петерь сказалъ: «Я побьюсь объ закладъ,
Какъ ты ни пой, а жены моей Метты
Пѣсни твои не плѣнять».

«Ставь мнѣ собакъ своихъ,—Бендеръ отвѣтилъ:—
Я о конѣ буду биться своемъ.
Нынче же въ полночь жену твою Метту
Я привлеку къ себѣ въ домъ».

Полночь пробило... И Бендера пѣсня
Вдругъ раздалась средь ночной тишины.
Лѣсомъ и полемъ тѣ звуки неслися,
Страсти и нѣги полны.

Чуткія сли свой слухъ напрягали,
Въ небѣ высокою дрожала луна.
Слушали умныя звѣзды прилежно,
Ропотъ сдержала волна.

Звуки и Метту отъ сна пробудили.
Кто подъ окномъ моимъ ночью поеть?
Встала съ постели и, быстро одѣвшись,
Вышла она изъ воротъ.

Вышла... идетъ черезъ лѣсъ, черезъ рѣку...
Бендера пѣнье чаруетъ ее.
Силою звуковъ чудесныхъ влечетъ онъ
Метту въ жилище свое.

Поздно домой она утромъ вернулась,
Петерь ее поджидалъ у дверей:
— Гдѣ пропадала, жена моя Метта?
Мокро все платье у ней.

— Слушая фѣй водяныхъ предсказанье,
Ночь провела я надъ нашей рѣкой;
Въ волнахъ ныряя, меня обливали
Фѣи шалуны водой.

— Нѣтъ, ты не слушала фѣй предсказанье;
Ты не была надъ рѣкой, тамъ песокъ.

Что же твои испаряны ноги?
Кровь даже каплетъ со щекъ?

— Въ лѣсъ я ходила смотрѣть, какъ рѣзвятся
Эльфы веселые тамъ при лунѣ.
Сосенъ и елей колючія вѣтви
Тѣло изрѣзали мнѣ.

— Эльфы рѣзвятся весенней порою,
Въ майскія ночи, на пестрыхъ цвѣтахъ.
Осень теперь—и лишь вѣтеръ холоднѣй?
Воетъ уныло въ лѣсахъ.

— Къ Бендеру въ полночь я нынче ходила,
Пѣнью противиться не было силъ.
Шла я, покорная звукамъ—и Метту
Въ домъ онъ къ себѣ заманилъ.

Сильны, какъ смерть, эти чудные звуки!
Манять, зовутъ на погибель они.
Ахъ! и теперь они жгутъ мое сердце.
Знать, сочтены, мои дни.

Чернымъ обиты церковныя двери.
Колоколь глухо, протяжно звонить.
Смерть возвѣщаетъ онъ Метты несчастной...
Вотъ она въ гробѣ лежитъ.

Петеръ надъ мертвой стоитъ; и глубоко
Стонетъ о тяжелой утратѣ бѣднякъ:
«Все потерялъ я: жену дорогую
И своихъ вѣрныхъ собакъ!»

22.

ВСТРѢЧА.

Подъ липами музыка звучно гремитъ;
Тамъ танцы и паръ вереница;
Съ другими и двухъ незнакомыхъ чета—
Станъ строенъ, прекрасныя лица.

Кружатся впередъ и кружатся назадъ,
Но странность въ движеньяхъ и минѣ;
Смѣются, качаютъ хитро головой,
И дѣвушка шепчетъ мужчинѣ:

«Прекрасный танцоръ мой, на шляпѣ у васъ
Цвѣтокъ изъ волшебной породы:
Растеть онъ лишь въ морѣ глубоко на днѣ;
Нѣтъ, вы не Адамова рода.

«Вы мужъ-водяникъ; вы пришли на соблазнъ
Красавицамъ здѣшнимъ невиннымъ,
И съ перваго взгляда узнала я васъ
По рыбьимъ зубамъ вашимъ длиннымъ».

Кружатся впередъ и кружатся назадъ,
Но странны движенья и мина:
Смѣются, качаютъ хитро головой,
И дѣвушкѣ шепчетъ мужчина:

«Сударыня, смѣю-ль узнать, почему
Какъ ледъ, ваше рукопожатье?
Скажите, зачѣмъ такъ подмоченъ подолъ
У вашего бѣлаго платья?»

«Я сразу узналъ васъ, когда предо мной
Присѣла съ насмѣшкой дѣвица.
Какъ я, не Адамова рода и ты—
Русалка ты, наша сестрица!»

Замолкнули скрипки и вальсъ прекращенъ,
Учтиво они расстаются:
Ужъ слишкомъ знакомы другъ другу они,
И вновь никогда не сойдутся.

23.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬДЪ ГАРФАГАРЪ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ подъ синимъ сводомъ
Съ прекрасной феею своей;
А годъ идетъ за годомъ.

Не разорвать могучихъ чаръ:
Ни смерти нѣтъ, ни жизни.
Минуло двѣсти зимъ и лѣтъ
Его послѣдней тризнѣ.

На грудь красавицы склонясь,
Король глядитъ ей въ очи,

Дремотной нѣгою объять,
Гладить и дни и ночи

Златыя кудри короля
Изсѣклись, побѣлѣли;
Въ морщинахъ желтое лицо,
Нѣтъ силъ въ поблекшемъ тѣлѣ.

Порой тревожить страстный сонъ
Какой-то грохотъ дальній;
То буря на морѣ шумить,
Дрожить дворецъ хрустальный.

Порою слышитъ Гарфагаръ
Нормандскій крикъ родимый;
Подниметь руки—и опять
Поникнетъ, недвижимый.

Порой до слуха долетитъ
И пѣснь пловца надъ моремъ,
Что про Гарольда сложена,
Тѣснится сердце горемъ.

Король застонетъ, и глаза
Наполнятся слезами;
А фея льнетъ къ его устамъ
Веселыми устами.

24.

ПОДЗЕМНЫЙ МІРЪ.

1.

«Ахъ, какъ жаль, что я женатъ!»
Говорилъ Плутонъ, горяя:
«Вотъ теперь-то нахожу я,
Что и адъ мой былъ не адъ,
Когда не былъ я женатъ!

«И къ чему женился я?
Ставь супругомъ Прозерпины,
Все молю себѣ кончины.
Ахъ! за криками ея
Цербера не слышу я!

«Миръ души меня бѣжить.
Здѣсь никто того не знаетъ,

Какъ властитель самъ страдаетъ;
Мнѣ завиденъ даже видъ
Мукъ Сизифа, Данаидъ!»

2.

Въ чертогахъ подземныхъ, на тронѣ златомъ,
Съ Плутономъ, супругомъ сердитымъ, рядкомъ
Сидитъ Прозерпина;
А злая кручина
У бѣдной богини на сердцѣ лежитъ.

«Тамъ розы алѣютъ, поетъ соловей,
При блескѣ денницы, подъ сѣнью вѣтвей;
А я здѣсь горюю,
Меня, молодую,

Тоска по отчизнѣ совсѣмъ изсушить!

«Тяжелъ мнѣ съ немилымъ нерадостный бракъ
Въ проклятой берлогѣ, гдѣ царствуетъ мракъ,
Гдѣ ночью лишь тѣни.

Въ окно моей сѣни
Глядятся, и Стиксъ такъ уныло шумитъ.

«Сегодня къ обѣду былъ мной приглашенъ
Сердитый, костлявый и лысый Харонъ;

А прочіе гости —
Лишь кожа да кости...
Ахъ, общество это мнѣ душу мертвитъ!»

3.

Но межъ тѣмъ, какъ тутъ мученьямъ
И стenanьямъ нѣтъ конца —
Тамъ Церера съ сокрушеньемъ,
Безъ манишки и чепца,
Какъ шальная, пробѣгаетъ
По долинамъ и горамъ,
Декламируя тѣ рѣчи,
Что давно извѣстны вамъ:

«Вотъ опять весною вѣтъ!
Обновился видъ земной!
Холмъ подъ солнцемъ зеленѣеть,
Льды разрушены волной;

Въ лонѣ водѣ съ высотѣ ээира
Улыбаются Зевесъ;
Крылья нѣжнаго зефира
Чуть колеблютъ нѣжный лѣсъ;
Въ рощахъ хоры пробудились.
Ореада мнѣ постъ:
«Всѣ цвѣты къ намъ возвратились —
Дочь твоя ужъ не придетъ!»

«Ахъ! Я долго дочь искала,
Обѣжала много странъ;
Вслѣдъ за нею посылала
Всѣ лучи твои, Титанъ!
День приходитъ, день уходитъ —
Нѣтъ ни слѣда милыхъ ногъ!
Онъ, который все находитъ,
Лишь ее найти не могъ!
Ужъ не ты-ль, властитель неба,
Скрылъ ее, плѣнясь красой?
Иль въ подземный мракъ Эреба
Взялъ Плутонъ ее съ собой?»

«Кто же къ ней мой стонъ призывный
Отнесетъ за Ахеронъ?
Челнъ отходитъ непрерывно;
Но лишь тѣни носить онъ.
Міръ подземный, мрака полный,
Вѣкъ сокрытъ очамъ земныхъ;
Стиксъ, пока струитъ онъ волны
Не носилъ еще живыхъ.
Много есть туда тропинокъ,
Но оттуда — ни одной...
Тамъ и токъ ея слезинокъ
Скрытъ для матери родной!»

4.

«Теща милая, Церера,
Не кручинься такъ! Повѣрь —
И моихъ страданій мѣра
Преисполнилась теперь.

«Полно плакать! Коль угодно,
Мы подѣлимся женой:

Прозерпина ежегодно
Будеть полгода съ тобой;

«Надъ работою крестьянской
Станетъ вмѣстѣ надзирать,
Или въ шляпѣ итальянской
По полямъ-лугамъ гулять.

«Пусть она и помечтаетъ
У ручья въ вечерній часъ,
Какъ на дудкѣ заиграетъ
Босоногій свинопасъ.

«Иль, пожалуй, въ хороводѣ
Съ Ваней, съ Лизою пройдетъ:
Вѣдь ее въ такомъ народѣ
Всякій барыней почтеть.

«Я же въ Оркѣ, на покоѣ,
Пуншъ изъ Леты буду пить,
Чтобъ скорѣе все былое
И жену мнѣ позабыть».

5.

Порой твой ликъ, мнѣ въ тѣмѣ блистая,
Встаетъ съ тоской своей нѣмой...
Я знаю, знаю рокъ твой злой:
Пустая жизнь, любовь пустая!

И ты скорбишь! Но для тебя я
Вернуть не въ силахъ юныхъ дней!..
Не залѣчить тоски твоей...
Пустая жизнь, любовь пустая!

КЪ OLLEA.

1.

РОДОСЛОВНАЯ МУЛА.

Добрякъ отецъ твой былъ осель,
Какъ всѣмъ извѣстно безусловно;
Но мать кичливая твоя
Была кобылой чистокровной.

Итакъ, ты мулъ! И возражать
Нейдетъ на это съ гордой миной.
Но говорить ты можешь всѣмъ,
Что ты породы лошадиной;

Что Буцефалъ былъ предокъ твой;
Что въ панцыряхъ и датахъ дѣды
Твои, подъ знаменемъ креста,
Стяжали громкія побѣды;

Что благородный, гордый конь
Есть въ родословной вашей тоже,
Который подъ Годфридомъ былъ,
Когда вступалъ онъ въ городъ Божій;

Что дядя твой весь вѣкъ елужилъ
Баярду славному съ почетомъ;
Что тетка Россинанта въ бой
Ходила храбро съ Донъ-Кихотомъ.

Конечно, отвергай родство
Съ осломъ, возившимъ Санчо; тоже
И съ тѣмъ, который везъ Христа,
Признать родство тебѣ негоже.

Нѣтъ также нужды укрывать
Тебѣ свой гербъ ослинымъ ухомъ;
Хвали лишь громче самъ себя —
И знай, что всѣ повѣрятъ слухамъ.

2.

СИМВОЛИКА БЕЗСМЫСЛИЦЫ.

Намъ хочется одно число
Воспѣть въ приличномъ тонѣ:
Три называется оно
И въ наши дни въ загонѣ.

Хоть отъ арабовъ, говорятъ,
Оно ведетъ начало,
Благочестивѣе его,
Однако, не бывало.

Оно краснѣло, словно ракъ,
Кричало о развратѣ,
Заставъ служанку и слугу
Лежащихъ на кровати.

Оно любило кофе пить
Часовъ въ семь утра лѣтомъ,
Зимою—въ девять, у него
Былъ лучшій сонъ при этомъ.

Но скоро измѣнилось все,
Настали дни гоненья,
И цифра три должна теперь
Претерпѣвать мученья.

Одинъ сапожникъ объявилъ:
«У цифры *три* головка
Есть только маленькое *семь*,
На лунный серпъ неловко

«Посаженное кѣмъ-то. Семь—
Всѣ мистики такъ странны!—
Считалъ священнымъ Пиеагоръ.
Луна же—знакъ Діаны.

«Для вавилонскаго жреца
Три было шиболетомъ

.
.»

Затѣмъ сказалъ одинъ скорнякъ:
«Три—это плодъ химеры;
Для нашихъ предковъ только онъ
Служилъ предметомъ вѣры».

«Не существуетъ трехъ,—смѣясь,
Портной спѣшитъ замѣтить:—
Его возможно, господа,
Лишь на бумагѣ встрѣтить».

Узнавъ про эти мнѣнья, три
Забилось, словно утка,
И разревѣлось—рядъ обидъ
Подобныхъ вѣдь не шутка.

«Старо, какъ лѣсъ, какъ море, я,
Какъ въ небѣ звѣзды эти;
Народы, царства предо мной
Росли и гибли въ свѣтѣ».

«У ткацкаго станка время
Отъ вѣка я стояло;
Въ природы чрево, въ часъ родовъ,
Я взоромъ проникало».

«Я смѣло встрѣтило напоръ
Животной мрачной силы
И цѣломудріе свое
Въ томъ вихрѣ сохранило».

«Къ чему же добродѣтель мнѣ?
Смѣются надо мною
И мудрецы, и дураки,
Со злобою людскою».

«Но все-жъ остались у меня
Любовь, надежда, вѣра,
А также кофе есть и ромъ!
Все прочее—химера!»

3.

ТЩЕСЛАВІЕ

Преклоняются всѣ, о, графиня,
За червонцы твои предъ тобой.
Въ раззолоченной пышной каретѣ,
Запряженной четверкой лихой,
Ты на герцогскій балъ покатила.
Тамъ огни, и оркестръ ужъ гремитъ,
И по мраморнымъ гладкимъ ступенямъ
Длинный шелковый шлейфъ твой шумитъ,
А вверху галуны и ливреи,
И кричатъ великаны-лакеи:
«M-me la comtesse Gudelfeld!»

Въ дорогихъ кружевахъ, въ брилліантахъ,
По сіяющимъ заламъ дворца,
Гордо, съ вѣромъ ты выступаешь,
И не сходитъ улыбка съ лица.
Такъ высоко отъ радости дышитъ
Грудь твоя, и полна, и бѣла;
Передъ цѣлымъ дворомъ герцогиня
«Сага міа» тебя назвала.
Вальсируютъ съ тобой камергеры,
Превозносятъ самъ герцогъ манеры
De m-me la comtesse Gudelfeld.

Но бѣда, если денегъ не будетъ!
Всѣ къ тебѣ повернутся спиной.
Сага міа презрительно взглянетъ
И ни слова не скажетъ съ тобой.
Длинный шлейфъ твой оттопчутъ лакеи,
Не пойдешь съ камергеромъ плясать
И любезностей ты не услышишь,
Только будешь обиды глотать.
Даже герцогъ состритъ герцогинѣ:
«Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,
Отъ m-me la comtesse Gudelfeld!»

4.

СТРАНСТВУЙ!

Когда тебя женщина броситъ,
Проворный влюбляйся опять;

Но лучше—по бѣлому свѣту
Съ котомкой отправься гулять.

Ты синее озеро встрѣтишь,
Надъ озеромъ ивы растутъ:
Свое небольшое страданье
Все можешь ты выплакать тутъ.

На горы крутыя взбираясь,
Заохаетъ ты, какъ старикъ;
Но если достигнешь вершины,
Орлиный услышишь тамъ крикъ,

И самъ ты въ орла превратишься,
Почуешь, что силенъ ты сталъ,
Что сталъ ты свободенъ и очень
Немного внизу потерялъ.

5.

З И М А.

Ахъ, стужа можетъ жечь, какъ пламя,
И люди, словно въ лихорадкѣ,
Во время вьюги торопливо
Бѣгутъ куда-то безъ оглядки.

О, беспощадный зимній холодъ!
Носы у насъ онъ щиплетъ жадно.
А фортепьянные концерты
Слухъ раздираютъ беспощадно.

Куда живется лучше лѣтомъ!
Едва проснувшись, въ лѣсъ иду я,
Одинъ, съ своей тоской, при этомъ
Стихи любовные скандую.

6.

СТАРАЯ ПѢСНЯ У КАМИНА.

На дворѣ метель и вьюга,
Окна снѣгомъ занесло;
Здѣсь же, въ комнаткѣ уютной
Такъ спокойно и тепло.

Я сижу въ широкомъ креслѣ,
Преда мной каминъ трещить,

Съ закипающей водою
Чайникъ пѣсно мнѣ жужжитьъ.

На полу лежитъ котенокъ,
Грѣтъ лапки у огня...
Думы странныя наводитъ
Яркій пламень на меня.

И забытыя явленья
Возникаютъ предо мной,
Съ потускнѣвшимъ ихъ сіяньемъ,
Съ маскарадной пестротой.

Вижу я, въ толпѣ киваютъ
Мнѣ красавицы тайкомъ,
И, кривляясь, арлешины
Скачутъ съ хохотомъ кругомъ.

Вотъ глядятъ въ раздумьѣ тихомъ
Лики мраморныхъ боговъ,
И дрожатъ при свѣтѣ лунномъ
Листья сказочныхъ цвѣтовъ.

Вотъ плыветъ волшебный замокъ,
А потомъ моимъ глазамъ
Предстаетъ блестящій поѣздъ
Храбрыхъ рыцарей и дамъ.

Все проносится такъ быстро,
Тѣню легкою скользить...
Ахъ! вода ужъ льется мимо...
Кошка мокрая кричить...

7.

ДУШЕВНОЕ ТОМЛЕНІЕ.

Во снѣ передъ тобою ярко блещутъ
Нѣмые, баснословные цвѣты,
И, упоены ихъ чуднымъ ароматомъ,
Пьянѣешь отъ желаній жгучихъ ты.

Но отдѣляетъ бездна роковая
Отъ тѣхъ таинственныхъ цвѣтовъ тебя;
Въ груди твоей болить, сжимаясь, сердце
И кровью обливается, любя.

Межъ тѣмъ цвѣты роскошныя сіяютъ,
Какъ будто бы зовутъ, къ себѣ маня...
О, другъ-кузнецъ, не можешь ли, мой милый,
Построить мостъ, удобный для меня?

8.

ЕЛЕНА.

Ты волшебными чарами вызвалъ меня
Изъ холодной и темной могилы,
И желанья огнемъ оживилъ ты меня—
Погасить это пламя нѣтъ силы.

О, прижми ты уста къ моимъ жаркимъ устамъ
Съ человѣческимъ чуднымъ дыханьемъ
И дай выпить умершей всю душу твою
Мертвецовъ ненасытнымъ лобзаньемъ!

9.

УМНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Мы цвѣты такъ легко попираемъ ногой
И въ живыхъ оставляемъ немногихъ!
Сдѣлалъ два-три шага—и ужъ сколькихъ ихъ нѣтъ,
Самыхъ гордыхъ и самыхъ убогихъ!

Хоть покоится жемчугъ въ морской глубинѣ,
Но его человѣкъ добываетъ,
Провертѣлъ въ немъ дыру, и сейчасъ же въ ярмо
Изъ шнура золотого вставляетъ.

Звѣзды очень умны—и отъ нашей земли
Далеки (въ чемъ и правы, конечно),
И какъ свѣточн міра, на сводѣ небесъ,
Звѣзды умныя держатся вѣчно.

10.

АНГЕЛЫ.

Есть ли рай? Я сомнѣваюсь,
Маловѣрный, какъ Фома,
Хоть эдемъ сулитъ намъ вѣчно
Церковь римская сама.

Но во мнѣ безъ колебанья
Вѣра въ ангеловъ сильна:

Эти свѣтлыя созданья
Бродятъ въ мірѣ издавна.

Но, сударыня, ихъ крылья—
Миѣ, могу увѣрить васъ.
Видѣть ангеловъ безъ крыльевъ
Приводилось мнѣ не разъ.

Милымъ взглядомъ, бѣлой ручкой,
Нѣжной ласкою они
Человѣка отъ несчастья
Охраняютъ въ злые дни.

Ими всякій здѣсь утѣшенъ;
Всѣхъ же больше тотъ, кого
Нѣтъ несчастнѣе; поэтомъ
Называемъ мы его.

СОВРЕМЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

ДОКТРИНА.

Стучи въ барабанъ и не бойся,
Цѣлуй маркитантку подъ стукъ;
Вся мудрость житейская въ этомъ,
Весь смыслъ глубочайшій наукъ.

Буди барабаномъ уснувшихъ,
Тревогу безъ устали бей;
Впередъ и впередъ подвигайся—
Въ томъ тайна премудрости всей.

И Гегель, и тайны науки—
Все въ этой доктринѣ одной;
Я понялъ ее, потому что
Я самъ барабанщикъ лихой!

2.

ИЗГНАННИКЪ ИЗЪ ЭДЕМА.

Зевесъ, своихъ жандармовъ ты
Послалъ мнѣ, и изъ сада
Эдемнаго я прогнанъ былъ
Безъ права и пощады.

Иду съ женою въ край иной.
Но плодъ запретный знанья
Ты не отымешь у меня
Жестокостью изгнанья.

Теперь узналъ и понялъ я,
Какъ малъ ты и ничтоженъ;
Возвратъ почтенія къ тебѣ
Навѣки уничтоженъ.

О, Зевсъ, какъ жалокъ этотъ твой
Consilium abeundi!
Вотъ богъ, такъ богъ! Вотъ ужъ вполне
Великій lumen mundi!

Утрата рая неважна,
Уронъ въ ней незамѣтный;
То мѣсто для меня не рай,
Гдѣ есть хоть кустъ запретный.

Свободы полноі я хочу—
Таковъ ужъ духъ мой грѣшный;
Гдѣ тѣнь стѣсненія, тамъ не рай—
Тюрьма тамъ, адъ кромѣшный!..

3.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Выпускать такія книги!
Милый другъ, да ты погибъ!
Хочешь почестей и денегъ —
Гнись предъ всякимъ въ перегибъ.

Никогда не дамъ совѣта
Говорить такъ о толпѣ,
О высокихъ potentатахъ,
О почтеннѣйшемъ попѣ.

Ты погибъ! У potentатовъ
Длины руки; у толпы
Длины уши; съ языками
Очень длинными попы.

4.

БЫВШЕМУ ГЁТЕАНЦУ.

(1832).

Дѣйствительно-ль ты вырвался изъ сферы
Безжизненной, и праздноі, и холодной,
Которою тебя окутали прежде
Нашъ веймарскій художникъ благородный?

Тебя не восхищаютъ развѣ больше
И Клерхены его, и Маргариты,

И Серло цѣломудренныя дѣвы?
Оттиліи черты тобой забыты?

Служить одной Германіи ты хочешь,
Съ Миньоной разлучившись безъ кручины,
И большей домогаешься свободы,
Чѣмъ та, что находилъ ты у Филины.

За высшее народное величье
Ты бѣшеся посреди героевъ новыхъ
И смѣлыми словами умѣряешь
Деспотовъ нашихъ грубыхъ и суровыхъ.

Прислушиваюсь съ радостью невольной,
Какъ искренно тебя всѣ восхваляютъ,
И новымъ Мирабо, который выросъ
Подъ небомъ люнебургскимъ, величаютъ.

5.

ТАЙНА!

Не стонемъ мы, глаза новлажны,
Смѣемся весело подчасъ;
Ни взглядъ, ни рѣчь не обнаружатъ,
Какая тайна скрыта въ насъ.

Съ своими мѣками нѣмыми
На днѣ души она лежитъ,
И въ сердцѣ слышенъ дикій говоръ;
Но ротъ сомкнулся и молчитъ.

Спроси младенца въ колыбели,
Спроси у мертвыхъ подъ землей;
Что я тайлъ—они, быть-можетъ,
Открыть сумѣютъ предъ тобой.

6.

НА ПРИБЫТІЕ «НОЧНОГО СТОРОЖА» ВЪ ПАРИЖѢ.

— Прибылъ сюда, словно въ сильной тревогѣ,
Ты, быстроногій нашъ сторожъ ночной!
Какъ моимъ милымъ живетъ въ отчизнѣ.
Освободился ли край нашъ родной?

— Славно живетъ, и тихое счастье
Насъ охраняетъ съ зари до зари;

Наша Германія очень покойна
И развивается мирно, внутри,

А не наружно, какъ Франція ваша,
Право, свободная только на видъ...
Лишь въ глубинѣ благодарнаго сердца
Бережно нѣмецъ свободу хранить.

Кельнскій соборъ будетъ скоро достроенъ,
Средства къ тому Гогенцоллернъ намъ далъ,
Габсбургъ пожертвовалъ тоже не мало,
Виттельсбахъ стекла для оконъ прислалъ.

Ждемъ конституціи мы и свободы—
Намъ королевское слово дано;
Слово же это, что кладъ Нибелунговъ,
Брошенныхъ въ рейнскія воды на дно.

Рейнъ—это Бруть среди рѣкъ. Никогда мы
Не отдадимъ милый Рейнъ никому!
Сѣли швейцарцы ему на затылокъ,
Ноги связали голландцы ему.

Обзаведемся и флотомъ мы тоже
И—нашу гордость кто можетъ понять?—
Станемъ грести мы на нашихъ галерахъ...
Въ крѣпости больше не будутъ сажать.

Дышится какъ-то вольтѣ и легче,
Мѣсто веснѣ уступила зима...
Если-жъ у насъ запретять всѣ изданья,
То и цензура исчезнетъ сама.

7.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ.

Онъ низко палъ... Тамбуръ-мажора
Не узнаю я больше въ немъ.
А въ дни имперіи, бывало,
Какимъ глядѣлъ онъ молодцомъ!

Онъ шелъ съ улыбкой передъ войскомъ
И палкой длинною махалъ.
Галунъ серебряный мундира
При свѣтѣ солнечномъ блисталъ.

Когда при барабанномъ боѣ
Вступалъ въ нѣмецкій городъ онъ—
Въ отвѣтъ на этотъ бой стучали
Сердца у нашихъ дѣвъ и женъ.

Придетъ, увидить онъ красоту—
И побѣдитъ ее сейчасъ.
Слезами женскими увлаженъ
Быль черный усъ его не разъ.

Мы все сносили поневолѣ,
И покорилъ, явившись къ намъ,
Мужчинъ—французскій императоръ,
Тамбуръ-мажоръ французскій—дамъ;

Какъ наши дубы терпѣливы,
Молчали долго мы; но вотъ
Намъ наконецъ—освобождаться
Приказъ начальство отдаетъ.

И вдругъ, какъ быкъ разсвирѣпѣлый,
Свой мы подняли рога,
И пѣсни Кернера заплѣли—
И одолѣли мы врага!

Стихи ужасные звучали
Въ ухахъ тирана день и ночь.
Тамбуръ-мажоръ и императоръ
Отъ нихъ бѣжать пустились прочь.

Обоимъ грѣшникамъ правдивой
Судьбой урокъ былъ страшный данъ:
Наполеонъ попался въ руки
Жестокосердыхъ англичанъ.

Его на островѣ пустынномъ
Позорно мучили они;
И наконецъ ужъ ракъ въ желудкѣ
Пресѣкъ страдальческіе дни.

Тамбуръ-мажоръ былъ точно такъ же
Всѣхъ прежнихъ почестей лишенъ.
Чтобъ избѣжать голодной смерти,
У насъ въ отелѣ служить онъ.

Посуду моетъ, топить печи,
Таскаетъ воду и дрова.

Кряхтитъ бѣдняга, и трисется
Его сѣдая голова.

Когда пріятель Фрицъ порою
Ко мнѣ заходитъ вечеркомъ,
Никакъ не можетъ удержаться,
Чтобъ не сострить надъ старикомъ.

Не стыдно-ль, Фрицъ? Совсѣмъ не мѣсто
Здѣсь этимъ пошлымъ острогамъ.
Величе падшее позорить
Нейдетъ Германіи сынамъ.

Тебѣ бы должно съ уваженьемъ
Смотрѣть на эти сѣдины...
Старикъ, быть-можетъ, твой родитель,
Хотя и съ лѣвой стороны.

8.

ИСПОРЧЕННОСТЬ.

Ужли и въ природѣ пороки людскіе
Себѣ отыскали пріютъ?
Мнѣ кажется, нынче растенья и звѣри
Не менѣе нашего лгутъ.

Я въ дѣвственность лиліи больше не вѣрю:
Играетъ съ ней фатъ-мотылекъ;
Порхаетъ, цѣлуетъ—когда же умчался,
Не дѣвствененъ больше цвѣтокъ!

Не слишкомъ я вѣрю и въ скромность фіалки:
Кокетливо манитъ она
Своимъ ароматомъ, и тайная жажда
Прославиться въ крошкѣ сильна.

Не вѣрю я также, что съ истиннымъ чувствомъ
Поетъ на вѣтвяхъ соловей:
Онъ стонетъ, и плачетъ, и трелями льется
По чистой рутинѣ, ей-ей!

Нѣтъ правды на свѣтѣ. Коварствомъ и ложью,
Увы, наполняется свѣтъ...
Собаки, какъ прежде, воняютъ и лижутъ,
Но вѣрности прежней въ нихъ нѣтъ.

9.

ГЕНРИХЪ.

Предъ Каносскимъ замкомъ ночью,
И дождливой, и холодной,
Ждетъ германскій кесарь Генрихъ,
Босикомъ и въ власяницѣ.

Изъ окошка замка смотрятъ
Двѣ фигуры; въ лунномъ свѣтѣ
Плѣшь Григорія седьмого
И Матильды грудь мерцаютъ.

Генрихъ блѣдными губами
Кротко шепчетъ «Pater noster»,
Но въ душѣ озлобленъ кесарь,
И въ душѣ другія рѣчи:

«Далеко, въ моихъ владѣнняхъ,
Вознеслись высоко горы,
И растутъ, отъ всѣхъ сокрыто,
Въ нихъ желѣзо для сѣкиры.

«Далеко, въ моихъ владѣнняхъ,
Много есть лѣсовъ дубовыхъ,
И растутъ въ крѣпчайшемъ дубѣ
Рукоятка для сѣкиры.

«Ты, мой край родной и вѣрный,
Ты родишь на свѣтъ и мужа,
И змѣю моихъ мученій
Уничтожить онъ сѣкирой».

10.

ЖИТЕЙСКОЕ ПЛАВАНЬЕ.

Смѣхъ звонкій и пѣнье. Играя, сверкали
Лучистыя нити, а волны качали
Челнокъ беззаботный. Сидѣлъ я въ челнѣ
Съ друзьями своими, безпечный вполне.

Челнокъ нашъ капризные волны разбили,
Плохими пловцами друзья мои были;
Для нихъ стала могилою край ихъ родной,
Я-жь на берегъ Сены былъ брошенъ волной.

Съ другими друзьями на новое судно
Тогда снова сълъ я, но плаванье трудно
Мнѣ: чуждое море бурлить и кипить...
Родной край далѣко... Какъ сердце болить!..

Опять смѣхъ и пѣнье.. Въ небесной лазури
Послѣдняя звѣздочка гаснетъ. Ревъ бури—
И мачты со стономъ трещать въ тьмѣ ночной...
Какъ сердце страдаетъ!.. Далекъ край родной!..

11.

НОВЫЙ ИЗРАИЛЬСКІЙ ГОСПИТАЛЬ ВЪ ГАМБУРГѢ.

Вотъ госпиталь для бѣдняковъ евреевъ,
Которые больны и трижды жалки
Отъ трехъ своихъ пороковъ постоянныхъ—
Недуговъ, нищеты и юдаизма.

Изъ трехъ пороковъ самое дурное—
Послѣднее наслѣдственное зло ихъ,
У нильскихъ водъ захваченная язва,
Больная ихъ египетская вѣра.

Недугъ неизлѣчимый! Не избавятъ
Ихъ отъ него ни паровыя ванны,
Ни средства хирургіи, ни лѣкарства,
Въ больницѣ предлагаемыя хворымъ.

Смирить ли время, вѣчная богиня,
Когда-нибудь ихъ вѣковыя муки,
Отцомъ передаваемыя сыну,
И будутъ ли счастливѣе ихъ внуки?

Я этого не знаю. Но должны мы
Лишь прославлять то любящее сердце,
Готовое хоть временнымъ бальзамомъ
Залѣчивать, насколько можно, раны.

Прекрасный человекъ!—Приютъ построилъ
Онъ для больныхъ, которымъ помогаетъ
Искусство докторовъ (или могила!),
И обо всѣхъ удобствахъ ихъ печется.

Онъ дѣлаетъ, что въ силахъ, что возможно,
На склонѣ дней досугъ свой посвящая

Страдающимъ и помощи просящимъ.
И отдыхъ находя въ благодѣяньяхъ.

Щедра его рука, но изобильнѣй
Порой изъ глазъ его струились слезы,
Прекраснѣйшія слезы о великомъ,
Неизлѣчимомъ ввѣгъ недугѣ братьевъ.

12.

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ.

Германія моя была въ похмѣльѣ,
Ты-жъ съ толку сбить былъ тостами пустыми,
Ты довѣрялъ нѣмецкой каждой трубкѣ
Съ кистями черно-красно-золотыми.

Когда же изъ головъ хмѣль испарился,
Былъ изумленъ, мой другъ, ты, вѣроятно,
И тотъ народъ тебѣ казался жалкимъ,
Который опьяненъ былъ такъ пріятно.

Увидѣлъ ты кругомъ толпу холоповъ,
Взамѣнъ вѣнковъ—лишь яблоки гнилыя,
И, наконецъ, съ жандармами границы
Достигъ ты, вспоминая дни былые.

Тамъ ты остановился съ тихой грустью,
Увидя предъ собой столбъ пограничный,
Какъ зебра полосатый, и воскликнулъ,
Задумавшись о долѣ горемычной:

«Аранжуэцъ, какъ быстро пролетѣли
Дни лучшіе въ твоей пустынѣ знойной,
Гдѣ я стоялъ предъ королемъ Филиппомъ
И грандами, довольный и спокойный!

«Киваль онъ съ одобреньемъ головою
Когда игралъ я роль маркиза Позы;
Моими онъ стихами восхищался,
Зато моей не полюбилъ онъ прозы».

13.

ТЕНДЕНЦІЯ.

Пѣвецъ германскій! Чтобъ востада
Отъ сна вся родина твоя,

Такъ пой германскую свободу,
Чтобъ пѣсня, спѣтая народу,
Какъ марсельеза возбуждала.

Не хнычь, какъ этотъ Вертеръ, въ жизни
Любившій лишь однѣхъ Шарлоттъ;
Ударь, какъ колоколь набатный,
Пой про кинжалъ, про мечъ булатный
И не давай дремать отчизнѣ.

Не будь ты флейтой мягкой, нѣжной
И идиллической душой,
Но будь трубой и барабаномъ,
Осадной пушкою, тараномъ,
Труби, греми, какъ вихрь мятежный!

Труби, греми, не унимайся,
Пока есть хоть одинъ тиранъ.
Пой пѣсни только въ духѣ этомъ,
Но—(мой совѣтъ вамъ всѣмъ, поэтамъ),
Отъ общихъ мѣстъ не удайся.

14.

РЕБЕНОКЪ.

Что праведникамъ лишь во снѣ даруетъ Богъ,
Какъ это наяву могло съ тобой случиться,
Германія? Скажи, о дѣва, мнѣ, какъ могъ
Ребенокъ у тебя негаданно родиться?

Произвела на свѣтъ ты славнаго сына.
Уже сказала въ немъ хорошая натура:
Мы въ мальчикѣ найдемъ красиваго стрѣлка,
Вполнѣ достойнаго соперника Амура.

Пусть только въ облакахъ замѣтитъ онъ орла—
И какъ бы ни леталъ онъ высоко и гордо,
Будь даже онъ двуглавъ—его пронзятъ стрѣла,
Рукою мѣткою направленная твердо.

Но пусть божку любви не подражаетъ онъ
Въ костюмѣ: вдругъ ему припала бы охота
Явиться, какъ Амуръ, нагимъ, безъ панталонъ!
Сейчасъ бы приняли его за санкюлота!

Нашъ климатъ не таковъ, и—есть еще бѣда—
Надзоръ полиціи съ закономъ общежитія
Сурово требуютъ, чтобъ старъ и младъ всегда
Не оставляли тѣлъ безъ должнаго прикрытїя.

15.

О Б Ъ Щ А Н І Е.

О, свобода! Ты больше не будешь
Босикомъ по болотамъ ходить;
Наконецъ получила ты право
И чулки, и сапожки носить.

И хорошую теплую шапку
Ты получишь отъ добрыхъ людей,
Чтобы въ зимніе дни не могла ты
Какъ-нибудь отморозить ушей.

Напоятъ тебя, даже накормятъ,
Предъ тобой открывается міръ...
Но смотри, чтобъ на крайности только
Не подбилъ тебя хитрый сатиръ.

Уклоняйся отъ дерзкой отваги,
Не сбивайся съ прямого пути
И всегда своего бургомистра
И всѣхъ высшихъ начальниковъ чти.

16.

ПОДКИДЫШЪ.

Ребенокъ съ тыквенной громадной головой,
Съ усами русыми, съ сѣдьющей косою,
Съ паукообразными, но сильными руками,
Съ огромнымъ животомъ, но узкими кишками—
Подкидышъ; въ колыбель его одинъ капралъ
Подкинулъ къ намъ, а самъ у насъ укралъ
Младенца въ пеленахъ; уродъ, плодъ преступленья,
Рожденный, можетъ-быть, отъ гнуснаго сближенья
Охотничьяго пса съ развратнымъ старикомъ...
Нѣтъ нужды называть того теперь, о комъ
Я говорю, но вы, для своего покоя,
Должны убить или сжечь чудовище такое.

17.

КИТАЙСКІЙ БОГДЫХАНЪ.

Отець мой трезвый былъ чудакъ
И пьянства не любитель;
А я усердно пью коньякъ
И мощный я властитель.

Питье волшебное! Моя
Душа узнала это;
Чуть только вдоволь выпилъ я—
Китай мой чудо свѣта.

Несетъ въ него цвѣты весна,
Онъ весь благоухаетъ;
Я самъ—почти что мужъ; жена
Ребенка зачинаетъ.

Скорбямъ, недугамъ всѣмъ конецъ;
Богато все, счастливо;
Конфуціусъ, мой лейбъ-мудрецъ,
Сталъ ясенъ такъ, что диво.

Сухарь солдата на войнѣ
Вдругъ превращенъ въ конфеты;
И нищіе въ моей странѣ
Всѣ въ бархатъ, въ шелкъ одѣты.

У мандариновъ—у моей
Команды инвалидной,
Духъ вновь, какъ въ пору юныхъ дней,
Полнъ свѣжести завидной.

Великій храмъ готовъ—и въ немъ
Послѣдніе евреи
Крестятся, чтобъ давалъ потомъ
Я орденъ имъ на шею.

Духъ мятежей исчезъ, какъ дымъ,
И мнѣ кричатъ всѣ мандшу:
«Мы конституцыи не хотимъ,
Нужна намъ палка, кантшу!»

Чтобъ страсть во мнѣ убить къ питью,
Врачи даютъ лѣкарства;

Я ихъ не слушаю—и пью
Для блага государства.

За чаркой чарка! Веселить
И вкусно, точно манна!
Народъ мой счастливъ и кричить
Восторженно: «Осанна!»

18.

ЦЕРКОВНЫЙ СОВѢТНИКЪ ПРОМЕТЕУСЪ.

Рыцарь Павелъ, воръ почтенный,
Берегись! Угрюмы, строги,
Сдвинувъ брови, изъ-за тучи
На тебя взираютъ боги.

Совершилъ ты на Олимпѣ
Кражу... Дерзкая затѣя!
Бойся сыщиковъ Зевеса,
Бойся доли Прометѣя.

Онъ, какъ воръ, конечно хуже:
Просвѣщенія лишь ради,
Онъ похитилъ съ неба пламя,
Ты же—Шеллинга тетради.

Свѣтъ и Шеллингъ—два контраста:
Мракъ похитить ты рѣшился,
Мракъ такой же, что когда-то
На Египетъ опустился.

19.

НОЧНОМУ СТОРОЖУ.

(При послѣднемъ случаѣ).

Если сердце свое и свой слогъ бережешь,
То повѣрь, милый другъ, ты далеко пойдешь,
И хотя-бъ ты надворнымъ совѣтникомъ сталъ
Съ прежнимъ чувствомъ тебѣ бы я руку пожалъ.

Какъ совѣтникъ надворный, въ послѣдніе дни
Возбуждалъ ты лишь шумные крики одни,
И отъ Сены до Эльбы, какъ старъ, такъ и младъ
Уже много недѣль о тебѣ говорятъ:

«Не впередъ, а назадъ нынче пятится онъ».
О, скажи, справедливъ ли всеобщій трезвонъ,
Что на княжескихъ ракахъ ты гордо катишь
И наложницамъ княжескимъ служишь и льстишь?

Можеть-быть, ты усталъ и мечтаешь о снѣ?
Ты всю ночь напролетъ въ рогъ трубилъ въ тишинѣ,
А теперь, рогъ повѣсивъ, иной принялъ видъ:
Пусть кто хочеть въ честь черни нѣмецкой трубитъ.

Ты ложишься въ постель, хочешь спать, но и тутъ
Отдохнуть и забыться тебѣ не дають.
Подъ окномъ крикуны голосять до утра:
«Бруть, ты спишь? Пробудись, ужъ за дѣло по́ра!»

Ахъ, понять ли крикливымъ насмѣшникамъ тѣмъ,
Почему лучший сторожъ ночной часто нѣмъ,
И не вѣдаетъ юный крикливый герой,
Почему намъ молчать неизбѣжно порой.

Ты вопросъ задаешь, какъ живется здѣсь намъ?
Тихо здѣсь, лѣнь гулять и шумѣть нѣтеркамъ,
И въ смущеньѣ у насъ флюгера, какъ всегда,
Затрудняясь вертѣться туда, иль сюда?

20.

ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ.

Мы спимъ, какъ въ древности спалъ римлянинъ-герой,
Но чуть проснулся онъ, какъ ножъ холодный свой
Въ грудь Цезаря вонзилъ. Вотъ римляне какъ жили:
Тиранофдами обжорливыми были.

Не римляне мы, нѣтъ; мы куримъ лишь табакъ
У каждой націи свой вкусъ есть и свей смакъ,
Одни идутъ на все, другіе вялы, слабы...
Супъ съ клецками варять всѣхъ лучше въ свѣтѣ швабы.

Мы, нѣмцы, спимъ, какъ спятъ растенья, мирнымъ сномъ,
А если иногда въ краю своемъ родномъ,
Проснувшись, мы отъ сильной жажды страждемъ
То, безъ сомнѣнія, совсѣмъ не крови жаждемъ.

Какъ нашъ могучій дубъ, какъ липа, мы вѣрны
И этой вѣрностью нѣмецкою должны

Всегда гордиться мы предъ всѣми. Потому-то
Въ странѣ дубовъ и липъ вы не найдете Брута.

И если бы у насъ явился даже Брутъ,
То Цезаря у насъ искать—напрасный трудъ:
Мы Цезаря еще не завели покуда,
Но пфефферкухены у нѣмцевъ—просто чудо.

(Въ Германіи владыкъ по счету—тридцать шесть,
Не много вѣдь?). Изъ нихъ любой имѣетъ честь
Звѣздою на груди блестящей украшаться,
И нечего ему идъ мартовскихъ бояться.

Названіе своихъ отцовъ мы дали имъ
И ту страну зовемъ отечествомъ своимъ,
Гдѣ властвуютъ князья. Они намъ очень близки,
Но также любимъ мы капусту и сосиски.

Когда идетъ гулять отецъ нашъ, то съ себя
Снимаемъ шляпы мы, почтительность любя.
Германія, гдѣ нѣтъ свирѣпости квиритовъ,
Есть спальня дѣтская, а не притонъ бандитовъ.

21.

МІРЪ НАВЫВОРОТЪ.

Весь свѣтъ — навыворотъ теперь,
Мы ходимъ вверхъ ногами.
Охотниковъ бекасы бьютъ,
Бьютъ цѣлыми стадами.

Телята жарятъ поваровъ,
На людяхъ ѣздятъ клячи,
Ксендзы свободу отстаютъ
Хотятъ такъ иль иначе.

Сталъ Герингъ ярый санкюлотъ,
Беттина лжи не знаетъ,
Котъ въ сапогахъ на сцену къ намъ
Софокла насаждаетъ.

Для славныхъ нѣмцевъ Пантеонъ
Маргышка строить стала;
Причесываться Масманъ сталъ,
Какъ пресса прокричала.

Глядитъ медвѣдь нѣмецкій нашъ
Завылгымъ атеистомъ.
Зато французскій попугай
Католикомъ сталъ истымъ.

А укермарскій «Монитеръ» —
Тотъ ужъ совсѣмъ взбѣсился:
Живому гнусный тамъ ударъ
Отъ мертваго явился.

О, братья, для чего мы плыть
Противъ теченья станемъ?
Пойдемъ — и съ «Темпловской Горы»
«Вивать короли!» затынемъ.

22.

ПРОСВѢТЛѢНІЕ.

Михель! Чтò-жь, повязка упадаетъ
Съ глазъ твоихъ? Теперь ты видишь, братъ,
Наконецъ, что лакомыя блюда
У тебя изъ-подъ носа тащатъ?

И тебѣ въ замѣну общаюгъ
Счастье въ той надзвѣздной сторонѣ,
Гдѣ варятъ безъ мяса всѣ блаженства,
Гдѣ скорбей не видятъ и во снѣ?

Михель! Чтò, въ тебѣ слабѣетъ вѣра,
Иль сильнѣе сталъ твой аппетитъ?
О, хватай скорѣ кубокъ жизни —
И въ тебѣ нѣснь мужа зазвучить.

Ничего не бойся, свой желудокъ,
Михель, здѣсь старайся усладить.
Ляжешь въ гробъ — и тамъ пищеваренье
Можешь ты спокойно совершать.

23.

ТОЛЬКО ПОГОДИТЕ.

«Дано тебѣ блестятъ прекрасно;
Гремѣтъ — нѣтъ дара отъ боговъ».
Вы ошибаетесь ужасно —
Мнѣ данъ талантъ и для громовъ.

Когда-нибудь мой день настанетъ —
Я долженъ васъ предостеречь —
Тогда мой голосъ грозно грянетъ,
Какъ громъ, моя раздастся рѣчь.

И много дубовъ тѣ раскаты
Размечутъ въ щепья по лѣсамъ,
И не однѣ падутъ палаты,
И не одинъ погибнетъ храмъ!

24.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ.

Какъ вспомню къ ночи край родной,
Покою нѣтъ душѣ больной:
И сномъ забыться нѣту мочи,
И горько-горько плачутъ очи.

Проходятъ годы чередой...
Съ тѣхъ поръ, какъ матери родной
Я не видалъ, прошло ихъ много!
И все растетъ во мнѣ тревога...

И грусть растетъ день ото дня.
Околдовала мать меня:
Все-бъ думалъ о старушкѣ милой —
Господь храни ее и милуй!

Какъ любо ей дитя ея!
Пришлетъ письмо — и вижу я:
Рука дрожала, какъ писала,
А сердце ныло и страдало.

Забуть родную силы нѣтъ!
Прошло двѣнадцать долгихъ лѣтъ —
Двѣнадцать лѣтъ ужъ миновало,
Какъ мать меня не обнимала.

Крѣпка родная сторона,
Вовѣкъ не сломится она,
И будутъ въ ней; какъ въ оны годы
Шумѣть лѣса, катиться воды.

По ней не сталъ бы тосковать;
Но тамъ живетъ старушка-мать;

Меня не родина тревожить,
А то, что мать скончаться можетъ.

Какъ изъ родной ушелъ земли,
Въ могилу многіе легли,
Кого любилъ... Считать ихъ стану —
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшимъ счетъ,
То мнѣ на грудь, какъ тяжкій гнетъ,
За трупомъ мертвый трупъ ложится...
Болигъ душа, и умъ мутится.

Но — слава Богу! въ щель окна
Пробился свѣтъ. Моя жена,
Ясна, какъ день, глядитъ мнѣ въ очи
И гонитъ прочь тревоги ночи.

РОМАНЦЕРО.

(1851 г.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

И С Т О Р И И.

Если измѣнить тебѣ кто-нибудь,
Ему тѣмъ вѣрнѣе ты будь,
И если смертельно печаленъ ты будешь —
За лирою горе забудешь.

Пусть съ струнъ твоихъ вѣщихъ, гремя, пламенѣя,
Сорвется тогда эпопея!
Растаетъ твой гнѣвъ... обливаясь кровью,
Пусть сердце забьется любовью.

РАМПСЕНИТЬ.

Только лишь царь Рампсенитъ
Въ теремъ дочери явился —
Разсмѣялась дочь; весь дворъ
Вдругъ со смѣху покатился.

Смѣху вторили и негры,
И кастраты... вотъ потѣха!
Даже муміи и сфинксы
Чуть не лопнули отъ смѣха.

Говоритъ царевна: «Вора,
Мнѣ казалось, я поймала;
Но въ рукѣ моей, представьте,
Мертвая рука лежала!

«Ну, теперь я понимаю,
Какъ вамъ трудно сладить съ воромъ:
Отъ него ужъ не спасешься
Ни задвижкой, ни затворомъ!

«Есть у вора ключъ волшебный:
Онъ ко всѣмъ дверямъ подходитъ,
И нигдѣ себѣ преграды
Съ тѣмъ ключомъ онъ не находитъ.

«Это нынче и со мною
Совершилося воочью —
И мою-то драгоценность
Онъ похитилъ нынче ночью».

Такъ промолвила царевна
И танцуетъ по свѣтлицѣ,
И смѣются всѣ кастраты,
И смѣются всѣ дѣвицы.

Вмѣстѣ съ нею цѣлый Мѣмфисъ
Хохоталъ, и крокодилы
Ухмылялись, подымая
Головы изъ грязи Нила,

Какъ на тинистомъ побережьи
Барабаны зазвучали,
И герольды всенародно
Манифестъ такой читали:

«Рампсенить, небесной властью,
Царь Египта, посылаетъ
Вѣрноподаннымъ любезнымъ
Свой привѣтъ и объявляетъ:

«Въ лѣто тысяча шестое
До Рожденія Христова,
Въ ночь на пятое іюня
Совершилося такое

«Дѣло: въ нашемъ казначействѣ
Воръ укралъ брильянтовъ массу;
Обворовывать и послѣ
Успѣвалъ онъ нашу кассу.

«Въ кладовой мы приказали
Нашей дщери лечь на стражѣ;
Но сей хищникъ драгоценность
У нея похитилъ даже.

«Чтобъ на будущее время
Прекратить сіи хищенья,
Заявивши вмѣстѣ вору
Нашу дружбу и почтенье,

«Мы женить его на нашей
Дщери правильнымъ находимъ

И, какъ будущаго зятя,
Въ самъ царевича возводимъ.

«Такъ какъ адреса и чина
Зятя мы пока не знаемъ,
То ему свое желанье
Симъ рескриптомъ объявляемъ.

«Данъ до Рождества Христова
Въ лѣто тысяча шестое.
Рампсенить, монархъ Египта,
Подписаль своей рукою».

Царь сдержаль обѣтъ свой. Отдалъ
Дочь свою онъ въ жены татю,
И въ духовномъ завѣщаньи
Отказаль престоль свой зятю.

Воръ цариль, какъ и другіе,
Поощряль таланты даже;
Говорять, въ его правленье
Очень мало было кражи.

БѢЛЫЙ СЛОНЪ.

Магасванга, владыка Аннана,
Быль раджею полу-Индостана.
Всѣхъ царей, съ ихъ великимъ Моголомъ,
Обложилъ онъ трибутомъ тяжелымъ.

Вѣть знамя, стучать барабаны:
То въ столицу идутъ караваны,
И съ усилениемъ тащатъ верблюды
Драгоценностей цѣлыя груды.

И глядитъ на нихъ царь ненасытный,
Преисполненный радостью скрытной;
Хоть другимъ говорить, что подвалы
Кладовыхъ у него очень малы.

Но его кладовыя палаты
И просторны, и очень богаты,
Такъ что даже всѣ грѣзы поэта
Превосходитъ дѣйствительность эта.

«Замкомъ Индры» зоветъ онъ чертоги,
Гдѣ стоятъ всѣ индѣйскіе боги,
Золотые, тончайшихъ чекановъ;
Всѣ въ алмазахъ ряды истукановъ.

Тысячъ тридцать стоитъ въ этомъ мѣстѣ—
Человѣкъ и животное вмѣстѣ,
Стоголовы, сторуки, стоноги,
И ужасны, и странны тѣ боги.

А вторая—«Пурпурная зала»—
Тамъ деревья стоятъ изъ коралла,
Ростомъ—пальмы и странно прекрасны...
Точно лѣсъ растилается красный.

На блестящемъ полу изъ кристалла
Отражаются роци коралла,
И гуляютъ горды, величавы,
Золотыя, нарядныя павы.

Бѣлый ключикъ отъ комнаты дальней;
Называвшейся «Опочивальней»,
Царь на шею своей фавориткѣ—
Обезьянѣ, повѣсилъ на ниткѣ.

Тамъ лежатъ жемчуга, изумруды,
Какъ гороха сушеная груды,
И съ куриныя яйца алмазы
Переполнили цѣлыя вазы.

На мѣшкахъ съ жемчугомъ, полупьяный,
Царь ложился съ своей обезьяной,
И на этой жемчужной постели
Они спали и дружно храпѣли.

Но его величайшей забавой,
И утѣхой, и счастьемъ, и славой,
Драгоценнѣе области цѣлой
Магасвантѣ былъ слонъ его бѣлый.

Для особы его пресвѣтлѣйшей
Былъ построенъ дворецъ богатѣйшій;
Крыши золотомъ чистымъ обиты,
И колонны цвѣтами обвиты.

Какъ почетная стража, ворота
Охраняла дворцовая рота;
Предъ слономъ, изгибаясь въ дуги,
Пресмыкались черные слуги.

Въ золотыхъ приносили сосудахъ
Все, что есть наивкуснаго въ блюдахъ;

Для него въ золотые кувшины
Наливали тончайшія вина.

Умащали душистою мазью,
Украшали цвѣточною вязью,
И подъ нѳги ему постилали.
Дорогія кашмирскія шали.

Такъ онъ счастливо жилъ и привольно.
Но мы въ жизни ничѣмъ недовольны!
И слономъ—непонятное дѣло—
Меланхолія вдругъ овладѣла.

Меланхоликъ среди избылія
Въ мрачной скорби стоитъ... Всѣ усилія—
Какъ его развлекать ни старались—
Безполезны—увы!—оставались.

И развлекъ его пляскою страстной
Не могли баядерки. Напрасно
Музыкантовъ талантъ былъ потраченъ—
Бѣлый слонъ былъ попрежнему мраченъ.

Съ каждымъ днемъ ему хуже все было;
Въ Магасвантѣ все сердце изныло;
Призываетъ онъ въ стѣны чертога
Своего мудреца-астролога.

«Я тебя повелю обезглавить,—
Говоритъ:—коль не можешь наставить:
Чѣмъ лѣчить слона, если онъ боленъ;
Иль, быть-можетъ, онъ чѣмъ недоволенъ?»

И съ земнымъ троекратнымъ поклономъ
Отвѣчалъ тотъ взволнованнымъ тономъ:
«Отъ меня ты всю правду узнаешь,
А потомъ поступай, какъ желаешь!

«Есть на сѣверѣ женщина. Бѣло
Ея стройно высокое тѣло;
Хоть прекрасенъ твой слонъ, несомнѣнно
Но прекраснѣй она несравненно.

«Слонъ, конечно, не худъ и не тонокъ,
Но въ сравненіи съ нею—мышонокъ;
Она—дѣва-гигантъ Рамааяны,
Она—больше эфесской Діаны.

«Массы членовъ, въ ихъ чудномъ слияннѣ,
Округляются въ дивное зданье!
Его носятъ два гордыхъ пилястра
Бѣлизною ярчѣй алебастра.

«То Амура соборъ колоссальный,
Храмъ Любви. Чистотой идеальной
Въ немъ горитъ, какъ лампада святыни,
Сердце, чуждое жи и гордыни.

«Всѣ поэты воспѣть не умѣли
Бѣлизну ея, сколько ни пѣли.
Самъ Готье тутъ сконфузился тоже—
Imprescable бѣлизна ея кожи!

«Рядомъ съ ней снѣговые сугробы
Гималая сѣрбуютъ отъ злобы,
И въ рукахъ ея даже лилея
Отъ контраста вдругъ станетъ желтѣе.

«Дама бѣлая та—иностранка
И графиня, по имени Бьянка,
И въ Парижѣ она проживаетъ...
Къ ней-то слонъ твой любовью пылаетъ.

«И, быть-можетъ, родствомъ элективнымъ,
Этимъ чувствомъ таинственно дивнымъ,
Вдругъ объятый, позналъ въ сновидѣннѣ
Онъ къ той женщинѣ чудной влеченье.

«Вся душа его страстью объята,
И здоровый, веселый когда-то,
Онъ сталъ Вергеромъ съ хоботомъ нынѣ
И нашель свою Лотхень въ графинѣ.

«Сколько тайны въ симпатии сердечной!
Онъ ее и не видѣлъ, конечно,
А мечтаетъ о ней и уныло
Шепчетъ: «Птичкой я буду легкокрылой!»

«Здѣсь, въ Сіамѣ, его только тѣло,
Мысль же къ Бьянкѣ въ Парижъ отлетѣла;
Отдѣленіе-жъ тѣла отъ духа
Очень вредно для глотки и брюха.

«Всѣмъ вкуснѣйшимъ блюдамъ Индостана
Предпочель онъ теперь Оссіана,

Да лапшицу и клецки, и хилый,
Преждевременно сляжетъ въ могилу.

«Хочешь видѣть его беззаботнымъ,
Сдѣлать снова веселымъ животнымъ—
О, раджа! не держи здѣсь упрямо,
Посылай ты въ Парижъ его прямо.

«И тогда онъ увидитъ воочью
Ту, что видитъ теперь только ночью,
Лишь въ неясныхъ чертахъ сновидѣнья;
Онъ излѣчится въ то же мгновенье.

«Да, сіянье очей ея ясныхъ
Утишитъ скорбь страданій ужасныхъ,
И всѣ тѣни, что въ сердцѣ гнѣздятся,
Отъ улыбки ея разлетятся.

«Если сердце его расколосось,
То замкнетъ эту щель ея голосъ;
Вся хандра его тотчасъ покинетъ,
И онъ радостно уши подыметъ.

«Такъ пріятно, такъ мило живется
Тамъ, гдѣ Сена широкая летя!
Какъ твой слонъ будетъ тамъ забавляться
И при этомъ цивилизоваться!

«Но важнѣе всего—на дорогу
Отпусти ему денегъ ты много,
И открой, сколько можешь, кредита
На frères Ротшильдъ, 22 rue Lafitte'a.

«Кредитивъ въ полтора милліона
Золотыхъ дай ему на барона,
И фонъ-Ротшильды скажутъ, пожалуй:
«Этотъ слонъ препорядочный малый!»

Такъ сказалъ астрологъ—и у трона
Положилъ три земные поклона.
Отпустивъ астролога съ наградой,
Царь ушелъ въ свою спальню съ досадою.

Возлежа со своей обезьяной,
Началъ онъ объ исторіи странной
Размышлять; думалъ такъ-то, и этакъ—
И заснули вдвоемъ напоследокъ.

Что онъ выдумалъ въ цѣлую ночь-то,
Я не знаю. Индѣйская почта
Не пришла еще: транспортъ послѣдній
Былъ въ Суэцѣ задержанъ намерни.

ШЕЛЬМЪ ФОНЪ-БЕРГЕНЪ.

На Рейнѣ, въ Дюссельдорфѣ, сегодня карнавалъ,
Свѣчами восковыми горить огромный залъ,
Подъ звуки флейтъ и скрипокъ, въ разгульной буйной пляскѣ,
Несутся вереницей причудливыя маски.

Вотъ танецъ герцогиня веселый начала,
И все она смѣется, безпечно весела;
Бя танцоръ—молодчикъ веселый и проворный,
Онъ строевъ и изящень, какъ долженъ быть придворный.

Лицо свое онъ черной атласной маской скрылъ;
Но буйное веселье и юношескій пылъ
Изъ скважинъ черной маски въ его глазахъ сверкали,
Какъ синій блескъ булата на вынутомъ кинжалѣ.

Въ толпѣ веселой масокъ стихаетъ суета,
Когда проходитъ мимо прекрасная чета,
И всѣ съ восторгомъ громкимъ танцоровъ ловкихъ хвалятъ,
И Дрикесь съ Марцибиллой привѣтъ имъ свой картавятъ.

Реветь, какъ полоумный, пузатый контрабасъ,
Серебряныя трубы вдругъ грянули за разъ;
Потомъ все тише, тише... и вовсе перестали:
Пришелъ конецъ веселью, танцоры всѣ устали.

«Примите, ваша свѣтлость, поклонъ нижайшій мой—
Мнѣ надобно сейчасъ же идти къ себѣ домой»...
Смѣется герцогиня: «И, полно, что за сказки!
Мнѣ хочется увидѣть лицо твое безъ маски».

«Позвольте, ваша свѣтлость, уйти мнѣ поскорѣй—
Я всѣхъ перепугаю наружностью своей»...
Смѣется герцогиня: «Нѣтъ, нѣтъ, не позволяя
Лицо твое безъ маски увидѣть я желаю».

«И даже, ваша свѣтлость, когда я вамъ скажу,
Что смерти съ темной ночью я весь принадлежу?»...
Смѣется герцогиня: «Ну, что-жъ? захочешь—скажешь;
А все-таки безъ маски лицо свое покажешь».

Ни просьбы, ни угрозы—ничто не помогло,
Ничто ея упрямства осилить не могло;
Оставивъ тонъ свой прежній, кокетливую ласку,
Она уже насильно съ него срываётъ маску.

«Палачъ! Палачъ проклятый изъ Бергена!» кричатъ
Въ толпѣ, и всѣ со страхомъ отхлынули назадъ.
Сама же герцогиня, блѣднѣя отъ испуга,
Спѣшитъ искать спасенья въ объятіяхъ супруга.

Негодованье, ропоть... Но герцогъ былъ хитеръ—
Сейчасъ сумѣлъ изладить жены своей позоръ.
Изъ ноженъ мечъ свой острый извлекъ онъ со словами:
«Склони свои колѣна, любезный, передъ нами.

«Тебя облагородилъ тепѣрь ударъ меча,
Почтѣннымъ паладиномъ ты сталъ изъ палача.
Ты *Шельмъ* былъ—это имя тебѣ мы оставляемъ,
Но къ прежнему прозванью *фонъ-Бергенъ* прибавляемъ».

И честнымъ паладиномъ палачъ съ колѣней всталъ,
И благороднымъ предкомъ всѣхъ «Шельмъ фонъ-Бергенъ» сталъ.

Прегордый родъ! Когда-то былъ въ славу повсемѣстной.
Теперь ужъ онъ почиетъ въ своей гробницѣ тѣсной.

ВАЛКИРИИ.

Вой внизу. Въ блестящихъ броняхъ
На воздушныхъ мчатся коняхъ
Три Валкири. Какъ шить,
Пѣснь ихъ дикая звучить.

Власть—желаннѣйшее благо;
Доблесть высшая—отвага.
Спорятъ люди объ одномъ:
Каждый хочетъ быть царемъ.

Гей! Отъ смерти бесполезно
Въ панцырь прятаться желѣзный;
Весь въ крови, падетъ герой,
Одолѣетъ добрыхъ злой.

Лавры, арки—все готово!
Завтра въ нихъ войдетъ сурово
Тотъ, кто лучшихъ одолѣлъ,
Честь и власть добыть умѣлъ.

Торжествуетъ триумфаторъ!
Бургомистры и сенаторъ
Ключъ подносятъ отъ воротъ—
Въ городъ шествіе идетъ.

Гейза! Выстрѣлы грохочутъ,
Трубы весело рокочутъ,
И во всѣхъ церквахъ звонятъ;
Чернь реветъ: «ура! вивать!»

На балконахъ тамъ стояли
Дамы и вѣнки бросали
Сыну счастья и побѣдъ;
Тотъ имъ гордо шлетъ привѣтъ.

ГАСТИНГСКОЕ ПОЛЕ БИТВЫ.

Глубоко вздыхаетъ Вальтгэмскій аббатъ,
Скорбитъ въ немъ душа поневолѣ:
Услышалъ онъ вѣсть, что король ихъ Гарольдъ
Палъ въ битвѣ, на Гастингскомъ полѣ.

И тотчасъ же шлетъ двухъ монаховъ аббату
На мѣсто, гдѣ битва кипѣла,
Веля отыскать имъ межъ горами тѣлъ
Гарольда убитаго тѣло.

Монахи съ печалію въ сердцѣ пошли,
Съ печалію они воротились;
«Увы!—говорятъ:—преподобный отецъ,
Мы съ счастіемъ нашимъ простились!

«Погибъ наилучшій изъ Саксовъ: съ бою
Побѣду взялъ Банкертъ негодный;
Разбойники дѣлятъ родную страну,
Въ раба превратился свободный!

«На островѣ бриттовъ, какъ лорды, царятъ
Нормандскіе вшивые воры,
Я видѣлъ—какой-то портной изъ Байё
Надѣлъ золоченныя шпоры!

«О горе тому, кого саксомъ зовутъ!
И вы, что въ небесномъ сіяньѣ
Живете, патроны саксонской земли—
Постигло и васъ поруганье!

«Теперь-то мы знаемъ, что значила та
Комета, что нынче являлась,
Красна точно кровь, и на небѣ ночью
Метлой изъ огня разстилась».

«То знаменье было—и вотъ для него
Настало теперь исполненье.
Мы въ Гастингсѣ были и все обошли
Кровавое поле сраженья;

«Мы всѣхъ осмотрѣли погибшихъ бойцовъ,
Мы долго и всюду искали,
Но тѣла Гарольда мы тамъ не нашли,
И наши надежды пропали».

Такъ Асгодъ и Альрикъ давали отчетъ,
Аббатъ ломалъ руки, внимая,
Потомъ онъ задумался и, наконецъ,
Сказалъ имъ, глубоко вздыхая:

«Въ странѣ Грендельфильда, гдѣ вѣтеръ шумить,
Надъ темными соснами вѣя,
Средь лѣса, въ убогой избушкѣ живетъ
Эдифъ Лебединая Шея».

«Такъ звали ее потому, что она
Извѣстна была всему свѣту
Своей лебединою шейю; Гарольдъ
Влюбленъ былъ въ красавицу эту».

«Любилъ онъ ее, цѣловалъ, миловалъ,
Но страсть его скоро пропала.
Онъ бросилъ Эдифъ и забылъ, и съ тѣхъ поръ
Шестнадцать ужъ лѣтъ миновало».

«Ступайте вы къ ней и ведите ее
На поле сраженья; быть-можетъ,
Взоръ женщины, нѣжно любившей его,
Найти намъ Гарольда поможетъ».

«Затѣмъ его тѣло несите сюда,
И здѣсь мы, съ рыданьемъ и пѣньемъ,
Молясь о душѣ своего короля,
Почтимъ его прахъ погребеньемъ».

Къ полночи они до избушки дошли,
Стучатся своими клокками;

«Эдифъ, Лебединая Шея, проснись
И слѣдуй, не медля, за нами!

«Насъ герцогъ Норманскій въ бою побѣдилъ,
Свободные саксы—въ неволѣ,
Король нашъ Гарольдъ безъ дыханья лежитъ,
Убитый, на Гастингскомъ полѣ.

«Иди съ нами вмѣстѣ скорѣе туда,
Гдѣ было кровавое дѣло,
Гарольда искать; намъ аббатъ приказалъ
Въ аббатство принести его тѣло».

Эдифъ не сказала ни слова въ отвѣтъ,
Но тотчасъ пошла она съ ними;
Порывистый вѣтеръ, бушуя, игралъ
Ея волосами сѣдыми.

По мхамъ, по болотамъ, колючимъ кустамъ,
Она босикомъ пробиралась,
И къ утру ужъ Гастингса поле вдали
Межъ скалъ мѣловыхъ показалось.

Разсѣялся бѣлый туманъ—и оно
Явилось въ величии дикомъ;
Вороны и галки летали надъ нимъ,
Съ своимъ отвратительнымъ крикомъ.

Тамъ нѣсколько тысячъ погибшихъ бойцовъ
На почвѣ кровавой лежали;
Истерзаны, наги, въ пыли и въ крови,
Все поле они покрывали.

Эдифъ Лебединая Шея глядитъ
На эту кровавую груду,
Идетъ среди труповъ, и взоры ея,
Какъ стрѣлы, вонзаются всюду.

Терзаетъ убитыхъ бойцовъ и коней
Прожорливыхъ вороновъ стая;
Внимательно смотритъ и ищетъ Эдифъ,
Съ трудомъ ихъ отъ тѣлъ отгоняя.

И ищетъ напрасно она цѣлый день...
Вотъ вечеръ уже наступаетъ...
Какъ вдругъ изъ груди бѣдной женщины крикъ,
Пронзительный вопль вылетаетъ.

Нашла Лебединая Шея того,
Кого так усердно искала;
Безъ словъ, безъ рыданій и стоновъ она
На тѣло Гарольда упала,

И крѣико, съ безумной любовью прильнувъ
Къ его недвижимому стану,
Она цѣловала и губы, и лобъ,
И кровью покрытую рану,

И три небольшіе рубца на плечѣ...
Сама Лебединая Шея
Когда-то оставила эти слѣды,
Восторгомъ любви пламенѣя.

Монахи носилки изъ сучьевъ сплели,
Гарольда на нихъ положили,
Въ аббатство свое короля понесли
И тихо молитву творили.

Всю землю покрыла глубокая тьма,
Все больше и больше густѣя.
Печально за милымъ ей прахомъ пошла
Эдифъ Лебединая Шея.

И набожно-дѣтски надгробную пѣснь
Несчастливая пѣла... Звучали
Тѣ звуки зловѣще въ ночной тишинѣ...
Монахи молитву шептали...

КАРЛЪ I.

Въ темной чащѣ лѣса спряталась избенка;
Въ той избенкѣ ветхой угольщикъ живетъ,
И сидитъ король тамъ... нянчить онъ ребенка
И такъ тихо, грустно пѣсенку поетъ:

«Баю-баю... въ хлѣвѣ заблѣяли овцы...
Что это въ соломѣ шевелится такъ?
Спи! Но какъ сквозъ сонъ ты страшно улыбнулся!..
Да... вѣдь мнѣ понятенъ на челѣ твой знакъ

«Баю-баю-баю! Умерла кошурка—
На тебѣ я вижу этотъ страшный знакъ—
Будешь человѣкомъ... топоромъ замашенъ...
Что въ лѣсу деревья задрожали такъ?»

«Въ угольщикѣ старой вѣры ужъ немного;
Дѣти ихъ не будутъ—баюшки-баю!
Да, они не будутъ больше вѣрить въ Бога,
И еще-то меньше—вѣрить въ короля.

«Умерла кошурка... радость рѣзвымъ мышкамъ...
Баю-баю-баю!.. весь я изнемогъ...
Насъ поднимутъ на смѣхъ; мы смѣшны имъ будемъ;
Я—король здѣсь долу, а на небѣ—Богъ.

«Изнемогъ я... сердце у меня изныло;
Съ каждымъ днемъ мнѣ хуже... Спи, дитя, не плачь!
Баю-баю-баю! Я вѣдь это знаю,
Знаю: ты, малютка, будешь—мой палачъ!

«Колыбельной пѣснью я тебя баюкалъ—
Этой самой пѣснью я себя отпѣлъ...
Прежде ты мнѣ срѣжешь волосы сѣдые...
Вотъ топоръ у шеи, слышу, зазвенѣлъ...

«Что это въ соломѣ такъ зашевелилось?
Покорилъ ты царство—мышка весела.
Ты вѣдь мнѣ отъ шеи голову отрубишь...
Да, играетъ мышка: кошка умерла.

«Что это въ соломѣ такъ зашевелилось?
Заблеяли овцы, слышенъ стонъ и вой.
Умерла кошурка: мышка разрѣзвилась...
Баю-баю-баю!.. Спи, палачикъ мой!»

МАРІЯ АНТУАНЕТА.

Зеркальныя окна блестятъ въ Тюильри
И солнца дробятъ отраженье;
Но, все-таки, тамъ, среди бѣлаго дня,
Скользятъ дней былыхъ привидѣнья.

Они собрались въ павильонѣ de Flore.
Марія Антуанета
Тамъ утромъ, проснувшись, свершаетъ lever
По правиламъ всѣмъ этикета.

Кругъ фрейлинъ толпится, иль чинно сидитъ
Въ атласномъ, парчевомъ нарядѣ,
На нихъ драгоцѣнные камни горять,
И шлейфы волочатся сзади.

Топорщатся фижмы, а талья узка,
Рядъ ножекъ—красивыхъ плутовокъ,
Кокетливо такъ изъ-подъ платьевъ глядить...
Ахъ, нѣтъ здѣсь только головокъ!

Да, всѣ эти фрейлины безъ головы,
Сама королева головку
Свою потеряла; поэтому ей
Ужъ дѣлать нельзя фризировку.

Она, что такъ гордо держала чело,
Съ прической, какъ башня высокой,
Дочь Марьи Терези, внучка царей,
По волѣ судьбины жестокой,

Среди безголовыхъ, нечесаныхъ дамъ,
Должна—о вершина позора!—
Ходить привидѣньемъ и безъ головы,
И безъ головного убора.

Твои, революція, это плоды,
Твоей злополучной доктрины.
Всѣхъ больше вина тутъ Жанъ-Жака Руссо.
Вольтерова и гильотины,

Но эти созданія бѣдныя всѣ—
Не странно ли то въ самомъ дѣлѣ!—
Не чувствуютъ будто, что мертвы они,
Что головы съ плечъ ихъ слетѣли.

Попрежнему строго блюдутъ этикетъ,
Свершаютъ его всѣ законы...
И ужасъ наводятъ, и очень смѣшны
Существовъ безголовыхъ поклоны.

Вотъ первая фрейлина, низко присѣвъ,
Съ сорочкой явилась къ постели;
Вторая ее королевѣ даетъ,
И. обѣ вторично присѣли.

Другія двѣ фрейлины, сдѣлавши шагъ,
Присѣли почтительно тоже
И, чтобы чулки королевѣ надѣть,
Склонились у пышнаго ложа.

Почетная фрейлина кофту несетъ,
Отдавъ реверансъ церемонный;

Другая же съ нижею юбкой пришла,
И снова поклонъ униженный.

У оберъ-гофмейстерши вѣреть въ рукѣ—
Она навѣваетъ прохладу,
И такъ какъ у ней тоже нѣтъ головы,
Она улыбается задомъ.

Хоть солнце сквозь занавѣсъ оконъ порой
Свой взглядъ любопытный бросаетъ,
Но только увидить рядъ старыхъ тѣней—
Въ испугъ за тучу ныряетъ.

ПОМАРЕ.

1.

У меня ликуеть въ сердцѣ
Богъ любви—и на фанфарѣ
Онъ трубить: «Привѣтъ заздравный
Государынѣ Помаре!»

Не про ту—не съ Отаити,
Разныхъ миссій ученицу,
Про другую говорю
Я дикарку и царицу.

Дважды каждую недѣлю
Свой народъ она чаруетъ,
И въ саду Мабилль и польку,
И канканъ она танцуетъ.

Въ каждомъ жестѣ, въ каждой позѣ,
Съ бедръ до икорь—королева,
Вся—величье и краса
Необузданная дѣва.

Пляшетъ—а во мнѣ ликуеть
Богъ любви, и на фанфарѣ
Онъ трубить: «Привѣтъ заздравный
Государынѣ Помаре!»

2.

Она танцуетъ. Станъ ея
Волнистъ и гибокъ, какъ змѣя!
И вотъ вспорхнула, полетѣла—
И рвется вслѣдъ душа изъ тѣла.

Танцуетъ, вьется, какъ стрѣла;
Но вдругъ застыла, замерла;
Призывно вытянула руки...
Спаси, Господь, меня отъ муки!

Танцуетъ. Такъ была должна
Плясать предъ Иродомъ она,
Младая дочь Иродіады...
Какъ молнии, смертоносны взгляды...

Сведетъ съ ума меня она...
Скажи: чего тебѣ, жена?
Смѣешься?... Слуги, эй, живѣе!
Казнить пророка въ Иудеѣ!...

3.

За кусокъ вчера она
Грязь мѣсить была должна;
А сегодня предъ толпою
Гордо мчится четвернею,

И къ подушкѣ шелковой
Чернокудрой головой
Прислонилась, озирая,
Какъ бѣжить толпа густая.

Эта роскошь, этотъ видъ
Сердце мнѣ въ тискахъ щемить:
Ахъ, ты съ этой колесницы
Ступишь прямо въ дверь больницы!

Встрѣтить смерть тебя косою
И покончить все съ тобой,
И прозекторъ безобразный,
На больничной лавкѣ грязной,

Неуклюжею рукой
Вскроетъ трупъ изящный твой..
Эти кони такъ же скоро
Будутъ въ лапахъ живодера...

4.

Но не-то судьба судила,
И не-такъ гнивна была;

Слава Богу, ты почила,
Слава Богу, умерла.

Ты въ мансардѣ опочила
Бѣдной матери своей,
И она тебѣ закрыла
Звѣзды гаснувшихъ очей.

Пелену тебѣ купили,
Гробъ, могилку у стѣны...
Правда, похороны были
Какъ-то жалки и бѣдны:

Не съ свѣчами гробовыми
Францискановъ стройный хоръ—
За носилками твоими
Шли твой песь и твой фризертъ.

«Ахъ, какъ часто я Помаре,—
Парикмахеръ прошепталъ:—
Неодѣтой, въ будуарѣ,
Косу черную чесаль!»

Песь доплелся до кладбища
И вернулся отъ воротъ
Къ Rose Pomron; у ней онъ пищу
И пріютъ себѣ найдетъ.

Rose Pomron, что такъ хулила
Королевскій титулъ твой
И тебя всегда язвила
Самой злобной клеветой.

Оргій бѣдная царица!
И въ грязи тебя спасла
Милосердная десница
Господа—ты умерла.

И дана тебѣ награда
Этой вышней доброты
Оттого—такъ думать надо—
Что любила много ты.

АПОЛЛОНЪ.

1.

Надъ самымъ обрывомъ обитель стоитъ;
Рейнъ мимо несется, какъ птица;

И сквозь монастырской рѣшетки глядитъ
На Рейнъ молодая бѣлица.

На Рейнѣ, вечерней зарей облита,
Колышется шляпка; цвѣтами
Пестрѣетъ на парусѣ гордомъ тафта;
Обвѣшана мачта вѣнками.

Кудрявый красавецъ стоитъ надъ рулемъ,
Какъ образъ античнаго бога;
Пурпурная тога надѣта на немъ,
И вышита золотомъ тога.

У ногъ его десять богинь возлежать—
Какъ будто изъ мрамора лики;
Ихъ стройныя формы призывно сквозять
Подъ складками легкой туники.

Кудрявый красавецъ поетъ про любовь,
На сладостной лирѣ играетъ...
Горитъ у бѣлицы встревоженной кровь
И къ сердцу ключомъ прикипаетъ.

И крестится разъ она—разъ и другой;
Но бѣдной и крестъ не помога,
И жметъ ей своей безпощадной рукой
Болѣзненно сердце тревога.

2.

«Я богъ всеильный музыки,
Повсюду я прославленъ;
Мнѣ на Парнасѣ, въ Греціи,
Издравле храмъ поставленъ.

«Да, на Парнасѣ, въ Греціи,
Я возсѣдалъ и пѣнью
Внималъ у струй Касталии,
Подъ кипарисной тѣнью,

«Порой со дщерями дѣля
Торжественные хоры;
Звучали всюду ля-ля-ля,
И смѣхъ, и разговоры.

«А между тѣмъ—тра-ра, тра-ра
Гремѣли звуки рога:

Въ лѣсу охотилась сестра,
Діана, быстронога.

«Не знаю, какъ случилось,
Но—чуть лишь освѣжали
Уста струи Касталии—
Уста мои звучали;

«Я пѣлъ, невольно слухъ маня,
Невольно лира пѣла,
Какъ будто Дафна на меня
Тогда сквозь лавръ глядѣла.

«Я пѣлъ, лились амброзіей
Моихъ напѣвовъ волны,
И были звучной славою
Земля и небо полны.

«Лѣтъ съ тысячу изъ Греціи
Я изгнанъ... Миновалось...
Но сердце—сердце въ Греціи
Возлюбленной осталось...»

3.

Въ одѣяніи бегиннокъ—
Въ эпанечку съ капюшономъ
Изъ грубѣйшей черной саржи
Вся закуталась бѣлица

И идетъ она поспѣшно
По голландской по дорогѣ,
Вдоль по Рейну торопливо,
Каждыхъ встрѣчныхъ опрошая:

«Не видали-ль Аполлона?
Онъ одѣтъ въ пурпурной тогѣ,
Сладко онъ поетъ подъ лиру:
Онъ кумиръ мой вождельнный».

Но никто не отвѣчаетъ:
Кто спиною повернется,
Кто въ глаза ей захохочетъ,
Кто прошепчетъ ей: «бѣдняжка!»

Но дорогу переходить
Ей старикъ; онъ весь трясется;

Цифры въ воздухѣ выводить
И поеть гнусливо что-то.

За спиной его котомка;
На макушкѣ треугольный
Колпачокъ; лукаво шуясь,
Внемлетъ онъ рѣчамъ бѣлицы:

«Не видали-ль Аполлона?
Онъ одѣтъ въ пурпурной тогѣ;
Сладко онъ поеть подѣ лиру:
Онъ кумиръ мой вождельный».

Головой качая дряхлой,
Отвѣчалъ онъ ей подробно
И забавно при отвѣтѣ.
Дергалъ острую бородку:

«Не видали-ль Аполлона?
Отчего-жь его не видѣть?
Я видалъ его нерѣдко
Въ амстердамской синагогѣ.

«Онъ служилъ тамъ загѣвалой,
Прозывался рабби Файбишъ,
По-нѣмецки—Аполлономъ.
Но кумиромъ мнѣ онъ не былъ.

«Ну, и пурпурную тогу
Тоже знаю; славный пурпуръ,
По восьми флориновъ... только
Не совѣмъ еще заплаченъ.

«И отца его я знаю:
Мозесъ Иитчеръ, профессья—
Обрѣзаніе младенцевъ;
Обрѣзаётъ и червонцы.

«Мать приходится кузиной
Зятю нашему... Торгуеть
На базарѣ огурцами
И поношенной одеждой.

«Сына врядъ ли очень любятъ:
Славный онъ игрокъ на лирѣ,
Но играть гораздо лучше
Онъ привыкъ въ тарокъ п. въ ломберъ.

«Ну, и вольнодумецъ тоже:
Потерялъ недавно мѣсто,
Ѣсть свинину, бродить съ трупной
Нарумяненныхъ актеровъ.

«И по ярмаркамъ онъ съ ними
Представляетъ въ балаганахъ
Арлекина, Олоферна
И царя Давида даже;

«И Давида—всѣхъ удачнѣй,
Ибо онъ царя же пѣсни,
На царя же діалектъ,
Въ старомъ тонѣ, пѣть умѣеть.

«Въ Амстердамѣ, проигравшись
Въ пухъ и прахъ въ игорномъ домѣ,
Набралъ музъ теперь и съ ними
Разъѣзжаетъ Аполлономъ.

«Ту, которая потолоще,
Да и хрюкаетъ отлично,
За вѣнокъ ея лавровый
Всѣ зовутъ Зеленой Свинкой».

МАЛЕНЬКІЙ НАРОДЕЦЪ.

Женихомъ разряженный и въ ночномъ горшкѣ
Онъ спустился внизъ по Рейну по рѣкѣ;
Въ Роттердамѣ онъ стрекозочкѣ сказалъ:
«Хочешь, что ли, чтобъ тебя я замужъ взялъ?»

«Я сведу тебя въ мой домъ, моя душа—
Какъ тамъ брачная свѣтелка хороша!
Мягкихъ стружекъ я на стѣнки наволокъ,
Изъ соломки сплелъ узорный потолокъ.

«Какъ опрятно тамъ, да мило все! Вдвоемъ
Мы съ тобою тамъ царьками заживемъ.
Уложу тебя въ скорлупочку-кровать,
Паутинкой буду на ночь укрывать

«А къ обѣду я на маслѣ да шпеку
Муравьиныя яички испеку;
И въ наслѣдство мнѣ оставитъ моя мать
Сладкихъ пышечекъ навѣрно штукъ пять.

«У меня вѣдь тамъ есть сало, ветчина
И полнехонекъ наперсточекъ вина.
Въ огородѣ рѣны цѣлая гряда—
Ты со мною будешь счастлива всегда».

Вотъ такъ сватанье! ужъ нечего сказать!
Принялась моя стрекозочка вздыхать;
Все металась въ неописанной тоскѣ—
И однако, очутилась же въ горшкѣ.

А героемъ-то кто пѣсни этой былъ?
Люди добрые... иль мышки? я забылъ.
Въ Бевэрландѣ этотъ старый складъ
Слышалъ я ужъ тридцать лѣтъ назадъ.

ДВА РЫЦАРЯ.

Крапюлинскій и Вашляпскій,
Двое польскихъ сыновей,
За свободу бились противъ
Тиранніи москалей.

Но затѣмъ они въ Парижѣ
Стали жить да не тужить:
За отчизну пасть пріятно,
И равно пріятно—жить.

Какъ Ахиллъ любилъ Патрокла,
Какъ Давида Йонафанъ—
Такъ они, любя другъ друга,
Говорили все: «коханъ!»

Безъ доносовъ обоядныхъ,
Безъ ругательствъ и безъ драки
Они жили—хоть и были
Родовитые поляки.

На одной квартирѣ жили,
На одной постели спали;
Тѣ же мысли, тѣ же блохи
Бѣдныхъ взапуски терзали!

Вмѣстѣ ѣли, но условьемъ
Непремѣннымъ положили:
Не платить имъ другъ за друга—
Такъ что оба не платили.

Та же прачка Генріетта
На пріятелей стирала,
И являлась каждый мѣсяць,
Все бѣлье ихъ забирала.

Да, бѣлье они имѣли:
Двѣ рубашки—нужно-ль больше?
Хоть они поляки оба,
Родовитые изъ Польши.

Какъ-то разъ передъ каминомъ
Оба шляхтича сидѣли;
На дворѣ—фіакровъ рокотъ
Да протяжный визгъ метели...

Цѣлый боуль съ крѣпкимъ пуншемъ
Передъ ними былъ поставленъ;
(Пуншъ, конечно, не подслащенъ
И водою не разбавленъ).

И лишь только вслѣдъ за пуншемъ
Грусть запала въ ихъ сердца,
Кралолинскій молвилъ съ слезнымъ
Выраженіемъ лица:

«Нѣтъ со мной медвѣжьей шубы!
Ахъ, я отдалъ бы полжизни
За халатъ, да рысью шапку,
Что остались въ отчизнѣ!»

Отвѣчалъ ему Вапшляпскій:
«Да, ты шляхтичъ родовитый!
Сгосковался по отчизнѣ,
Шубѣ, шапкѣ въ ней забытой.

«Еще Польша не погибла!
Наши женщины рожаютъ,
И дѣвцы наши тоже,
Насъ героями снабжаютъ—

«Все такими, какъ Собѣскій,
Какъ Шельмуфскій, и Уминскій,
Эскрокевичъ, Шубіакскій
И великій Эвелинскій.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

Звуки флейтъ, пѣвницъ, тимпановъ...
Передъ рядомъ истукановъ
Дщерь Іакова танцуетъ;
Вкругъ тельца веселье, шумъ;
Брумъ-брумъ-брумъ—
Все поетъ, трубить, ликуеть.

И воскрилія рубашекъ
Приподнявъ почти до ляжекъ,
Благороднѣйшія дѣвы
Пляшутъ, пляшутъ безъ конца
Вкругъ тельца...
Смѣхъ, тимпаны и нагѣвы!

Ааронъ самъ, увлеченный
Этой пляской изступленной,
Тоже бѣшено танцуетъ;
Онъ, стражъ вѣры, въ плясъ пошелъ,
Какъ козель...
Все поетъ, трубить, ликуеть.

ЦАРЬ ДАВИДЪ.

Съ улыбкой деспотъ умираетъ;
Онъ, и сходя въ могилу, знаетъ,
Что произволь съ нимъ не умереть,
Что безконеченъ рабскій гнетъ.

Какъ быкъ съ своей телѣгой связанъ,
Такъ и народъ идти обязанъ
Въ упряжкѣ, и бѣда тому,
Кто воспротивится ярму.

Давидъ, предчувствуя кончину,
«Да, а гророс,—замѣтилъ сыну:—
Іоава я тебѣ, мой сынъ,
Рекомендую; онъ одинъ

«Изъ генераловъ; храбръ, безъ пятенъ,
Но былъ мнѣ очень непріятенъ;
Однако, никогда не смѣлъ
Его я устранить отъ дѣлъ.

«Ты набоженъ, я знаю, очень,
Умень, силенъ и безпороченъ—

Тебѣ не стоить ничего
Совсѣмъ со свѣта сбыть его.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Черезъ лѣсъ широкій, зеленью одѣтый,
Всадникъ безъ оглядки, бѣшено несется;
Громко въ рогъ трубить онъ, громко распѣваетъ
И съ веселымъ взоромъ весело смѣется.

Онъ закованъ въ панцырь, крѣпкій, какъ желѣзо,
Но желѣза крѣпче духъ его свободный.
То Ричардъ, что въ свѣтѣ прозванъ Львинымъ Сердцемъ,
Рыцарь знаменитый, воинъ благородный.

«Здравствуй!—восклицають всѣ деревья,—здравствуй,
Ты, пришедшій снова къ своему народу!
Рады мы душевно, что сумѣлъ ты ловко
Изъ темницъ австрійскихъ выйти на свободу!»

Весело Ричарду на просторѣ вольномъ;
Радостью и мощью гордо блещутъ взоры.
Вдругъ онъ вспомнилъ запахъ крѣпостей австрійскихъ
И коню-красавцу далъ скорѣ шпоры.

АЗРА.

Каждый вечеръ въ ту аллею,
Гдѣ фонтанъ серебристый плещетъ,
Дочь прекрасная султана
На прогулку выходила.

Каждый вечеръ ждалъ въ аллеѣ,
Гдѣ фонтанъ серебристый плещетъ,
Юный рабъ и становился
Съ каждымъ днемъ блѣднѣй, блѣднѣе.

Разъ княжна къ нему подходитъ
Съ повелительною рѣчью:
«Знать хочу твое прозванье,
И твой родъ, твою отчизну!»

И отвѣтилъ рабъ: «Прозванье—
Магометъ, отчизна—Іеменъ,
Родъ мой—Азры, тотъ, въ которомъ
Кто полюбитъ—умираетъ!»

НЕВѢСТЫ НЕБА.

Ночью въ окнахъ монастырскихъ
Путникъ видитъ освѣщенье
Очень яркое: собрались
На молитву привидѣнья.

Мрачно шествіе. Проходятъ
Тѣни мертвыхъ урсулинокъ.
Видны лица молодыя
Изъ-подъ бѣлыхъ капуцинокъ,

А въ рукахъ зловѣщимъ блескомъ,
Точно кровь, мерцаютъ свѣчи,
И звучатъ подъ сводомъ странно
Стоны тихіе и рѣчи.

Урсулилки входятъ въ церковь,
Рядъ скамеекъ занимаютъ
Деревянныхъ, и на хорахъ
Пѣть молитвы начинаютъ.

Ихъ напѣвъ—вполнѣ церковный,
Но въ словахъ безумье ясно;
Это души бѣдныхъ грѣшницъ,
Въ рай стучащихся напрасно!

«Были мы Христа невѣсты,
Но, узнавъ страстей тревогу,
То мы кесарю дарили,
Что отдать должны бы Богу.

«Какъ хорошъ мундиръ военный!
А усы-то завитые!..
Но соблазнъ неодолимый—
Эполеты золотыя!

.

«Исусъ оплакалъ кротко
Душъ заблудшихся паденье
И сказалъ: «Прокляты будьте
И не ждите искупленья!»

«Изъ могилъ поднявшись ночью,
За измѣну чистой вѣрѣ,

Здѣсь мы бродимъ въ наказанье—
Miserere! Miserere!

«Ахъ, въ могилѣ спать приятно;
Но въ небесной теплой сферѣ,
Отдохнуть еще отраднѣй—
Miserere! Miserere!

«О, прости насъ, Иисусе,
И открывъ предъ нами двери
Рая теплага,пусти насъ—
Miserere! Miserere!»

Такъ поетъ толпа монахинь,
И давно умершій кистерь
Пробѣгаетъ на органѣ
Быстро клавишей регистерь.

ПФАЛЬЦГРАФИНЯ ЮТТА.

Ярко свѣтитъ мѣсяць; въ легкомъ челнокѣ
Пфальцграфиня Ютта ѣдетъ по рѣкѣ,
А ея служанка за весломъ сидитъ.
«Видишь тамъ семь труповъ,—Ютта говорить:—
Что несетъ волнами
Вслѣдъ за нами?
Какъ печально плывутъ мертвецы!

«Семеро ихъ было рыцарей; гляди—
Всѣ они такъ нѣжно на моей груди
Въ вѣрности клялися; и чтобъ клятвъ своихъ
Не могли нарушить, рыцарей моихъ
Жизни я лишила—
Утопила!
Какъ печально плывутъ мертвецы!»

Гонить челнъ служанка, а графинѣ смѣхъ;
Нагло раздается: «Утопила всѣхъ!»
И поднявши пальцы, мертвецы плывутъ,
Словно снова клятву въ вѣрности даютъ...
Тускло свѣтятъ очи
Въ мракѣ ночи...
Какъ печально плывутъ мертвецы!

МАВРИТАНСКІЙ КОРОЛЬ.

На изгнанье, въ Альпухары,
Молодой владыка мавровъ
Вхаль грустный, молчаливый;
Позади тнулся поѣздъ.

На высокихъ иноходцахъ,
Иль въ носилкахъ золоченыхъ,
Жены царственного дома;
Слѣдомъ черныя рабыни

На мулахъ, и сто слугъ вѣрныхъ
На коняхъ арабской крови;
Но наѣзники уныло
Головой поникли къ сѣдламъ,

Не слышать ни трубъ, ни бубенъ,
Ни веселой, громкой пѣсни;
Лишь серебряный бубенчикъ
На мулъ порою брякнетъ.

На горѣ, откуда взоры
Тонуть вглубь долины Дуиро,
И въ послѣдній разъ мелькаютъ
Стѣны крѣпкія Гренады —

Тамъ король съ коня слѣзаетъ
И глядитъ онъ на Гренаду,
Что горитъ въ зарѣ вечерней
Вся, какъ золото и пурпуръ.

Но, Аллахъ! Не полумѣсяцъ —
Крестъ на знамени испанскомъ
Развѣвается надъ замкомъ
И надъ башнями Алгамбры.

Ахъ, при этомъ видѣ, вздохи
Молодую грудь стѣснили,
И потокомъ быстрымъ слезы
Заструились по ланитамъ.

Мрачно смотреть съ иноходца
На печаль и слезы сына
Королева-мать и горько
Упрекаетъ гордой рѣчью:

«Боабдиль-эль-Шико! — молвить: —
Ты, какъ женщина, рыдаешь,
Не умѣвши, какъ мужчина,
Защитить родимый городъ».

Но любимица монарха,
Рѣчь суровую услыша,
Быстро вышла изъ носилокъ
И на грудь вождя припала:

«Боабдиль-эль-Шико! — молвить: —
Мой возлюбленный! Утѣшься:
Въ безднѣ горя и несчастій
Лавръ зеленый расцвѣтаетъ.

«Вѣрь, не только триумфаторъ,
Вѣрь, не только увѣнчанный
Отъ руки слѣпой богини,
Но и скорбный сынъ несчастья,

«И боецъ въ борьбѣ съ судьбою,
Павшій истиннымъ героемъ,
Будутъ вѣки жить и вѣки
У людей въ воспоминаньи!»

И «Послѣднимъ вздохомъ мавра»
До сихъ поръ зовутъ вершину,
Гдѣ въ послѣдній разъ простился
Боабдиль съ своей Гренадой.

И возлюбленной монарха
Предсказаніе сбылося:
Прогремѣло славою имя
Мавританскаго владыки.

И не смолкнетъ эта слава
Ввѣкъ, пока струны послѣдней
Не прорвется на послѣдней
Въ Андалузїи гитарѣ.

ЖОФРУА РУДЕЛЬ и МЕЛИСАНДА ТРИПОЛИСЬ.

Въ замкѣ Блѣ висятъ обои
По стѣнамъ большого зала;
Ихъ графиня Триполисъ
Всѣ своей рукою ткала.

Эти тканья картины
Всѣ слезами оросила,
Душу выткала всю въ нихъ.
И представлено тамъ было,

Какъ Руделя на прибрежьи
Мелисанда увидала —
Идеаль своихъ мечтаній
Въ умирающемъ узнала,

И Рудель теперь впервые
И въ послѣдній разъ встрѣчался
Съ той, которой въ сновидѣннхъ
Онъ такъ часто восхищался.

Наклонясь надъ нимъ, графиня
Такъ любовно цѣловала
Тѣ уста, съ которыхъ пѣсня
Въ похвалу ея слетала.

Поцѣлуй ихъ первой встрѣчи
Поцѣлуемъ былъ разлуки —
Они выпили до дна
Чашу радостей и мѣки.

Каждой ночью странный шорохъ
Слышенъ въ замковыхъ покояхъ:
То внезапно оживаютъ
Двѣ фигуры на обояхъ.

Трубадуръ и дама тихо
Тѣни-члены расправляютъ,
Выступая изъ стѣны,
И по комнатамъ гуляютъ.

Слышенъ тихій страстный шопотъ,
Томно сладостные вздохи —
Замогильный нѣжный отзвукъ
Миннезингерской эпохи.

— Жофруа! Твой голосъ сердце
Мнѣ такъ сладко согрѣваетъ,
И въ давно потухшемъ пеплѣ
Пламя, слышу я, пылаетъ.

— Мелисанда! Взоръ твой—счастье
И цвѣтокъ роскошный мая...

Вновь живу я, а въ могилѣ
Только скорбь моя земная.

— Жоффуа! Лишь въ сновидѣнны
Знали мы любовь покуда,
А теперь узнали въ смерти —
Туть Амура-бога чудо!

— Мелисанда! Чтѣсть сонъ?
Чтѣсть смерть? Пустые звуки!
Правда есть въ одной любви;
Въ ней все счастье, въ ней всѣ муки!

— Жоффуа! При лунномъ свѣтѣ
Здѣсь такъ тихо, такъ покойно...
Чтѣсть намъ въ солнцѣ, чтѣсть намъ въ днѣ,
Гдѣ и шумно такъ, и знойно!

— Мелисанда! Ты сама мнѣ
Свѣтъ и солнце, дорогая!
Гдѣ идешь ты—тамъ весна,
И любовь, и радость мая...

Такъ болтая, долго бродить
Трубадуръ съ своею дамой—
А луна глядитъ на нихъ
Съвозъ окно съ узорной рамой.

Но заря лучомъ пурпурнымъ
Привидѣнныя прогоняетъ,
И назадъ, въ стѣнной коверъ,
Тѣни робко ускользають...

ПОЭТЬ ФИРДУСИ.

1.

Если про томанъ заводить
Рѣчь бѣдняга, то конечно
О серебряномъ гоманѣ,
О серебряномъ—не больше.

Но въ устахъ владыки, шаха—
На вѣсь золота томаны:
Шахъ томаны принимаетъ
И даруетъ — золотые.

Такъ привыкли думать люди,
Такъ же думалъ и Фирдуси,
Сочинитель знаменитой
Обожествленной «Шахъ-Наме».

По приказу шаха, эту
Героическую пѣсню
Написалъ онъ; по томану
Шахъ за каждый стихъ назначилъ.

Ужъ семнадцатую вѣсну
И цвѣла, и блекла роза,
И семнадцать разъ ее
Соловей прославилъ пѣснью.

Въ это время сочинитель,
За станкомъ тревожной мысли,
Днемъ и ночью неустанно
Ткалъ коверъ громадный пѣсни.

Да, громадный: стихотворецъ
Вткалъ въ него великолѣпно
Баснословіе отчизны,
Патріарховъ Фарсистана,

Славныхъ витязей народныхъ,
Ихъ дѣянья, приключенья,
И волшебниковъ, и дивовъ —
Все въ цвѣтахъ волшебной сказки,

Все въ цвѣтахъ, и все живое,
Все проникнутое блескомъ,
Облитое, словно съ неба,
Свѣтомъ благоднымъ Ирана,

Тѣмъ предвѣчнымъ, чистымъ свѣтомъ,
Храмъ котораго послѣдній,
Вопреки корану, муфти,
Пламенѣлъ въ душѣ поэта.

До конца допѣлась пѣсня,
И поэтъ ее тотчасъ же
Отсылаетъ къ государю;
А стиховъ въ ней двѣсти тысячъ.

Такъ случилось, что въ банѣ,
Въ банѣ Гасны отыскали

Сочинителя Фирдуси
Шаха черные посланцы.

Каждый несъ мѣшокъ томановъ
И колѣнопреклоненно
Положилъ къ ногамъ Фирдуси,
Какъ почетную награду.

Онъ — къ мѣшкамъ, спѣшить увидѣтъ
Тотъ металлъ, которымъ взоры
Такъ давно не любовались —
И отирянулъ въ изумлены:

Тѣ мѣшки биткомъ набиты
Все томанами, да только
Все серебряными... Горько
Засмѣялся стихотворецъ;

Засмѣялся горько; деньги
Раздѣлилъ онъ на три части:
Двѣ изъ нихъ онъ тотчасъ отдалъ
Чернымъ шаховымъ посланцамъ;

Какъ награду за посылку,
Далъ имъ поровну обоимъ;
Третью часть слугѣ онъ отдалъ,
За его услугу въ банѣ.

Взялъ онъ странническій посохъ,
И столицу онъ покинулъ,
У воротъ ея стряхнувши
Пыль и прахъ своихъ сандалій.

2.

«Обманулъ бы просто онъ,
Изъ обычая людского,
Не сдержалъ бы просто слово—
Я бы не былъ разсерженъ.

«Я сержуся на него
За два смысла обѣщанья;
А коварство умолчанья
Оскорбительнѣй всего.

«Величавъ, душой высокъ—
Рѣдкій могъ бы съ нимъ сравниться.

Да, какъ это говорится,
Царь въ немъ каждый былъ вершокъ.

«Правды гордый мужъ, блеснулъ,
Словно солнце, онъ надъ нами,
Сжегъ огнистыми лучами
Душу мнѣ—и обманулъ».

3.

Шахъ Магометъ оттрапезоваль... Онъ,
Вкусно покушавъ, душой умягченъ.

Въ сумеркахъ садъ, водометы въ игрѣ...
Шахъ возлежитъ на пурпурномъ коврѣ.

Одаль прислуга рядами нѣмыми;
Шаха любимецъ, Анзари, межъ ними;

Въ мраморныхъ вазахъ, подъ лѣтнимъ лучомъ,
Розы забили душистымъ ключомъ;

Подъ опахаломъ, толпой одалыкъ,
Пальмы скрываютъ зеленый свой ликъ,

И кипарисы верхушки склонили—
Грезять о небѣ и землю забыли.

Вдругъ звуки лютни плеснули волной,
Садъ встрепенулся подъ дивный ихъ строй.

И встрепенулся самъ шахъ ото сна;
«Кѣмъ эта пѣсня была сложена?»

Шахъ дожидаль отъ Анзари отвѣта—
Тотъ отвѣчаетъ: «Фирдуси поэта».

«Пѣсня Фирдуси! Да гдѣ-жь, наконецъ,—
Шахъ вопрошаетъ—великій пѣвецъ?»

И отвѣчаетъ Анзари: «Поэтъ
Бѣдствуетъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ;

«Тамъ, въ городкѣ своемъ маленькомъ, въ Тусѣ,
Ходитъ за маленькимъ садомъ Фирдуси».

Шахъ Магометъ помолчалъ съ добрый часъ;
Послѣ Анзари даетъ онъ приказъ:

«Слушай! Скорѣй на конюшню иди;
Сотню муловъ изъ нея выводи.

«Сколько-жъ верблюдовъ... Навьючишь ты ихъ
Всѣмъ, что отрада для вкусовъ людскихъ.

«Всякихъ сокровищъ и рѣдкостей груды
Пусть они тащатъ: одежды, сосуды,

«Изъ кости слоновой, деревъ дорогихъ,
Въ блескѣ роскошныхъ оправъ золотыхъ,

«Кубки и чаши литыя, и тоже
Лучшія выборки барсовой кожи;

«Лучшіе шали, ковры и парчи,
Сколько ни выткали наши ткачи.

«Не забудь ты вложить во вьюки
Много оружья и съ нимъ чепраки;

«Не забудь и прибавить въ избыткѣ
Разныхъ консервовъ и всякихъ напитковъ,

«Торговъ миндальныхъ, конфетъ, пирожковъ,
Всякаго вкуса и всякихъ сортовъ.

«Также возьми ты съ конюшни моей
Дюжину лучшихъ арабскихъ коней;

«Выбери столько-жъ невольниковъ черныхъ
Съ тѣломъ желѣзнымъ, въ работѣ упорныхъ.

«Въ Тусъ поѣзжай ты и съ этимъ добромъ,
Тамъ предъ поэтомъ ударишь челомъ.

«Именемъ шаха...» Анзари готовъ;
Грузно навьючивъ верблюдовъ, муловъ,

(Цѣлая область платилась оброкомъ),
Двинулся въ путь, не замедливши срокомъ.

Трети сутки еще не прошли—
Быль отъ столицы Анзари вдали

И направлялъ по пустынѣ на станъ
Пурпурнымъ знаменемъ свой караванъ.

Черезъ недѣлю, вечерней порою,
Въ Тусѣ быль... Городъ лежалъ подъ горою...

Трубы и бубны, кимвалъ и тимпанъ!
Съ шумомъ и съ пѣсней вошелъ караванъ.

«Ля-илля-илль Алла!» слышится крикъ—
Съ запада ввелъ караванъ проводникъ...

А на востокъ растворилися въ Тусѣ
Тоже ворота—хоронять Фирдуси...

НОЧНАЯ ПОѢЗДКА.

Волнуется море; въ густыхъ облакахъ
Все небо; и робко на немъ
Мерцаетъ луна; а когда мы взошли
Въ челнокъ—то мы были втроемъ.

И слышались мѣрные взмахи весла;
Тоскливо и мрачно кругомъ;
И брызгала пѣной холодной волна
Сердито на всѣхъ насъ втроемъ.

Недвижную въ лодкѣ стояла она,
Склонившия блѣднымъ челомъ;
Стройна и прекрасна, какъ мраморный ликъ
Діаны въ величьи нѣмомъ.

Вотъ спрятался мѣсяцъ, и вѣтеръ свиститъ,
Холодный и рѣзкій, кругомъ;
Высоко надъ нами пронзительный крикъ
Раздался въ молчаньи ночномъ.

То чайка, какъ призракъ ночной, пронеслась,
И будто бѣдою и зломъ
Грозилъ ея крикъ, и услышавъ его,
Мы вдрогнули въ страхѣ втроемъ.

Что я—замечтался? Быть-можетъ, меня
Горячка сжигаетъ огнемъ?
Иль только мнѣ снится бессмысленный сонъ?
И дико, и страшно все въ немъ...

Бессмысленный сонъ! Мнѣ приснилось, что я—
Спаситель; во мракѣ ночномъ
Иду я, безропотно спину согнувъ
Подъ ношей тяжелой—крестомъ.

Красавица тяжко страдает; но я
Принесъ ей разлуку со зломъ.
Я снялъ съ нея грѣхъ, и позоръ, и нужду,
Все грязное въ мірѣ людскомъ.

Пусть, другъ мой прекрасный, тебя не страшить,
Что горечь въ лѣкарствѣ моемъ;
Да, самъ тебѣ смерть поднесу я—хотя-бъ
Погибнулъ съ тобою вдвоемъ.

Безумная грѣза, горячечный бредъ—
И сколько страданія въ немъ!..
Спаси меня, Боже! спаси самого..
Зіяеть пучина кругомъ!..

Шаддей, Адонаи, помилуй меня,
Спаси въ милосердѣ своемъ!..
Шаддей, Адонаи! Все море кипить,
Зіяя раскрывшимся дномъ!

Вотъ солнце взошло... Улыбается май,
Такъ ясно, душисто кругомъ!..
Когда мы на берегъ изъ лодки сошли,
То были мы только—вдвоемъ.

ВИЦЛИПУЦЛИ.

(Прелюдія).

Вотъ она, Америка!
Вотъ онъ, этотъ новый свѣтъ—
Не теперешній, который
Объевронясь, отцвѣтаетъ;

Это новый свѣтъ! Въ томъ видѣ,
Какъ его изъ океана
Кристоваль Колумбъ извлекъ.
Тамъ свѣжи еще потоки,

И каскадовъ перлы блещутъ
Въ переливахъ яркихъ красокъ
Отъ лобзаній жаркихъ солнца.
Какъ здоровъ онъ, этотъ свѣтъ!

Не кладбище романтизма,
Не дрянная гуча хлама.

Изъ заплѣснѣвшихъ символовъ,
Париковъ окаменѣлыхъ.

На его здоровой почвѣ
Все здоровыя деревья;
Нѣтъ пресытившихся жизнью,
Нѣтъ больныхъ спиной сухоткой!

Здѣсь качаются на вѣткахъ
Все большія птицы. Перья
Ихъ блестяще ярки, длинны
Ихъ изогнутые клювы;

И глаза въ оправѣ черной,
Какъ очки; то молчаливо
Смотрятъ внизъ, то защебечутъ,
Словно кумушки, всѣ разомъ.

Я ихъ словъ не понимаю,
Хоть извѣстны мнѣ всѣ птичьи
Языки, какъ Соломону,
Мужу тысячи красавицъ

И при этомъ знатоку
Всякихъ птичьихъ діалектовъ—
Не однихъ живыхъ, но даже
Самыхъ древнихъ, мертвыхъ, сгнившихъ.

Грунтъ иной—цвѣты иные!
Цвѣтъ иной—иной и запахъ!
Въ носъ бросается тотъ запахъ,
И неслыханный, и дикій,

И щекочетъ сладострастно,
И тревожитъ обонянье
Все однимъ вопросомъ: гдѣ я
Прежде слышалъ этотъ запахъ?

Можетъ-быть, на Реджентъ-Стритѣ,
Изъ паляще желтыхъ ручекъ
Той красавицы яванки,
Что всегда цвѣты жевала?

Иль, быть-можетъ, въ Роттердамѣ,
Подлѣ статуи Эразма,
Подъ таинственной завѣсой
Въ бѣлой вафельной лавчонкѣ?

Но пока на новый свѣтъ
Я гляжу съ такимъ смущеньемъ—
Самъ его, какъ видно, вдвое
Я пугаю: обезьяна,

Увидавъ меня, юркнула
Прямо въ кустъ, перекрестилась
И кричить, дрожа отъ страха:
«Призракъ! Призракъ старосвѣтскій!»

О, не бойся, обезьяна!
Я не пугало, не призракъ;
Жизнь въ моихъ клокочетъ жилахъ,
Жизни я вѣрнѣйшій сынъ.

Но такъ долго я возился
Съ мертвецами, что невольно
Перенялъ манеры мертвыхъ,
Ихъ таинственную странность.

Жизни лучшіе года
Я провелъ въ горѣ Венеры,
И въ Кифгейзерѣ, и въ прочихъ
Катакомбахъ романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
Я люблю тебя за то, что
Твой огузокъ безволосый
Трехъ цвѣтовъ моихъ любимыхъ:

Черный, красный, золотистый.
Дорогія краски зада
Обезьяны! Я съ тоскою
Вспомнилъ знамя Барбароссы.

1.

На челѣ носилъ онъ лавры,
У сапогъ блестяли шпоры
Золотыя—хоть и не былъ
Ни герой онъ и ни рыцарь.

Онъ былъ шайки атаманомъ;
И такъ нагло въ книгѣ славы
Кулакомъ своимъ вписалъ онъ
Имя дерзкое Кортца!

Онъ подъ именемъ Колумба
Написалъ его—и школьникъ
На скамейкѣ школьной учить
Вмѣстѣ то и это имя.

И тотчасъ же за Колумбомъ
Называетъ онъ Кортеса,
Какъ второго изъ великихъ
Въ новосвѣтскомъ пантеонѣ.

Шутить зло судьба героевъ,
У людей въ воспоминаньи
Наше имя ставя рядомъ
Съ именами проходимцевъ!

Ужъ не лучше-ль оставаться
Совершенно безызвѣстнымъ,
Чѣмъ въ сообществѣ позорномъ
Вѣчность долгую тащиться?

Мессеръ Кривоваль Колумбъ
Былъ герой, и духъ Колумба
Лучезаренъ былъ, какъ солнце,
И какъ солнце, былъ онъ щедръ.

Міру многіе дарили
Очень много, но Колумбъ
Подарилъ міръ цѣлымъ міромъ,
И Америкой онъ названъ,

Насъ Колумбъ не могъ избавить
Отъ оковъ земной темницы;
Но зато ее расширилъ
И длиннѣе, сдѣлалъ цѣпи.

Многимъ міръ ему обязанъ!
Человѣчество Европой
Утомилось; да не меньше
Также Африкой и Азеей.

Лишь одинъ изъ всѣхъ героевъ
Далъ намъ лучше, далъ намъ больше,
Чѣмъ Колумбъ—герой, который
Человѣчеству далъ Бога.

У него отца Амрамомъ
Звали; мать—Иохевеюй,

Самаго же—Моисеемъ:
Это лучший мой герой.

Но, пегастъ мой, слишкомъ долго
Остаешься ты съ Колумбомъ;
Путь лежитъ намъ нынче къ мужу
Поничтожнѣ—къ Кортцу.

Расправляй цвѣтныя крылья,
Конь крылатый! Понесемся
Въ новый свѣтъ мы. въ край прекрасный,
Тотъ, что Мексикой зовется,

Понесемся мы въ тотъ замокъ,
Что державный Монтезума
Такъ радушно предоставилъ
Для своихъ гостей испанскихъ;

И не только кровь и пищу
Этимъ чуждымъ побродягамъ
Далъ онъ въ щедромъ изобилъи,
Но и цѣнные подарки:

Вещи золота литого,
Драгоценныя каменья—
Все доказывало щедрость
Благодушнаго монарха.

Онъ, дикарь непросвѣщенный,
Суевѣръ, слѣпой язычникъ,
Еще вѣрилъ въ честь и вѣрность,
Въ святость правъ гостепрѣимства.

И онъ принялъ благосклонно
Приглашеніе на праздникъ,
Что въ своемъ дворцѣ испанцы
Въ честь монарха дать хотѣли.

И со всѣмъ придворнымъ штатомъ
Беззаботенъ, благосклоненъ,
Прибылъ онъ въ испанскій замокъ,
Гдѣ былъ встрѣченъ трубнымъ звукомъ.

Какъ піеса называлась—
Я не знаю. Можетъ-быть—
«Честь испанская»; но авторъ
Звался донъ Фернандъ Кортцъ.

Подалъ онъ сигналъ—тотчасъ же
На царя напала стража,
И въ цѣпяхъ, въ темницѣ замка
Онъ заложникомъ остался.

Но скончался Монтезума—
И прорвалась вдругъ плотина,
Что отъ ярости народной
Пришлецовъ обороняла.

Страшно буря разразилась;
Точно бѣшеное море,
Дико, злобно подступали
Волны гнѣвнаго народа;

Хоть испанцы отражали
Каждый штурмъ; но ежедневно
Новый приступъ—и борьба
Утомительною стала.

Съ царской смертью прекратился
И подвозъ съѣстныхъ припасовъ;
Сократились раціоны
И длиннѣе стали лица.

И тоскливо другъ на друга
Смотрять бѣдные испанцы
И, вздыхая, вспоминаютъ
Христіанскую отчизну,

Край родной, гдѣ съ колоколенъ
Льется звонъ благочестивый
И гдѣ *ollea potrida*
Мирно жарится въ кастрюлкѣ,

Вмѣстѣ съ соусомъ грабанцось,
Гдѣ запрятались сосиски,
Такъ лукаво испаряя
Чеснока любезный запахъ.

И рѣшилъ совѣтъ военный—
Отступить. Поутру рано
Осажденные испанцы
Собрались оставить городъ.

Путь туда имъ облетчила
Хитрость умнаго Кортеса—

Но обратная дорога
Представляла много риска.

Городъ Мексико построенъ
На озёрномъ острову;
Это—гордая твердыня,
Окруженная водами.

Сообщаться съ берегами
Можно только на паромахъ,
По мостамъ на плотныхъ сваяхъ,
Иль межъ островками—бродомъ.

Раньше солнышка поднявшись,
Маршемъ двинулись испанцы;
Барабаны ихъ не били,
Не трубили трубы зорю—

Не желали потревожить
Сладкій сонъ своихъ хозяевъ...
(А индѣйцевъ-то сто тысячъ
Передъ Мексикой собралось).

Но на этотъ разъ испанцы
Въ ожиданьи обманулись:
Мексиканцы въ это утро
Поднялись гораздо раньше.

По мостамъ, паромамъ, бродомъ
Собрались они толпами,
Чтобъ прощальный кубокъ выпить
Вмѣстѣ съ милыми гостями.

По мостамъ, паромамъ, бродамъ,
Гей! пирушка началась;
Споръ пошелъ—кто выпьетъ больше,
И струилась кровь волнами...

Прижимались тѣло къ тѣлу
И оттискивались кровью
На груди индѣйцевъ голой
Лать испанскихъ арабески.

Это былъ не бой, а бойня;
И рѣзня распространялась
Съ страшной медленностью дальше
По мостамъ, паромамъ, бродамъ..

Мексиканцы пѣли, выли,
Но испанцы бились, молча,
Завоевывали почву
Отступленья шагъ за шагомъ.

Въ этой битвѣ перевѣса
Не давали европейцамъ
Ихъ военное искусство,
Ружья, панцыри и кони.

Да притомъ еще испанцы
Всей награбленной монетой
Нагрузились черезъ мѣру;
Ахъ, и желтый грузъ грѣховъ

Ихъ стѣснялъ во время боя:
Такъ что дьявольскій металлъ
Погубилъ не только душу,
Но и тѣло вмѣстѣ съ нею.

Между тѣмъ, по-всѣмъ озерамъ
Плыли барки и пироги,
И стрѣлки изъ нихъ стрѣляли
По мостамъ, паромамъ, бродамъ.

Правда, въ этой суматохѣ
И въ своихъ попасть случилось,
Хоть немало стрѣлъ попало
И въ гидальго благородныхъ.

На второмъ мосту свалился
Юнкеръ Гастонъ, несшій знамя,
На которомъ былъ шелками
Вышитъ ликъ Пречистой Дѣвы.

Даже въ этотъ образъ стрѣлы
Мексиканцевъ попадали;
Шесть блестящихъ стрѣлъ вонзились
Прямо въ сердце и застряли,

Какъ мечи тѣ золотые,
Что въ страстной пятокъ пронзаютъ
Грудь у Mater dolorosa
На процессіяхъ церковныхъ.

И донъ Гастонъ, умирая,
Знамя передалъ Гонсальву,

Но и тотъ, сраженный смертью,
Вскорѣ палъ. Тогда схватилъ

Самъ Кортецъ штандартъ священный
И держалъ его высоко
Надъ конемъ до самой ночи,
Прекратившей бой жестокий.

Сотни двѣ испанцевъ пали
Въ этотъ день на полѣ битвы,
Слишкомъ семьдесятъ къ индѣйцамъ
Въ плѣнъ попалися живыми;

Много раненыхъ смертельно
Скоро съ жизнью распрощались;
Лошадей двѣнадцать было
Иль убито, или взято.

Только къ вечеру испанцы,
Съ полководцемъ ихъ, достигли
Ивъ плакучихъ, покрывавшихъ
Скудной тѣнью плоскій берегъ

2.

За ужаснымъ днемъ сраженья
Ночь иная наступила—
Ночь побѣды; сотни тысячъ
Золотыхъ огней зажглось.

Сотни тысячъ яркихъ плошекъ,
Лампъ и факеловъ смолистыхъ,
Обливаютъ рѣзкимъ свѣтомъ
Храмы, царскія палаты,

А при этомъ и кирпичный
Храмъ куира Випдипудли,
Замокъ бога, что собою
Странно такъ напоминалъ

Колоссальныя постройки
Вавилона, Ниневіи
И Египта, какъ рисуетъ
Ихъ британецъ Эрни Мартенъ.

Тѣ-жъ широкія площадки
Круглыхъ лѣстницъ, по которымъ

Безъ труда теперь проходятъ
Много тысячъ мексиканцевъ:

Между тѣмъ, какъ на ступеняхъ
Дико войны ликуютъ,
Упоенные побѣдой
И кокосовымъ виномъ.

Эти лѣстницы зигзагомъ
Извиваются къ платформѣ—
Необъятной кровлѣ храма,
Обнесенной парашетомъ.

Тамъ, на жертвенномъ престолѣ,
Возсѣдаетъ Вицлипуцли,
Кровожадный богъ войны,
Безобразно страшный идолъ,

Но разряженный такъ пышно,
Такъ манерно, такъ по-дѣтски,
Что внушая тайный ужасъ,
Онъ и смѣхъ въ насъ вызываетъ:

И при этомъ «Пляску смерти»—
Фреска въ базельскомъ соборѣ—
Или брюссельскую куклу—
Mannken Piss—напоминаеть.

Справа идола—міряне;
Слѣва стало духовенство,
Щеголя въ яркихъ перьяхъ
Пышной жреческой орнаты.

А на мраморныхъ ступеняхъ
Сѣлъ столѣтній старикашка,
Безволосый, безбородый,
Въ яркоранжевомъ камзолѣ.

Этотъ старецъ—жрецъ верховный;
Онъ свой ножъ широкій точить,
Улыбаясь, и порою
Вверхъ на идола косится.

И, казалось, Вицлипуцли
Этотъ взоръ лукавый понялъ:
Онъ рѣсницами моргаетъ,
Шевелить губами даже.

На ступеняхъ сѣли тоже
Храмовые музыканты;
Вотъ ударили въ литавры,
Затрубили въ рогъ коровій—

Поднялся и трескъ, и грохотъ,
И запѣли цѣлымъ хоромъ
Мексиканцы свой Te deum;
Замяукали, какъ кошки —

Замяукали, какъ кошки;
Только той породы крупной,
Называющейся тигремъ,
Что ѣдятъ людей, не мышекъ.

И когда доносить вѣтеръ
Звуки тѣ на мрачный берегъ,
Гдѣ испанцы отдыхаютъ,
Имъ становится таеъ тошно

Подъ тщедушными вѣтвями.
И въ плакучихъ; и печально
Все глядятъ они на городъ,
Что, надъ ними издѣваясь,

Всѣми яркими огнями
Отразился въ темной влагѣ...
Здѣсь они какъ бы въ партерѣ
Колоссальнаго театра,

А платформа — кровля храма
Вицилицли — это сцена,
Гдѣ для праздника побѣды
Разыграютъ нынче драму:

«Человѣческая жертва».
Содержанье очень древне,
Но не такъ ужасно въ нашей
Христіанской обработкѣ.

Но на этотъ разъ, у дикихъ,
Ибеса ихъ—совсѣмъ не шутка.
Мясомъ будетъ вправду мясо,
Кровью будетъ кровь людская;

И теперь ужъ кровь польется
Христіанская, ни разу
Не смѣшавшись съ гнусной кровью
Ни морисковъ, ни евреевъ...

Возликуй же, Вицлипуцли!
Нынче много этой крови,
И ея горячимъ паромъ
Усладить ты носъ свой вволю.

Цѣлыхъ семьдесятъ испанцевъ
Нынче въ честь твою зарѣжутъ,
И роскошное жаркое
Будутъ есть твои жрецы.

Вѣдь жрецы такіе-жъ люди,
Человѣкъ же плотоядецъ
И конечно жить не можетъ
Только запахомъ, какъ боги.

Чу! Гремятъ кимвалы смерти!
Рогъ коровій злобнымъ воемъ
Возвѣщаетъ приближенье
Обреченныхъ на закланье.

И постыдно обнаженныхъ,
Бѣдныхъ семьдесятъ испанцевъ,
За спиной скрутивъ имъ руки,
Тащатъ кверху по ступенямъ.

Передъ ликомъ Вицлипуцли
Силой ставятъ на колѣни
И плясать потѣшный танецъ
Заставляютъ истязаньемъ.

Эти пытки такъ ужасны,
Что стenanія страдальцевъ
Покрываютъ вой и крики
Изступленныхъ людоедовъ.

Жутко публикѣ испанской!
И Кортецъ, и всѣ въ отрядѣ
Голоса друзей узнали
Въ этихъ страшныхъ вопляхъ мучи.

И на ярко освѣщенной
Сценѣ ясно видятъ лица,

И фигуры, и движенья;
Видать ножь, потоки крови.

И съ головъ снимають шлемы,
Опустились на колѣни,
И звучить псаломъ умершихъ,
И поется De profundis!

Межь погибшими былъ также
И Раймондо де-Мендоза,
Сынъ прекрасной аббатисы—
Молодой любви Кортца.

На груди его увидѣвъ
Медальонъ съ портретомъ милой,
Юныхъ лѣтъ своихъ подруги,
Залился Кортцъ слезами,

Но сейчасъ же онъ отеръ ихъ
Жесткой кожаной перчаткой
И, вздохнувъ, запѣлъ съ другими
Въ общемъ хорѣ: Miserege!

3.

Все блѣднѣй мерцають звѣзды;
Волны утреннихъ тумановъ
Поднялись, какъ привидѣнья,
Волоча свой бѣлый саванъ.

Конченъ пиръ, огни погасли;
На широкой кровлѣ храма
Въ лужахъ крови спять міряне
И жрецы, храпя усердно.

Но не спитъ камзольчикъ красный;
При огнѣ послѣдней лампы
Жрецъ, слашаво осклабясь,
Съ ѣдкимъ смѣхомъ молвить богу:

«Вицлипуцли, Пуцливицли!
Мой божочекъ Вицлипуцли!
Позабавился ты нынче
И понюхалъ благовоиѣ!

«Экій запахъ аппетитный
У испанской крови! Видишь,

Какъ зардѣлся сладострастно
Этотъ лакомка—твоей носикъ!

«Завтра мы тебѣ зарѣжемъ
И коней, чудовищъ ржущихъ—
Порожденье духовъ вѣтра
Въ любодѣйствѣ ихъ съ моржами.

«Если умница ты будешь—
Я тебѣ зарѣжу внуковъ,
Двухъ красавцевъ чистой крови,
Старыхъ дней моихъ усладу.

«Только умницей останься,
Дай намъ новыя побѣды,
Мой возлюбленный божочекъ,
Пуцливици, Вицлипуци!

«Погуби враговъ, пришельцевъ,
Переплывшихъ изъ далекихъ
Странъ, понынѣ неоткрытыхъ,
Къ намъ по морю-океану.

«Что ихъ изъ дому погнало?
Грѣхъ кровавый? Или голодъ?
Правду молвить поговорка:
Честно снискивай себѣ

«Пропитанье, сидя дома.
Что имъ нужно? Напихали
Нашимъ золотомъ карманы,
Намъ суля блаженство въ небѣ!

«Мы сначала ихъ считали
За существъ породы высшей,
За сыновъ бессмертныхъ солнца,
Ополченыхъ въ Божьи громы.

«Но они—такіе-жъ люди,
Такъ же смертны, какъ и всѣ мы:
Смертность ихъ сегодня ночью
Я ножомъ моимъ извѣдалъ.

«Люди—и ничѣмъ не лучше
Нашей братьи, а иные
Безобразны, какъ мартышки,
Такъ же точно волосаты,

«И слыхаль я, что у многих
Подъ штанами хвостикъ спрятанъ,
А штаны кому же нужны,
Если онъ не обезьяна?»

«Да и нравственно-то гадки;
Нѣтъ въ ихъ сердцахъ пѣтизма:
Говорять, они съѣдаютъ
Даже собственныхъ боговъ.»

«Истреби сей родъ невѣрный,
Нечестивыхъ богоѣдовъ,
Вицлипуцли, Пуцливицли,
Дай побѣдъ намъ, Вицлипуцли!»

Такъ сказали первосвященникъ;
И отвѣтъ суровый бога
Зазвучаль, какъ шелестъ вѣтра
Съ тростникомъ болотъ озерныхъ:

«Красный, красный мой камзолчикъ!
Ты зарѣзалъ много тысячъ;
Сталю жертвенной сѣкиры
Самого себя пронзи ты!»

«И душа твоя поскачетъ
Изъ распоротого гѣла
По камнямъ, пнямъ и кочкамъ,
На лягушечье болото.»

«Тамъ—моя родная тетка
Крысь царицей! «Здравствуй,—скажеть:—
Здравствуй, душенька нагая.
Что племянникъ мой, здоровъ ли?»

«Вицлипутствуетъ ли мирно
Въ золотомъ медвяномъ блескѣ?
Все-ль съ чела его стоняеть
Мухъ и злыя думы счастье?»

«Иль его въ желѣзныхъ лапахъ,
Омоченныхъ въ ядъ ехидны,
Держить вѣдьма Кацлагара
И царапаетъ когтями?»

«Отвѣчай, душа нагая:
—«Шлетъ поклонъ свой Вицлипуцли,

И жагаетъ язву въ брюхо
Получить тебѣ, проклятой!

«Твой совѣтъ вовлекъ всѣхъ въ бездну;
Ты—войну ему внушила,
И сбылось надъ нами злое,
Древне злое предсказанье,

«Что погибнетъ наше царство
Отъ страшилищъ бородатыхъ,
Къ намъ, на птицахъ деревянныхъ,
Налетѣвшихъ отъ востока.

.

«Преисполненная гнѣвомъ
На меня, Царица неба,
Непорочная Марія,
Покровительствуетъ этимъ

«Побѣдителямъ испанцамъ,
И теперь должны погибнуть
Я, изъ всѣхъ боговъ жалчайшій,
Вмѣстѣ съ Мексикой моею».

«Скажешь это—и сейчасъ же
Пусть душа твоя нагая
Заползетъ въ нору—и спи тамъ,
Чтобъ моихъ не видѣть бѣдствій!

«Этотъ храмъ падетъ, а вмѣстѣ
Съ нимъ и я паду; исчезну
Въ дымѣ и огнѣ развалинъ—
И никто меня не сыщеть!

«Но не сгибну я: мы, боги,
Живучи, какъ попугай;
Какъ они, и мы лняемъ,
Измѣняя только перья.

«И къ врагамъ моимъ въ отчизну,
Что зовутъ они Европой,
Полечу я и начну тамъ
Вновь служебную карьеру.

«Превращуся тамъ я въ чорта,
И отрещиваться стануть

Отъ меня; съ врагами буду
Поступать, какъ врагъ ихъ злѣйшій,

«Да, враговъ я стану мучить,
Привидѣньями пугать ихъ;
Пусть геенну предвкушаютъ,
Всюду слыша запахъ сѣры.

«Мудрецовъ, глупцовъ ихъ буду
Соблазнять; ихъ добродѣтель
Щекотать, пока не станеть
Хохотать она по-б...ски.

«Да, я сдѣлаюся чортомъ;
Шлю привѣтъ моимъ собратьямъ—
Сатанѣ, и Вельзевулу,
Веліалу и Астартѣ!

«И тебѣ привѣтъ мой, Лились,
Мать грѣха, змѣя очковка!
Ты изящному искусству,
Лжи и злу меня научишь.

«Пусть, о, Мексика родная,
Я спасти тебя не въ силахъ;
Но зато отмшу ужасно
Я за Мексику родную».

КНИГА ВТОРАЯ.

СЪТОВАНІЯ.

Вѣдь счастье—дѣвочка пустая,
На мѣстѣ не сидится ей;
Откинетъ волосы, да чмокнетъ
Разокъ-другой, и прочь скорѣй.

Старуха-горе такъ любовно
Тебя къ груди своей прижметъ,
Все говорить, что ей не къ спѣху...
И знай, сидить съ тобой, да шьетъ...

ИСПАНСКІЕ АТРИДЫ.

Разъ, въ день Губерта святого,
Въ лѣто тысяча восьмое,
На банкетъ король позвалъ насъ
Въ пышномъ замкѣ Сеговіи.

Всѣ придворные обѣды
Одинаковы; зѣваетъ
За столомъ въ чертогахъ этихъ
Все одна и та же скука.

Та-жъ посуда золотая,
Тѣ же рѣдкостныя яства,
И привкусъ свинцовый тотъ же—
Пахнетъ кухней Локусты.

Та же шелковая челядь,
Точно пестрые тюльпаны,
Тѣ же гордые поклоны—
Только соусы различны.

Говоръ шопотомъ, жужжанье,
Словно макомъ, усыпляетъ
Всѣхъ гостей, покуда трубы
Не прогонятъ одурѣнья.

Близъ меня сидѣлъ по счастью
Донъ Діего Альбукерке;
У него неудержимо
Съ умныхъ устъ слова лился.

Разказалъ онъ превосходно
Про кровавыя интриги
При дворѣ у дона Педро,
По прозванію: «Жестокій»..

А когда его спросилъ я,
Отчего донъ Педро брата,
Донъ Фредрего, обезглавилъ,
Онъ, вздыхая, отвѣчалъ мнѣ:

«О, сеньоръ! Тому не вѣрьте,
Что подъ треньканье гитары
Вамъ споетъ погонщикъ муловъ
Въ кабацѣ, корчмѣ, посадѣ.

«Вы не вѣрьте ихъ разказамъ
Про любовь межъ донъ Фредрего
И супругою донъ Педро,
Доньей Бланкою Бурбонской.

«Не отъ ревности супруга,
Жертвой зависти монаршей
Палъ несчастный донъ Фредрего,
Орденмейстеръ Калатравы.

«За одно лишь преступлень
Не простилъ ему донъ Педро—
Славу, что по свѣту громко
Донья Фама протрубила.

«Не простилъ ему донъ Педро
И души его высокой,
И такой души зерцала—
Стройно сложеннаго тѣла.

«Ахъ, въ моемъ воспоминаньи
Все цвѣтетъ герой-красавецъ;
Никогда я не забуду
Этотъ юношескій образъ.

«Да, онъ былъ изъ тѣхъ, которыхъ
Особливо фен любятъ;

Словно сказочная тайна
На лицѣ его лежала.

«Точно камень драгоценный,
Очи синія горѣли,
Но и твердости упорной
Этихъ камней были полны.

«Волоса съ чудеснымъ блескомъ
Были синевато черны
И роскошными волнами
По плечамъ его змѣнились.

«Въ славномъ городѣ Коимбрѣ,
Что онъ самъ у мавровъ отнялъ,
Я въ послѣдній разъ живого
Видѣлъ принца. Принцъ несчастный!

«На конѣ, вдоль узкихъ улицъ,
Ѣхалъ онъ изъ Альказара;
Любовались мавританки
Сквозь рѣшетчатыя окна.

«Перья шлема развѣвались
Щегольски; но строгій орденъ
Калатравы гналъ далѣко
Всякій помыслъ волокитства.

«Рядомъ съ нимъ, хвостомъ махая,
Прыгалъ песъ любимый, Алланъ,
Звѣрь породы благородной,
Коей родина—Сиерра.

«Несмотря на ростъ огромный,
Онъ оленя былъ быстрѣе;
Съ благородной головою,
Хоть похожею на лисью.

«Шерсть его, бѣлѣе снѣга,
Мягче шелка, внизъ спадала;
Былъ рубинами осыпанъ
Золотой его ошейникъ.

«Говорять, что тотъ ошейникъ
Талисманъ скрывалъ великій:
Ни на шагъ отъ господина
Вѣрный песъ не отходилъ.

«Вѣрность страшная! Дрожу я
И теперь, когда приходитъ
Мнѣ на умъ, какъ эта вѣрность
Передъ нами проявилась.

«День ужасный! Это было
Въ этой самой пышной залѣ;
Какъ сегодня, мы сидѣли
За обѣдомъ королевскимъ.

«Въ томъ концѣ стола, гдѣ нынѣ
Возсѣдаетъ донъ Энрико,
Живо кубки осушая
Съ цвѣтомъ рыцарей кастильскихъ—

«Въ этотъ день сидѣлъ донъ Педро,
Нѣмъ и сумраченъ; а рядомъ,
Въ гордомъ блескѣ, какъ богиня,
Съ нимъ Марія де-Падилья.

«На концѣ стола на нижнемъ,
Гдѣ теперь мы видимъ даму
Въ накрахмаленной манишкѣ,
Такъ похожей на тарелку,

«И лицомъ поблекло желтымъ
Съ кислотою улыбкой,
Очень схожею съ лимономъ,
На тарелкѣ той лежащимъ—

«Тамъ въ то время оставалось
Лишь одно пустое мѣсто:
Видно, царственного гостя
Золотое кресло ждало.

«Донъ Фредрего былъ тотъ гость,
И его то кресло ждало.
Не пришелъ онъ... Ахъ, узнали
Мы отсутствія причину.

«Ахъ, въ тотъ самый часъ свершилось
Гнусно мрачное злодѣйство:
Молодой герой безпечный
Палачами донъ Педро

«Былъ коварно схваченъ, связанъ,
Приведенъ въ подвалъ дворцовый,

Гдѣ въ сыромъ и затхлому мраку
Только факелы мерцали.

«Палачи вокругъ столпились;
Впереди заплочный мастеръ,
На топоръ свой опираясь,
Съ мрачной миною промолвилъ:

— «Вамъ, гросмейстеръ Калатравы,
Надо къ смерти быть готовымъ;
Только пять минутъ дано вамъ
На предсмертную молитву».

«Донъ Фредрего на колѣни
Сталъ, спокойно помолился
И потомъ, сказавъ: «я кончилъ!»,
Принялъ онъ ударъ смертельный.

«Въ ту минуту, какъ скатилась
Голова на полъ кровавый,
Прыгнувъ къ плахѣ вѣрный Аллачъ,
Незамѣтно здѣсь стоявшій.

«Онъ схватилъ зубами кудри
Головы окровавленной
И съ добычей драгоценной
Полетѣлъ быстрѣе молнии.

«Крики ужаса и скорби
Раздавались повсюду,
Гдѣ бѣжалъ онъ—въ коридорахъ,
Залахъ, на ступенькахъ лѣстницъ.

«Послѣ пира Валтасара
Вѣрно не было такого
Измученья и испуга,
Какъ межъ нами въ то мгновенье,

«Какъ чудовище вбѣжало
Съ головою донъ Фредрего,
Волоча ее за кудри,
Орошаемая кровью.

«И на кресло, на которомъ
Долженъ былъ сидѣть Фредрего,
Прыгнувъ песь, какъ обвинитель,
Съ головой окровавленной.

«Ахъ, предъ нами былъ все тотъ же
Лицъ прекрасный и знакомый,
Но блѣднѣе и серьезнѣй,
И его обвинили страшно

«Кудри черныя, поднявшись
Дико кверху, точно змѣи
На челѣ Медузы, такъ же,
Какъ онѣ, окаменѣли.

«Да, и мы окаменѣли,
Дико взоръ вперивъ другъ въ друга,
А языкъ парализованъ
Страхомъ былъ и этикетомъ.

«Лишь Марія де-Падилья
Прервала молчанье. Руки
Заломивъ въ печали, громко
И съ рыданьемъ простонала:

— «Скажутъ всѣ теперь, что это
Я убійство совершила;
И отмстится кровь на дѣтяхъ,
На моихъ невинныхъ дѣтяхъ».

Такъ закончилъ донъ Діего
Рѣчь свою, затѣмъ что гости
Ужъ со стульевъ поднялися
И изъ залы выходили.

Донъ Діего отличался
Утонченнымъ обращеньемъ,
И любезно онъ со мною
Обходилъ старинный замокъ.

Вдругъ въ одномъ изъ коридоровъ,
Гдѣ ворчанье, лай и стоны
Означали, что ведетъ онъ
Прямо къ псарнямъ королевскимъ—

Вдругъ я впадину увидѣлъ,
Что въ стѣнѣ была пробита,
И снаружи, точно клѣтка,
Зарѣшетчена желѣзомъ.

И глядятъ изъ-за рѣшетокъ
Человѣческія лица:

На гнилой соломѣ въ путахъ
Двое мальчиковъ валялись.

Одному двѣнадцать было
Лѣтъ; другой немножко старше;
Лица милы, благородны,
Но изсушены недугомъ;

Всѣ въ лохмотьяхъ, полунаги;
И слѣды жестокихъ пытокъ
Носятъ ихъ худыя тѣльца,
И трясеть ихъ лихорадка.

И съ такимъ глубокимъ горемъ
На меня они смотрѣли;
Какъ у призраковъ, бѣлѣли
Ихъ глаза... мнѣ стало страшно.

«Кто они? Кто эти дѣти?»—
Я, дрожа, спросилъ Діего;
Я схватилъ его за руку—
И его рука дрожала.

Донъ Діего былъ сконфуженъ,
Оглянулся, чтобъ никто
Не подслушалъ, и отвѣтилъ
Мнѣ съ небрежностью притворной:

«Это ранніе сиротки,
Королевскіе сыночки,
Ихъ отецъ—король донъ Педро,
Мать—Марія де-Падилья.

«Послѣ битвы при Нарвасѣ,
Гдѣ Энрико Транстамарре,
Брата царственного Педро
Отъ тяжелаго вѣнца

«И тяжелой, грустной ноши,
Что мы жизнью называемъ,
Вдругъ избавилъ—онъ къ сироткамъ
Тоже былъ великодушень.

«Ихъ сейчасъ къ себѣ онъ принялъ
И, какъ дядѣ подобаеть,
Даль онъ имъ въ своемъ дворцѣ
Даровое помѣщенье.

«Правда, въ комнаткѣ, для нихъ
Отведенной, очень тѣсно,
Но оно прохладно лѣтомъ
И не холодно зимою.

«Имъ къ обѣду подается
Хлѣбъ ржаной—и какъ онъ вкусенъ!
Точно испекла Церера
Для любезной Прозерпинки.

«Иногда онъ посылаетъ
Тоже порцію гарбанцевъ,
И тогда малютки знаютъ,
Что сегодня воскресенье.

«Не всегда же воскресенье,
Не всегда даютъ гарбанцы;
И арапникомъ частенько
Оберъ-псарь ихъ угощаетъ.

«Ибо подъ его надзоръ,
Кромѣ всѣхъ конуръ собачьихъ,
Отдана монаршей властью
И племянничья конурка.

«Это былъ супругъ несчастный
Той прокислой Лимонеллы
Съ блюдовидною манишкой,
Что сегодня насъ дивила.

«Иногда ему ужъ очень
Достается отъ супруги —
И тогда онъ бьетъ, взбѣшенный,
Псовъ и бѣдненькихъ малютокъ.

«Но такихъ его поступковъ
Нашъ король не одобряетъ;
Онъ велѣлъ, чтобъ впредь не смѣли
По-собачьи обращаться

«Съ ними. Ибо онъ не хочетъ,
Чтобъ чужой кулакъ, наемный,
Укрощалъ ихъ. Посему
Онъ ихъ бьетъ собственноручно».

Донъ Діего вдругъ умолкнулъ,
Потому что сенепаль

Подошелъ съ вопросомъ милымъ:
«Хорошо ли мы поѣли?»

ЛѢСНОЕ УЕДИНЕНИЕ.

Во время бывшее, въ года молодые,
Вѣнокъ на челѣ я носилъ, какъ друге;
Въ немъ ярко просвѣчивалъ каждый цвѣтокъ,
И былъ заколдованъ мой чудный вѣнокъ.

И всѣ мой вѣнокъ благовонный хвалили,
Да только вѣнчаннаго имъ не любили;
Бѣжалъ я отъ злобы и желчи людской
Въ пріютъ мой тѣнистый, подъ листвою лѣсной.

Въ лѣсу, и въ лѣсу—только тамъ и раздолье!
Духамъ и звѣрямъ тамъ просторъ и приволье...
И феи, и лани—крутые рога,
Ко мнѣ подходили, не чуя врага.

Ко мнѣ подходили онѣ безъ опаски
Кроваваго умысла или остратки:
Что я не охотникъ—то чуялъ олень,
Что я не разумная тварь—то, какъ день,

Для фей было ясно. Глупцы лишь болтають,
Что феи пріязнью людей награждаютъ.
Но были всѣ прочія власти лѣсовъ
Ко мнѣ благосклонны—поклониться готовъ.

Вокругъ меня эльфы порхали любовно—
Воздушный, веселый народецъ! Но словно
Холодною сталью ихъ очи блестять
И смертью за мигъ наслажденья грозятъ.

И майскими играми, майскою пляской
Онѣ меня тѣшили; тѣшили сказкой
Про разныя пашни изъ хроникъ лѣсныхъ
Титаніи... Много я выслушалъ ихъ.

Садился ли я надъ хрустальной струею
Источника—тотчасъ, веселой толпою,
Всплывали ундины, красавицы водъ,
Въ серебряныхъ, длинныхъ покровахъ—и вотъ,

По цитрамъ согласно онѣ ударили
И бѣшеный свой хороводъ начинали;

Мелодія, позы—казалось все въ немъ
Звучащимъ, порхающимъ въ пляскѣ огнемъ;

Порою онѣ помирнѣе бывали:
У ногъ моихъ скромною группой лежали,
Головкой припавъ на колѣни ко мнѣ,
И пѣли онѣ, распѣвали онѣ

Романсы какого-то тамъ итальянца
О томъ, что растутъ гдѣ-то три померанца,
И славили въ пѣснѣ хвалебной порой
Прекраснѣйшій ликъ человѣческой мой.

Но взбалмошнымъ смѣхомъ всѣ эти напѣвы
Порой прерывали дубровныя дѣвы,
Иль спросомъ такимъ: «На какой же предметъ,
Скажи, человѣка Богъ создалъ на свѣтъ?»

«Мы слышали: души безсмертны людскія;
Скажи, это правда? Онѣ холщевыя,
Иль сшиты изъ кожи, чтобъ стало навѣкъ?
Глупъ такъ же, какъ ты, вообще человѣкъ?»

Отвѣтъ мой да будетъ пока неизвѣстенъ;
Но вѣрьте—хоть смѣхъ ихъ и былъ неумѣстенъ,
Безъ всякой обиды, безсмертной душой
Всегда я выслушивалъ смѣхъ водяной.

Ундины и эльфы хитры и любезны,
Но духи земные намъ больше полезны;
Особенно гномъ; человѣку онъ другъ
И дѣлаетъ множество всякихъ послугъ.

Широкая, длинная, алаго цвѣта,
На нихъ спанечка красиво надѣта.
Я виду не понялъ, что знаю—зачѣмъ
Приходится ноги имъ прятать совѣмъ.

Не ноги, а лапки у нихъ, какъ у утки;
Но твердо увѣрены эти малютки,
Что тайны ихъ знать никому не дано;
Смѣяться надъ ними мнѣ было грѣшно.

О, Господи! Развѣ мы съ ними не схожи?
У всѣхъ у насъ спрятано что-нибудь тоже,
И всѣ мы, всѣ думаемъ также подчасъ,
Что лапокъ утиныхъ не видно у насъ.

Знакомъ съ саламандрами не былъ тогда я,
И мало о нихъ мнѣ ватага лѣсная
Повѣдала. Робко мелькали онѣ,
Блестящія тѣни, въ ночной тишинѣ.

Длиною съ ребенка и тощи, бѣдняжки;
Въ обтяжку и брючки на нихъ и рубашки
Багроваго цвѣта, съ шитьемъ золотымъ;
Всѣ съ личикомъ желтымъ, печальнымъ, больнымъ;

Въ уборѣ у каждой изъ нихъ головенка:
Съ рубинами, вся золотая, коронка;
И каждая мнить о себѣ, что она
Надъ тварями всѣми царица одна.

Въ огнѣ не сгорать—правда, кунштштюкъ не малый;
Я съ этимъ готовъ согласиться, пожалуй,
Но, все-таки, трудно увѣрить меня,
Что эти малюточки—духи огня.

Межъ духами лѣса, гораздо умнѣе
Всѣхъ прочихъ, по мнѣ, старички-чародѣи,
О коихъ народъ говоритъ: «Мужичокъ—
Онъ самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ».

Откуда они—неизвѣстно... Сдается,
Когда въ лунномъ свѣтѣ ихъ рой кувыркнется,
Что пляшутъ и скачутъ сморчки по лучу...
Откуда они—я и знать не хочу,

Затѣмъ что ко мнѣ они добрыми были
И разной меня ворожбѣ научили:
Огонь заговаривать, птицъ окликать,
Цвѣтокъ-невидимку въ Купалу срывать;

Учили, какъ въ звѣздные свитки вчитаться;
Какъ, вѣтеръ взнуздавъ, безъ сѣдла на немъ мчаться,
Какъ тайною силой руническихъ словъ
Усопшихъ въ ночи вызывать изъ гробовъ;

Учили—у дятла выманивать свистомъ
Разрывъ-траву съ вѣщими корнемъ и листомъ:
Они указуютъ въ полуночной мглѣ,
Гдѣ клады съ зарокѣмъ зарыты въ землѣ.

Учили словамъ, что нашептывать надо,
Когда докопаться удастся до клада,

и все объяснили... Напрасный урокъ:
Наука о кладахъ пошла мнѣ не въ прокъ.

По правдѣ, тогда я доволенъ былъ малымъ,
Оплачивать нужды своимъ капиталомъ
Я могъ: приносили тогда каждый годъ
Воздушные замки мнѣ вѣрный доходъ.

О, милое время! Блаженные годы,
Когда предо мною вились хороводы
Ундиятъ или эльфовъ подъ сѣнью лѣсовъ,
При вѣчныхъ проказахъ малютокъ-духовъ!

О, милое время, когда легкой аркой
Изъ вѣтвей пахучихъ и зелени яркой
Свивались деревья—и я тутъ гулялъ,
Увѣнчанъ, какъ будто побѣду стяжалъ.

То милое время давно ужъ сокрылось,
И все съ той блаженной поры измѣнилось!
Былое погребло навѣкъ—и увы!
Похищенъ вѣнокъ у меня съ головы.

Похищенъ вѣнокъ у меня; я не знаю,
Какъ это случилось, но я изнываю
Съ тѣхъ поръ, какъ прекраснымъ вѣнкомъ не одѣтъ,
И будто души у души моей нѣтъ.

Нѣтъ эльфовъ въ лѣсу; по таинственнымъ логамъ
Я слышу лай сталъ съ охотничьимъ рогомъ;
Лань прячется въ чащу и, страха полна,
Тамъ лижетъ кровавыя раны она.

И гдѣ «мужички съ ноготокъ»? Безъ сомнѣнья,
Забилися въ трещины скалъ съ огорченья.
Къ друзьямъ моимъ маленькимъ слѣдъ я сыскалъ,
Да счастье съ вѣнкомъ на пути потерялъ.

Гдѣ фея съ улыбкой своей благосклонной,
Съ волной золотистыхъ кудрей благовонной?
Обитель ея—крѣпкій дубъ, обнаженъ
Отъ листьевъ и въ жертву вѣтрамъ обреченъ.

Печальнѣе Стикса ручей и стремнина;
Сидитъ на пустынномъ побережьѣ ундина,
Блѣдна и недвижна, какъ каменный ликъ,
Что въ скорби на грудь головою поинкъ.

Какъ другъ, приближаюсь я къ ней съ состраданьемъ...
Но смотреть она на меня съ содроганьемъ—
И быстро скрывается въ чащѣ вѣтвей,
Какъ будто бы призракъ привидѣлся ей.

ЭКСЪ-ЖИВОЙ.

Бругъ, скажи мнѣ, гдѣ твой Кассій.
Этотъ «стражъ, ночной глашатай»,
Что по набережной Сены
Все гулялъ съ тобой когда-то?

Иногда вы вверхъ смотрѣли,
Гдѣ одна другой чернѣе
Проносились тучи; также
Были мрачны ваши думы.

Бругъ, скажи мнѣ, гдѣ твой Кассій?
Онъ забылъ ужъ объ убійствахъ;
Говорять, что онъ въ Штутгартѣ
Сталъ теперь чтецомъ тирана.

Отвѣчалъ мнѣ Бругъ: «Дуракъ ты,
Близорукъ, какъ всѣ поэты;
Кассій сталъ чтецомъ тирана—
Для того, чтобъ съ нимъ покончить:

Онъ ему стихи читаетъ
Мацерата; въ нихъ кинжаломъ
Каждый стихъ, и рано-ль, поздно-ль —
Но тиранъ умретъ отъ скуки».

ЭКСЪ-НОЧНОЙ СТРАЖЪ.

Говорять, покинувъ Штутгартъ,
Огорченъ и разсерженъ,
Управляющимъ театра
Нынче въ Мюнхенѣ сталъ онъ.

Это городъ очень милый,
Гдѣ, въ забвеньѣ всѣхъ тревогъ,
Шевелить воображенье
Пива пѣнистаго «бокъ».

Все же бѣдный управитель,
Какъ молва о томъ гласить,
Ходитъ тамъ мрачнѣе Данта
И, какъ Байронъ, все хандрить.

Не смѣшать его комедьи,
Не смѣшить плохой поэтъ,
Даже въ самой страшной драмѣ
У него улыбки нѣтъ.

Хоть красавицы инныя
Оживить его хотятъ,
Но любовные ихъ взоры,
Какъ по панцырю скользятъ.

Передъ нимъ воркуеть Наннерль
Безполезно. Ей въ отвѣтъ:
«Въ монастырь иди, голубка»,
Говоритъ онъ, какъ Гамлетъ.

И друзья поютъ напрасно,
Чтобъ его развеселить:
«Лампа жизни еще блещетъ,
Ты, ликуя, долженъ жить»,

Но съ тебя ничто не можетъ
Снять печали тайной гнетъ,
Хоть въ томъ городѣ забавномъ
Чужакамъ потерянъ счетъ.

Правда, Мюнхенъ самъ недавно
Опечалился слегка:
Онъ такихъ людей лишился,
Что утрата ихъ тяжка.

Хоть бы Масманъ тамъ остался!
Я увѣренъ, онъ одинъ
Разогналъ бы кувырканьемъ
Непремѣнно весь твой сплинъ

А кто Шеллинга замѣнить?
И его ухоть—ударъ;
Былъ забавенъ, какъ философъ,
И почтененъ, какъ фигляръ.

Основателя Валгаллы
Тоже нѣтъ—ушелъ и онъ,
Манускриптъ свой весь оставивъ;
Это тоже вѣдь уронъ.

А съ Корнелиусомъ скрылись
Всѣ его ученики

И остриглись—а вѣдь были
Волосами велики.

Въ волоса влагаль Корнелій
Нѣчто въ родѣ волшебства,
И нерѣдко шевелились
Въ нихъ живыя существа.

Нѣтъ и Гёрреса-гіены;
Онъ слезами красныхъ глазъ
Инквизиціи паденье
Здѣсь оплакивалъ не разъ.

Этотъ хищный звѣрь оставилъ
По себѣ сыночка; но
Тотъ—лишь кроликъ ядовитый
Жреть съ анисомъ толокно.

А propos! Архитебзчестный
Доллингериусъ—слыветь
Онъ давно подъ этой кличкой—
Все-ль онъ въ Мюнхенѣ живеть?

Этотъ памятенъ мнѣ будетъ—
Богъ свидѣтель!—до конца.
Ахъ, у висѣльниковъ даже
Не найдешь мерзѣй лица.

Говорять, что онъ родился
Чудомъ, нужно полагать:
Онъ проходомъ заднимъ вышелъ,
Ужаснувъ родную мать.

Какъ-то въ пятницу страстную
Я его въ средѣ людей
Темныхъ видѣлъ; но межъ ними
Былъ онъ, право, всѣхъ темнѣй.

Да, Monacho monachorum
Въ наши дни пріютомъ сталъ
Тѣхъ virorum obscurorum,
Коихъ Гуттенъ осмѣялъ.

Гуттенъ! Грозно это имя!...
Бывшій стражъ ночной, проснись!
Вотъ бичи—вотъ капишоны;
Ты за бичъ опять берись.

И бичуй, какъ Ульрихъ прежде
Эти спины бичеваль.
Онъ ихъ билъ, какъ храбрый рыцарь,
А надъ ними стонъ стоялъ.

Самъ Эразмъ надъ тѣмъ смѣялся
Такъ, что въ горлѣ какъ-то разъ
У него нарывъ прорвался,
И сталъ здравъ онъ въ тотъ же часъ.

Хохоталъ безумно тоже
Сикингенъ отъ тѣхъ потѣхъ,
И во всѣхъ земляхъ германскихъ
Раздавался громкій смѣхъ.

Все смѣялось въ Виттенбергъ—
Младъ и весель, старъ и хмуръ;
Все смѣялось, распѣвало
«Gaudeamus igitur!»

Безъ сомнѣнья, блохъ немало
Скрыто въ складкахъ темныхъ рясъ,
И почесывался Гуттенъ,
Вѣроятно, много разъ.

Все же «Alea est jacta!»
Крикъ его военный былъ;
Онъ и блохъ, и клерикаловъ
Съ равнымъ мужествомъ давилъ.

Бывшій стражъ ночной, ужели
Такъ ты выцвѣлъ въ наши дни?
Оживись, дай волю сердцу
И хандру съ себя стряхни.

На своихъ ногахъ прогресса
Двинься снова въ путь смѣлѣй,
И по чернымъ капишонамъ,
Сколько-бъ ихъ не встрѣтилъ—бей!..

Но, свои ломая руки,
Отвѣчаетъ грустно онъ:
«Силы нѣтъ у ногъ прогресса,
Я Европой утомленъ.

«Отъ нѣмецкихъ, слишкомъ узкихъ
Башмаковъ себѣ натеръ

Я мозоли—и въ покой
Жить рѣшился съ этихъ поръ».

ПЛАТЕНИДЫ.

Иліады, Одиссеи
Ты хвастливо намъ сулишь
И заранѣ величайшимъ
Мужемъ вокругъ себя глядишь.

На словахъ твои дѣянья
Безконечно велики...
О, давно такого сорта
Мнѣ извѣстны должники!

Вотъ здѣсь Родусъ, здѣсь танцуютъ!
Покажи искусство ногъ,
А не то молчи, и мигомъ
Убирайся за порогъ.

Геній платить чистоганомъ
За все то, что потребить;
Шиллеръ, Гёте, Лессингъ, Виландъ
Не любили жить въ кредитъ,

Не искали въ долгъ овацій,
Не морочили народъ,
Чтобы онъ вѣнкомъ лавровымъ
Ихъ увѣнчивалъ вперёдъ.

Мертвъ давно дворянчикъ старый,
Но оставилъ сѣмя онъ...
О, я знаю этихъ жалкихъ
Трутней будущихъ временъ!...

Это—Платенскія дѣти,
Дѣти кровныя вполнѣ...
Галлермюндеровъ порода
Хорошо извѣстна мнѣ.

МИѲОЛОГІЯ.

Да, Европа быку покорилась;
Но вѣдь быкъ—это сила большая;
Виновата ли тоже Даная,
Что дождемъ золотымъ соблазнилась?

И умно рассуждала Семела:
Что такое небесная тучка?
Идеально воздушная штучка—
Ничего! я отдамся ей смѣло.

Но глубоко должно озадачить
То, что съ Ледой случилось когда-то:
О, какой же гусыней была ты,
Что могъ лебедь тебя одурачить!..

МАТИЛЬДѢ ВЪ АЛЬБОМѢ.

Какъ хочешь ты, чтобъ на листкѣ бумаги,
Полусерьезно и полушутя,
Риемованно альбомную гремушку
Я написалъ тебѣ, мое дитя—

Я, только на губахъ твоихъ прекрасныхъ
Привыкшій все высказывать въ тиши
Лобзаньями, что, какъ огня потоки,
Бѣгутъ изъ глубины моей души.

О, мода безопасная! Поэта
Тиранить даже и его жена,
Пока, какъ отъ другихъ пѣвцовъ, въ альбомѣ куплетикъ
Не выпросить и у него она.

МОЛОДЫМЪ.

Пускай не смущаютъ тебя, не прельщаютъ
Плоды Гесперидскихъ садовъ на пути,
Пусть стрѣлы летаютъ, мечи пусть сверкаютъ—
Они не помѣха герою идти.

Кто выступилъ смѣло, тотъ сдѣлалъ полдѣла;
Не медли! Весь міръ въ Александра рукахъ!
Минута приспѣла! Героя Арбелы
Ужъ молятъ царицы, склонившись во прахъ.

Прочь страхъ и сомнѣнья! За муки, лишенья
Награда намъ—Дарія ложе и тронъ!
О, сладость паденья! О, верхъ упоенья—
Смерть встрѣтить, побѣдно войдя въ Вавилонъ!

НЕВѢРУЮЩІЙ.

Да, я знаю, въ объятяхъ моихъ
Будешь, будешь покоиться ты;

Замираетъ все сердце мое
Отъ чудесной, волшебной мечты.

Да, ты будешь въ объятяхъ моихъ!
Шелкъ твоихъ золотистыхъ кудрей
Слышу я, и къ плечу моему
Ты прильнула головкой своей.

Да, ты будешь въ объятяхъ моихъ!
Превратится въ дѣйствительность сонъ,
Высочайшимъ блаженствомъ небесъ
Буду я на землѣ награжденъ.

О, Ома!.. Нѣтъ, какъ ты, буду я
Сомнѣваться до часа того,
Какъ свой собственный перстъ, наконецъ,
Въ рану счастья вложу моего.

KATZEN-JAMMER.

Эти сѣрые и мутные туманы
Поднялись изъ моря наслажденья,
И сегодня я плачу страданьемъ
За вчерашнее блаженство опьяненья.

Ахъ, въ полынь какую превратился
Сладкій нектаръ! Тяжело мнѣ и жутко,
И мутить, мутить меня противный
Katzen-Jammer сердца и желудка.

ДОМАШНЕЕ СЧАСТЬЕ.

Много женщинъ, ну, и много блошекъ.
Много блошекъ, много зуду тоже.
Безпокойства оттого немало—
Но чесаться сохрани васъ Боже!

Потому что ночью вамъ плутовки
Отомстятъ, пробравшись на перину;
А прижать ихъ къ сердцу захотите—
Повернуть презрительно вамъ спину.

ТЕПЕРЬ КУДА?

Ну, теперь куда? Въ Германью
Тянетъ глупою ногою,

Но разсудокъ шепчетъ, мудро
И качая головою:

Хоть и кончена война,
Но военный судъ остался—
Тамъ отмѣчено, что ты
Ужъ до пули дописался.

Я не знаю ничего
Неприятнѣй разстрѣлянья;
Не герой я, чужды мнѣ
Патетичныя кривлянья.

Развѣ въ Англiю? Но тамъ
Сырость, копотъ и мiазмы...
И народъ... его ужъ запахъ
Тошноту даетъ и спазмы.

Не въ Америку-ль отплыть—
Въ тотъ громадный хлѣвъ свободы,
Гдѣ живутъ такъ равноправно
Разнокожіе народы?

Но противно жить въ странѣ,
Гдѣ жуютъ табакъ, играютъ
Въ кегли всѣ безъ короля
И плевальницы не знаютъ.

Вотъ въ Россiи, можетъ-быть,
Поселиться мнѣ-бъ не худо,
Да боюсь, что въ зимнiй холодъ
Вынести кнутъ не въ силахъ буду.

Высоко мигаютъ звѣзды,
И съ тоской на нихъ гляжу я;
Но мои звѣзды нигдѣ
Въ небесахъ не нахожу я.

Въ лабиринтѣ золотомъ
Сбилась, можетъ-быть, съ дороги,
Какъ и самъ я затерялся
Въ суетѣ земной тревоги.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Ты умерла, о томъ не зная... Ахъ,
Померкнулъ ясный свѣтъ въ твоихъ глазахъ,

И помертвѣлъ твой ротикъ дорогой;
Ты умерла, ребенокъ мертвый мой.

И лѣтнею прекрасною порой—
Мнѣ не забыть той ночи роковой—
Я самъ тебя, дитя, похоронилъ.
Съ небесъ хоръ звѣздъ намъ горестно свѣтилъ;

И пѣсню жалобной своей
Насъ провожалъ печально соловей.
Когда твой гробъ предъ лѣсомъ темнымъ сталъ,
Тутъ сосенъ рядъ молитву прошепталъ.

Въ ночную тѣнь, какъ въ траурный нарядъ,
Закутанъ былъ деревьевъ грустный рядъ,
И вторя имъ, и вторя соловью,
Зашѣлъ намъ лѣсъ протяжно литію.

И озеро съ тобой я миновалъ—
Надъ нимъ рой эльфъ безопасно танцовалъ;
Увидѣвъ насъ, воздушный пестрый кругъ
Въ нѣмой тоскѣ остановился вдругъ.

И мѣсяцъ къ намъ сошелъ и рѣчь сказалъ,
Когда я гробъ въ могилу опускалъ...
Рыданіе, и жалобы, и стонъ...
И звонъ глухой, далекой церкви звонъ...

СОЛИДНОСТЬ.

Богу пѣсенъ любовь говорила:
«Ты бы далъ мнѣ распiski какія,
Прежде чѣмъ я тебѣ отдалася—
Времена-то вѣдь нынче плохія».

И богъ пѣсенъ, смѣясь, отвѣчаетъ:
«Плѣхи—да! По всему это видно;
Говоришь ты, какъ старый закладчикъ,
Что проценты взимаетъ безстыдно.

«У меня только лира осталась—
Но вѣдь все же она золотая:
Говори, сколько дашь поцѣлуевъ
За нее, ты моя дорогая?»

СТАРАЯ РОЗА.

Словно розанчикъ, она
Постепенно расцвѣтала;
Молодое сердце къ ней
Юной страстью запылало.

Расцвѣла она потомъ
Пышноцвѣтной, чудной розой;
Я хотѣлъ ее сорвать—
Но убрался прочь съ занозой.

А теперь, когда она
Отцвѣла и облетѣла—
«Милый Генрихъ» я для ней,
Нѣжность, ласка безъ предѣла.

«Генрихъ этакій-сякой»
Расцвѣкаетъ мнѣ красотка
И шипами ранить вновь—
Но шипами подбородка.

Право, слишкомъ ужъ колючъ
Той щетиночки пучочекъ;
Въ монастырь иди, дитя,
Иль побрейся, мой дружокъ.

АУТО-ДА-ФЕ.

Блеклый розанъ, пыльный локонъ,
Кончикъ банта голубого,
Позабытыя записки,
Бредни сердца молодого —

Въ пламя яркое камина
Я бросаю безъ участя,
И трещать въ огнѣ остатки
Неудачъ моихъ и счастья.

Лживо вѣтренныя клятвы
Улетаютъ струйкой дыма,
И божокъ любви лукавый
Улыбается незримо.

И гляжу въ мечтахъ о прошломъ
Я на пламя... Догорайте,

Золотыя искры тихо...
Доброй ночи вамъ... прощайте!

Л А З А Р Ь.

1.

ходъ жизни.

Если ты имѣешь много,
Такъ тебѣ еще дадутъ;
Если мало, такъ и это
Очень малое возьмутъ.

Если-жъ нищій ты, въ могилу
Полѣзай и жизнь забудь!
Жить лишь тотъ имѣетъ право,
Кто имѣетъ что-нибудь.

2.

оглядка назадъ.

Разныхъ благовоній кухни нашей дольной
Я ужъ перенюхалъ черезчуръ довольно:
Все, что только можетъ дать намъ миръ земной,
Всѣмъ я наслаждался вдоволь, какъ герой.
Я и пирожками кофе заѣдалъ,
Куголкой красивой часто обладалъ,
Щеголялъ въ тончайшемъ новомъ сюртукѣ,
И всегда водились деньги въ кошелькѣ.
На конѣ, какъ Геллертъ, разѣзжалъ верхомъ,
У меня былъ замокъ, у меня былъ домъ,
Я лежалъ въ долинѣ, что зовется Счастьемъ,
На меня смотрѣло солнышко съ участиемъ,
И вѣнокъ лавровый лобъ мой обвивалъ,
Золотыя грѣзы онъ мнѣ навѣвалъ;
Съ грѣзою надъ розой и надъ маемъ вѣчнымъ.
Млѣлъ я въ упоеніи сладостно безпечномъ,
Въ мертвенно лѣнивомъ, тихомъ полуснѣ—
И тогда влетали прямо въ горло мнѣ
Жареныя утки; духи въ высшемъ санѣ
Часто приносили мнѣ Клико въ карманѣ...
Скоро разлетѣлся тѣхъ видѣній рой—
И теперь лежу я на травѣ сырой;
Ревматизмъ въ суставахъ и на сердцѣ— мгла,
Мрачная досада въ душу залегла.

И пришлось теперь мнѣ съ каждымъ наслажденьемъ.
Расквитаться горькимъ, тягостнымъ мученьемъ...
Укуса и желчи пить теперь мнѣ дали,
И клопы жестоко тѣло искусали,
И тѣснить отвсюду черная забота;
Все кривлю душою, все боюсь чего-то,
Занимаю деньги у кого попало,
Клянчить Христа-ради не стыжусь нимало.
Ахъ! меня измучилъ этотъ долгій путь—
Хочется въ могилѣ темной отдохнуть.
Ну, теперь прощайте. Тамъ, за гробомъ, братья,
Это ужъ конечно—встрѣчу васъ опять я.

3.

ВОЗСТАНІЕ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ.

Звукъ трубный разносится вкругъ,
И грозно на судъ онъ сзываетъ.
Встаютъ изъ могилъ мертвецы,
И трепеть по нимъ пробѣгаетъ.

Всѣ въ саванахъ бѣлыхъ, спѣшатъ
Они на призывъ неизмѣнный
Туда, въ Иосафатъ, гдѣ судить
Ихъ будутъ въ долинѣ священной.

Тамъ, въ сонмѣ святыхъ самъ Христосъ
Сидитъ, какъ судья уголовный;
Евангельски кротокъ и мудръ
И милостивъ судъ тотъ верховный.

Всѣ судьи безъ масокъ. Со всѣхъ
Личина спадаетъ мгновенно,
Когда наступилъ страшный судъ,
И смертныхъ ждетъ рай иль геенна.

Въ долину стремятся толпы
Во имя послѣдняго долга,
И такъ какъ имъ всѣмъ нѣтъ числа,
То ихъ разбираютъ недолго.

Направо овечки идутъ,
Налѣво козловъ отгоняютъ;
Ждетъ небо блаженныхъ овецъ,
Козловъ же всѣхъ въ адъ отправляютъ.

4.

УМИРАЮЩІЙ.

Солнца, счастья шель искать —
Нагъ и плохъ вернулся вспять;
И бѣлье, и упованье
Истаскалъ въ своемъ скитаньи.

Скуденъ силой, худъ лицомъ...
Но утѣшься!—близокъ домъ.
Какъ у матери любимой,
Сладко спать въ землѣ родимой.

А иной въ пути сталъ хромъ —
Не вернется въ отчій домъ,
Плачетъ въ горѣ безутѣшномъ...
Боже! Смилуйся надъ грѣшнымъ!

5.

Г О Л Ъ.

Богачамъ лишь плоской лестью,
Другъ мой, можно угодить,
Деньги плоски, оттого-то
Имъ и плоско надо льстить.

Предъ тельцами золотыми
Ползай ревностно въ пыли,
Въ лужахъ мерзостныхъ—но только
Въ половину не хвали.

Нынче хлѣбъ ужасно дорогъ —
Что-жь! Ты громко воспѣвай
Псовъ любимыхъ Меѣната
И желудокъ набивай!

6.

ВОСПОМИНАНІЕ

Однимъ шелуха, а другому жемчугъ...
Такъ рано ты умеръ, Визецкій, мой другъ —
Но котенокъ, котеночекъ спасся:

На тонкую жердь ты карабкаться сталъ:
Она надломилась, ты въ воду упалъ —
Но котенокъ, котеночекъ спасся.

Мы тихо за маленькимъ гробикомъ шли;
У самой могилы фіалки цвѣли —
А котенокъ, котеночекъ спасся.

Умень ты, что въ пору ребяческихъ грѣзъ
Подъ кровлей укрылся отъ будущихъ грозъ —
А котенокъ, котеночекъ спасся.

И въ самомъ началѣ тяжелый недугъ
Ты вылѣчилъ смертью, мой маленькій другъ —
А котенокъ, котеночекъ спасся.

А я вотъ страдаю, разрушенъ мой домъ,
И съ завистью грустной я вспомнилъ о томъ,
Какъ котенокъ, котеночекъ спасся.

7.

НЕСОВЕРШЕНСТВО.

Нѣтъ совершенства на землѣ, хоть свѣтъ
Весь обойди. Безъ терній розы нѣтъ;
Едва ли, думаю, и въ горнихъ сферахъ духи,
По части недостатковъ, безъ прорухи.

Тюльпанъ безъ запаха. На Рейнѣ говорятъ:
«И честный Фрицъ разъ стибрилъ поросять»;
Дугреція—не будь ударъ кинжала —
Быть-можетъ, тоже бы дѣтей рожала.

Павлинъ красивъ, но гадокъ по ногамъ;
Умнѣйшая изъ женщинъ можетъ намъ
Прискучить, какъ Вольтеръ своею «Генріадою»
Иль даже Клопштокъ—«Мессіадою».

Умнѣйшей изъ коровъ испанскій чуждъ языкъ,
Какъ Масману латынь; Канова чудно лякъ
Венеры изваялъ, но задъ ужъ слишкомъ гладокъ,
Какъ носъ у Масмана, такъ плоскъ, что даже гадокъ.

Въ сладчайшей пѣсенкѣ бываетъ кислый стихъ,
Какъ жала пчелы не разъ находимъ въ сотахъ ихъ;
Фетиды сынъ—герой, но уязвимъ былъ къ пятку;
Дюма имѣлъ въ роду француза и мулатку.

Звѣзда на небесахъ, какъ ни ярка, ясна,
Но, насморкъ получивъ, катится внизъ она;

Прекрасный самый сидръ все вкусъ хранить отъ бочки,
И въ солнцѣ черныя мы открываемъ точки.

Ты даже, ты сама, почтенная жена,
Дефектовъ не совсѣмъ, признайся, лишена,
Я слышу твой вопросъ: «Недостаетъ чего же?»
Нѣтъ груди у тебя, въ груди души нѣтъ тоже.

8.

НАБОЖНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

О, душа! Съ надеждою на Бога
И съ возможно наименьшей болью
Разставайся ты съ земной юдолюю —
Черезъ ночь и смерть лежитъ дорога,

Но у вратъ золотыхъ столицы свѣта
На часахъ стоятъ Господни стражи:
О дѣлахъ и помышленьяхъ даже
У тебя потребуютъ отвѣта,

А о чинѣ, имени не спросятъ...
Здѣсь покой, довольство и свобода;
Туфли мягкія дадутъ тебѣ у входа,
Сапоги-жъ тяжелые забросятъ.

9.

ОХЛАЖДЕННЫЙ.

Мнѣ умирать приходится; боюсь,
Что я надолго въ гробъ ложусь,
Боюсь, что долго, безъ сомнѣнья,
Придется ждать намъ воскрешенья.

Но прежде, чѣмъ потухнетъ свѣтъ въ очахъ,
Пока еще я не совсѣмъ зачахъ,
И передъ тѣмъ, какъ въ тѣсный гробъ ложиться —
Хотѣлось бы любовью насладиться.

Моя любовь блондинки быть должна,
Съ глазками, какъ кроткая луна;
Съ брюнетками вѣдь очень скверно было:
Любовь ихъ солнечнымъ огнемъ пала.

Пусть молодость, исполненная силъ,
Бросается безумно въ самый пылъ,

Въ разгаръ страстей, гдѣ въ бѣшеномъ избыткѣ
Шумъ, клятвы громкія и душъ влюбленныхъ пытки.

Я боленъ, старъ, еще недолго жить;
Но разъ еще хотѣлъ бы полюбить,
Духъ погружать въ мечтательныя думы
И счастьемъ наслаждаться—но безъ шума.

10.

СОЛОМОНЪ.

Умолкли кимвалы, и трубы, и громкіе клики,
У ложа царева на стражѣ архангеловъ лики,
Мечомъ опоясанныхъ, вѣстниковъ Божьяго гнѣва—
Шестъ тысячъ направо и столько же тысячъ налѣво.

Царя охраняютъ отъ ужасовъ мукъ его сонныхъ.
Вотъ брови онъ сдвинулъ и тяжело, прерывисто, дышитъ,
И вокругъ него тотчасъ же пламя стальное запышетъ
Двѣнадцати тысячъ мечей, изъ ноженъ извлеченныхъ.

Но вотъ—мечи ангеловъ снова въ ножны упадаютъ;
Отъ ложа царева всѣ ужасы прочь отлетаютъ,
Чело у царя прояснилось стъ тяжелой печали,
И милое имя уста его сонно шептали:

«Властитель наслѣдный Израиля и Іуден,
Зачѣмъ, Суламита, тебя полюбили я такъ страстно?
Какое мнѣ дѣло, что мнѣ всѣ народы подвластны?
Меня ты не любишь. Ахъ, лучше-бъ ужъ смерть поскорѣ!»

11.

ПОГНИВШІЯ НАДЕЖДЫ.

Совершеннымъ сходствомъ нрава
Насъ всегда влекло другъ къ другу,
Мы всегда готовы были
На взаимную услугу.

Оба честны, оба скромны,
Надобность въ словахъ едва ли
Мы имѣли: ужъ по взглядамъ
Мы другъ друга понимали.

Какъ хотѣлось бы остаться
Мнѣ съ тобою навсегда тамъ,

Въ этомъ dolce far niente
По оружью храбрымъ братомъ.

Да, я жаждалъ быть съ тобою,
Вмѣстѣ всѣ дѣлать мгновенья,
Все, что хочешь, сталь бы дѣлать
Я тебѣ изъ угожденья.

Сталь бы ѣсть все, что ты любишь,
Никогда не допускалъ бы
Блюдь, тебѣ противныхъ; даже
Я курить сигары сталь бы.

Польскіе рассказы—помнишь,
Что одни другихъ смѣшнѣе—
Я рассказывалъ бы снова
На жаргонѣ Іуден.

Да, хотѣлъ къ тебѣ я ѣхать
Изъ чужбины, въ сладкой лѣвни,
У огня былого счастья
Согрѣвать свои колѣни.

О, надежды, грѣзы! Мыльнымъ
Пузыремъ вамъ разлетаться!
На землѣ теперь лежу я,
Нѣту силы приподняться...

Нѣтъ надеждъ и нѣтъ желаній!
Жизнь кончается безцѣльно...
Ахъ, меня, и прямо въ сердце,
Поразилъ кулакъ смертельно.

12.

П О М И Н К И.

Не отслужать панихиды,
Не прочтуть кадошгъ унылый,
Говорить и пѣть не будутъ
Надъ забытою могилой.

Если-жъ теплая погода
Будетъ въ день моей кончины,
На Монмартръ придутъ, быть-можетъ,
Фрау Матильда и Полина...

И вѣнокъ изъ иммортелей
Для меня она закажетъ,
И вздохнетъ она: «*rauivre homme!*»
Скорбь глаза ея увлажитъ...

Къ сожалѣнью, я теперь
Высоко живу немножко,
И для ней нѣтъ стульевъ здѣсь —
Ахъ, устали милой ножки!

О, дородный, милый другъ мой!
Ужъ домой ты, ради Бога,
Не иди пѣшкомъ; фіакровъ
У заставы очень много.

13.

СВИДАНІЕ ПОСЛѢ РАЗЛУКИ.

Лѣтній вечеръ... лоза винограда...
У окна мы, какъ прежде, сидѣли...
Животворна ночная прохлада...
Но, какъ призраки, были мы оба.

Много лѣтъ пробѣжало надъ нами
Съ той поры, какъ мы такъ же сидѣли.
Нѣжный пылъ и великое пламя
Между тѣмъ невозвратно потухли.

Я молчалъ. А она все болтала;
Безпрестанно болтунья копалась
Въ цепль старой любви; но напрасно —
Хоть бы искорка тамъ оставалась!

Начала она длинную повѣсть,
Какъ боролась съ соблазномъ, и тоже
О своей добродѣтели бѣдной —
Преглушѣйшую сдѣлалъ я рожу.

Я уѣхалъ. Деревья бѣлѣли
Въ лунномъ свѣтѣ; а гдѣ-то незримо
Голоса меня жалобно звали...
Съ мертвецами проѣхалъ я мимо.

14.

БАБУШКА ЗАБОТА.

Ахъ, въ солнечномъ блескѣ: поры золотой
Кружилися мошки веселой толпой,
Друзья—я такъ нѣжно былъ ими любимъ—
Дѣлились со мною обѣдомъ моимъ,
Моимъ и послѣднимъ червонцемъ въ тѣ дни
Со мною по-братски дѣлились они.

Я съ счастьемъ простился, и пусть кошелекъ,
Совсѣмъ разошелся и близкихъ кружокъ;
Лишь спрятался солнышка лучъ золотой—
Разсѣялся мошекъ танцующій рой;
Друзья мои тоже одинъ за другимъ,
Какъ мошки, ушли вслѣдъ за счастьемъ моимъ.

И нынѣ забота сидѣлкой ночной
Въ чепцѣ и капотѣ сидитъ надо мной,
Сидитъ—и въ безмолвіи зимнихъ ночей
Скрипитъ, да скрипитъ табакеркой своей.
Какъ гадокъ тотъ скрипъ, какъ ужасно,—увы!—
Киваніе этой сѣдой головы!

Порою мнѣ снятся чудесные сны
О счастья быломъ, наслажденьяхъ весны,
О мошкахъ веселыхъ, о милыхъ друзьяхъ...
Вдругъ скрипнетъ—и грѣзы разсѣялись въ прахъ,
Какъ мыльный пузырь... А старуха моя
Сидитъ и сморкаетъ свой носъ, слышу я.

15.

КЪ АНГЕЛАМЪ.

То онъ, то грозный Танатосъ,
На чаломъ призрачномъ конѣ...
Я слышу стукъ копытъ... летитъ
Наѣздникъ сумрачный ко мнѣ...
Схватилъ... понесъ... Матильда же осталась—
Ахъ, какъ отъ этой мысли сердце жалось!

Она всегда была со мной—
Мое дитя, моя жена;
Теперь сироткой и вдовой

Она останется одна!
Довѣрчиво меня она любила,
И дѣтское всегда въ ней что-то было

Вонмите пламенной мольбѣ
Вы, сонмы свѣтлыхъ Божьихъ силъ!
Когда я лягу въ тѣсный гробъ—
Храните ту, что я любилъ!
Во имя вашей кротости, незлобья—
Храните въ ней вапъ образъ и подобье.

Во имя слезъ, что льете вы
О человѣческихъ скорбяхъ,
Во имя словъ, что говоритъ
Священникъ, падая во прахъ—
Я васъ молю, всею силою вашей власти,
Хранить ее отъ бѣдъ и отъ напасти!

16.

въ октябрь 1849 года.

Прогремѣла гроза и ушла наконецъ,
Улеглись безпокойные толки,
И Германія—этотъ ребенокъ большой,
Ждетъ веселой торжественной елки.

Только счастьемъ семейнымъ живемъ мы теперь;
Все, что выше его, то опасно;
Снова ласточка мира вернулась домой,
Гдѣ и прежде жилось ей прекрасно.

Подъ сіяніемъ луннымъ спать рѣки, лѣса,
Точно всѣхъ одолѣла дремота;
Только грохотъ раздастся порой—можетъ-быть,
Изъ друзей разстрѣляли кого-то.

Можетъ статься, съ оружіемъ въ рукахъ пойманъ былъ
Тотъ безумецъ несчастный... Однако,
Съ поля битвы не каждый способенъ бѣжать
По примѣру Горация Флакка.

Иль тотъ грохотъ далекій есть взрывъ торжества,
Фейерверкъ въ память Гѣте... При этомъ
Изъ могилы возставшая Зонтагъ поетъ
Старымъ голосомъ гимны ракетамъ.

И Франць Листъ о себѣ намъ напомнилъ опять:
Онъ и живъ, и здоровъ, какъ когда-то;
Не сразили его на венгерскихъ поляхъ
Ни русскихъ и пуля кроата.

Истекаетъ вся Венгрія кровью; угла
Не найти беззащитной свободѣ;
Но остался вполнѣ невредимъ рыцарь Франць,
И лежитъ его шпага въ комодѣ.

Да, онъ живъ и подъ старость, собравши внучать
И свою гордяся отвагой
Въ дни венгерской войны, будетъ имъ говорить:
«Такъ лежалъ я со спрятанной шпагой».

Только вспомню про венгровъ—становится мнѣ
Слишкомъ узко нѣмецкое платье,
И подъ нимъ, словно море, бушуетъ въ груди,
Точно трубы слышалъ опять я.

И въ душѣ у меня снова грустно звучитъ
Героическій эпосъ поэта,
Гдѣ воспѣта старинная дикая брань,
Нибелунговъ погибель воспѣта.

Ту же участь героевъ мы видимъ теперь,
Та же пѣснь о старинной годинѣ;
Измѣнились одни имена у людей,
Но ихъ духъ тотъ же самый и нынѣ.

Да, судьба у героевъ великихъ одна,
Рать ихъ гордо къ свободѣ стремится,
Но должны всѣ они, по закону вѣковъ,
Силой грубой, животной сломиться.

И теперь заключилъ быкъ съ медвѣдемъ союзъ,
Чтобъ вѣрнѣй нанести пораженье.
Но утѣшься, мадьярь! И всѣмъ намъ остальнымъ
Посильнѣй нанесли оскорбленье.

Ты вѣдь все-таки въ честномъ открытомъ бою
Паль отъ рукъ благородныхъ животныхъ;
А вѣдь мы подъ ярмомъ очутились свиной,
И волковъ, и собакъ подворотныхъ.

Лай и вой, и ихъ хрюканье я не могу
Выносить, какъ и запахъ ихъ тоже...

Но, поэтъ, замолчи! Боленъ ты, а покой
Для больныхъ всего въ мирѣ дороже.

17.

В Л И Б Е С Н И М.

Во снѣ я былъ опять и юнъ, и веселъ.
Вотъ сельскій домикъ нашъ въ долинѣ горной;
И вотъ съ горы, смѣясь, рука съ рукой
Съ Отиліей сбѣгаемъ мы проворно.

Блестять ея зелененькіе глазки,
Какъ море, точно у русалки-крошки!
Нѣжна она, но крѣпко это тѣльце,
Ступаютъ твердо маленькія ножки.

Звукъ голоса—правдивый, задушевный;
И за сердце хватается съ странной силой,
И говорить она все такъ разумно;
Какъ розовая почка, ротикъ милый.

И не любовь меня при ней волнуетъ,
Не мучусь я—нѣтъ, въ полномъ я разсудкѣ;
Но такъ смягчаюсь я, когда спокойно
Цѣлую ручки милыя малютки!

Вотъ лилію сорвалъ я ей и отдалъ,
И вдругъ сказать:—«Вовѣки не забуду!
Отилія! будь ты моей женою,
И я тогда съ тобою счастливъ буду!»

Но что она отвѣтила—не знаю:
Я вдругъ проснулся.. Я вѣдь тотъ несчастный,
Что долгіе, томительные годы
Живетъ вдвоемъ съ болѣзнію ужасной...

18.

И О Т У Х Л А.

Спектакль оконченъ. Занавѣсъ спустили.
Толпа изящныхъ дамъ и кавалеровъ
Спѣшитъ домой. Поэта наградили
Рукоплесканья шумныя партера.
И вотъ теперь въ большомъ и темномъ зданьѣ
Смѣшило шумъ угрюмое молчанье.

Но, чу! Близъ опустѣвшей сцены вдругъ
Послышался какой-то рѣзкій звукъ.
Быть-можетъ, лопнула струна въ оркестрѣ. Крысы
Скребутся гдѣ-то и грызутъ кулисы...
Повсюду ненавистный запахъ масла....
Вотъ лампа замигала—и, шипя,
Съ отчаяньемъ—последняя—угасла!
Тотъ бѣдный пламень былъ—душа моя.

19.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Ну, конецъ существованью!
Приступаю къ завѣщанью—
И съ любовью готовъ
Надѣлать своихъ враговъ.

Этимъ людямъ честнымъ, твердымъ,
Добродѣтельнымъ и гордымъ,
Я навѣки отдаю
Немочь страшную мою,

Всѣ тѣлесныя мученья:
Боль въ желудкѣ, воспаленья,
И конвульси, и злой
Гнусный прусскій геморой,

И слюну, что давить глотку,
И въ спинномъ мозгу сухотку.—
Всю вотъ эту благодать
Вамъ рѣшился я отдать.

Дополненье къ завѣщанью:
Пусть о васъ воспоминанье
Божьей волей навсегда
Истребится безъ слѣда.

19.

ENFANT PERDU.

Забутый часовой въ войнѣ свободы,
Я тридцать лѣтъ свой постъ не покидалъ;
Побѣды я не ждалъ, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцѣлѣю—зналъ.

Я день и ночь стоялъ, не засыпая,
Пока въ палаткахъ храбрые друзья
Всѣ спали, громкимъ храпомъ на давая
Забыться мнѣ, хотъ и вздремнуть бы я.

А ночью—скука, да и страхъ порою:
Дуракъ лишь не боится ничего...
Я бойкимъ свистомъ или пѣснью злою
Ихъ отгонялъ отъ сердца моего.

Ружье въ рукахъ, всегда на стражѣ ухо
Чуть тварь какую близко разгляжу—
Ужь не уйдетъ: какъ разъ дрянное брюхо
Насквозь горячей пулей просажу.

Случалось—и такая тварь, бывало,
Прицѣлится и мѣтко попадетъ.
Не утаю—теперь въ томъ проку мало—
Я весь израненъ, кровь моя течетъ.

Гдѣ-жь смѣна? Кровь течетъ, слабѣетъ тѣло...
Одинъ упалъ—другіе подходят!
Но я не побѣжденъ: оружье цѣло,
Лишь сердце порвалось въ моей груди.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ.

Не попусти, чтобъ жизнь твоя прошла
Везъ радости!.. Пусть знаютъ,
Что ты ужъ вѣзъ ихъ выстрѣловъ стоишь,
И пусть себѣ стрѣляютъ!

А если счастье вдругъ, неожиданно пролетитъ—
Лови его скорѣе:
Внизу, не на горѣ, строй хижину свою;
Оно вѣдъ и вѣриѣ.

ПРИНЦЕССА ШАБАШЪ.

Пишутъ намъ въ арбскихъ сказкахъ,
Будто въ образѣ звѣриноиъ
Ходятъ часто чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни—и принцы
Принимаютъ прежній образъ:
Принцъ волочится и дамамъ
Серенады воспѣваетъ.

Все до часа рокового;
А настанетъ онъ—мгновенно
Свѣтлый принцъ четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесъ воспѣть такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется
Израиль и злою вѣдьмой
Обращецъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ, и мыслить,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ..

Но липь .пятница минуеть—
Принцъ становится, какъ прежде,
Человѣкомъ и выходитъ.
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслить, чувствуетъ, какъ люди;
Гордо, съ поднятой главою
И разряженный, вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги.

«Прародительскія сѣни!—
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно:—
Домъ Іаковлевъ! Цѣлую
Прахъ у вратъ твоихъ священныхъ!»

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопоть и движеніе;
Тихо въ храмъ все; чуть дышитъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенешаль великій только —
(Vulgo служка въ синагогѣ) —
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигаая.

Лампы—свѣточн надежды!
Какъ горять онѣ, какъ блещутъ!
Ярко свѣтятъ также свѣчи
На помостѣ альмемора.

И уже—передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ,
Съ драгоценными камнями
И въ себѣ хранящимъ Тору,

Занимаетъ мѣсто канторъ.
Онъ изящный человѣчекъ;
Черный плащикъ свой на плечи
Онъ кокетливо накиннулъ,

Бѣлой ручкой щеголяя,
Потрепалъ себя по шеѣ,
Персть къ виску прижалъ, большимъ же
Пальцемъ горло расправляетъ.

Трели онъ пускаетъ тихо;
Наконецъ. какъ вдохновенный,

Возглашаетъ громогласно:
«Лехо Дойди Ликрисъ Калле!

«О, гряди женихъ желанный,
Ты во срутенъе невѣствъ—
Той, которая откроетъ
Для тебя свой ликъ стыдливый!»

Этотъ чудный стихъ вѣнчальный
Сочиненъ былъ знаменитымъ,
Миннесингеромъ великимъ,
Донъ Иегудой бенъ Галеви.

Въ этомъ гимнѣ восхваляя онъ
Обрученъе Израиля
Съ царственной принцессой Шабашъ,
По прозванью Молчаливой.

Перль и цвѣтъ красотъ вселенной—
Эта чудная принцесса!
Что тутъ савская царица,
Саломонова подруга,

Эѳіопская педантка,
Что умою блистать старалась
И загадками своими,
Наконецъ, ужъ надоѣла!

Нѣтъ! Принцесса Шабашъ—это
Самъ покой; ей ненавистны
Суемудренныя битвы
И ученые дебаты;

Ненавидитъ этотъ дикій
Паѳосъ страстныхъ декламаций,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Подъ чепецъ свой окромно прячетъ
Косы тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Станомъ стройная, какъ аддасъ.

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но только —
Не курить. «Курить въ субботу
Запрещается закономъ;

«Но зато, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ: ты будешь
Нынче, шалеть, другъ мой, кушать».

«Шалеть—божеская искра,
Сынъ Элизія!»—загль бы
Вѣрно Шиллеръ вдохновенно,
Если-бъ шалету покушалъ.

Онъ—божественное блюдо,
Откровенное Мойсею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Онъ—амвросія безсмертныхъ,
Онъ—десертъ въ обѣдахъ райскихъ,
И въ сравненіи съ этой снѣдью
Представляется вонючкой

Та амвросія, которой
Услаждался лжебоги
Древнихъ грековъ—тѣ, что были
Маскированные черти.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалеть...
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечеть, улыбаясь:

«То не шумъ ли Иордана,
Не журчанье-ль струй студеныхъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бет-Эля,
Гдѣ верблюды отдыхаютъ?»

«Не овецъ ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечуть?
Не съ вершинъ ли Гилеата
На ночь сходятъ въ долъ барашки?»

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... Подходить
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... Принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ;

Въ членахъ дрожь отъ предвкушенья
Метаморфозы въ собаку.

Принцу милому подносить
Нарду тихая принцесса;
Разъ еще вдохнуть спѣшить онъ
Этотъ запахъ благовонный;

И съ питьемъ прощальнымъ кубокъ
Вслѣдъ затѣмъ она подносить;
Пьетъ онъ жадно—остается
Въ кубкѣ только двѣ-три капли.

Ими столъ онъ окропляетъ,
Къ брызгамъ маленькую свѣчку
Приближаетъ—свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла...

ІЕГУДА БЕНЪ-ГАЛЕВИ.

1.

«Пусть прильнетъ языкъ къ гортани,
Пусть рука моя отсохнетъ,
Если только позабуду
Я тебя, Іерусалимъ!»

Все мнѣ чудятся сегодня
Эти рѣчи и нагѣвъ ихъ,
И какъ будто бы я слышу
Пѣнье стройное псалмовъ.

А порой я вижу ясно
Рядъ бородъ кудрявыхъ, длинныхъ...
Привидѣнья, кто межъ вами
Іегуда бенъ-Галеви?

Но они проходятъ быстро...
Привидѣньямъ страшенъ грубый
Голосъ жителей земли...
И однакоже, сейчасъ же

Я узналъ его—узнать
По челу съ высокой думой,
По пытливости скорбящей
Глазъ, вперившихся въ меня.

Но особенно по дивной
И загадочной улыбкѣ
Губъ, сриемованныхъ такъ чудно,
Какъ бываетъ у поэтовъ.

Годы быстро пролетаютъ.
Отъ рожденія Іегуды
Бень-Галеви пролетѣло
Семь столѣтій съ половиной.

Въ первый разъ увидѣла свѣтъ
Онъ въ Костили, въ Толедо,
Гдѣ баюкали младенца
Волны Таго золотого.

Рано сталъ родитель строгій
Развивать ребенка умъ;
Обученье это началъ
Онъ съ священной книги Торы.

Онъ читалъ ее ребенкомъ
Въ текстѣ подлинномъ, древнѣйшемъ;
Шрифтъ ея древнехалдейскій,
Символическій, квадратный

Былъ введенъ въ употребленье
Въ дѣтствѣ міра; оттого
Каждый дѣтскій умъ глядитъ
На него съ такой любовью.

Этотъ древній, вѣрный текстъ
За отцомъ читалъ ребенокъ
Нараспѣвъ; таковъ обычай,
Установленный издревле.

И прелестно онъ картавилъ
Звуки тѣхъ гортанныхъ буквъ
И пускалъ при этомъ трели,
Заливаясь, точно птичка.

Также Таргумъ Онкелось,
Что написанъ на народномъ
Языкѣ, который нынче
Называютъ арамейскимъ

И который такъ походить
На языкъ святыхъ пророковъ,

Какъ похожъ языкъ нѣмецкій
На нарѣчье нашихъ швабовъ,

Рано выучилъ ребенокъ
И потомъ познанье это
Помогло ему прекрасно
Въ изученіи Талмуда.

Да, съ ребенкомъ очень рано
Приступилъ отецъ къ Талмуду;
Тутъ отверзъ онъ передъ сыномъ
Величавую Халаху—

Эту школу фехтованья,
Гдѣ словесные атлеты
Вавилона, Пумпедиты
Упражнялись въ состязаньи.

Здѣсь ребенокъ изощрился
Въ полемическомъ искусствѣ;
Это послѣ доказалъ онъ
Сочиненіемъ «Козари».

Но какъ небо льетъ на землю
Два различныхъ рода свѣта:
Яркій свѣтъ дневного солнца
И мерцаніе луны—

Такъ Талмудъ блистаетъ также
Свѣтомъ двойственнымъ, дѣлясь
На Халаху и Хагаду.
Я сравнилъ Халаху съ школой

Фехтовальной, а Хагаду
Назову удачно садомъ,
Безконечно фантастичнымъ
И похожимъ на другой

Садъ, который точно такъ же
Взросъ на почвѣ Вавилона,
Садъ—осьмое чудо въ свѣтѣ,
Дивный садъ Семирамиды.

Эта славная царица
Воспиталась между птицъ,
И отъ нихъ-то перенявши
Птичьи разныя привычки,

По землѣ не захотѣла
Проходить, подобно намъ,
Молоко сосущимъ тварямъ,
А создала садъ воздушный.

На подножьяхъ колоссальныхъ
Возносились кипарисы,
Пальмы, клумбы, померанцы,
Изваянья и фонтаны.

И связалъ строитель мудрый
Все висячими мостами;
А на нихъ, плющеподобныхъ,
Птицы медленно качались—

Птицы важныя, большія,
Мудрецы въ одеждѣ пестрой;
Не поютъ онѣ, и только
Внемлютъ пѣснямъ рѣзвыхъ пташекъ.

Всѣ блаженствуютъ, вдыхая
Ароматный, чистый воздухъ,
Не отравленный зловоньемъ
Испаренія земного.

И Хагада садъ такой же
Фантастическій, воздушный...
Часто юный талмудистъ,
Запыленный, оглушенный

Словопреньями Халахи,
Важнымъ споромъ о фатальномъ
Томъ яйцѣ, что было въ праздникъ
Снесено одной насѣдкой,

Или преньемъ о другомъ,
Равной важности вопросъ—
Убѣгалъ для освѣженья
Въ ароматную Хагаду,

Въ міръ прелестнѣйшихъ преданій,
Сказокъ ангельскихъ, легендъ,
Пѣсень, мудрыхъ притчъ, рассказовъ
О погибнувшихъ за вѣру

И гиперболю... Міръ забавный,
Но скрѣпленный, но горящій

Чистой вѣрой... О, какъ брызжетъ,
Какъ сверкаетъ эта вѣра!

И ребенокъ благородный
Вдругъ охватывался дикимъ,
Фантастическимъ восторгомъ,
Непонятной жаждой скорби,

Баснословнымъ содроганьемъ
Міра чуднаго, который
Мы великимъ откровеньемъ
И поэзіей зовемъ.

Онъ вполне усвоилъ также
То, столь милое для сердца,
Безмятежное искусство,
Что зовемъ мы стихотворствомъ.

И Іегуда бенъ-Галеви
Былъ не только мужъ ученый,
Но и мастеръ въ стихотворствѣ,
И поэтъ великій тоже.

Да, онъ былъ поэтъ великій
И звѣзда своей эпохи;
Былъ онъ яркое свѣтило
Для народа своего

И, какъ огненный, громадный,
Чудный столбъ—продъ караваномъ
Грустныхъ братій, съ пѣснью шелъ
По пустынь мрачной ссылки.

Пѣснь его была правдива,
И чиста, и благородна,
Какъ душа его... Когда
Богъ создалъ Іегуды душу,

То, довольный самъ собою,
Онъ ея поцѣловалъ,
И прелестный отголосокъ
Свыше даннаго лобзанья

Ясно слышенъ въ каждой пѣснѣ
У великаго поэта,
Посвященнаго на царство
Это Божьей благодатью.

И въ поэзи, и въ жизни
Высшій даръ есть благодать;
Кто снискалъ ее—не можетъ
Ни въ стихахъ грѣшить, ни въ прозѣ.

Называемъ мы такого
Божьей милостью поэта:
Геній. Онъ въ духовномъ царствѣ
Неотвѣтственный король.

Онъ даетъ отчетъ лицъ Богу—
Не народу. Какъ въ искусствѣ,
Такъ и въ жизни, насъ народъ
Убиваетъ, но не судить.

2.

«На рѣкахъ на вавилонскихъ,
Мы сидѣли и рыдали,
Прицѣпивши арфы къ ивамъ»..
Ахъ, ты знаешь эту пѣсню?

Начинается та пѣсня
Такъ печально, элегично,
И кипитъ, журчитъ и плачетъ,
Какъ сосудъ на очагѣ.

Ахъ, во мнѣ тысячелѣтя,
Все кипитъ она... Мнѣ больно.
Время только лижетъ раны,
Какъ лизали псы Иова...

Да, спасибо, песь, что лижешь,
Но языкъ твой прохлаждаетъ
Только язвы... Исцѣлить ихъ
Смерть могла-бъ—но я безсмертенъ!

Годы идутъ и проходятъ..
На станкѣ челнокъ снуетъ;
Но самъ ткачъ того не знаетъ,
Что выводитъ онъ на ткани.

Годы идутъ и проходятъ...
Поколѣній слезы льются,
Льются на землю—и тихо,
Тихо ихъ земля впиваетъ...

Все кипить во мнѣ та пѣсня!..
Но сорвалась крышка... Слава
Тѣмъ, чья длань твоихъ младенцевъ
Размозжитъ о камень... Слава!

Наконецъ-то! Черезъ край
Пролился сосудъ и—тише...
Тише... смолкъ... мой сплинъ улегся,
Міровой мой сплинъ, ужасный.

И пегасикъ мой, какъ прежде,
Ржетъ рѣзвѣ, какъ будто сбросивъ
Злой кошмаръ, и умнымъ взглядомъ
Вопрошаетъ онъ меня:

«Что, поскачемъ вновь въ Кастилью
Мы къ ребенку-талмудисту,
Что великимъ сталъ поэтомъ—
Къ Іегудѣ бенъ-Галеви?»

Да, онъ былъ поэтъ великій,
Самодержецъ въ царствѣ грѣзъ,
Повелитель міра духовъ,
Божьей милостью поэтъ.

Онъ въ священные сирвенты,
Мадригалы и терцины,
Канцонеты и газели
Вылилъ весь огонь души,

Поцѣлуй Творца пріявшей!
Смѣло этотъ трубадуръ
Можетъ стать въ ряду первѣйшихъ
Провансальскихъ трубадуровъ

Руссильона и Гісны,
Пуату и прочихъ милыхъ,
Померанцевыхъ земель
Удалого христіанства!

Удалого христіанства
Померанцовыя земли!
Какъ блестятъ онѣ, какъ пахнутъ
Въ полутьмѣ воспоминанья!

Соловьиный чудный міръ —
Міръ, гдѣ всѣми прославлялся,

Вмѣсто истиннаго Бога,
Ложный богъ любви и музъ.

Тамъ нѣпы, покрывши плѣщи
Розъ вѣнками, пѣли псалмы
На веселомъ *langue d'os*;
А галантные міряне,

Франты-рыцари, красуясь
На коняхъ своихъ высокихъ,
Строфы звучныя слагали
Въ прославленье дамы сердца.

Гдѣ любовь, тамъ дама сердца.
Миннезингеръ такъ же точно
Жить не могъ безъ милой дамы,
Какъ безъ масла—бутербродъ.

И герой легенды нашей —
Іегуда бенъ-Галеви,
Тоже дамѣ поклонялся...
Но была иного рода

Эта дама: не Лаура,
Чьи глаза, земныя звѣзды,
Въ церкви, въ пятницу~страстную,
Славный сдѣлали пожаръ;

Не владѣтельница замка,
Въ блескѣ молодости пышной
Предсѣдавшая въ турнирахъ
И дарившая вѣнки;

Не была она судьейю
По дѣламъ о поцѣлуѣ,
Не читала мудрыхъ лекцій
Ни въ какихъ «судахъ любви».

Нѣтъ, избранница раввина
Въ нищетѣ жила, въ печали —
Жадкій образъ разрушенья! —
И звалась — Іерусалимъ.

Ужъ въ младенчествѣ всцѣло
Онъ любилъ ее,—и въ трепетъ
Приводилъ его всю душу
Самый звукъ: Іерусалимъ.

Съ яркимъ пламенемъ на щечкахъ
Слушалъ мальчикъ пилигримовъ,
Возвращавшихся въ Толедо
Съ отдаленнаго востока

И рассказывавшихъ грустно
О безлюдьи, оскверненьи
Мѣсть, донинѣ сохранившихъ
Свѣтлый слѣдъ отъ ногъ пророковъ,

Мѣсть, гдѣ воздухъ весь пропитанъ
Вѣчнымъ Господа дыханьемъ..
«О, печальная картина!»—
Разъ воскликнулъ пилигримъ

Съ бородою бѣлоснѣжной,
Но въ которой верхній волосъ
Вновь чернѣлъ, какъ будто снова
Молодѣла борода.

Это былъ какой-то чудный
Пилигримъ; въ глазахъ носилъ онъ
Скорби цѣлыя столѣтья
И вздыхалъ: «Иерусалимъ!

«Градъ святой и многолюдный
Превращенъ теперь въ пустыню,
Гдѣ гуляютъ нечестиво
Вѣдьмы, лѣшіе, шакалы;

«Змѣи, филины и совы
Тамъ въ развалинахъ гнѣздятся;
Изъ разбитаго окошка
Смотритъ весело лисица

«Тамъ и сямъ порой мелькаетъ
Рабъ оборванный пустыни;
На лугу, въ травѣ высокой,
Онъ пасетъ своихъ верблюдовъ.

«На Сионѣ благородномъ,
Тамъ, гдѣ крѣпость золотая
Такъ роскошно говорила
О величїи царя —

«Тамъ лежитъ развалинъ груда,
Вся поросшая травою,

И глядитъ она такъ грустно,
Такъ уныло, точно плачетъ.

«И дѣйствительно, рыдаютъ
Разъ въ году, въ девятый день
Аба мѣсяца, тѣ камни;
И, рыдая, самъ я видѣлъ,

«Какъ изъ камней дѣхъ сочились
Слезы каплями густыми,
И я слышалъ, какъ стонали
Храма сбитыя колонны!»

Эти набожныя рѣчи
Пробудили въ юномъ сердцѣ
Іегуды бенъ-Галеви
Страсть узрѣть Іерусалимъ.

Страсть поэта! Роковая,
Фантастичная, какъ та
Что когда-то охватила
Благороднаго видама

Жоффрау Руделло; это
Совершилося, когда
Онъ отъ рыцарей, съ востока
Возвратившихся, услышалъ,

Что краса и перлъ всѣхъ женщинъ,
Всѣхъ достоинствъ образецъ —
Молодая Мелизанда,
Маркграфиня въ Триполисѣ.

Всѣмъ извѣстно, что къ той дамѣ
Вспыхнулъ страстью трубадуръ;
Онъ воспѣлъ ее — и тѣсно
Стало въ замкѣ жить ему.

Стало тѣсно: И поѣхалъ
Въ Цетту онъ, но на дорогѣ
Захворалъ, и ужъ въ Триполи
Умирающимъ пріѣхалъ.

Тутъ узрѣлъ онъ Мелизанду
И тѣлесными глазами,
Но надъ ними въ ту-жъ минуту
Смерть простерла мрачный саванъ.

И съ послѣдней пѣснью страсти
Испустилъ онъ духъ у ногъ
Дамы сердца, Мелизанды,
Триполисской маркграфини.

Сходство чудное въ судьбѣ
Этихъ двухъ поэтовъ! Только
Съ тою разницей, что первый
Старцемъ въ странствіе пустился.

И Иегуда бенъ-Галеви
Кончилъ жизнь у милыхъ ногъ,
Преклонивъ главу въ колѣни
Къ своему Іерусалиму.

3.

Послѣ битвы Арабельской .
Александръ, великій царь,
Насоваль въ свои большіе
Македонскіе штаны

Земли Дарія, и войско,
Дворъ, гаремъ, коней и женщинъ,
Деньги, вещи золотыя,
Скиптръ, корону и слоновъ.

А въ шатръ у Кодомана,
Убѣжавшаго, чтобъ тоже
Не попасть въ штаны врага,
Юный царь нашелъ шкатулку —

Небольшую, золотую
И украшенную пышно
Мозаикою, рѣзьбою
И собраніемъ камней.

Въ этомъ ящикѣ, который
Былъ клейнодомъ самъ собою.
Дарій всѣ свои клейноды,
Лейбъ-каменя сохранялъ.

Отдалъ ихъ своимъ солдатамъ
Александръ и потѣшался,
Что мужей игрушки эти
Веселили, какъ дѣтей.

Къ милой матери отправилъ
Онъ брильянтъ неоцѣненный —
И съ печатью перстень Кира
Брошкой сдѣлался теперь.

Аристотелю сѣдому
Онъ послалъ въ подарокъ ониксъ,
Для его большихъ коллекцій
Разныхъ рѣдкостей природы.

Были въ той шкатулкѣ перлы —
Нитка чудная, когда-то
Подаренная царицѣ
Агатоссѣ Лже-Смердисомъ.

Перлы тѣ, однако, были
Не фальшивы — и веселый
Побѣдитель ихъ въ подарокъ
Далъ танцовщицѣ Тансѣ.

Украшали эти перлы
Косу чудную Тансы
Въ ночь, когда она вакханкой
Въ Персеполисѣ плясала

И швырнула дерзко факель
Въ царскій замокъ, заблеставшій
Яркимъ заревомъ пожара,
Точно пышнымъ фейерверкомъ.

Но прекрасная Танса
Жизнь скончала въ Вавилонѣ
Отъ болѣзни вавилонской —
И тогда всѣ эти перлы

Съ молотка пошли въ продажу.
Ихъ купилъ мемфисскій жрецъ
И привезъ съ собой въ Египеть,
Гдѣ они потомъ лежали

На столѣ у Клеопатры.
Ихъ толкла она, и вмѣстѣ
Съ виной влагою глотала,
Чтобъ Антонія дурачить.

Сынъ послѣдній Омаядовъ
Ихъ привезъ съ собой въ Кордову,

И они блистали ярко
На тюрбанѣ у калифа.

Третій Абдерамъ украсилъ
Ими грудь на томъ турнирѣ,
Гдѣ пробилъ онъ тридцать колець
И молодой Зюлеймы сердце.

Вмѣстѣ съ царствомъ мавританскимъ
Перешли и эти перлы
Къ христіанамъ и попали
Къ королямъ кастильскимъ въ руки.

На испанскихъ государяхъ
Красовались эти перлы
При торжественныхъ турнирахъ,
Травляхъ, шествіяхъ священныхъ,

Также при ауто-да фе,
Гдѣ величества съ балконовъ
Съ наслажденьемъ обоняли
Запахъ жареныхъ жидовъ.

А потомъ Мендизабелемъ,
Внукомъ чорта, эти перлы
Были отданы въ залогъ
Для покрытя дефицита.

Наконецъ, они явились
Въ Тюильри, въ придворныхъ залахъ,
И сверкали тамъ на шеѣ
Баронессы Саломонъ.

Такъ изъ рукъ ходила въ руки
Эта нитка. Но съ шкатулкою
Дѣло проще обошлось:
Александръ ее оставилъ

Для себя и спряталъ въ сей
Пѣсни чуднаго Гомера,
Своего любимца; ночью
Ставилъ онъ шкатулку эту

Къ изголовью, и оттуда
Выходили всѣ герои—
Лики свѣтлые, и въ грѣзы
Къ Александру пробирались.

Вѣкъ иной, иныя птицы!
Ахъ, и я любилъ когда-то
Слушать пѣсню о дѣяньяхъ
Одиссея и Пелида.

Такъ пурпурно, лучезарно
У меня на сердцѣ было,
Виноградъ чело вѣнчалъ мнѣ
И вокругъ гремѣли трубы!

Смолгни, крикъ воспоминанья!..
Въ триумфальной колесницѣ
Все разбито—и пантеры,
Что везли ее, и дѣвы,

Что вокругъ меня плясали—
Всѣ издохли... да и самъ я
Изувѣченъ, пресмыкаюсь...
Смолгни, крикъ воспоминанья!

Смолгни, крикъ воспоминанья!..
Рѣчь повель я о шкатулкѣ
И при этомъ вотъ что думалъ:
Будь моей шкатулка эта,

И не будь я приневоленъ
Обратить ее въ монету,
Я бы въ ней сейчасъ же спряталъ
Пѣсни нашего раввина

Иегуды бенъ-Галеви—
Пѣсни радости, газели,
Пѣсни скорби и страданья...
Даль бы я списать все это

Самымъ лучшимъ изъ цофаровъ
На пергаментѣ чистѣйшемъ,
И въ шкатулку золотую
Эту рукопись вложилъ бы;

И поставилъ бы шкатулку
Я на столикъ, у постели—
И когда-бъ друзья, пришедши
Въ домъ ко мнѣ, дивиться стали

Чудной пышности ея
И рѣзьбѣ миниатюрной,

Но тончайшей, и собранью
Драгоценныхъ крупныхъ камней—

Я сказалъ бы имъ съ улыбкой:
Это вѣдь одна простая
Скорлупа, а въ ней сокрыта
Вещь, гораздо драгоценнѣй:

Въ этомъ ящикѣ—брильянты,
Блескъ которыхъ—отраженье
Блеска солнца; въ немъ рубины,
Налитые кровью сердца;

Въ немъ надежды благодатной
Изумруды; въ немъ и перлы,
Чище тѣхъ, что далъ царицѣ;
Агатоссъ Лже-Смердисъ—

Перловъ, послѣ украшавшихъ
Всѣхъ почетнѣйшихъ особъ
На землѣ подлунной нашей:
Клеопатру и Таису,

И служителей Изиды,
И монарховъ мавританскихъ,
И испанскихъ государынь,
И мадамъ фонъ-Саломонъ.

Эти диво-перлы—только
Вѣдно-матовый наростъ
Вѣдной устрицы, лежащей
Подъ волнами океана.

Но въ моей шкатулкѣ перлы
Изъ души прекрасной вышли—
Изъ души, неизмѣримѣй
Самой бездны океана.

Эти перлы—это слезы
Иегуды бенъ-Галеви;
Ими онъ оплакалъ гибель
Своего Иерусалима.

Нанизались перлы-слезы
На златую нитку риемы
И изъ кузницы искусства
Драгоценной пѣснью вышли.

Эта пѣсня слезъ жемчужныхъ —
Тотъ всемірно знаменитый
Плачь, который днесъ поется
Подъ разсѣянными всюду

Иудейскими шатрами
Въ день девятый Аба—день
Разрушенья грознымъ Титомъ
Стѣнъ святыхъ Іерусалима.

Да, та пѣснь—Сіонскій гимнъ,
Что Іегуда бѣнъ-Галеви
Грустно пѣлъ передъ кончиной,
На развалинахъ священныхъ.

Въ жалкомъ рубищѣ, босой,
Тамъ сидѣлъ онъ на обломкѣ
Опрокинутой колонны,
И на грудь къ нему спадали

Волоса, какъ лѣсъ сѣдой,
Фантастично отгѣняя
Ликъ его печальный, блѣдный,
Съ вдохновенными глазами.

Такъ сидѣлъ онъ тамъ и пѣлъ,
Какъ пророкъ время минувшихъ,
И казалось—изъ могилы
Всталъ старикъ Іеремія.

Внемля звукамъ дикой скорби,
Смолкли птицы межъ развалинъ;
Даже коршуны съ участвомъ
Собирались вокругъ пѣвца.

Но по этой же дорогѣ
Ѣхалъ дерзкій сарацинъ;
На сѣдлѣ качаясь гордо,
Онъ пустилъ копьемъ блестящимъ

Въ грудь несчастнаго пѣвца
И, свершивъ убійство, быстро,
Точно призракъ окрыленный,
Полетѣлъ своей дорогой.

Кровь пѣвца текла спокойно,
И спокойно пѣсню скорби

Онъ допѣлъ—и былъ предсмертный
Вздохъ его: Иерусалимъ!

Есть старинное преданье,
Будто этотъ сараѣинъ
Былъ совсѣмъ не злой убійца,
А переодѣтый ангель,

Небомъ посланный затѣмъ,
Чтобъ отнять его любимца
У земли и въ мѣръ блаженныхъ
Безъ мученій перенести.

Тамъ—гласить преданье это—
Ожидалъ его пріемъ,
Очень лестный для поэта—
Ожидалъ сюрпризъ небесный.

Цѣлымъ хоромъ свѣтлыхъ духовъ
Былъ онъ съ музыкою встрѣченъ
И привѣтствованъ, какъ гимномъ,
Рядомъ собственныхъ созданій—

Этихъ чудныхъ, брачныхъ пѣсень,
Этихъ гимновъ Гимежею,
Полныхъ страсти, ликованья
Что за тоны! что за звуки!

Стройно съ пѣснями сливались
Треми скрипокъ, виолончелей,
И торжественно гремѣли
Барабаны и кимвалы.

И прелестно, гармонично,
Въ необъятной шири неба
Отдавалось громкимъ эхомъ:
«Лехо Дойди Ликрасъ Каллэ!»

4.

Огорчилъ свою сунругу
Я главою предыдущей
И особенно рассказомъ
О шкатулкѣ Кодомана.

«Мужъ вполне религіозный,—
Такъ она почти со злобой

Мнѣ сказала:—ту шкатулку
Обратилъ сейчасъ бы въ деньги.

«И на нихъ женѣ-бѣдняжкѣ,
Безъ сомнѣнія, купилъ бы
Шаль турецкую, въ которой
Такъ нуждается она.

«А Иегудѣ бенъ-Галеви
Ужъ довольно было-бъ чести
Сохраниться и въ картонномъ,
Но красивенькомъ футлярѣ,

«Разукрашенномъ изящно
Арабесками Китая,
На подбѣе бонбоньерокъ
Изъ Passage: Rapogama.

«Странно! мнѣ еще ни разу
Не пришлось услышать имя
Знаменитаго поэта—
Иегуды бенъ-Галеви!»

Милый мой ребенокъ! Это
Дѣтски-милое незнанье—
Доказательство пробѣловъ
Въ воспитаніи французскомъ

Тѣхъ парижскихъ пансіоновъ,
Гдѣ дѣвицамъ—имъ, грядущимъ
Матерямъ людей свободныхъ,
Крѣпко въ голову вбиваютъ

Старыхъ мумій, фараоновъ,
Начиненныхъ разной дрянью,
И безличныхъ Меровинговъ,
И непудренныхъ особъ,

И украшенныхъ косами
Богдыхановъ изъ фарфора...
Это все зубрять прилежно
Наши умницы,—но, Боже!

Вы спросите ихъ о славныхъ
Иудейскихъ стихотворцахъ
Золотоу вѣка школы
Аравитянско-испанской. —

О созвѣздіи блестящемъ:
Іегудѣ бенъ-Галеви,
Саломонѣ Габиролѣ,
И Моисеѣ Ибенъ-Эсра,

И другихъ великихъ людяхъ —
Эти умницы уставятъ
Въ васъ глазенки съ изумленьемъ
И не знаютъ, что отвѣтить.

Другъ мой, я тебѣ полезный
Дамъ совѣтъ: еще есть время,
Позаймись-ка ты еврейскимъ...
Брось театры и концерты,

Позаймись хоть два-три года —
И получишь ты возможность
Изучать въ оригиналѣ
Ибенъ-Эсру, Габироля

И, конечно, бенъ-Галеви —
Триумвировъ пѣснопѣнья,
Извлекавшихъ диво-звуки
Изъ чудесныхъ струнъ Давида.

Алхаризи (ты, конечно,
И о немъ совѣтъ не знаешь;
А вѣдь онъ, острякъ французскій,
Превзошелъ въ своихъ макамахъ

Остроуміемъ Гарири,
И задолго до Вольтера
Былъ уже вольтеріанцемъ) —
Ну, такъ онъ-то говорилъ:

«Габироль — скорѣй философъ,
Онъ мыслителя любимецъ;
Ибенъ-Эсра же въ почетѣ
У художника-поэта;

«Но въ Іегудѣ бенъ-Галеви
Оба свойства совмѣстились;
Онъ — поэтъ вполне великій
И любимецъ всѣхъ людей».

Ибенъ-Эсра былъ пріятель,
Даже родственникъ какой-то

Иегуды бенъ-Галеви, —
И Иегуда, въ книгѣ странствій,

Говорить съ глубокой скорбью.
Что въ Гранадѣ тщетно друга
Онъ искалъ, и только брата
Ибенъ-Эсы тамъ нашель —

Равви Мейера, поэта
И отца прекрасной дѣвы,
Охватившей сердце Эсы
Безнадежной, пылкой страстью.

Чтобъ забыть прелестный образъ,
Онъ, какъ многіе коллеги,
Взявши странническій посохъ,
Сталъ скитаться безъ пріюта.

На пути къ Иерусалиму
Былъ татарами онъ схваченъ
И, привязанный къ сѣдлу,
Увлеченъ далеко въ степи

Тамъ нести онъ началъ службу,
Недостойную раввина,
А тѣмъ менѣе—поэта:
Сталъ доить коровъ татарскихъ.

Разъ, когда сидѣлъ, согнувшись,
Онъ подъ брюхомъ у коровы
И выдавливалъ усердно
Молоко ея въ кувшины —

Оскорбительная поза
Для раввина и поэта —
Грусть глубокая напала
На него, и пѣть онъ началъ.

Такъ прелестно, такъ волшебю
Пѣлъ поэтъ, что ханъ татарскій,
Шедшій мимо, былъ растроганъ
И рабу свободу отдалъ.

Подарилъ ему онъ также
Лисью шубу и большую,
Сарацинскую гитару;
Далъ и денегъ на дорогу...

О, звѣзда несчастья злого!
Аполлона сыновей
Гонишь, губишь ты—и даже
Ихъ отца не пощадила;

Онъ, за Дафною погнавшись,
Вмѣсто нимфы бѣлоснѣжной,
Обнялъ только кустъ лавровый --
Онъ, божественный Шлемиль!

Да, божественный дельфіецъ
Былъ Шлемиль—и эти лавры,
Увѣнчавшіе такъ гордо
Лобъ его—шлемильства признакъ.

Слово самое Шлемиль
Намъ давно уже извѣстно:
Шамиссо гражданства право
Далъ ему въ отчизнѣ нашей.

Но его происхожденье
Оставалось неизвѣстно,
Какъ святой источникъ Нила...
Въ размышленіяхъ объ этомъ

Проводилъ я часто ночи,
И въ Берлинѣ объясненья
Попросилъ у Шамиссо —
У декана всѣхъ Шлемилей.

Но не могъ онъ мнѣ отвѣтить
И сказалъ: «Вамъ это можетъ
Только Гицигъ объяснить;
Отъ него узналъ впервые

«Я фамилію Шлемиля».
Взялъ я дрожки и тотчасъ же
Прямо къ Гицигу поѣхалъ...
Онъ когда-то звался Ицигъ,
Но во снѣ увидѣлъ какъ-то,
Что на небѣ красовались
Буквы всѣ его фамильи,
И предъ ними буква Г.

«Что бы значила такое
Эта буква?—думалъ онъ:—

Господи́нь ли Ицигъ, или
Горни́й Ицигъ?—Горни́й—это

«Титуль славный, но въ Берлинѣ
Неудобный»... Наконецъ,
Послѣ долгихъ размышленій,
Онъ назвался просто Цицигъ.

«Горни́й Ицигъ, — такъ сказала я:—
Вы должны подробно мнѣ
Объяснить этимологью
Слова древняго: Шлемиль».

Изворачивался долго
Горни́й мужъ; то такъ, то этакъ
Онъ отдѣлаться старался
Отъ отвѣта; наконецъ,

Всѣ полопались застежки
У меня въ штанахъ терпѣнья,
И я началъ такъ ужасно
Проклинать, кричать, ругаться,

Что почтенный пѣтистъ
Поблѣднѣлъ, какъ смерть, затрясся
И немедленно представилъ
Мнѣ такое объясненье:

«Намъ изъ библии извѣстно,
Что, блуждая по пустынѣ,
Потѣшалъ себя Израиль
Съ дочерями Ханаана.

«И случилось разъ, что Пинхасъ
Увидалъ, какъ славный Зимри
Совершалъ прелюбодѣйство
Съ ханаанскою женою.

«Онъ схватилъ копье во гнѣвѣ
И на мѣстѣ преступленья
Умертвилъ тотчасъ же Зимри...
Такъ мы въ библии читаемъ.

«Но словесное преданье
Сохранилося въ народѣ,
Что копьемъ смертельнымъ Пинхасъ
Поразилъ совѣмъ не Зимри,

«Но что, гнѣвомъ ослѣпленный,
Онъ нечаянно другóго
Заколотъ—и эта жертва
Быль Шлемиль бенъ-Цури-Шаддей».

Значитъ съ нимъ, съ Шлемилемъ Первымъ,
Начался весь родъ Шлемилей;
Первый нашъ родоначальникъ
Есть Шлемиль бенъ-Цури-Шаддей.

Никакимъ геройскимъ дѣломъ
Онъ себя не обезсмертилъ;
Намъ одно о немъ извѣстно,
Что онъ былъ Шлемиль—и только.

Но деревьямъ родословнымъ
Придаютъ большую цѣнность
Не плоды ихъ—только возрастъ,
Въ нашемъ—три тысячелѣтъя.

Годы идутъ и проходятъ...
Три прошли тысячелѣтъя,
Съ той поры, какъ прародитель
Нашъ, Шлемиль бенъ-Цури, умеръ.

Пинхасъ тоже спитъ въ могилѣ,
Но копье его донынѣ
Все живетъ и постоянно
Свищетъ гибельно надъ нами,

Поражая лучшихъ сердецъ...
Паль подъ нимъ Моисей бенъ-Эзра,
Паль Иегуда бенъ-Галеви,
Паль и вѣщій Табириоль ---

Этотъ, Богомъ, посвященный
Миннезингеръ, этотъ, полный
Чистой вѣры, соловей,
Чьей розой былъ Всевышній!

Соловиной, нѣжной пѣснью,
Пѣснью пламенной любви,
Заливался онъ во мракѣ
Ночи средневѣковой,

Не страшась ни привидѣній,
Ни уродовъ, ни чудовищъ,
Смерти, гибели, безумья,
Что блуждали въ той ночи.

Соловей все думалъ только
О своей небесной розѣ
И рыдалъ, и таялъ пѣснью
Прославленья и любви.

Тридцать лѣтъ жилъ въ этомъ мѣрѣ
Габироль; но слава быстро
Разнесла по всей вселенной
Имя громкое его.

По сосѣдству съ нимъ, въ Кордовѣ,
Поселился мавръ; онъ тоже
Сочинялъ стихи и сильно
Сталъ завидовать поэту.

Каждый разъ, при звукахъ пѣсни
Габироля, закипала
Въ мавръ желчь—и сладость пѣсни
Для него была полынью.

И однажды онъ коварно
Заманилъ къ себѣ поэта
И убилъ его, и трупъ
Закопалъ въ саду, за домомъ.

Но на томъ же самомъ мѣстѣ,
Гдѣ злодѣй зарылъ поэта,
Вознеслася смоковница
Самой чудной красоты.

Плодъ ея былъ странно длиненъ,
Странной сладости исполненъ;
Кто вкушалъ ихъ—погружался
Въ унесенъе грѣзъ волшебныхъ.

И пошли объ этомъ чудѣ
Всюду толки, разговоры,
И дошли они до слуха
Пресвѣтлѣйшаго калифа.

Пресвѣтлѣйшій убѣдился
Въ дивѣ собственоязычно
И тотчасъ же приказалъ
Все изслѣдовать строжайше.

Судьи долго не возились
И владѣльца смоковницы
По пятамъ отдули тростью;
Онъ сознался въ преступленьи.

Вслѣдъ за этимъ поспѣшили
Вырыть дерево съ корнями,
И явился предъ народомъ
Трупъ убитаго поэта.

Схоронили Габироля
Пышно, съ горькими слезами;
Въ тотъ же самый день въ Кордовѣ
Былъ повѣшенъ мавръ-убійца.

ПРИМЪЧАНІЯ

къ 5-му тому.

Къ стр. 3. «Книга Пѣсенъ» появилась въ полномъ составѣ въ 1827 г.; въ нее вошли слѣдующіе, появившіеся уже прежде, отдѣлы, изъ которыхъ каждый представляетъ собою совершенно отдѣльное, самостоятельное цѣло: «Юношескія страданія», «Лирическое пнтермеццо», «Снова на родинѣ», «Путешествіе на Гарцъ», «Сѣверное море».

Кромѣ напечатаннаго у насъ предисловія къ 3-му изданію, было еще предисловіе ко 2-му, которое потомъ Гейне устранилъ и больше не перепечатывалъ, и текстъ котораго слѣдующій:

«Это новое изданіе «Книги Пѣсенъ» я не могу послать зарейнскимъ читателямъ, не сопроводивъ его дружескими привѣтствіями въ самой честной прозѣ. Не знаю, какое странное чувство препятствуетъ мнѣ слагать подобныя предисловія, какъ это обыкновенно дѣлаютъ въ собраніяхъ стихотвореній. въ звучные ритмы. Съ нѣкотораго времени во мнѣ что-то возстаетъ противъ всякой стихотворной рѣчи, и, какъ я слышу, такую же антипатію ощущаютъ и многіе мои современники. Это, какъ мнѣ кажется, происходитъ отъ того, что въ прекрасныхъ стихахъ слишкомъ ужъ много было наглаго, и правда боится появляться въ метрической одеждѣ.

«Не безъ смущенія передаю я читающему міру новое изданіе этой книги. Это стоило мнѣ величайшаго самопреодоленія, и почти цѣлый годъ медлилъ, прежде чѣмъ рѣшился на бѣглый пересмотръ ея. При видѣ этихъ страницъ во мнѣ проснулось все то неприятное чувство, которое давнѣе мнѣ душу десять лѣтъ тому назадъ, при первомъ выпускѣ ихъ въ свѣтъ. Понять это ощущеніе можетъ только поэтъ или поэтикъ, увидѣвшій напечатанными свои первыя стихотворенія. Первые стихотворенія! По настоящему они должны являться передъ а:чо-ромъ написанными на измятыхъ выцвѣтшихъ листьяхъ, съ лежащимъ между ними запянувшимъ цвѣткомъ, или бѣлокурнымъ локономъ, или помянутымъ кусочкомъ ленты, а во многихъ мѣстахъ должны еще сохраниться слѣды слезъ... Но первыя стихотворенія, которыя напечатаны, напечатаны рѣзкою черною краскою на ужасноще гладкой бумагѣ—*эти* стихотворенія утратили свою сладчайшую, дѣвственнѣйшую прелесть и возбуждаютъ въ авторѣ мучительное искудовольствіе.

«Да, десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти стихотворенія появились впервые, и я, какъ тогда, почтаю ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ, и впереди всѣхъ снова идутъ пѣсни, которыя я сочинилъ въ тѣ ранніе годы, когда въ моей душѣ горѣли первые пощѣлуды нѣмецкой музы *). Ахъ, пощѣлуды этой доброй дѣвчонки съ того времени потеряли очень много своей пылкости и свѣжести! При такомъ долговременномъ сожителствѣ пламя страсти медоваго мѣсяца должно было постепенно испариться; но нѣжность по временамъ становилась тѣмъ сердечнѣе, особенно въ дурные дни—и вотъ тутъ доказывала мнѣ нѣмецкая муза всю свою любовь и вѣрность! Она утѣшала меня въ бѣдствіяхъ на родинѣ, слѣдовала за мною въ изгнаніе, развеселяла меня въ злые часы уныніа, никогда не оставляла меня въ критическомъ положеніи, даже когда я нуждаюсь въ деньгахъ, она, эта нѣмецкая муза, добрая дѣвчонка, умѣла помогать мнѣ!

«Какъ не измѣнились я хронологию, такъ оставилъ нетронутыми и сами стихотворенія. Только мѣстами, въ первомъ отдѣлѣ, исправилъ я нѣсколько стиховъ. Для сбереженія мѣста я исключилъ посвященіи, находившіяся въ первомъ изданіи. Но не могу не упомянуть, что «Лирическос интермеццо» взято изъ книги, которая появилась въ 1823 г. подъ заглавіемъ «Трагедія» и была посвящена моему дядѣ, Соломону Гейне. Этимъ посвященіемъ хотѣлъ я засвидѣтельствовать глубокое уваженіе, которое питалъ къ этому великолѣпному человѣку, равно какъ и благодарность за любовь, съ которою онъ въ ту пору относился ко мнѣ. Отдѣлъ «Снова на родинѣ», появившійся впервые въ «Путевыхъ картинахъ», посвященъ покойной Фридерикѣ Варнгагенъ фонъ-Энзе, и я могу похвалиться тѣмъ, что былъ первый, выступившій публично съ выраженіемъ глубокаго почтенія этой великой женщины. Великимъ дѣломъ со стороны Августа Варнгагена было то, что онъ, отбросивъ всякія мелочныя соображенія и опасенія, напечаталъ письма, гдѣ Рахиль обнаруживается во всей своей личности. Книга эта появилась какъ разъ во-время, именно тогда, когда она лучше всего могла дѣйствовать, ободрять и утѣшать. То было время, когда люди нуждались въ утѣшеніи. Рахиль точно знала, какаѣ посмертныя миссія была возложена на нее. Конечно, она вѣрила, что все измѣнится къ лучшему—и ждала; но когда она увидѣла, что ожиданію нѣтъ конца, то нетерпѣливо закачала головой, взглянула на Варнгагена и быстро умерла—чтобъ имѣть возможность тѣмъ быстрѣе воскреснуть. Она напоминаетъ мнѣ легенду о той другой Рахиль, которая вышла изъ своей могилы, и стояла на большой дорогѣ, и плакала, глядя, какъ ея дѣти отправлялись въ плѣненіе.

«Я не могу безъ глубокой грусти думать о ней, этомъ милomъ другѣ, моемъ, которая всегда относилась ко мнѣ съ неумолимымъ участіемъ и нерѣдко тревожилась за меня въ ту пору моихъ юношескихъ своеволій и порывовъ, въ ту пору, когда огонь истины больше разжигалъ меня, чѣмъ освѣщаль...

«Это время минуло! Теперь во мнѣ больше свѣта, чѣмъ жара. Но такое охлажденіе и просвѣтлѣніе всегда приходитъ къ человѣку слишкомъ поздно. Теперь я вижу, какъ нельзя явственнѣе, камни, о которые спотыкался. Мнѣ было бы такъ легко обходить ихъ, не идя для этого кривой дорогой. Теперь я знаю тоже, что въ жизни можно до всего дотрагиваться, лишь бы надѣвать нужныя для того перчатки. А

*) Этотъ отдѣлъ «Юношескіа страданія» напечатанъ въ настоящемъ томѣ нашего изданія.

затѣмъ убѣдился, что намъ слѣдуетъ дѣлать только то, что можетъ быть сдѣлано и на что мы наиболѣе способны—какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ. Ахъ, къ алополучнѣйшимъ промахамъ человѣка принадлежитъ то, что онъ, какъ дитя, не понимаетъ цѣлности подарковъ, дѣлаемыхъ ему природой, и, напротивъ того, считаетъ самыя дорожныя тѣ вещи, которыя наименѣе доступны ему. Алмазъ, крѣпко вросшій въ землю на неизмѣримой глубинѣ, жемчугъ, таящійся на днѣ морскомъ, человѣкъ считаетъ драгоцѣннѣйшими сокровищами; а разбросай ихъ природа подъ его ногами, какъ простые камешки и раковины, онъ не обращалъ бы на нихъ вниманія. Къ нашимъ достоинствамъ мы равнодушны; насчетъ нашихъ недостатковъ мы стараемся обманывать себя до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не начинаемъ принимать ихъ за превосходныя качества. Когда я однажды, послѣ концерта Паганини, подошелъ къ этому виртуозу съ горячими восхвалениями его игры, онъ перебилъ меня словами: «А какъ вамъ понравились мои поклонны публикѣ, мои изьявленія благодарности?»

«Со скромностью и просьбой о снисхожденіи отдаю я читателямъ «Книгу Пѣсень»; за слабость этихъ стиховъ, быть-можетъ, нѣсколько вознаграждать мои политическія, философскія и теологическія писанія.

«Я долженъ, однако, замѣтить, что какъ мои поэтическія, такъ и мои политическія, философскія и теологическія сочиненія имѣютъ источникомъ одну и ту же мысль, и что осуждать тѣ или другія изъ нихъ нельзя безъ произнесенія обвинительнаго приговора всѣмъ остальнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяю себѣ также замѣтить, что распространяемый слухъ, будто съ вышеупомянутою мыслью произошелъ въ моей душѣ неблагоприятный поворотъ, основанъ на показаніяхъ, которыя я столько же презираю, сколько сожалею о нихъ. Смягченіе тона моей рѣчи или мое вынужденное молчаніе только извѣстные ограниченныя умы могли принимать за мое отпаденіе отъ самого себя. Они истолковали въ дурную сторону мою сдержанность, и это было тѣмъ непохвальнѣе, что я никогда не истолковывалъ въ дурную сторону ихъ заносчивости. Въ крайнемъ случаѣ могли обвинить меня въ усталости. Но я имѣю право быть утомленнымъ... Да и долженъ же каждый человѣкъ, хочеть не хочеть, покоряться закону времени...

Какъ ни прекрасно свѣтитъ солнце,
Въ концѣ концовъ, должно оно зайти!

«Мелодія этихъ стиховъ уже цѣлое утро жужжитъ у меня въ головѣ и, быть-можетъ, будетъ тоже звучать изо всего, что я только что написалъ. Въ одной пьесѣ Раймунда, чудеснаго комика, недавно застрѣливагося отъ меланхоліи, выведены на сцену молодость и старость въ видѣ аллегорическихъ фигуръ, и пѣсня, которую поетъ молодость, прощаясь съ героемъ пьесы, начинается вышеприведенными стихами. Пьесу эту я видѣлъ много лѣтъ тому назадъ въ Мюнхенѣ, и кажется, ея заглавіе «Крестьянинъ—милліонеръ». Какъ только юность ушла, съ героемъ, который остается на сценѣ одинъ, совершается странное превращеніе. Его темныя волосы постепенно сдѣются и наконецъ становятся совсѣмъ бѣлыми; спина его сгибается, колѣни дрожать, мѣсто прежней горячей необузданности заступаетъ плаксивая мягкость... появляется старость.

«Но приближается ли уже эта зимняя фигура и къ автору настоящихъ страницъ? Но замѣчаешь ли ты уже, дорогой читатель, такого же превращенія съ писателемъ, который въ литературѣ всегда по-

ступаль по-юношески, даже черезчуръ юношески? Печальное зрѣ-
лице представляется намъ, когда писатель постепенно старѣеть пе-
редъ нашими глазами, въ виду всей публики. Мы видѣли это превра-
щеніе не съ Воьлфгангомъ Гёте, вѣчнымъ юношей, но съ Августомъ
Вилгельмомъ Шлегелемъ, престарѣлымъ щеголемъ; мы не видѣли его
съ Адальбертомъ Шамиссо, который съ каждымъ годомъ все роскош-
нѣе расцвѣтаетъ и молодѣетъ, но на нашихъ глазахъ оно произошло
съ г. Людвигомъ Тикомъ, прежнимъ романтическимъ пугаломъ, а те-
перь—старымъ паршивымъ брюзгой... О, боги, я не молю васъ оста-
вить мнѣ молодость, но оставьте мнѣ дѣбродѣтели молодости, безко-
рыстное негодование, безкорыстныя слезы! Не дайте мнѣ превратиться
въ стараго ворчуна, изъ зависти носящаго молодые умы, или въ
вялаго плаксу, который непрерывно хнычетъ о добромъ старомъ вре-
мени... Дайте мнѣ сдѣлаться старикомъ, который любитъ молодежь и,
несмотря на свою старческую слабость, все еще принимаетъ участіе
въ ея играхъ и опасностяхъ! Голосъ мой пусть дребезжить и дро-
жить, лишь бы смыслъ моихъ словъ оставался неустрашимъ и свѣжъ!

«Вчера она, прекрасная подруга моя, улыбалась такъ странно, по-
лусограждала, полужлобно, когда гладила своими розовыми паль-
цами мои кудри! Вѣдь не правда ли, ты замѣтила на моей головѣ
нѣсколько сѣдыхъ волосъ?

Какъ ни прекрасно свѣтитъ солнце.
Въ концѣ концовъ, должно оно зайти.

«Писано въ Парижѣ, весною 1837 г.»

Къ стр. 7. Стихотв. «*Зловѣщій грѣшилъ мнѣ сонъ.*» --написано въ
1816 г. и обращено къ Іозефѣ, дочери палача, о которой Гейне гово-
ритъ въ своихъ «Мемуарахъ».

Къ стр. 10. Стих. «*Разъ самъ себя во снѣ...*» такъ же, какъ и послѣ-
дующія 4-е и 5-е написаны въ 1821 г., когда кузина поэта, Амалия,
дочь Соломона Гейне, въ которую онъ былъ влюбленъ, была помол-
влена съ другимъ (см. біографію).

Къ стр. 12. См. примѣч. къ стр. 7. Потеря «блаженства въ гор-
ней сторонѣ», объясняется тѣмъ, что Іозефа—дочь палача, человѣка
отверженнаго, на которомъ лежитъ какъ бы проклятіе неба.

Къ стр. 13. Тоже относится къ Іозефѣ.

Къ стр. 17. Ринальдо Ринальдини, Шиндерганно и Орландини—ге-
рой трехъ такъ-называемыхъ «разбойничьихъ» романовъ, появившихся
въ началѣ XIX вѣка. Карлъ Мооръ—главное дѣйствующее лицо въ
«Разбойникахъ» Шиллера.

Къ стр. 18. Мортимеръ—дѣйств. лицо въ трагедіи Шиллера «Ма-
рія Стюартъ». — «Другъ Гейнъ»—народное названіе смерти.

Къ стр. 22. Оры или Горы—въ греческой мифологіи богини вре-
менъ года.

Къ стр. 29. Стихотв. «Гренадеры» Гейне, по его собственнымъ
словамъ, написалъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ.

Къ стр. 40. Пѣвица, къ которой написано стихотвореніе—Каролина
Штернь, примадонна дюссельдорфской оперы.

Къ стр. 41. Падерборнская степь — средина мѣстности, принадле-
жавшей соборному капитулу Падерборну, въ Вестфалии.

Къ стр. 43. Стих. «Житейскій привѣтъ» — написано принцу Але-
ксандру Витгенштейну, съ которымъ Гейне встрѣтился въ Боннѣ въ
1820 г.

Къ стр. 45. Г. Стр.—Генрихъ Страубе; въ рукописи этого стихотворенія, послѣ словъ «Генрихъ Страубе», написано: «послѣ того, какъ я прочелъ его журналъ, имѣющій цѣлью пробужденіе древнѣнмѣцкаго искусства».—Христіанъ С.—Сете, другъ Гейне.

Къ стр. 50. Заглавіе «Лирическое интермеццо» далъ авторъ этому отдѣлу потому, что онъ, до включенія его въ «Книгу Пѣсенъ» былъ напечатанъ вмѣстѣ съ двумя трагедіями—«Алманзоръ» и «Ратклиффъ» и помѣщенъ въ срединѣ между ними.

Къ стр. 74. Легенда, послужившая сюжетомъ для стих. «Что бы значило такое...», сочинена поэтомъ романтической школы Клеменсомъ Брентано. Затѣмъ нѣсколько писателей передѣлывали ее по-своему. Гейне придерживался переработки, сдѣланной нѣкимъ графомъ Лёбеномъ въ 1821 г.

Къ стр. 75. Лорелей—одна изъ рейнскихъ русалокъ.

Къ стр. 89. Фуке (Ламоть-Фуке)—поэтъ романтической школы, авторъ поэмы «Уядина».—Гекатъ, бабушкѣ своей—относится къ издававшемуся въ 1823 г. Мюльнеромъ журналу: «Геката. Литературный журналъ, редактируемый и глоссируемый тѣнью Коцебу». (Въ мифологіи Геката—богиня таинственныхъ и страшныхъ привидѣній).

Къ стр. 90. Стих. «Дитя мое, помнишь...»—написано къ сестрѣ поэта, Шарлоттѣ.

Къ стр. 94. По индійскому сказанью, у кающагося грѣшника Васагиты была божественная корова, обладавшая силою надѣлать людей всѣми мірскими благами; царь Висвамित्रа пытался всевозможными средствами отнять эту корову, но она помогла своему владѣльцу не уступить ее царю.—Стих. «Ты, какъ цвѣтокъ благоуханный»—написано кузинѣ поэта, младшей сестрѣ Амаліи, Терезѣ, въ которую онъ былъ тоже страстно влюбленъ.

Къ стр. 100. «Что за юноша милѣйшій...» Этотъ юноша—другъ Гейне, Христіанъ Сете.

Къ стр. 101. «Другъ Евгений»—польскій графъ Евгений Бреза.

Къ стр. 106. Подъ «бульварами Саламанки» понимается мѣсто общественныхъ прогулокъ въ Геттингенѣ.

Къ стр. 114. Сюжетъ стих. «Донья Клара» взятъ частью изъ собственной жизни Гейне, частью изъ баллады Ламота-Фуке. Относительно перваго Гейне говоритъ въ одномъ письмѣ къ Мозеру (1823 г.): «Въ этомъ стихотвореніи сцена изъ моей собственной жизни; только берлинскій Тиргартенъ превращенъ въ садъ алкада, баронесса въ сибирю, а я самъ—въ св. Георгія или даже Аполлона. Это только первая часть трилогіи, во второй части герой видитъ себя осмѣяннымъ собственнымъ сыномъ, который не знаетъ его; въ третьей этотъ ребенокъ—уже взрослый доминиканецъ, замучивающій до смерти на пыткѣ своихъ братьевъ... Но пока я напишу эти остальные части—пройдетъ много времени». Онѣ остались не написанными.

Къ стр. 120. Къ стихотворенію «Пилигримство въ Кевлааръ» Гейне сдѣлалъ, при напечатаніи его въ первый разъ, слѣдующее примѣчаніе: «Сюжетъ этого стихотворенія не совсѣмъ моя собственность. Оно—плодъ моего воспоминанія о родинѣ. Когда я былъ маленькій мальчикъ и учился въ дюссельдорфской школѣ, рядомъ со мною спдѣлъ другой мальчикъ, постоянно рассказывавшій мнѣ, какъ его мать брала его съ собою въ Кевлааръ, какъ она тамъ принесла за него въ даръ иконѣ восковую ногу и какъ отъ этого вылѣчилась его больная нога. Съ этимъ мальчикомъ я встрѣтился снова въ высшемъ классѣ лицей, и онъ напомнилъ мнѣ, смѣясь, свои рассказы о чудѣ, но прибавилъ

довольно серьезно, что въ настоящее время принесъ бы Божьей Матери восковое сердце. Впоследствии я слышалъ, что онъ въ ту пору страдалъ отъ несчастной любви, и затѣмъ онъ надолго пропалъ у меня изъ виду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (писано въ 1822 г.), гуляя по берегу Рейна, между Бонномъ и Годесбергомъ, я услышалъ въ отдаленіи хорошо знакомыя кевларскія пѣсни, изъ которыхъ самая лучшая имѣла протяжный припѣвъ: «Слава тебѣ, Марія!»—и когда процессія подошла ближе, я замѣтилъ между молящимися моего школьнаго товарища со своею старою матерью. Она вела его, а онъ былъ очень блѣдень и имѣлъ болѣзненный видъ».

Къ стр. 132. Большая часть стихотвореній отдѣла «Сѣверное море» написана во время пребыванія Гейне на островѣ Гельголандѣ (см. біографію).

Къ стр. 146. Въ первомъ изданіи «Путевыхъ картинъ», гдѣ былъ помѣщенъ и первый цикл «Сѣвернаго моря», послѣ стиха «Хвала Иисусу Христу» или еще слѣдующіе, очевидно обращенные къ какой-нибудь личности, сатирическіе стихи, которые затѣмъ, во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ «Сѣвернаго моря», были авторомъ исключены:

Что, если бы ты сочинилъ это видѣнье!
Чего бы не далъ ты за это,
О, другъ мой милѣйшій,
Ты, который такъ слабъ головой и ногами разбитъ,
Но зато благочестьемъ силенъ,
И ежедневно идешь приложиться
Къ ручкѣ и моськамъ высокой патронши твоей;
И вотъ домолился уже
Сперва до гофрата, затѣмъ юстицрата,
И, наконецъ, до совѣтника при кабинетѣ,
Въ набожномъ градѣ,
Гдѣ песокъ процѣвгаетъ и вѣра,
И священной Шпре терпѣливыя воды
Смываютъ грѣхи и чай разбавляютъ...
Что, если бы ты измыслилъ это видѣнье,
О, другъ мой милѣйшій!
Ты къ высокопоставленнымъ лицамъ понесъ бы его,
Твой мягкій, прищуренный взглядъ
Въ благоговѣнномъ смиреніи совѣмъ бы растаялъ,
А особы высокія,
Закативъ въ умиленья глаза, трещеца отъ восторга,
Преклонили-бъ колѣни, съ тобою молясь.
И въ очахъ ихъ, блаженствомъ сіяющихъ,
Ты прочелъ бы къ окладу прибавку
Во сто талеровъ прусскихъ,
И, руки скрестивъ на груди,
Запявъ отъ счастья, воскликнулъ бы ты:
«Хвала Иисусу Христу!»

Къ стр. 147. Талатта!—греческое слово, значитъ море. Это кличъ, которымъ, какъ пишетъ Ксенофонтъ въ своемъ «Анабазисѣ», десять тысячъ грековъ, шедшихъ воевать съ Киромъ младшимъ, привѣтствовали море, когда достигли его.

Къ стр. 163. «Новыя стихотворенія» появились отдѣльнымъ сборникомъ въ сентябрѣ 1844 г., но многія изъ нихъ были напечатаны

гораздо раньше. Такъ, серія «Новая весна» была присоединена уже въ 1831 г. къ I-му т. «Путевыхъ картинъ». Стихотворенія подъ рубрикой «Разныя» появились большею частью въ 1834 г. въ III-мъ т. «Салона»; тамъ же «Пѣсни о мрзданіи», «Трагедія» и др. «Тайгейзеръ» заимствованъ изъ статьи «Стихійные духи» (1837); серія «Катарина» и нѣсколько «романсовъ» изъ III-го т. «Салона» (1840).

Къ стр. 198. «*Такъ стращаетъ Багирата...*» и т. д. По индійской легендѣ, сыновья индійскаго царя Сагура были въ наказаніе за преступокъ превращены въ пепель; чтобы вновь оживить ихъ, правнукъ Сагура, Багирата, подвергалъ себя въ теченіе тысячелѣтій самому суровому покаянію; наконецъ, богъ Шива сжалился надъ нимъ и воскресилъ сыновей Сагура.

Къ стр. 205 «*У шиваботъ я въ школу поэтовъ зашелъ...*» См. статью «Швабское зеркало» (т. IV). — Шалстъ — субботное кушанье. — *Иса видѣлъ я въ Дрезденѣ*. Это знаменитый романтикъ Людвигъ Тикъ, къ сочиненіямъ котораго, написаннымъ въ старости, Гейне относился очень отрицательно (ср. «Романтическая школа» въ III т.).

Къ стр. 206. Эккерманъ—авторъ извѣстной книги «Разговоры Гёте съ Эккерманомъ». — Гансъ — извѣстный юристъ и профессоръ новой исторіи (ум. 1839 г.).

Къ стр. 209. «Фридерика»—Фридерика Робертъ, жена извѣстнаго писателя, удивительная красавица. Серія стихотвореній подъ этой рубрикой относится къ 1823 г.—«Голубой чертогъ Индры»—небо; Индра—индійскій богъ.—Кокиласы—птицы изъ породы кукушекъ, пѣніе ихъ прославляется индійскими поэтами, какъ у насъ—пѣніе соловьевъ.—Богъ Кама—богъ любви.—Вассантъ—весна.

Къ стр. 210. Гандавры—низшіе индійскіе боги, музыканты въ небесной обители Индры.

Къ стр. 211. Мердинъ—волшебникъ въ древне-британской легендѣ.

Къ стр. 219. Въ стих. «Чайльдъ Гарольдъ»—перевозка трупа Байрона изъ Миссолунги, гдѣ онъ умеръ, въ Англію.

Къ стр. 220. Стих. «Anno 1829» написано въ Гамбургѣ.

Къ стр. 227. Знаменитый трубадуръ Бертранъ де-Борнь (1145—1210) жилъ при дворѣ Элеоноры Аквитанской, жены англійскаго короля Генриха II.

Къ стр. 236. «*Декламуирул тѣ рѣчи, что давно извѣстны намъ...*» Ср. «Жалоба Цереры» Шиллера.

Къ стр. 239. Olla или Olla-Potrida—кушанье въ родѣ нашего вепрегета; въ переносномъ смыслѣ — всякая величина; вѣроятно, въ этомъ смыслѣ и дано этой серіи это названіе. — Съ стихотв. «Родословная муза» ср. стих. «Китайскій богдыханъ» (ниже).

Къ стр. 248. Consilium abeundi — постановленіе университетскаго совѣта въ Германіи объ удаленіи студента на время изъ университета. — Lumen mundi—свѣточъ міра. — «Бывшій гётеалецъ» (т. е. поглотившій Гёте)—Рудольфъ Христіани, другъ Гейне. Поименованный въ этомъ стихотвореніи лица—изъ разныхъ произведеній Гёте. Написано въ 1832 г.

Къ стр. 249. «Ночной сторожъ»—поэтъ Дингельштедтъ; одинъ изъ сборниковъ его стихотвореній озаглавленъ «Пѣсни космополитическаго ночного сторожа».

Къ стр. 254. Новый израильскій госпиталь въ Гамбургѣ построенъ дядей поэта, банкиромъ Саломономъ Гейне.

Къ стр. 255. Гервегъ—знаменитый политическій поэтъ сороковыхъ

годовъ.—Послѣдніе два куплета имѣютъ отношеніе къ трагедіи Шиллера «Донъ-Карлосъ».

Къ стр. 258. *Конфуційсь, мой лейбъ-мудрецъ* — философъ Шеллингъ.—«*Великій храмъ*» — кельнскій соборъ.

Къ стр. 259. Церковный совѣтникъ Прометеусъ—Генрихъ Паудусъ, павійскій профессоръ богословія въ Гейдельбергѣ, издалъ въ 1848 г. «Лейціи Шеллинга объ откровеніи».—О «ночномъ стражѣ» см. примѣч. къ стр. 249. Въ 1843 г. Дингельштедтъ былъ возведенъ въ гофраты и получилъ мѣсто королевскаго бібліотекаря въ Берлинѣ.

Къ стр. 261. Герингъ—псевдонимъ писателя Вилибальда Алексиса; хотя онъ писалъ въ совершенно патристическомъ духѣ, но и его сочиненія преслѣдовались прусскою цензурою во время ея свирѣпствованія въ тридцатыхъ годахъ.—Беттина фонъ-Арнимъ—авторъ сочиненія «Переписка Гёте съ ребенкомъ», въ которомъ къ правдѣ присоединено много вымысла; въ послѣдующемъ же сочиненіи «Эта книга принадлежитъ королю» все сказанное—правда.—Подъ «котомъ въ сапогахъ» понимается поэтъ Тигъ, написавшій, между прочимъ, пьесу подъ этимъ заглавіемъ; насадителемъ Софокла онъ здѣсь названъ потому, что благодаря его вліянію на берлинской сценѣ была поставлена «Антигона» Софокла.—*Для славныхъ тѣмцевъ Пантеонъ*—Валгалла въ Мюнхенѣ—зданіе для храненія въ немъ изображеній знаменитыхъ нѣмецкихъ дѣлателей. Подъ «мартышкою» разумѣется строитель Валгаллы—Людвигъ Баварскій.

Къ стр. 262. «Мониторъ»—официальная газета.—Подъ «живымъ» подразумѣвается Гервегъ (см. прим. къ стр. 255), высланный изъ Пруссіи въ 1842 г.; одинъ изъ сборниковъ его стихотвореній озаглавленъ «Стихотворенія живого». — Темловская гора — предмѣстье въ Берлинѣ.

Къ стр. 265. Большая часть стихотвореній, вошедшихъ въ рубрику «Романпоро», написана во время болѣзни поэта.

Къ стр. 267. Источникъ стихотворенія «Рампсентъ», по объясненію Гейне—2-я кн. 1-я гл. «Исторіи» Геродота.

Къ стр. 269. «Бѣлый слонъ»—русская графиня Калерджи, урожденная Нессельродъ, съ которою Гейне познакомился въ Парижѣ и о которой онъ однажды сказалъ: «Это не женщина... это монументъ; это храмъ бога Амура!»

Къ стр. 271. «Рамаяна»—знаменитая индійская эпопея.

Къ стр. 272. Готье—Теофилъ Готье, извѣстный поэтъ того времени.

Къ стр. 274. Шельмъ фонъ-Бергонъ — одинъ изъ стариннаго рода Бергеновъ. Шельмъ—собственно плуть.—Дрикесь — прозвище, даваемое въ Кельнѣ тупоумнымъ филистерамъ.—Марцибила, или Марицебель—обычное въ Кельнѣ имя женщинъ изъ низшаго сословія. Дрикесь и Марицебель—обычныя дѣйствующія лица въ карнавальныхъ балаганныхъ представленіяхъ.

Къ стр. 275. Валькири—въ скандинавской мифологіи дѣвы войны, носившіяся въ воздухѣ надъ сражающимися.

Къ стр. 276. Источникъ стих. «Гастингское поле битвы»—разсказъ объ этомъ событіи въ сочиненіи А. Тьерри «Исторія покоренія Англій норманами».

Къ стр. 279. Карлъ I—Стюартъ, казненный въ 1649 г.

Къ стр. 282. Помаре—знаменитая красавица, блиставшая въ тридцатыхъ годахъ въ увеселительномъ парижскомъ заведеніи Jardin Mabile.—«*Не про ту, не съ Отаити*»—т. е. не про извѣстную королеву Помаре, во владѣніяхъ которой англійскіе и французскіе миссіонеры

наперерывъ одни предъ другими обращали туземцевъ въ христіанскую вѣру.

Къ стр. 286. Бегинки — названіе союза женщинъ, посвящавшихъ жизнь общественной благотворительности въ нидерландскихъ городахъ; существовать съ XI по XVIII в.; нѣкоторые слѣды сохранились и теперь.

Къ стр. 289. «Два рыцаря» — неприличная сатира на собравшихся послѣ 1830 г. въ Парижѣ польскихъ эмигрантовъ, хотя поведеніе многихъ изъ нихъ (даже по отзывамъ горячихъ польскихъ патриотовъ) дѣйствительно подавало поводъ къ рѣзкимъ и справедливымъ осужденіямъ.

Къ стр. 295. Мавританскій король — Боабдилъ, послѣдній мавританскій король въ Гренадѣ, низложенный испанцами въ 1492 г.

Къ стр. 296. Жофруа Рудель — знаменитый трубадуръ XII в. См. еще въ «Еврейскія мелодіяхъ» стих. «Іегуда бенъ-Галеви» (стр. 370 настоящего тома).

Къ стр. 298. Фирдуси — знаменитый персидскій поэтъ XI ст. — Томаъ — восточная золотая монета.

Къ стр. 304. «Шаддей, Адонаи» — еврейскія названія Бога, употребляющіяся при кабалистическихъ заклинаніяхъ. — Видипупци — богъ войны у мексиканцевъ.

Къ стр. 305. Реджентъ-Стричь — одинъ изъ кварталовъ Лондона.

Къ стр. 306. «Гора Венеры» и «Клфгейзеръ» — см. стихотв. «Тангейзеръ» въ этомъ т. — Фердинандъ Кортель — испанецъ, завоевавшій Мексику въ 1521 г.; пятнадцать лѣтъ спустя открывшій Калифорнію.

Къ стр. 308. Монтезума — послѣдній мексиканскій государь.

Къ стр. 312. Имя знаменитаго англійскаго живописца Мартена было не Эври, а Джонъ. Эври Мартень — французскій историкъ.

Къ стр. 313. Manken-Piss — въ Брюсселѣ статуя мальчика, считающагося покровителемъ города; вторая часть названія дана ему потому, что онъ изображенъ мочащимся въ бассейнъ.

Къ стр. 320. Лилясъ — по раввинской легендѣ имя жены Адама; затѣмъ — женскій демонъ.

Къ стр. 321. Атриды — Агамемнонъ и Менелай, сыновья греческаго мифическаго царя Атрея; Атридами «испанскими» выведены здѣсь король Педро Жестокой (1334—1369) и его братъ Фредрего. — Докуста — знаменитая отравительница въ древнемъ Римѣ.

Къ стр. 322. Донья Фама — слава (латинское Fama).

Къ стр. 327. Эрико Транстамарре — незаконный сынъ отца короля Педро Жестокаго, одержавшій въ сраженіи побѣду надъ этимъ послѣднимъ и умертвившій его.

Къ стр. 333. Подъ «эксъ-живымъ» и «Брутомъ» подразумѣвается поэтъ сороковыхъ годовъ, Гервегъ (см. прим. къ стр. 262). Въ 1848 г. онъ, вслѣдствіе своего участія въ открытомъ возстаніи противъ правительства, бѣжалъ изъ Германіи въ Швейцарію и затѣмъ, какъ эмигрантъ, странствовалъ по Европѣ. — Кассиетъ названъ здѣсь тоже извѣстный поэтъ, Дингельштедтъ, пріятель Гервега (см. прим. къ стр. 249). Смыслъ словъ: «онъ забылъ ужъ объ убійствахъ» — онъ уже не прежній революціонный поэтъ. — Мадератъ — плохой поэтъ тридцатыхъ годовъ. — «Эксъ — ночной стражъ». См. прим. къ стр. 249.

Къ стр. 334. «Хоть бы Мисланъ тамъ остался...» См. т. I, прим. къ стр. 586 и неоднократно въ послѣдующихъ тт. — «Основатель Валгаллы» — король баварскій Людвигъ I (см. прим. къ стр. 261). Онъ писалъ также стихи. Въ 1848 г. онъ отрелся отъ престола. — Петръ Корнелиусъ — глава новой нѣмецкой школы живописи.

Къ стр. 335. Гёррест—извѣстный ультрамонтанскій писатель (см. въ предыдущихъ томахъ). Его сынъ получилъ тоже извѣстность, какъ писатель того же направленія. — *Monacho monachorum* — Мюнхенъ (латинское названіе Мюнхена—*Monacum*).—Ульрихъ Гуттенъ, знаменитый гуманистъ эпохи Возрожденія, авторъ сочиненія «*Epistolae viginti obscurorum*»—рѣзкой сатиры на обскурантное монашество того времени.

Къ стр. 336. Эразмъ Роттердамскій — современникъ и другъ Гуттена, тоже знаменитый гуманистъ.—Сикингсонъ—ихъ единомышленникъ, знаменитый рыцарь.—«*Gaudeamus igitur*» извѣстная студенческая застольная пѣсня.—«*Alea est jacta*», изреченіе Юлія Цезаря предъ переходомъ черезъ Рубиконъ (значить—жребій брошенъ!).

Къ стр. 337. Платениды—духовные потомки поэта Платена, на котораго такъ жестоко (и несправедливо) напалъ Гейне еще въ своихъ «Путевыхъ картинахъ» (см. I т. настоящаго изданія). Приверженцы Платена продолжали и послѣ его смерти мстить Гейне за прежнія нападки.—«*Галлермондеровъ порода*»... Фамилія Платена двойная: Платенъ-Галлермюнде.

Къ стр. 339. *Katzen-Jammer*—непереводимое нѣмецкое слово, означаетъ положеніе человѣка послѣ похмелья.

Къ стр. 345. Стихотвореніе «Воспоминаніе» относится къ слѣдующимъ строкамъ въ «Путевыхъ картинахъ» (см. т. I стр. 216): «И маленькій Вильгельмъ похороненъ тамъ, и я виною тому» и т. д.

Къ стр. 346. Лукреція—убившая Тарквинія Гордаго. — О Масманъ см. прим. къ стр. 334.—Сынъ Фетиды—Ахиллесъ.

Къ стр. 349. Кадощъ—молитва евреевъ объ усопшихъ.—Гейне похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.—Матильда—жена Гейне; Полина—ея компаньонка.

Къ стр. 351. Танатосъ—богъ смерти въ греческой мѣологіи.

Къ стр. 352. Римскій поэтъ Горацій бѣжалъ съ поля битвы при Филиппѣ.—Зонтагъ—знаменитая пѣвица.

Къ стр. 353. Листъ—происхожденіемъ венгерець.—*Такъ лежалъ я со спрятанной шпагой*—слова Фальстафа въ «Генрихъ IV» Шекспира.

Къ стр. 358. Альмеморъ—эстрада посрединѣ синагоги, на которой читаются Пятикнижіе и отрывки изъ Пророковъ.

Къ стр. 359. «Лехо Дойде Ликрасъ-Каллэ»—гимнъ, поющійся наканунѣ субботы. Гейне ошибочно приписалъ его сочиненіе Іегудѣ бенъ-Галеви; его сочинилъ Саломонъ Алкабизъ (XVI ст.).

Къ стр. 359. Аддасъ—вѣроятно, какое-нибудь восточное растеніе.

Къ стр. 360. Шалеть—субботнее кушанье.

Къ стр. 361. «*Ими столь онъ окропляетъ...*» и т. д.—обрядъ, совершаемый отцомъ семейства при окончаніи субботняго праздника.—Іегуда бенъ-Галеви — знаменитый еврейскій поэтъ XII в.—«*Пусть прильнетъ языкъ къ гортани...*» и т. д.—ср. псаломъ 138, 5 и 6.

Къ стр. 362. Таргумъ Опкелосъ—халдейскій переводъ Пятикнижія въ IV ст. по Р. Х., ошибочно приписанный греку Опкелосу.

Къ стр. 363. Халаха—книга, въ которой закрѣплены правила и установленія еврейской религіи.—Хагада—переработка Библии въ Мидрашѣ и Талмудѣ.

Къ стр. 368. *Langue d'oc*—провансальское нарѣчіе. — Лаура, возлюбленная поэта Петрарки, который увидѣлъ ее въ первый разъ въ страстную пятницу въ церкви.

Къ стр. 370. Видамъ—отъ сл. *vicedominus*, намѣстникъ.—О Жофруа Рудель см. прим. къ стр. 296.

Къ стр. 373. Мендизабель—испанскій финансистъ и министр, еврей (ум. 1853 г.).—Баронесса Саломонъ—жена Саломона Ротшильда.

Къ стр. 374. Цофаръ—переписчикъ свитковъ закона.

Къ стр. 379. Алхаризм (Геуда бенъ-Саломонъ), еврейскій писатель начала XIII в., перевелъ «макамы» знаменитаго арабскаго поэта Та-рири на еврейскій яз. и сочинилъ оригинальную книгу въ такомъ же родѣ, отличающуюся блестящимъ остроуміемъ и глубокомысліемъ.

Къ стр. 381. «*Ихъ отца не пощадилъ...*»—т. е. бога Аполлона.—Шлемиль—герой романа Шамиссо «Петръ Шлемиль, потерявшій свою тѣнь». Со времени появленія этого романа «Шлемиль» обратилось въ нарицательное имя, означающее неудачника. — Гицигъ—уголовный совѣтникъ, другъ Гейне и Шамиссо.

Къ стр. 385. Кромѣ двухъ, напечатанныхъ здѣсь «Еврейскихъ мелодій», въ подлинникѣ есть еще третья—«Disputation», но напечатать ее въ русскомъ переводѣ невозможно.

Оглавление

У ТОМА.

Книга пѣсенъ.

СТР.

Предисловіе	Перев. <i>М. Л. Михайлова.</i>	5
Юношескія страданія.		

І. Сновидѣнія.

Мнѣ снились страстные восторги	Перев. <i>М. Л. Михайлова.</i>	7
Зловѣщій грезился мнѣ сонъ	»	7
Разъ самъ себя во снѣ увидѣлъ я	» <i>Н. Б. Хвостова.</i>	10
Мнѣ человѣчекъ маленький	»	10
Съ чего бунтуетъ кровь во мнѣ	»	10
Средь тихой ночи, въ сладкомъ снѣ	»	12
Чего же ты медлишь, сынъ крови и тьмы?	»	13
Покинувь прекрасной владычницы домъ	»	15
Лежалъ и спалъ я	»	20
Вотъ силой волшебнаго слова	»	21

II. Пѣсни.

Рано утромъ я гадаю	Перев. <i>Л. А. Мей.</i>	22
Шатаюсь я изъ угла въ уголь	»	22
Бродилъ я подъ тѣнью деревьевъ	»	22
Дай ручку мнѣ	» <i>М. Л. Михайлова.</i>	23
Монхъ страданій колыбель	» <i>П. И. Вейнберга.</i>	23
Подожди, мой шкиперъ	» <i>Л. А. Мей.</i>	24
Рядъ руинъ и горь глядится	» <i>А. Л. Шкаффа.</i>	24
Сначала страдалъ я жестоко	» <i>П. И. Вейнберга.</i>	25
Чапарисами, вязями розъ	» <i>А. Л. Шкаффа.</i>	25

III. Романы.

Печальный	Перев. <i>П. Н. Краснова.</i>	26
Горный голосъ	» <i>П. В. Ыкова.</i>	26
Два брата	» <i>А. И. Мейснера.</i>	27

	СТР.
Бѣдный Петръ	Перев. <i>Н. П. Грекова.</i> 28
Пѣсня узника	» <i>П. В. Быкова.</i> 29
Гренадеры	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 29
Вѣстникъ	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 30
Похищеніе	» <i>И. Семенова.</i> 31
Донъ Рамиро	» <i>А. Я. Мейсера.</i> 31
Валтасаръ	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 35
Минезингеры	» <i>И. Семенова.</i> 37
Изъ окна	» <i>П. Н. Краснова.</i> 37
Раненый рыцарь	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 38
Отплытіе	» <i>Г. Г. Ясинскаго.</i> 38
Пѣсенка о раскаяніи	» <i>И. Семенова.</i> 38
Пѣвицѣ	» » 40
Пѣсня о червонцахъ	» <i>П. В. Быкова.</i> 41
Разговоръ въ Падерборнской степи	» <i>А. Н. Плещеева.</i> 41
Житейскій привѣтъ	» <i>И. Семенова.</i> 43
Воистину такъ	» » 43

IV. Сonetы.

<i>А. В. фонъ-Шлегелю</i>	Перев. <i>Д. Д. Минсва.</i>	44
<i>Моей матери Б. Гейне.</i>		
Я родился съ упрямою головою	» <i>Ө. Б. Миллера.</i>	44
Была пора—въ безумномъ ослѣплёны	» »	45
<i>Г. Стр.</i>	» <i>И. Семенова.</i>	45
<i>Фреско-сонеты Христіану С.</i>		
Предъ истуканами	» <i>А. П. Линдсгернъ.</i>	45
Дай маску мнѣ	» »	46
Мнѣ такъ смѣшны глупцы	» »	46
Засѣла сказочка въ мозгу моемъ	» »	47
По вечерамъ, въ часы печальныхъ	» <i>В. С. Лизгачева.</i>	47
Разстались мы	» »	48
Улыбкѣ злой не вѣрь, мой другъ	» »	48
Не разъ, мой другъ, ты видѣла	» »	48
Хотѣлъ бы плакать я	» <i>П. И. Вейнберга.</i>	49

Лирическое интермеццо.

Прологъ	Перев. <i>Ө. Б. Миллера.</i>	50
Въ чудеснѣйшемъ мѣсяцѣ маѣ	» <i>П. И. Вейнберга.</i>	51
Изъ слезъ моихъ выходитъ много	» »	51
Лилею и розу	» »	52
Когда въ глаза твои смотрю я	» »	52
Твой образъ милый	» »	52
Своей щекой прильни ко мнѣ	» »	52
Хочу я въ чашечку лилеи	» »	52
Неподвижныя отъ вѣка	» »	53
Умчу на крылахъ дѣсноуѣтній	» »	53
Предъ солнцемъ роскошнымъ склонилась	» »	54
Волны Рейна, рѣки этой чудной	» »	54
Ты не любишь меня	» »	54
О, не кланись, цѣлуй меня!	» »	54
На глазки милой, ненаглядной	» »	55
Люди глупы, люди слѣпы	» »	55
Объясни мнѣ, дорогая	» »	55

	стр.
Какъ изъ цѣны волнъ рожденная	56
Я не сержусь	56
Да, ты страдальца	56
Слышны звуки флейтъ и скрипокъ	57
Итакъ, ты совсѣмъ и навѣки забыла	57
Если-бъ знали малютки цвѣточки	57
Отчего, скажи мнѣ, милая	57
Они тебѣ сказали много	58
Цыпно липа цвѣла	58
Мы долго и много другъ друга любилн	59
Ты мнѣ долго вѣрной оставалась	59
Земля такъ долго скаредна была	59
И между тѣмъ, какъ я такъ долго медлилъ тамъ	60
Глазокъ синія фіалки	60
Природа прекрасна	60
Когда ты въ суровой мантии	60
На сѣверной, голой вершинѣ	61
Ахъ, будь я скамеечкой тою	61
Съ той поры, какъ съ милою простился	61
Изъ великихъ страданій слагаю	62
Филистеры, въ праздничныхъ платьяхъ	62
Картины дней давно забытыхъ	62
Любить юноша дѣвицу	63
Чуть только я пѣсню услышу	63
Мнѣ спилось царское дитя	64
Моя дорогая, сидѣли	64
Изъ сказокъ позабытыхъ что-то	64
Тебя любилъ я, и люблю теперь	65
Въ блестящее лѣтнее утро	65
Любовь моя свѣтитъ, блистаетъ	65
Они меня терзали много	66
На твоихъ прекрасныхъ щечкахъ	66
Когда разлучаются двое	66
Отравлены мои всѣ пѣсни	66
И медленно ѣду въ телѣгѣ	67
Плакалъ я во снѣ	67
Во снѣ я ночь каждую вижу	67
Дождь осенній льется	68
Вѣтви гнѣтъ осенній вѣтеръ	68
Съ вышины своей блестящей	69
Полночь была нѣма и холодна	69
Зарыть на дальнемъ перекресткѣ	69
Ночь глаза мои давила	69
За часемъ, компаньей обычною	71
Мой старый сонъ привидѣлся мнѣ вновь	71
Стою я наверху горы	72
Гдѣ-бъ я ни былъ, меня окружасть	72
Въ гигантскій замокъ я внесенъ былъ	72
Пѣсни старыя, дурныя	73

Снова на родинѣ.

Долго въ этой жизни темной Перев. А. Н. Плещева. 74

	СТР.
Что бы значило такое	Перев. П. И. Вейнберга. 74
Не радуетъ вешнее солнце	» М. Л. Михайлова. 75
По лѣсу брожу я и плачу	» Л. А. Мея. 76
Сырая и бурная полночь	» П. В. Быкова. 76
Когда по дорогѣ, случайно	» А. А. Фета. 76
У входа въ рыбацью лачужку	» А. Н. Плещеева. 77
Привяжи, душа-рыбачка	» М. Л. Михайлова. 78
Мѣсяцъ взошелъ, обливаетъ	» П. И. Вейнберга. 78
Вихорь смерчи водяные	» М. Л. Михайлова. 79
Буря поетъ плюсовую	» » 79
Прохлады живительной полный	» О. Б. Миллера. 79
Когда мимо этого дома	» Н. А. Боровиковскаго. 80
Широкое море блестяло	» П. И. Вейнберга. 81
На горѣ высокій замокъ	» » 81
На дальнемъ горизонтѣ	» М. Л. Михайлова. 82
Привѣтъ тебѣ, громадный городъ	» А. Я. Мейснера. 82
Дорогою старой плетусь я опять	» П. В. Быкова. 83
Я вошелъ подъ своды галлерей	» П. И. Вейнберга. 83
Пусты улицы всѣ	» » 83
Какъ ты можешь спать спокойно	» » 83
Дѣвица уснула въ свѣтлицѣ	» О. Б. Миллера. 84
Объятый туманными снами	» М. Л. Михайлова. 84
О, я, несчастный Атлант!	» П. И. Вейнберга. 85
Нисходитъ во гробъ поколѣнья	» А. А. Фета. 85
Мнѣ снилось: печально свѣтила луна	» П. И. Вейнберга. 85
Что нужно слезѣ одинокой	» » 85
Свѣозъ облака мѣсяцъ осенній	» М. Л. Михайлова. 86
Снѣжная изморозь, вѣтеръ	» » 87
Всѣ думаютъ, что я грущу	» Д. Д. Минаева. 87
Каждый твой лилейный палецъ	» П. И. Вейнберга. 88
Неужели ты ни разу	» » 88
Они любили другъ друга	» А. А. Фета. 88
Когда я вамъ вѣрчалъ	» Н. А. Добролюбова. 89
Позвалъ я чорта—онъ пришелъ	» П. И. Вейнберга. 89
Человѣкъ, о, не смѣйся надъ чорточъ	» » 89
Съ востока брели три святые волхва	» Д. Д. Минаева. 90
Дятя мое, поминишь, какъ были	» Н. М-ва. 90
Порой взгрустнется мнѣ повольно	» А. Б. 91
Какъ луна, свѣтя во мракѣ	» А. А. Фета. 91
Во снѣ я милую видѣлъ	» » 92
Ахъ, пѣсно старую, другъ милый	» Д. Д. Минаева. 93
Не сердитесь въ нетерпѣнны	» Н. А. Добролюбова. 93
Довольно! Пора мнѣ забыть	» Гр. А. К. Толстого. 93
Былъ нѣкогда царь Висвамित्रа	» Д. Д. Минаева. 94
Полно сердцѣ! Что съ тобой	» М. Л. Михайлова. 94
Ты, какъ цвѣтокъ благоуханный	» П. И. Вейнберга. 94
Дитя, мнѣ страшна твоя гибель	» Д. Д. Минаева. 94
Лежу ли я безсонною ночью	» М. Л. Михайлова. 95
О твоихъ пурпурныхъ губкахъ	» А. Л. Шкаффа. 95
Пусть на землю снѣгъ валится	» М. Л. Михайлова. 95
Иные молятся Мадоннѣ	» В. В. Крестовскаго. 95
Ужели въ моихъ поблѣднѣвшихъ чертахъ	» М. Н. Шелгунова. 96
Другъ любезный! Ты влюбился	» Н. А. Добролюбова. 96

	СТР.
Съ тобою мнѣ побыть хотѣлось . . .	Перев. <i>А. Н. Плещева.</i> 96
Твои глаза — сафиры	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 97
Притворными любовными рѣчами . . .	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 97
Ужъ слишкомъ отрывочна жизнь . . .	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 97
Я голову ломалъ и дни, и ночи	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 98
Сегодня у васъ вечеринка	» <i>Л. А. Мея.</i> 98
Хотѣлъ бы въ единое слово	» » 98
У тебя есть алмазы и жемчугъ	» <i>Н. А. Добролюбова.</i> 99
Тотъ, кто любить въ первый разъ . . .	» <i>П. В. Быкова.</i> 99
Они давали мнѣ совѣты	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 99
Что за юноша милѣйшій	» <i>И. Я. Лебедева.</i> 100
Мнѣ снилось, что я—самъ Зевесъ . . .	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 100
Разстался съ вами я	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 102
Отъ милыхъ устъ твоихъ	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 102
Въ почтовой каретѣ съ тобою	» <i>М. Н. Шелунова.</i> 102
Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась	» <i>Н. А. Добролюбова.</i> 10?
Какъ сны полунощные	» <i>Ө. Б. Миллера.</i> 103
Какъ только ты станешь моею женой .	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 103
Къ тебѣ на лилейныя плечи	» » 103
Трубить голубые гусары	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 104
Я и самъ въ былые годы	» <i>Л. А. Мея.</i> 104
Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ раз- сердилась	» <i>Н. А. Добролюбова.</i> 104
Ах! опять все тѣ же глазки	» <i>А. А. Фета.</i> 105
Меня въ рѣдко понимали	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 105
Разгнѣвались кастраты	» » 105
По бульварамъ Саламанки	» <i>А. А. Фета.</i> 106
Донъ Энрико, что «красавцемъ» . . .	» <i>М. Н. Шелунова.</i> 106
Едва мы увидѣлись	» <i>П. Н. Краснова.</i> 106
Солнце ужъ поднялось надъ горами .	» <i>Н. А. Добролюбова.</i> 107
На площади средь Галлэ	» <i>П. Н. Краснова.</i> 107
Гаснетъ лѣтній вечеръ	» <i>П. В. Быкова.</i> 107
Покровомъ ночи чуждый путь одѣтъ .	» <i>Н. М—ва.</i> 108
Смерть—прохладной ночи тѣнь . . .	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 108
Гдѣ, скажи, твоя подруга	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 108
Сумерки боговъ	» » 109
Ратклиффъ	» » 111
Донья Клара	» <i>Ө. Б. Миллера.</i> 114
Алманзоръ	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 116
Пилигримство въ Кевлааръ	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 120

Путешествіе на Гарцъ.

Прологъ	Перев. <i>П. И. Вейнберга.</i> 123
Горная идиллія	» » 124
Мальчикъ-пастухъ	» » 129
На Брокенѣ	» » 130
Ильза	» » 130

Сѣверное море.

Цикль первый.	
Вѣнчаніе	Перев. <i>П. И. Вейнберга.</i> 132
Сумерки	» » 133

	СТР.
Закат солнца	Перев. <i>М. Л. Михайлова.</i> 133
Ночь на берегу	» <i>М. В. Прахова.</i> 135
Посейдонъ	» » 137
Признаніе	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 138
Ночью въ каютѣ	» » 139
Буря	» » 141
Морская типъ	» <i>М. В. Прахова.</i> 142
Морское видѣніе	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 143
Очищеніе	» » 145
Миръ	» <i>М. В. Прахова.</i> 145
Цикль второй.	
Привѣтъ морю	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 147
Гроза	» <i>М. В. Прахова.</i> 148
Послѣ кораблекрушенія	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 149
Закатъ солнца	» <i>М. В. Прахова.</i> 150
Пѣснь Океаниды	» » 152
Боги Греціи	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 154
Вопросы	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 156
Фениксъ	» <i>М. В. Прахова.</i> 157
Морская болѣзнь	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 158
Въ пристани	» <i>М. В. Прахова.</i> 160
Эпизодъ	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 161

Новыя стихотворенія.

Предисловіе	165
-----------------------	-----

Новая весна.

Прологъ	Перев. <i>П. И. Вейнберга.</i> 167
Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 167
Снова роща зеленѣетъ	» » 168
Прекрасные глаза весенней ночи	» » 168
Люблю я цвѣтокъ	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 168
Вернулась весна молодая	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 169
Тихо лютятъ въ душу звуки	» » 169
Въ красавицу-розу влюбленъ мотылекъ	» <i>П. В. Быкова.</i> 169
Громко заплѣли деревья	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 170
Вначалѣ былъ въ модѣ одинъ соловей	» » 170
Теплой весеннею ночью	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 171
Все грозитъ бѣдою	» » 171
Слезъ любви и тихой скорби	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 171
Синіе глазки весны	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 171
Если ты пройдешь	» <i>П. В. Быкова.</i> 172
Въ мечтаньяхъ глядитъ водяная лилея	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 172
Если зорекъ твой глазъ	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 172
Зачѣмъ вѣшней ночью шатаешься ты	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 173
Когда голубыми глазами	» <i>О. Н. Бера.</i> 173
Злоба мрачная угасла	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 173
Пахуча роза, да—но чувствуетъ она	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 174
Люблю тебя сильно	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 174
Брожу я въ саду межъ цвѣтами	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 174
Какъ трещетъ, отражаясь	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 175
Священный союзъ заключили	» » 175
Скажи мнѣ, кто первый часъ избрѣлъ	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 175

	СТР.
Чудный запахъ льють гвоздики . . .	Перев. <i>А. Л. Шкаффа.</i> 175
Мнѣ ужь снилось это счастье . . .	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 176
Поцѣлуй, что мы крадемъ	» » 176
Былъ парь; его сердце остыло. . .	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 177
Въ моей памяти всплыли картины .	» » 177
Луннымъ свѣтомъ уносный	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 177
Разъ въ лѣсу, при лунномъ свѣтѣ .	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 178
Я утrophъ тебѣ посылаю	» » 178
Письмо, что мнѣ ты написала . . .	» <i>А. Н. Плещеева.</i> 179
Не страшись—скрывать отъ свѣта .	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 179
Дни мои и даже ночи.	» » 179
Звѣзды ножками златыми	» » 180
Весна грустить	» » 180
Вновь съ сердцемъ тѣмъ.	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 180
Расцвѣтають желанія въ сердцѣ . .	» <i>А. Н. Плещеева.</i> 181
Небо старцемъ красноглазымъ. . .	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 181
Угрюмъ и золь, съ остывшею душою	» » 181
На горы и доли, какъ сонъ.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 182
Каждый день это сѣрое небо! . . .	» » 182

Разныя.

Серафина.

Въ тихій лѣсъ, погрузившійся въ грѣзы	Перев. <i>П. И. Вейнберга.</i> 183
Ночь сопла на берегъ моря	» » 183
Я вижу: то бѣлая чайка.	» » 184
Что меня ты любила, то звалъ я . .	» » 184
Близъ насъ любопытная чайка. . . .	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 184
Легче серны и пугливѣй.	» <i>А. Н. Плещеева.</i> 185
Мы здѣсь построимъ на скалѣ	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 185
Ночь лежитъ на темномъ морѣ	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 186
Чудеса! Любовь и поцѣлуй	» » 186
Стояла барышня у моря.	» » 187
На черныхъ парусахъ корабль. . . .	» » 187
Какъ ты гнусно поступала	» » 187
Гудять бунующія волны.	» <i>М. В. Прахова.</i> 187
Изъ волнъ выступаетъ высокій гранитъ	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 188
Все море, братья, въ часъ заката . .	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 188

Анжелика.

Въ день небесной благодати	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 188
Ты быстро шла, но предо мною . .	» <i>А. Н. Майкова.</i> 189
Нѣтъ, красавица, не вѣрю	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 189
Я ее цѣлую въ губы	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 189
Когда я въ твоихъ сладострастныхъ объятяхъ.	» <i>А. Мантейфеля.</i> 190
Между тѣмъ, какъ я, блуждая. . . .	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 190
Конечно, ты мой идеаль.	» <i>А. Н. Плещеева.</i> 190
Не прогоняй меня.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 191
Эта маслянища страсти	» <i>А. Я. Мейснера.</i> 191

Диана.

Колоссальной женственности члены.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 192
У Бискайскаго залива	» » 192
Иногда, когда я въ гости	» » 192

	СТР.
Гортензія.	
Всѣ поцѣлуй женскихъ губокъ.	Перев. П. И. Вейнберга. 193
На углу сошлись мы съ нею	» » 193
Погруженъ ли днемъ я въ грѣзы	» И. Я. Лебедева. 193
Посрединѣ сада яблонь	» А. Я. Мейснера. 194
Арфу для мелодій новыхъ	» О. Н. Чюминой. 194
Не долгогъ счастья былъ обманъ	» » 195
Клариса.	
На любовное признанье	» » 195
Гдѣ-бъ ни шла ты, я повсюду	» А. Я. Мейснера. 195
Чортъ возьми твою мамашу	» » 196
Не ходи по переулку	» » 196
Твоя улыбка опоздала	» » 196
Юланта и Марія.	
Эти барышни поэтамъ	» П. И. Вейнберга. 197
Въ которую изъ двухъ влюбиться	» О. Н. Чюминой. 197
Бутылки всѣ пусты	» А. Я. Мейснера. 197
Юность быстро исчезаетъ	» » 198
Эмма.	
Какъ дубъ, стоитъ онъ годы	» » 198
Сутки ждать я долженъ счастья	» О. Н. Чюминой. 198
Мѣсяцъ тянется любовь	» П. В. Быкова. 199
Эмма, правду безъ раздумья	» » 199
Быть съ тобою—свыше силы	» О. Н. Чюминой. 199
Она ползеть къ намъ, ночь нѣмая	» А. Н. Плещеева. 200
Тангейзеръ (легенда)	» А. Я. Мейснера. 200
Пѣсни о миротвореніи	» П. И. Вейнберга. 206
Фридерика.	
Оставь Берлинъ	» О. Н. Чюминой. 209
Струится Гангъ. Разумными очами	» » 209
Струится Гангъ и плещеть	» » 209
Катарина.	
Прекрасная звѣзда взопла	» П. И. Вейнберга. 210
Хотите, я представлю васъ?	» О. Н. Чюминой. 210
Какъ Мерлинъ, я обреченъ	» » 211
Въ объятіяхъ моихъ ты у сердца	» » 211
Плѣнень я черною кошой	» » 212
Явилась юная весна	» » 212
Мнѣ недавно сонъ приснился	» А. Я. Мейснера. 213
На лѣтній праздникъ всѣ съ собою	» » 214
Такъ долго, будто безсловесень	» » 214
На чужбинѣ.	
Изъ края въ край твой путь лежитъ	» М. Л. Михайлова. 215
Давно тебя въ такой тоскѣ	» О. Н. Чюминой. 215
Имѣлъ я нѣкогда прекрасный край родной	» П. И. Вейнберга. 216
Трагедія.	
Бѣги со мной! Будь мнѣ женой!	» М. Л. Михайлова. 216
На поляну иней палъ	» » 217
Липа ихъ могилу тѣнью покрываетъ	» » 217
Романсы.	
Женщина	» » 218

	Перев.	СТР.
Праздникъ весны	Л. А. Мей.	218
Чайльдъ-Гарольдъ	» А. Я. Мейснера.	219
Заклинаніе	» А. Л. Шкаффа.	219
Аппо 1829.	» А. Н. Плещеева.	220
Аппо 1839.	» П. И. Вейнберга.	221
Рано утромъ	» А. Я. Мейснера.	222
Рыцарь Олафъ	» М. Л. Михайлова.	222
Русалки	» А. Я. Мейснера.	224
Изъ одного письма	» П. И. Вейнберга.	225
Несчастливая доля	» »	226
Бертранъ де-Борнъ	» »	227
Весна	» »	227
Али-Бей	» А. Я. Мейснера.	228
Психея	» »	228
Незнакомка	» »	229
Смѣна	» »	230
Фортуна	» »	230
Сѣтованіе старонѣмецкаго юноши	» П. И. Вейнберга.	231
Оставь меня!	» »	231
Метта	» А. Н. Плещеева.	232
Встрѣча	» А. Я. Мейснера.	233
Король Гаральдъ Гарфагаръ	» »	234
Подземный міръ	» О. Б. Миллера.	235
Къ олеа.		
Родословная мула	» Ф. В. Вишневаго (Чернышова).	239
Символика безсмыслицы	» Д. Д. Минаева.	240
Тщеславіе	» А. Н. Плещеева.	242
Странствуй!	» А. Н. Плещеева.	242
Зима	» Д. Д. Минаева.	243
Старая пѣсня у камина	» А. Н. Плещеева.	243
Душевное томленіе	» Д. Д. Минаева.	244
Елена	» М. Н. Шелмунова.	245
Умныя звѣзды	» П. И. Вейнберга.	245
Ангелы	» Д. Д. Минаева.	245
Современныя стихотворенія.		
Доктрина	Перев. П. И. Вейнберга.	247
Изгнанный изъ Эдема	» А. Я. Мейснера.	247
Предостереженіе	» П. И. Вейнберга.	248
Бышему гётеанцу	» Д. Д. Минаева.	248
Тайна	» П. И. Вейнберга.	249
На прибытіе «Ночного сторожа» въ Парижъ	» Д. Д. Минаева.	249
Гамбургъ-мажоръ	» А. Н. Плещеева.	250
Испорченность	» П. И. Вейнберга.	252
Генрихъ	» »	253
Житское плаванье	» Д. Д. Минаева.	253
Новый израильскій госпиталь въ Гамбургъ	» »	254
Георгу Гервегу	» »	255
Тенденція	» »	255
Ребенокъ	» »	256

	СТР.
Общаніе	Перев. <i>И. И. Вейнберга.</i> 257
Подкидышь	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 257
Китайскій богдыханъ	» <i>И. И. Вейнберга.</i> 258
Церковный совѣтникъ Прометеусъ	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 259
Ночному сторожу	» » 259
Для успокоенія	» » 260
Миръ навыворотъ	» » 261
Просвѣтленіе	» <i>И. И. Вейнберга.</i> 262
Только погодите	» <i>А. Л. Мейснера.</i> 262
Ночныя мысли	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 263

Романцero.

Книга первая. **Исторія.**

Рампсенить	Перев. <i>В. Д. Костомарова.</i> 267
Бѣлый слонъ	» » 269
Шельмъ фонъ-Бергенъ	» » 274
Валкрий	» » 275
Гастингское поле битвы	» <i>Д. Л. Михаловскаго.</i> 276
Карлъ I	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 279
Марія Антуанета	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 280
Помаре	» <i>Л. А. Мся.</i> 282
Аполлонъ	» » 284
Маленькій народецъ	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 288
Два рыцаря	» » 289
Золотой телецъ	» » 291
Царь Давидъ	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 291
Король Ричардъ	» <i>И. И. Вейнберга.</i> 292
Азра	» » 292
Невѣсты неба	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 293
Пфальцграфиня Ютта	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 294
Мавританскій король	» <i>Л. А. Мся.</i> 295
Жофруа Рудель и Мелисанда Три- полисъ	» <i>В. Д. Костомарова</i> 296
Поэтъ Фирдуси	» <i>Л. А. Мся.</i> 298
Ночная побѣдка	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 303
Видлипуцци	» » 304

Книга вторая. **Сѣтованія.**

Испанскіе Атриды	Перев. <i>В. Д. Костомарова.</i> 321
Лѣсное уединеніе	» <i>Л. А. Мся.</i> 329
Эксъ-живой	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 333
Эксъ-ночной стражъ	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 333
Платениды	» » 337
Миеология	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 337
Матильдъ въ альбомъ	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 338
Молодымъ	» <i>И. И. Вейнберга.</i> 338
Невѣрующій	» » 338
Katzen-Jammer	» <i>Д. Д. Минасва.</i> 339
Домашнее счастье	» <i>И. И. Вейнберга.</i> 339
Теперь куда ?	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 339
Старая пѣсня	» <i>И. А. Гриневской.</i> 340

	СТР.
Солидность	Перев. <i>В. Д. Костомарова.</i> 341
Старая роза	» » 342
Ауто-да-фе.	» » 342
Лазарь.	
Ходъ жизни	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 343
Оглядка назадъ	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 343
Возстаніе изъ мертвыхъ	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 344
Умирающій	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 345
Голь	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 345
Воспоминаніе.	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 345
Несовершенство.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 346
Набожное предостереженіе.	» <i>В. Д. Костомарова.</i> 347
Охлажденный.	» » 347
Соломонъ	» » 348
Погибшія надежды.	» » 348
Поминки	» » 349
Свиданіе послѣ разлуки	» » 350
Бабушка — забота	» <i>А. Л. Шкаффа.</i> 351
Къ ангеламъ	» <i>Ф. Н. Берга.</i> 351
Въ октябрѣ 1849 года	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 352
Злые сны	» <i>Ф. Н. Берга.</i> 354
Потухла.	» <i>А. Н. Плисева.</i> 354
Завѣщаніе.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 355
Enfant perdu.	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 355
Книга третья. Еврейскія мелодіи.	
Принцесса Шабашъ	Перев. <i>А. Н. Майкова.</i> 357
Іегуда бенъ-Галови.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 361
Примѣчанія къ V тому	386

